

В.С. ГРИГОРЬЕВА

**ДИСКУРС КАК ЭЛЕМЕНТ
КОММУНИКАТИВНОГО ПРОЦЕССА:
ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И
КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ**

• ИЗДАТЕЛЬСТВО ТГТУ •

УДК 81.42
ББК Ш100
Г834

Р е ц е н з е н т ы:

Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка ТГУ им. Г.Р. Державина

А.Л. Шарандин

Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка ТГТУ

И.М. Попова

Григорьева, В.С.

Г834 Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты : монография / В.С. Григорьева. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 288 с. – 500 экз. – ISBN 5-8265-0609-1 (978-5-8265-0609-7).

Рассмотрены вопросы, связанные с изучением речевого взаимодействия. Основное внимание уделено анализу дискурса как лингвистической единицы, репрезентирующей речевое общение, его прагмалингвистической и когнитивной организации. В соответствии с макроинтенцией говорящего выделены четыре типа речевых коммуникаций и, соответственно, опосредующих их дискурсов: аргументативная, информационная, экспрессивная и социально-ритуальная. Выделенные дискурсивные типы анализируются с точки зрения составляющих их иллокутивных актов и языковых средств, манифестирующих выявленные речевые акты на поверхностном уровне.

Предназначена для студентов лингвистических факультетов вузов, аспирантов и преподавателей, работающих над проблемами теории коммуникации.

УДК 81.42
ББК Ш100

ISBN 5-8265-0609-1 © ГОУ ВПО "Тамбовский государственный
(978-5-8265-0609-7) технический университет" (ТГТУ), 2007

Министерство образования и науки Российской Федерации

ГОУ ВПО "ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ"

В.С. ГРИГОРЬЕВА

**ДИСКУРС КАК ЭЛЕМЕНТ
КОММУНИКАТИВНОГО ПРОЦЕССА:
ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И
КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ**

Монография

*Рекомендовано к изданию Научно-техническим советом ТГТУ
по направлению: "Теория и методология литературоведения и
языкознания"*

*Тамбов
Издательство ТГТУ
2007*

Научное издание

ГРИГОРЬЕВА Валентина Сергеевна

**ДИСКУРС КАК ЭЛЕМЕНТ
КОММУНИКАТИВНОГО ПРОЦЕССА:
ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И
КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ**

Монография

Редактор Е.С. Мордасова

Инженер по компьютерному макетированию М.Н. Рыжкова

Подписано в печать 20.06.2007

Формат 60 × 84/16. 16,74 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 431

Издательско-полиграфический центр

Тамбовского государственного технического университета
392000, Тамбов, Советская, 106, к. 14

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава I. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ДЕФИНИЦИИ И МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ЕДИНИЦ РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	10
1.1. Анализ дискурса, разговорный анализ, диалог	10
1.2. История изучения речевого взаимодействия	20
1.3. Методологические основы исследования речевого взаимодействия	27
Выводы по главе I	39
Глава II. ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	41
2.1. Знаковый характер дискурса	41
2.2. Универсальные черты дискурса	45
2.3. Принципы построения дискурсивных образований	48
2.4. Типология дискурса и виды речевого общения	52
2.5. Структурные компоненты, уровни дискурса	72
2.6. Структурно-семантические, грамматические связи в дискурсе	87
2.7. Тематическая композиция дискурса	98
Выводы по главе II	110
Глава III. КОНВЕРСАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ И ДИСКУРСИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИЛЛОКУТИВНЫХ ТИПОВ РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	113
3.1. Дискурсивные фазы и их структурирование	113
3.2. Аргументативный дискурс	125
3.2.1. "Убеждение" как речевая стратегия аргументативного дискурса	135
3.2.2. "Утверждение" как речевая тактика аргументативного дискурса	140
3.2.3. "Предложение" и "совет" как речевые тактики аргументативного дискурса	151
3.2.4. "Предупреждение" и "угроза" как речевые тактики аргументативного дискурса	159
3.2.5. "Просьба" и "требование" как речевые тактики аргументативного дискурса	165
3.3. Информационный дискурс	169
3.3.1. "Утверждение" как речевая тактика информационного дискурса	174
3.3.2. "Вопрос" как речевая тактика информационного дискурса	176
3.4. Экспрессивный дискурс	185
3.5. Социально-ритуальный дискурс	188
3.5.1. Структивы в дискурсе	192
3.5.1.1. Роль структивов в тематической организации дискурса	198
3.5.1.2. Роль структивов в интенциональной организации дискурса	208
3.5.1.3. Роль структивов в членении дискурса и речевых вкладов	217
3.5.1.4. Роль структивов в обеспечении рефлексии	221
Выводы по главе III	224
Глава IV. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ, ЭТНИЧЕСКИЕ И МЕНТАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ В ДИСКУРСЕ	228
4.1. Дискурсивные характеристики личности	228
4.2. Этнические особенности дискурсивных типов	231
4.3. Ментальность как один из аспектов дискурсивной	238

рефлексии	
Выводы по главе IV	243
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	244
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ...	249
СПИСОК СЛОВАРЕЙ	274
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ...	275
ПРИЛОЖЕНИЯ	278

ВВЕДЕНИЕ

Состояние языковедческой науки за последнее столетие характеризуется бурным развитием и сменой аспектов, попадающих в центр лингвистических исследований. Начиная с середины XIX века языковеды пытались выявить законы языка по образцу естественно-научных и логико-математических дисциплин. Центром изучения лингвистов стал язык как система знаний, включающая лингвистический тезаурус, грамматические и фонетические законы построения языковых единиц в синхроническом и диахроническом планах.

Таксономический подход, предполагающий анатомирование языка, способствовал возникновению и развитию структурных дисциплин: грамматики, типологии, компаративной грамматики, экспериментальной фонологии, трансформационной грамматики и т.п. Однако исследование отдельных признаков и сведение их в классы, системы, так называемое сциентистское языкознание, не указывало на то, как использовать эту систему знаний в практике общения индивидуумов.

Во второй половине прошлого столетия академическая наука, занятая изучением языков, осознала, что изучаемый ею язык есть фактически некая научная абстракция или фикция, не имеющая прямого отношения к реальным процессам коммуникации. Изучение законов о языке не затрагивало пользователей языка. Отсутствие правил использования накопленных знаний о языке привело к возникновению функциональных дисциплин, ориентированных на человеческий фактор. Включение в научную парадигму производителей языковых единиц, различных параметров речевых ситуаций способствовало развитию теории коммуникации и речевого взаимодействия, что обусловило возникновение новых направлений в лингвистике (теории речевых актов, теории текста, теории высказывания, теории дискурса), новых объектов исследования, новой языковой единицы – дискурса. С появлением коммуникативно-функциональных или коммуникативно-прагматических моделей были введены многие новые понятия, в частности, речевое действие, речевой акт и его структура, коммуникативная интенция, иллюкуция, прагматическая функция высказывания, коммуникативная и языковая компетенция, перформативные высказывания и др. Человек как субъект языкового общения, творец и "пользователь" языка становится одним из центральных аспектов коммуникативно-прагматического языкознания, получившего приоритет за последние тридцать лет.

На изучение языкового общения оказали влияние такие направления в науке, как психология, философия, логика, культурология, этнография, эстетика, семиотика, герменевтика и др. При этом резкой критике подвергались идеи Фердинанда де Соссюра и Ноэма Хомского, внесших большой вклад в развитие теоретического языкознания прошлого века. Следует, однако, заметить, что уже в то время особое внимание уделялось лингвистике речи, что обосновывается в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ, Л.В. Щербы, Р.О. Якобсона, Л.П. Якубинского, В.Н. Волошинова, М.М. Бахтина и др., выступавших за широкое понимание языка, опирающееся на культурно-деятельностное и социально-психологическое его представление, восходящее к идеям В. фон Гумбольдта и А.А. Потебни. Для коммуникативно-прагматического языкознания недостаточно знаний о языке, оно стремится к пониманию и исследованию коммуникативных процессов, где учитываются такие факторы, как время и место протекания коммуникативного акта, возраст и социальный статус его участников, намерения и мотивы языковых действий и др.

При коммуникации люди сталкиваются с одной и той же проблемой, – проблемой координации общения [см.: Lewis 1969: 50]. Координация их действий, включая речевые действия, требует наличия взаимно приемлемой рекуррентной регулирующей системы, которой следуют обе стороны или, по крайней мере, должны пытаться ей следовать. "В разговорной практике эта регулирующая система ощущается часто как фарватер, в котором стороны могут более или менее постоянно плыть под парусами, не опасаясь серьезных аварий. Но на самом деле возможны определенные отклонения от коммуникативного фарватера" [Аристов 1999а: 9]. Рекурсивность правил общения позволяет прогнозировать диалог и управлять им. Таким образом, в фокус лингвистических исследований выдвигается диалог как способ языкового общения людей, обязательным признаком которого является смена коммуникативных ролей. Такой подход к анализу речевого общения выводит лингвистику за рамки изучения языковых и речевых проблем к проблемам общения как "коммуникативно-социальной деятельности по обмену разного рода информацией, т.е. как сообщение адресанта адресату некоего (информативного и фатического) содержания для воздействия на его интеллектуальную и/или эмоциональную сферу, регулирования практических и ментальных действий, согласования речевых (и неречевых) поступков, деятельности и отношений – ради достижения желаемого результата" [Формановская 2000б: 56].

К мотивирующим общественным целям изучения особенностей коммуникативного процесса следует отнести потребности юридических и физических лиц, менеджмента (в политической и профессиональной сфере) в продуктивном, эффективном общении. Этим обусловлен также возросший интерес к риторике. Однако в отличие от традиционной риторики объектом изучения в теории дискурса является не речь отдельного лица, а дискурсивная риторика, риторика беседы. Успешная профессиональная деятельность большинства специальностей во многом определяется правильной, компетентной организацией деловых отношений, что в свою очередь зависит от грамотной организации, понимания и управления речевой деятельностью. Необходимо развивать навыки понимания и управления диалогом, что является базовой квалификацией для большинства заинтересованных профессий. Научить участвовать в процессах общения, понимать их, влиять на ход ведения беседы – одна из труднейших задач обучения коммуникативной компетенции. Осознание роли речевой деятельности как ведущего начала общественного развития обусловило возникновение конверсационного анализа как прикладной науки. Так, например, в Германии растет число лингвистов, специалистов в области делового общения, работающих на предприятиях, в управлениях, в медицинских учреждениях и т.п. Их цель – научить правильному, эффективному общению в сфере деловой коммуникации. В Америке в 1914 г. основана Ассоциация преподавателей ораторского искусства. В настоящее время она называется "Ассоциация речевого общения" (Speech Communication Association – SCA). В рамках SCA в США развернута обширная образовательная программа, в соответствии с которой в учебных заведениях открыты факультеты и кафедры для обучения коммуникации применительно ко всем сферам социальной практики – принятие управленческих решений, правовое регулирование, деловая жизнь, реклама, маркетинг [см.: Toward the Twenty-First Century: The Future of Speech Communication 1995]. Соединение теории речевой деятельности и практики в Японии дало возможность говорить о теории "языкового существования". Речевая деятельность была истолкована как единственная среда бытия общественного человека. Развитие этой среды в целом, нахо-

ждение в этой среде и успешное пользование ею рассматривается как критерий успеха человека и общества [Рождественский 1997: 92]. В качестве отдельных составляющих "языкового существования" выделяются этикетные формы общения, развитие языкового образования на основе слияния научных знаний с языковыми, усовершенствование языка общения, рекомендации речедеятелям, создание предпосылок для речевого искусства всей массы речедеятелей. Представители той или иной области теоретической и прикладной деятельности нередко заинтересованы в получении от лингвистов достаточно полной информации об использовании языка в их специфической сфере и о специфике тех текстов, с которыми им приходится иметь дело. Так, не подлежит сомнению необходимость исследовать с позиций лингвистики то, как функционирует язык в устах психотерапевта, менеджера, преподавателя в коммуникативном пространстве психотерапевтической, коммерческой, учебной деятельности, как может быть обеспечено максимально эффективное применение языка в профессиональной специфической коммуникации. Исследования в этой области вносят большой вклад в проблему организации коммуникации, изучения коммуникативных технологий, в организацию социокультурной жизни и пр. Решая эти прикладные задачи, лингвистика, естественно, обогащает свои теоретические представления о речи как инструменте влияния на собеседника и о человеке как субъекте речевой деятельности.

Данная работа выполнена в рамках когнитивно-коммуникативного анализа дискурса. Объектом изучения в настоящей работе стал дискурс как процесс диалогической продукции, по меньшей мере, двух авторов. "Анализ дискурса воплотил общую направленность исследования на многостороннее, комплексное изучение сложного многомерного объекта – языкового общения" [Макаров 1998: 8]. В этой связи особое внимание к себе привлекает микросхема коммуникативных интенций участников речевого общения, определяющих иллокутивную силу и перлокутивный эффект. Главными, подлежащими рассмотрению, вопросами явились выделение дискурсивных типов с точки зрения направленности коммуникативных действий в разговоре, структурная организация дискурса, речеактовая наполняемость аргументативного, информационного, экспрессивного, социально-ритуального дискурса.

Актуальность выполненного исследования обусловлена следующим. 1. Дискурс занимает центральное место в современных типах общения. Теория дискурса является одним из активно развивающихся направлений лингвистики. Вместе с тем, многие вопросы теории и анализа дискурса остаются недостаточно изученными. 2. Содержание и структура дискурса формируется различными речеактовыми высказываниями. Однако специфика формирования различных дискурсивных типов, их наполняемость иллокутивными типами, подбор соответствующих синтаксических конструкций и заполнения в них позиций соответствующими лексическими единицами не являлась предметом лингвистического изучения. Прагмалингвистический анализ дискурса, опирающийся на анализ его составляющих, может служить оптимизации процессов речевого воздействия.

Теоретической базой исследования послужили основополагающие труды по теории дискурса, коммуникативному взаимодействию, прагмалингвистике, труды по когнитивистике, исследования, в которых обосновывается антропоцентрический подход к языку в целом и его категориям в частности.

В основу работы была положена следующая гипотеза: невозможно построить прототипическую теорию коммуникации на основе линейного принципа. В монографии предлагается "вертикальный" подход к интерпретации дискурса, включающий вопросы семантического, прагматического, социологического, психологического, этнического порядка. Изложение книги построено по следующему плану. В первой ее части освещаются теоретические принципы, предметы и объекты исследований в таких направлениях науки о речевой деятельности как анализ дискурса, конверсационный анализ, анализ диалога, прослеживается история их создания и развития, описываются теоретические предпосылки и методологические основы изучения речевого взаимодействия. В этом разделе акцент делается на уточнение тех реалий, которые участвуют в характеристике общения, т.е. дается дефиниция ключевых понятий, таких как "дискурс", "диалог", а также рабочих понятий прагматической и когнитивной лингвистики: речевой акт, концепт, прототип, фрейм, сценарий и др.

Характеристике дискурса как объекту лингвистических исследований посвящена глава II, где освещаются вопросы знаковости дискурса, выводятся универсальные и частные черты дискурса, описываются принципы построения дискурсивных образований, делается попытка описать существующие типологии дискурсов и классифицировать их с позиции направленности коммуникативных действий, и, наконец, проанализировать структурные компоненты и уровни дискурса. Связность дискурса как его универсальная черта диктует необходимость рассмотрения связующих компонентов и тематической композиции дискурса.

В главе III предпринимается попытка анализа и описания конверсационно-аналитической модели аргументативных, информационных, экспрессивных, социально-ритуальных дискурсивных типов, а также составляющих их речеактовых высказываний и способы их манифестаций на поверхностном уровне. Многомерность феномена "дискурс" обусловила также необходимость отдельных замечаний и экскурсов в область этнических особенностей дискурсивных типов и дискурсивных характеристик личности в главе IV. В Заключение мы подводим основные итоги исследования.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ДЕФИНИЦИИ И МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ЕДИНИЦ РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

1.1. АНАЛИЗ ДИСКУРСА, КОНВЕРСАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ, АНАЛИЗ ДИАЛОГА

Конец XX – начало XXI столетия в лингвистике отмечены провозглашением в качестве основополагающего положения о том, что изучение языка может считаться адекватным лишь при описании его функционирования в процессе коммуникации. "Если прежняя (статическая по своей сущности) лингвистика в познании языка шла от таких языковых объектов, как текст, предложение, слово или его грамматическая форма, то деятельностная лингвистика (в лице, прежде всего прагматики в самом широком понимании этого слова) отправляется от человека, его потребностей, мотивов, целей, намерений и ожиданий, от его практических и коммуникативных действий, от коммуникативных ситуаций, в которых он участвует либо как инициатор и лидер, либо как исполнитель "второй роли" [Аристов 1999а]. Один из важнейших элементов человеческой деятельности и одновременно один из ценнейших ее продуктов – речь – явилась объектом таких дисциплин, как *анализ дискурса, разговорный анализ и развивающийся внутри него анализ диалога*.

Под "модное" в настоящее время понятие дискурс (фр. discours, англ. discourse, нем. diskurs от лат. discursus – беседа, разговор, речь, процесс языковой деятельности) подводятся в ряде гуманитарных наук, предмет которых прямо и опосредованно предполагает изучение функционирования языка, различные понятия. Следует отметить, что устной речевой продукцией, в частности, формами речи или диспутов, больше в нормативных, чем в дескриптивных целях, первоначально занималась риторика. Истоками анализа дискурса в современной лингвистике считаются работы З. Хэрриса [Harris 1952], работавшего в рамках проекта университета Пенсильвании. В 1952 году в статье "Discourse Analysis" З. Хэррис ввел понятие дискурс-анализа как метода изучения движения информации в дискурсе.

Четкого и общепринятого определения понятия "дискурс", охватывающего все случаи его употребления, не существует. Об этом свидетельствует и поныне не устоявшееся ударение в нем: чаще оно встречается на втором слоге, но и на первом слоге ударение не является редкостью. Семантическая неоднозначность данного термина прослеживается с момента его использования в целях языковедческого анализа [см.: Баранов 1996: 179]. Так, во французском языке слово "discours" означает динамическую речь. Словарь немецкого языка Якоба и Вильгельма Гримма "Deutsches Wörterbuch" 1860 г. дает следующее толкование данного слова: 1) диалог, беседа; 2) речь, лекция [см.: Миронова 1997: 9].

Многозначность термина "анализ дискурса" М.Л. Макаров объясняет сопоставлением трех подходов к его изучению: 1) "Анализ дискурса в самом широком смысле как интегральная сфера изучения языкового общения с точки зрения как его формы, так и функций; 2) анализ дискурса (в узком смысле) как наименование традиций анализа Бирмингемской исследовательской группы; 3) анализ дискурса как "грамматика дискурса (Р. Лонгейкр, Т. Ривон), близкое, но не тождественное лингвистике текста направление" [Макаров 1998: 82]. Словарь Т. Левандовского различает дискурс как процесс и как результат: в "Кратком словаре терминов лингвистики текста" Т.М. Николаевой "дискурс" характеризуется как многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях, почти омонимичных. Важнейшие из них: 1) связанный текст; 2) устная разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная" [Николаева 1978: 467]. По мнению Н.Н. Мироновой, "к настоящему времени сформировались два основных понятия дискурса: 1) дискурс как текст, актуализируемый в определенных условиях и 2) дискурс как дискурсивная практика" [Миронова 1998: 12]. Комина Н.А. вслед за Д. Шифрин, выделяет в исследовании дискурса шесть основных направлений: теорию речевых актов, интеракциональную социолингвистику, этнографию коммуникации, прагматику, разговорный анализ и вариационный анализ [см.: Комина 1999]. Сусов И.П. характеризует анализ дискурса как совокупность ряда течений в его исследовании [см.: Сусов 2006: 273–274]. Чернявская В.Е. сводит понимание дискурса к двум типам: 1) "конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве"; 2) "совокупность тематически соотнесенных текстов" [Чернявская 2001: 14, 16].

На наш взгляд, можно выделить три основных класса употребления этого термина: 1) собственно лингвистическое, где дискурс мыслится как речь, вписанная в коммуникативную ситуацию (ср. определение Н.Д. Арутюновой "Дискурс – это речь, погруженная в жизнь" [Арутюнова 1998: 137]), как вид речевой коммуникации, как единица общения; 2) дискурс, используемый в публицистике, восходящий к французским структуралистам и, прежде всего, к М. Фуко; 3) дискурс, используемый в формальной лингвистике, пытающейся ввести элементы дискурсивных понятий в арсенал генеративной грамматики (Т. Райнхарт, Х. Камп).

В первом, собственно лингвистическом значении употребление термина "дискурс" само по себе весьма разнообразно, но в целом здесь просматриваются попытки уточнения и развития традиционных понятий языковых и речевых единиц. Так, по определению В.В. Богданова, две неравнозначные стороны дискурса представляют речь и текст. Дискурс понимается как все, что нами говорится и пишется. "Термины *речь* и *текст* будут видовыми по отношению к объединяющему их родовому термину *дискурс* [Богданов 1993: 5]. "Дискурс – тоже текст, но такой, который состоит из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной внутренней смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование. Дискурсами можно считать, например, текст рассказа, статьи, выступления, стихотворения" [Борботько 1981: 8]. "Как предложение противопоставлено высказыванию, так, по нашему мнению, и текст противопоставлен дискурсу" [Формановская 2000б: 60]. Сравните также дефиницию, данную дискурсу И.П. Сусовым: "Связные последовательности речевых актов именуют **дискурсом**. Передаваемое от говорящего слушателю высказывание (или последовательность высказываний) становится **текстом**, когда оно оказывается зафиксированным на письме (или с по-

мощью звукозаписывающего аппарата). Текст выступает, таким образом, в виде "информационного следа" состоявшегося дискурса" [Сусов 2007: 40].

В последние годы, когда развитие коммуникативной лингвистики показало необходимость синтеза идей, разработанных в языкознании, социологии, психологии, этнографии, философии, культурологии термин "дискурс" вышел за пределы лингвистики текста. Для анализа общения, коммуникативного взаимодействия индивидуумов недостаточно изучения языка как системы знаков. Равно как и разработанные в теории речевых актов типы прагматических высказываний не дают полной характеристики речевой стратегии говорящего и не дают ответа на то, как достичь наибольшей эффективности речи, какие языковые средства надо использовать для достижения поставленных целей. Вполне вероятно, что ответ на этот вопрос возможно получить, осуществив полный анализ дискурса как языковой единицы, расположенной выше уровня текста, однако значительно сложнее организованной, чем нижестоящие единицы, включая при этом в парадигму дискурсивных единиц социальные, психологические, кинетические, этнографические моменты. В рамках этого направления исследуется речевое взаимодействие адресанта и адресата, а не высказывание отдельного субъекта. Дискурс здесь "текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами" [Арутюнова 1988: 136], "коммуникативное событие, порождающее текст, соотносящееся, во-первых, с определенной ментальной сферой/определенными знаниями, и, во-вторых, с конкретными моделями-образцами, прототипами текстопорождения и восприятия" [Чернявская 2004: 106], "процесс речевой деятельности говорящего (монолог)/говорящих (диалог), в котором представлена не только информация о "положении дел в мире" (пропозиция), но и весь набор субъективных, социокультурных, в том числе стереотипных, прецедентных и т.п. смыслов... При этом говорящий в коммуникативной ситуации производит свое речевое произведение, опираясь на общую с адресатом денотативную ситуацию, учитывая свои интенции, эмоции, оценки, связывает высказывания по текстовым законам смысловой и структурной целостности, завершенности, когезии и когерентности, оформляя таким образом "некий результат – текст, т.е. «упаковывая» дискурс в текст" [Формановская 2000б: 61].

Вместе с тем следует отметить, что понятие "дискурс" этого направления со времени своего возникновения претерпел определенные изменения. Если в начале 70-х годов XX века он трактовался как последовательность речевых актов, связанный текст, устная разговорная форма текста, диалог, группа высказываний, связанных между собой по смыслу, то современная лингвистика дает дискурсу следующее определение: "сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста" [Дейк 1989: 8]. По определению Т.А. ван Дейка, "дискурс – это речевой поток, язык в его постоянном движении, вбирающий в себя все многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение. В дискурсе отражается менталитет и культура как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная" [цит. по: Миронова 1998: 13].

Сравните дефиницию дискурса, предложенную В.В. Петровым и Ю.Н. Карауловым, аккумулирующую воззрения на дискурс Т.А. ван Дейка, "дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста" [Петров 1989: 8].

Демьянков В.З. на основе работ по зарубежному языкознанию усугубляет предыдущие дефиниции, включая в них характеристики, относящиеся к разным дисциплинам – семиотике, теории коммуникации, социологии, модальной логике и др.: "Discours – дискурс, произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта, создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который "строится" по ходу развертывания дискурса, – это точка зрения "этнографии речи"... "Исходная структура для дискурса имеет вид последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т.п. Элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перформативная информация и "несобытия", т.е.: а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников события; г) информация, соотносящая дискурс с событиями" [Демьянков 1982: 7]. Это определение отмечается как наиболее полное в современной теории языкознания [см.: Степанов 1995: 38]. Дискурс в данной дефиниции определяется как "величина", не адекватная, не синонимичная тексту, а значительно более широкая.

Сусовым И.П. дискурс понимается как иерархически конструируемая сложная структура, состоящая из трех уровней, а именно формально-семиотического, когнитивно-интерпретируемого и социально-интерактивного [Сусов 1988: 7 – 13]. Те же уровни представлены у Ю.Н. Караулова в несколько иной терминологии – вербально-семантический (нулевой), тезаурусный (первый) и мотивационно-прагматический (второй) [Караулов 1987: 60–61]. По мнению П.В. Зернецкого, пространство дискурса четырехмерно. "Его воздействие строится по осям одновременно действующих сигматической, семантической и прагматической координат, а также по оси действующей протяженно во времени и речевом пространстве координате синтаксической. Каждая последующая единица речевой деятельности, в особенности тематическая (топикальная), создает свое микропространство. Таким образом, пространство дискурса имеет квантованную, прерывистую и в то же время непрерывную (с учетом связи сигматической, семантической и прагматической координат единиц речевой деятельности в речи) природу коммуникативного воздействия на адресата. Речевая деятельность конкретное пространство дискурса языковой личности рассматривается как соответственно развернутая по данным координатам интеграция элементарных речевоздействующих сил: аргументирующей (семантика), мотивирующей (сигматика), прагматической (прагматика) и аккумулирующей (накопительной) – синтактика" [Зернецкий 1990: 62]. Таким образом, в дискурсе воплощается пространство социального взаимодействия, опосредуемое средствами того или иного языка. Оно порождается и оформляется на основе динамического взаимодействия разноуровневых категорий – понятийных, прагматических, семантических, грамматических и т.д.

Во **втором** значении слово дискурс употребляется для обозначения текущей речевой деятельности в какой-либо сфере (например, политический дискурс). Сравните: "...дискурс – это первоначально особое использование языка, в данном случае русского, для выражения особой ментальности, в данном случае также особой идеологии" [Степанов 1997: 723]. Вышедший за рамки науки и ставший популярным в публицистике "дискурс" в этом случае восходит к французским структуралистам и постструктуралистам, и, прежде всего, к М. Фуко. За употреблением термина "дискурс" здесь просматривается стремление к уточнению традиционных понятий стиля и индивидуального языка. Понимаемый таким образом термин "дискурс" описыва-

ет способ говорения и обязательно имеет определение *какой* или *чей* дискурс. Исследователей в данном случае интересует не дискурс вообще, а его конкретные разновидности, чисто языковые отличительные черты, стилистическая специфика. Немецкий философ и социолог Ю. Хабермас предложил для изучения социальных практик такие термины, как: практический дискурс, критический дискурс, этический дискурс [Habermas 1989]. Первостепенной задачей в исследовании дискурса этого направления является изучение коммуникативного своеобразия субъекта социального действия. Сравните: "политический дискурс" [Романов 2000, Шейгал 2000, Гусева 2006, Калашаова 2006, Михайлов 2006, Стрелкова 2006, Чалбышева 2006 и др.], "дискурс в сфере производственного направления" [Рыжова 1989], "терапевтический дискурс" [Бушев 1999], "религиозный дискурс" [Карасик 1999б, Романов 1999б, Бобырева 2006, Пиевская 2006, Аникушина 2007 и др.], "педагогический дискурс" [Карасик 1999а, Каратанова 2003, Комина 2004], "юридический дискурс", [Лейкина 2003, Шевченко 2003, Попова 2005, Овчинникова Н.В. 2006 и др.], "военный дискурс", "критический дискурс", "научный дискурс" [Михайлова 1999, Варнава 2005, Бочарникова 2007 и др.], патриотический дискурс [Декленко 2004], "родительский дискурс", "спортивный дискурс" [Панкратова 2005], "дискурс насилия", и пр.

В связи со сложностью формализации дискурсивных процессов, "дискурс" в **третьем** направлении не является центральным объектом формальной лингвистики. Тем не менее, отдельные языковеды пытаются использовать дискурсивные понятия в арсенале генеративной грамматики (см. работы Т. Райнхарта, теорию репрезентации немецкого логика Х. Кампа).

В настоящей работе термин "дискурс" используется непосредственно в лингвистическом значении и определяется как лингвистическая единица общения, отражающая в себе дифференциальное многообразие картины мира, включающей: а) типизированные ситуации социального взаимодействия, б) участников социального взаимодействия, в) социальные нормы и конвенции, г) культурологические представления и формы.

Наряду с анализом дискурса в ФРГ наметились еще два направления в исследовательской речевой деятельности: конврсационный анализ и анализ диалога. Родоначальниками **конврсационного анализа** (КА) являются представители северо-американской этнометодологии – Х. Сакс, Э. Щеглофф и Дж. Джефферсон. Их учение в ФРГ было продолжено в первую очередь в работах В. Кальмайера и Ф. Щютце. Под конврсационным анализом они понимали эмпирическое исследование языковых текстов, воспроизводимых в естественных коммуникативных ситуациях, записанных и сохраненных с помощью электронных средств, транскрибированных и проанализированных с точки зрения структур коммуникативного развертывания событий речевых действий участвующих партнеров [см.: Sacks 1974]. В отличие от "conversational analysis" названных англо-американских лингвистов В. Кальмайер и Ф. Щютце применили термин "Konversationsanalyse" при исследовании всех сфер языковой коммуникации, как только она продуцировалась в фактических социальных интеракционных ситуациях [см.: Kallmeyer 1976]. Цель традиционного этнометодологического КА – социологическое описание и объяснение социально-активных интеракций и их организации. Анализ беседы необходим, поскольку разговор является существенной социально-организационной формой. Первоначально языковые явления сами по себе не представляли интерес для традиционного КА. Многие представители этого исследовательского направления придерживались даже мнения, что лингвистический интерес, собственно говоря, нельзя соединить с конврсационно-аналитическими познавательными целями.

В КА представлены три генеральные формы организации диалога, по которому участники могут ориентироваться и на который они могут опираться как при производстве, так и при восприятии речевых действий. Первой называется *turn-by-turn* форма – мена речевых ходов или локальная организация, при которой непосредственно предшествующее высказывание или действие накладывает ограничения на последующие высказывания или действия. Эта организация является основополагающей и играет важную роль при последующих импликатурах. Под следственными импликатурами понимается то, что одно высказывание для последующего или последующих речевых шагов устанавливает релевантность целого ряда событий, например, каким говорящим, посредством какого и каким типом высказывания оно должно быть реализовано. Второй формой организации является всеохватывающая структурная организация единицы "разговор", в которой высказывания ограничиваются их расположением как части общей беседы. Третьей организационной формой является тематическая организация, при которой высказывания ограничены актуальной темой, приспосабливаются к ней и формулируются соответственно этой теме.

Исходя из конститутивных аспектов интеракции, различают следующие уровни структуры (схемы): конституцию беседы (начало и окончание разговора, обмен речевыми вкладами и т.д.), изображение положения вещей – денотативную ситуацию (тематическая структура, схема актив-структив, как, например, рассказов, описаний и аргументаций), совместные действия (комплексная активность), как, например, сбор информации, договоренность, конститутирование социальных идентичных отношений. Речь идет в данном случае о социальных категориях и ролях, интеракционной модальности, например, серьезности, шутливости, формальности, неформальности диалогов. И, наконец, формулы кооперации, например, искренности или разочарованности или других форм стратегии поведения.

К методическим принципам КА принадлежит то, что материал исследуется без теоретических предварительных рассуждений. Материал не служит подтверждением гипотез, а теоретические конструкции, также как и категории анализа выводятся непосредственно из самого анализа. Методическая предпосылка КА состоит в интенсивном наблюдении материала. Для этого необходима транскрипция бесед, поскольку материал подлежит обработке, расчленению и восстановлению форм рекуррентности. При анализе важны три этапа: обнаружить регулярность в материале, реконструировать проблему, которую участники пытаются решить с помощью регулярно продуцируемых структур и описать опыт, с помощью которого наблюдаемые явления повторяются. При анализе реконструируются не интенции целей говорящего, как при речеактовом исследовании, здесь релевантно то, как высказывания интерпретируются собеседником, или как они им обсуждаются.

Общим для конврсационного анализа и анализа дискурса является выбор в качестве основы исследования естественных аутентичных диалогов. Конврсационный анализ предлагает рассматривать диалогические отношения в их конкретном проявлении. Вербальное общение между коммуникантами характеризуется взятием шага, когда один участник (А) говорит, прекращает говорить, другой участник (В) начинает свое высказывание, говорит, завершает его и т.д. В данной цепочке не все протекает так гладко, как кажется на первый взгляд. Возникают вопросы о том, как достигается смена ролей, как осуществляется переход от одного коммуниканта к другому при возможном одновременном проговаривании реплик, является ли данный механизм универсальным для различных по количеству участников групп, для речевых ходов разного объема, в зависимости от величины реплики, подходит ли названный механизм в одинаковой степени для прямого и дистантного общения, например, для телефонных разговоров. Исследования начинают, как правило, со сбора корпуса видео- и аудиофрагмен-

тов соответствующего интеракционального типа. Этот эмпирический материал служит не для подтверждения заранее формулируемых гипотез, а нацелен на открытие новых положений, то есть является индивидуальным процессом. Аутентичные разговоры транскрибируются [см.: Ehlich 1976, 1979, Stubbs 1983].

Несмотря на достаточно большие совпадения в теории дискурсивного и конверсационного анализа имеются существенные различия. При определении понятия "разговор", "Konversation" как предмета исследования необходимо учитывать тот факт, что человек стал человеком благодаря своей языковой деятельности, благодаря тому, что он мог вступить в контакт с другим человеком с помощью языка. Категория "разговор", таким образом, должна рассматриваться как одна из основных форм человеческой деятельности [Henne 2001: 3]. Конверсационный анализ представляет собой одну из значительных глав прагматической лингвистики. Здесь исследуются в первую очередь методы, механизмы, которые используют коммуниканты при организации разговора ("turn-taking", "repairs"). Анализ дискурса исследует коммуникацию в институциональном аспекте. На уровне коммуникативного анализа большая роль отводится контексту. Таким образом могли быть идентифицированы феномены коммуникации, специфичные для того или иного жанра. В то время как конверсационный анализ пытается идентифицировать формальные, рекуррентные правила, технологии организации беседы и механизмы коммуникации, и при этом не учитывает и не объясняет психологические и личностные явления языковых феноменов, анализ дискурса исследует стратегию и интенцию говорящих и соответствующее им продуцирование отдельных дискурсивных типов. Релевантным в этом отношении является также анализ ментальных процессов, игнорируемый в конверсационном анализе. "Одной своей стороной дискурс обращен к прагматической ситуации, которая привлекается для определения связности дискурса, его коммуникативной адекватности, для выяснения его импликаций и пресуппозиций, для его интерпретации... Другой своей стороной дискурс обращен к ментальным процессам участников коммуникации: этнографическим, психологическим и социокультурным правилам и стратегиям порождения и понимания речи в тех или других условиях..." [Арутюнова 1998: 137].

В последние десятилетия все большее внимание исследователей языка привлекает **диалогическая речь** как первичная форма вербального воздействия. Слово диалог (фр. dialogos, англ. dialog[ue] восходит к греческому dialogos (διῆλογος) – разговор, беседа; букв. 'речь через'). Диалог, таким образом, представляет собой процесс общения, обычно языкового между двумя или более лицами. "Ошибочно мнение, что термин «диалог» предполагает наличие ровно двух участников (греческий префикс *диа* – 'через' в слове диалог и греческое *ди* – два лишь внешне схожи). В диалоге может быть любое число участников, поэтому в термине "*полилог*", который иногда употребляется в значении "разговор многих участников" нет никакой необходимости" [Энциклопедия 2002]. Если для использования дискурса важно включение коммуникации в социальный контекст, то для диалога обязательно наличие такого признака как обмен речевыми высказываниями, интерактивный характер, последовательное сцепление речевых актов. Конститутивными единицами диалога рассматриваются речевые акты в работах Ф. Хундснуршера и В. Франке [см.: Hundsnuerscher 1980, 1995]. По их мнению, основополагающей структурой для целевых диалогов является генеральный образец диалога, получающий свою спецификацию в ходе открытия, начала диалога. Инициативный речевой акт предоставляет партнеру-коммуниканту возможность реакции, при этом в коммуникативной компетенции партнеров по диалогу имеются формы высказывания, помогающие правильно интерпретировать и реагировать на речевые ходы партнера. Изучение диалога базируется на аналитически дедуктивном методе, при этом категории анализа развиваются в начале теоретически и только после этого материал используется как верификационный и модификационный инструментарий. В этом пункте грамматика диалога функционально отличается от эмпирически индуктивного исследования в дискурсивном и конверсационном анализе. Конверсационный анализ рассматривает, помимо прочего, диалог в первую очередь не как языковое явление, а как социальное взаимодействие, регулируемое определенными договоренностями между членами общества.

Таким образом, объектом изучения как теории дискурса, так и конверсационного анализа в широком смысле является человеческая речь, речевое взаимодействие. Конверсационный анализ, однако, нацелен в первую очередь на изучение методов и механизмов, используемых при организации разговора, формальных, рекуррентных правил технологии проведения беседы и механизмов коммуникации. Анализ дискурса включает в исследование стратегию и интенцию говорящих, изучение ментальных процессов: этнографические, психологические и социокультурные правила и стратегии порождения и понимания речи. Изучение диалога можно рассматривать как составляющую часть конверсационного анализа и дискурсивного диалогического анализа. Его важнейшими характеристиками являются интерактивный характер, последовательное сцепление речевых актов. Обратимся к истории изучения названных аспектов теории речевого взаимодействия.

1.2. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Слово **коммуникация** происходит от лат. *communico*, что означает "делаю общим", "связываю", "общаюсь". Под коммуникацией в человеческом обществе понимают общение, обмен мыслями, знаниями, чувствами, схемами поведения и т.д. Общение является неотъемлемой частью человеческого существования. В повседневной жизни оно воспринимается нами как явление обычное и вполне понятное. Однако во все времена человеческое общение вызывало огромный интерес со стороны философов, психологов, социологов, лингвистов, культурологов. И это свидетельствует о том, что "общение относится к числу тех понятий, которые только на первый взгляд кажутся ясными и очевидными... человеческое общение представляет собой противоречивое и нелегко эксплицируемое явление" [Милосердова 2001а: 3].

Проблемы, связанные с общением, наиболее разработаны в психологии, поскольку в процессе коммуникации центральное место занимает человек. Однако немалое внимание данной проблеме уделяется в лингвистике, которая изучает язык как явление, неотъемлемое от человека и человеческого общества, неразрывно связанное с ним и меняющееся вместе с изменениями, происходящими в человеке и обществе. Все выдающиеся лингвисты, независимо от того, к каким направлениям они принадлежали, в своих работах неоднократно затрагивали вопрос о том, как в процессе общения осуществляется коммуникативная функция. Еще в 30-е годы XIX века В. фон Гумбольдт обратил внимание на деятельностный характер языка: "Язык есть не продукт деятельности (*ergon*), а деятельность (*energeia*)... В подлинном и действительном смысле под языком можно понимать только всю совокупность актов речевой деятельности" [Гумбольдт 2000: 70]. Вслед за В. фон Гумбольдтом деятельностный характер языка подчеркивал и отечественный лингвист А.А. Потебня: "Язык есть средство не выразить уже

готовую мысль, а создавать ее... он не отражение сложившегося мирозерцания, а слагающая его деятельность" [цит. по Алпатов 1999: 87].

В середине XX века эти положения получили новое развитие в теории речевой деятельности, в основе которой лежит трактовка речи как определенного вида деятельности (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев). Представители функционального подхода придерживались той точки зрения, согласно которой "язык неразрывен с человеческой деятельностью и если может быть изолирован от нее, абстрагирован и представлен как самостоятельная сущность, то такая абстракция никак не может полностью отразить его объективную специфику и неизбежно остается односторонней" [Леонтьев 1965: 9]. Основываясь на положениях теории Л.С. Выготского, А.А. Леонтьев под речевой деятельностью понимает "с одной стороны сложную совокупность процессов, объединенных общей направленностью на достижение определенного результата, который является вместе с тем объективным побудителем данной деятельности, а с другой стороны – единство отдельных частных деятельностей, т.е. систему человеческой деятельности в целом" [Леонтьев 1965: 9]. "Передача сообщений в коммуникации между людьми характеризуется тем, что она осуществляется **осознанно и целенаправленно**, часто **с учетом адресата** (или адресатов), передаваемых сообщений и конкретной **ситуации** передачи информации, а также, что тоже важно учитывать, на основе тех правил, которые приняты в данной этнокультуре и в данном социуме, т.е. являются **конвенциональными** и не наследуемыми, а усваиваемыми в процессе накопления жизненного и речевого опыта" [Сусов 2007: 34].

В последние годы наблюдается всплеск интереса к проблемам коммуникации, как в языкознании, так и за его пределами. Предметом специальных теоретических исследований становятся вопросы обучения технологиям проведения информационных бесед, запроса информации, аргументативных бесед, деловых переговоров, вопросам, связанными с передачей содержания сознания одного человека наилучшим образом другому человеку, чем всегда была озадачена риторика, как классическая, так и в современных ее вариантах. Именно риторика стала одной из основополагающих наук для нового направления в лингвистике, которое называют теорией речевой коммуникации. Развитие средств связи и информации обусловило возникновение явления массовой коммуникации. Интерес к человеческой составляющей производственной деятельности выдвинул проблему коммуникации в сфере менеджмента. История изучения проблем коммуникации прослеживается на примере создания методов моделирования коммуникативных процессов.

Различают два подхода к изучению коммуникации: механистический и деятельностный. В *механистической* парадигме коммуникация исследуется как односторонний процесс кодирования и передачи информации от источника и приема информации получателем сообщения. В *деятельностном* подходе коммуникация определяется как совместная деятельность участников коммуникации, в ходе которой вырабатывается общий (до определенного предела) взгляд на вещи и действия с ними. Для механистического подхода характерно рассмотрение человека как механизма, действия которого могут быть описаны определенными конечными правилами, контекст внешней среды здесь рассматривается как шум, помеха. Для деятельностного подхода характерны *процессуальность, континуальность, контекстуальность* [см.: Кашкин 2000: 3].

Одной из первых моделей коммуникации, получивших широкое распространение, была модель Клода Шеннона. Автор включил в эту модель пять элементов: источник информации, передатчик, канал информации, приемник, конечную цель [см.: Shannon 1948]. Ограниченность этой модели была обусловлена ее односторонней направленностью и статичностью. Статичность модели К. Шеннона была преодолена Норбертом Винером введением понятия обратной связи [см.: Винер 1983]. Оно позволило приблизить эту модель к реальности человеческого взаимодействия в коммуникации. В модели Маршалла Мак-Люэна, специалиста в области массовой коммуникации, основной упор делается на канал передачи сообщения [см.: McLuhan 1995]. В лингвистике идеи Шеннона интерпретировались Р.О. Якобсоном, в модели которого участвуют *адресант* и *адресат*. Сообщение, написанное с помощью *кода*, передается от первого ко второму. С содержанием сообщения, ее информацией связан *контекст*. Регулятивный аспект коммуникации опосредуется понятием *контакт* [см.: Якобсон, 1985]. Модель Р.О. Якобсона применяется в различных ее вариантах для анализа функций языка в целом и для анализа функционирования отдельных его единиц, производства дискурса.

В последнее время широкое распространение получили идеи М.М. Бахтина об *адресованности* (без слушающего нет и говорящего, без адресата нет и адресанта) и *хронотопе*, т.е. всякое высказывание приобретает смысл только в контексте, в конкретное время и в конкретном месте. В процессе коммуникации собеседники поочередно меняются ролями (говорящий–слушающий), высказываясь об общем предмете разговора. За речевым действием, *акцией*, всегда следует *реакция*. Последовательность акции и реакции образует *акт речевого взаимодействия*, элементарный диалог.

Модель коммуникативного процесса находит непосредственное отражение в дискурсе, знаке, репрезентирующем общение на поверхностном, языковом уровне. Поскольку в настоящем исследовании речевое взаимодействие исследуется комплексно, т.е. с применением дискурсивного, разговорного и диалогического инструментария, а также предпринимается попытка осуществить комплексный, гетерогенный анализ названных явлений речи, представляется необходимым изложить краткую историю анализа дискурса, диалога, разговорного анализа.

Среди предшественников *дискурсивного анализа* как особой научной дисциплины прослеживаются две исследовательские традиции: 1) традиция этнолингвистических исследований, ориентированных на запись и анализ устных текстов разных языков (наиболее известной является школа американской этнолингвистики, основанная Францем Боасом); 2) традиция исследования тематической и коммуникативной организации текста, представителем которой в первую очередь следует назвать чешскую лингвистическую школу, созданную Вилемом Матезиусом. Как отмечалось в предыдущей главе, термин *discourse analysis* впервые был использован в 1952 году Зеллигом Хэррисом. Однако оформление дискурсивного анализа как дисциплины относится скорее к 1970-м годам. Характерным для этого времени является публикация важных работ европейской школы лингвистики текста (Т.В. ван Дейк, В. Дресслер, Я. Петефи, Д. Вундерлих и др.), а также основополагающих американских работ (У. Лабов, Дж. Греймс, Р. Лонгейк, Т. Гивон, У. Чейф). К 1980 – 1990-м годам относится появление обобщающих трудов, справочников и учебных пособий [см.: Энциклопедия 2002].

В русистике дискурсивные явления без употребления данной терминологии активно исследовались в 1970 – 1980 годах (Е.А. Земская, Б.М. Гаспаров, О.А. Лаптева, О.Б. Сиротинина). Был написан большой массив устных диалогов и монологов, которые затем подверглись детальному исследованию [см., например: Земская 1981]. Немалые успехи в исследовании структур и организации дискурса достигнуты в работах представителей Тверской семантико-прагматической школы. Так, М.Л. Макаров [Макаров 1995, 1998, 2003] показал, что управляющие коммуникативным действием когнитивные структуры, как правило, организованы в виде сценариев, отражающих взаимодействие участников коммуникации типа "субъект–

субъект" и опирающихся на доминирующее *процедуральное* знание. Макаров М.Л. предлагает называть когнитивные структуры такого рода процедурными сценариями взаимодействия. Многоаспектно личностно ориентированную модель дискурса, оправдывающую себя в экспериментах, построил С.А. Сухих [1998а, 1998б, 2004]. В его представлении типы дискурса выступают как коммуникативно-прагматические образцы речевого поведения, протекающие в определенной социальной сфере, т.е. они представляют свои собственные сферы общения. Последние характеризуются набором некоторых взаимообусловленных переменных, входящих в социально-дейктический компонент сценария взаимодействия. В последние годы значительные исследования в области теории дискурса и изучения особенностей различных дискурсивных типов были предприняты В.И. Карасиком и его учениками [см.: Карасик 1999а, 1999б, 2000а, 2000б, 2002, 2004; Слышкин 2000а].

Как было отмечено выше, родоначальниками *конверсационного анализа* принято считать молодых американских социологов, в первую очередь только что начавших свою научную карьеру студентов Х. Сакса и Э. Гоффмана. В 60-е годы они начали описывать условия смены речевых действий [см.: Sacks 1974, Schegloff 1978]. Однако, как отмечает О.Д. Белецкая, "интерес к социологии разговора отмечался еще в начале XX века. Так, в 1901 году Т. Гардом была введена следующая типология диалога в зависимости от социальных параметров:

- диалог между начальником и подчиненным; диалог между равными по социальному статусу общающимися;
- диалог как регулируемый обмен репликами; нерегламентированный диалог" [см.: Белецкая 1999а: 32].

Идеи Т. Гарда разрабатываются лингвистами наших дней в схеме "*доминирование–кооперированность–конфликт*" [Frangois 1984: 26]. Каждое понятие в этой триаде говорит об определенной иерархии общающихся. При *доминировании* тема разговора, постановка вопроса исходит от одного собеседника, а другой подчиняется ему в этом отношении. *Кооперированность* подразделяется автором на два типа: *гомогенную* и *гетерогенную*. *Гомогенная* кооперированность возможна при равных социальных ролях собеседников. Тема вводится сначала одним коммуникантом, затем другим. Таким образом происходит поддержание инициативы. *Гетерогенная* кооперированность характеризуется неравными ролями коммуникантов, тем не менее, дополняющими друг друга. При отсутствии доминирования или кооперированности в общении происходит *конфликт*.

Конверсационный анализ поднимает следующие вопросы [Hooper 1986: 169–170]:

- Каким образом коммуниканты организуют смену выступлений?
- В каком взаимодействии находятся речь и невербальное поведение участников коммуникации?
- Как коммуниканты справляются с появившимися в процессе общения затруднениями?

Все эти вопросы ставятся и рассматриваются в конкретной обстановке речевого общения.

В Германии конверсационный анализ представлен с 1976 года публикациями по теории речевых актов, исследованиями разговорного языка и этнометодологии [Wunderlich 1976, Schank 1976, Kallmeyer 1976; см. более подробно: Böttcher 1997: 19]. Конверсационный анализ, равно как и анализ дискурса ориентируется на установки деятельностной парадигмы. Для представителей этой парадигмы язык не самоцелен и не изучается в самом себе и для себя. Он и онтологически, и эпистемически включен в человеческую деятельность, являясь и одним из важнейших ее инструментов, и одним из ценнейших ее продуктов. Предметом исследования в конверсационном анализе являются социальные нормы и конвенции, ситуативный контекст (место и время речевого события, дистанция общения), социальные роли и роли общающихся, степени знакомства собеседников, состав участников коммуникации, уровень формальности и др. [Henne 2001: 32].

Особый интерес для конверсационного анализа представляют проблемы передачи коммуникативных ролей, маркеры разговора, акты коррекции и редактирования, акты поддержания внимания и проверки понимания. Поскольку все они участвуют в конструкции сценария взаимодействия, эти речеорганизующие средства нередко рассматриваются в сфере дейксиса дискурса как метакоммуникативный элемент. В работах С.А. Аристова передача или взятие речевого шага исследуется при интегрированном подходе к изучению данного феномена, где учитывается наличие субъекта (производящего речевой сигнал), объекта (его партнера по речевому общению, на которого посредством речевого сигнала оказывается воздействие), параметры ситуации общения (включая социальные переменные), цель и результат осуществления смены коммуникативных ролей [см.: Аристов 1999а, 2000].

Анализ диалога близок конверсационному анализу и анализу дискурса, однако традиции употребления этих терминов различны. Истоками изучения диалога в отечественной лингвистике называют работу Л.П. Якубинского "О диалогической речи" [см.: Якубинский 1986]. Вопрос о том, что считать диалогическим единством в разное время решался по-разному. В начале 50 – 60 годов XX века диалогическое единство рассматривалось исключительно со структурно-прагматической точки зрения как сочетание реплики-стимула и реплики-реакции по определенным правилам синтаксической зависимости. При таком подходе диалогические единства вырывались из диалогической структуры, в которую они входят. Однако, как справедливо отмечает И.Н. Аксенова, реплики диалогического единства направлены друг на друга функционально, являются "микротекстом" друг для друга [Аксенова 1991: 16]. Рассматривать реплику в отрыве от этого контекста не представляется возможным, так как "каждая часть предполагает другую, "открывая для нее соответствующую «валентность»" [Сусов 1984: 8, Langleben 1983: 224].

Эквивалентами термина "диалогическое единство" служат "диалогическая пара", "смежная пара", "разговорная последовательность" [Klammer 1973, Schegloff 1974, Schegloff 1978].

Сакс Х., Щеглофф Э. и Джефферсон Дж. полагают, что диалогическое единство обладает следующими характеристиками:

1. Диалогическое единство – это последовательность двух высказываний, которые являются соседними и произнесены двумя говорящими; это единство разделено на первую и вторую часть (или ряд вторых, т.е. вопрос требует ответа, приказ требует выполнения и т.д.).

2. Произнеся первую часть высказывания, говорящий должен прекратить говорить, и другой говорящий должен произносить с этого момента вторую часть той же пары.

Реплики диалогического единства объединяются "коммуникативным намерением (прагматический фактор), между ними существует *структурно-семантическая связь*" [Николаева 1987: 10].

Углубленное лингвистическое изучение диалога началось лишь в последние десятилетия. Анализ бытового разговора реализовался в направлении, известном как конверсационный анализ, где разговор рассматривается в первую очередь не как

языковое, а как социальное взаимодействие, регулируемое определенными договоренностями между членами общества. В когнитивно ориентированной лингвистике традиция эмпирического изучения бытовых диалогов ассоциировалась с понятием "информационный поток". Оно исследует процессы вербализации информации в диалоге.

По мере формирования дискурсивного анализа, как устоявшейся научной дисциплины, исследования диалога включаются в более широкую орбиту дискурсивных исследований. При этом важно помнить, что "диалог" в большей степени подчеркивает интерактивный характер использования языка. Для термина "дискурс" важно представление о включении коммуникации в социальный контекст.

При анализе диалога диалогическое единство принято делить на реплики говорящего и реплики слушающего. Подробный анализ взаимосвязи между репликами диалога дается Л.М. Михайловым [Михайлов 1994]. Факторами связи в диалоге, по мнению автора, являются: коммуникативная целостность, коммуникативная интенция, логико-семантическая соотнесенность, грамматическая корреляция, лексическая корреляция, просодическая корреляция.

Предпринимались попытки классификации диалога в опоре на различные критерии. Например, в основе классификации использовалась коммуникативная функция общения, на основе которой Х. Гайснер вычленяет пять классов диалогов: 1) фатические диалоги, служащие для поддержания социального контакта в обществе; 2) риторические диалоги, направленные на изменение социально-экономического бытия; 3) эстетические диалоги, позволяющие интерпретировать действительность; 4) терапевтические диалоги, устраняющие функциональные помехи субъектов коммуникации; 5) метакоммуникативные диалоги, позволяющие осуществить рефлексии коммуникативного поведения [см.: Geißner 1981]. Изучался набор логических структур, лежащих в основе каждого типа диалога, наиболее эффективно действующих в тех или иных социально-коммуникативных условиях. Так, логическая структура риторического диалога по Квинтиллиану включает восемь частей: обращение, наименование темы, повествование, описание, доказательство, опровержение, воззвание, заключение [см.: Григорьева 1998а: 100]. Новый прагматический подход к диалогу получил, в частности, свое развитие в исследовании ряда представителей Калининской/Тверской семантико-прагматической школы. Диалогические события в их трактовке представлены как последовательность речевых актов, связанность которых объясняется так называемой прагматической валентностью иницирующих речевых ходов [Комина 1984]. При этом наибольший интерес вызывало изучение особенностей организации диалогических текстов [Жалагина 1987: 107 – 115, Комина 1984]. Изучение же динамики речевого общения сводилось практически к интерпретации таких единиц, как речевое общение и ход.

Попытка когнитивно-коммуникативного анализа диалога предпринята в кандидатской диссертации О.Д. Белецкой, где в фокус исследования выдвинуто вопросно-ответное единство как одна из единиц диалогического дискурса. Вопросно-ответные единства рассмотрены с точки зрения коммуникативно-прагматических критериев: условий успешности речевого акта, иллюкутивной интенции; а также функционально-семантических критериев, что обусловило выделение нескольких вариантов коммуникативно-речевых ходов [см.: Белецкая 1999б].

Таким образом, экскурс в историю изучения речевого взаимодействия позволяет утверждать, что первоначальной формой его изучения являлся диалог. Включение в область исследования социальных норм и конвенций, ситуативного контекста, учитывание социальных ролей и ролей общающихся, уровня формальности, степени знакомства собеседников, состава участников коммуникации привело к развитию конверсационного анализа. Дискурсивный анализ как особая научная дисциплина включает в круг изучаемых проблем также вопросы этнолингвистики, тематической и коммуникативной организации текста, экстралингвистические, в том числе социальные факторы, психологические и личностные явления языковых феноменов.

1.3. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В конце XX века наука о языке представляла собой весьма разнообразную картину исследовательских направлений, которые зачастую представляются противоречащими друг другу и несовместимыми. Однако представители этих направлений все чаще приходят к выводам и результатам, не противоречащим, а, скорее, подтверждающим и дополняющим постулаты традиционной лингвистики. Характерными, в некотором смысле приоритетными для современной лингвистики считаются две исследовательские парадигмы: когнитивная и коммуникативная [см.: Кубрякова 1997: 12]. Наличие двух подходов к изучению дискурса: когнитивно-дискурсивного и коммуникативно-дискурсивного обусловлено различием между семантикой и прагматикой знака [Данилова 2001: 46].

В когнитивной лингвистике (лат. *cognitio* "познавание, узнавание, ознакомление; понятие, представление, знание; исследование, разбор дела, следствие; узнавание, опознание") в фокусе исследования находятся познавательные процессы, связанные с ними процессы получения, обработки, фиксации и хранения информации. Когнитивная лингвистика означает детерминированный знаниями процесс кодирования и извлечения информации. Исследования процессуальных аспектов категоризации и концептуализации открывают, на наш взгляд, новые горизонты перед дискурсивной семантикой, которая может трактоваться как "совокупность интенций и пропозициональных установок в общении" [Карасик 2004: 229]. В коммуникативной парадигме (лат. *communicatio* "сообщение, передача" < *communico* "делаю общим, делюсь; беседую; связываю, соединяю; общаюсь") основное внимание уделяется функциям общения, коммуникативной деятельности и влиянию на эту деятельность контекста ее осуществления, способам выражения соответствующих интенций и установок. В то же время, как отмечает Е.С. Кубрякова, все более очевидным становится тот факт, что "для решения целого ряда актуальных проблем современной лингвистики необходим своеобразный синтез указанных парадигм знаний" [Кубрякова 1997: 12–13]. "Функции языка как орудия коммуникации и как орудия познания мира связаны неразрывно. Язык – есть по своему назначению когнитивно-коммуникативная система. Изучая тот или иной язык, надо не упускать из вида неразрывную связь двух главных его функций – когнитивной и коммуникативной" [Сусов 2007: 51]. В лингвистической науке, вероятно, пришло время собирать камни, разбросанные за десятилетия и даже столетия ее существования. Факторы, определяющие процесс общения, отражены в синтезе когнитивного и коммуникативного начал, поскольку формирование и хранение информации осуществляется по законам когнитивной лингвистики, а ее передача по законам коммуникации. Язык в данном случае является одним из самых важных и эффективных средств хранения и передачи сведений о мире, средством коммуникации и познания мира. "В результате обработки обобщенной коммуникативно значимой информации, полученной из всего предшествующего дискур-

сивного опыта, в сознании индивида складываются прототипические когнитивные модели, или схемы, коммуникативных ситуаций, репрезентирующие типичные соотношения между их участниками и обстоятельствами... В процессе дискурсивного взаимодействия эти когнитивные модели наполняются конкретным коммуникативным содержанием" [Цурикова 2006: 8]. Вербализация и объективация определенного содержания, представленная в акте речи, знаменует собой работу с информацией, когнитивный процесс, рождающийся в процессах познания и восприятия мира.

Сочетание когнитивной ориентации анализа с коммуникативной обусловлено наличием человеческого фактора в языке. Анализ языковой коммуникации не должен определяться и строиться по образцу и подобию естествознания. "Тому, что существует вне мозга, т.е. собственно говоря, вне психики человека (и животного), свойственна своя закономерность – закономерность естественных наук в широком значении этого слова. То, что существует и движется в мозгу, а собственно говоря – в психике, обладает другой закономерностью психических наук" [Бодуэн де Куртене 1963: 65]. Во все большей степени такой подход получает распространение в преподавании иностранных языков, где вновь привлекает к себе внимание концепция "активной грамматики" Л.В. Щербы [см.: Щерба 1974]. "Поведение индивида в коммуникативном и интерактивном аспектах можно моделировать в виде фреймов как тех когнитивно-семантических структур, которые лежат в его основе и направляют это поведение" [Сусов 2000: 133]. Антропоцентрический подход позволяет обосновать и охарактеризовать методические и теоретические предпосылки данной работы.

Поскольку дискурс определяется как сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста еще и экстралингвистические факторы, то в работе используются такие понятия когнитивной лингвистики, как языковая картина мира, концепт, фреймовые ситуации, прототипические модели, сценарии.

"Языковая картина мира – это особое образование, постоянно участвующее в познании мира и задающее образцы интерпретации воспринимаемого. Это – своеобразная сетка, накидываемая на наше восприятие, на его оценку, влияющая на членение опыта и видения ситуаций и событий и т.п. через призму языка и опыта, приобретенного вместе с освоением языка и включающего в себя не только огромный корпус единиц номинаций, но в известной мере и правила их образования и функционирования" [Кубрякова 1997: 47]. Языковая картина мира – это целостная система знаний, интегрирующаяся из вербализованных концептов и локализующаяся "в сознании индивида в качестве компонента целостной картины мира, не обладая внутри нее жесткими границами" [Сусов 2007: 50].

Ментальные образы, зафиксированные в сфере человеческого восприятия, имеют определенную структуру. "Квантование мира образов, предметов, событий, абстрактных идей средствами языка происходит на уровне концептов. **Концепт** – дискретная единица коллективного сознания, поскольку существует знак, ее обозначающий" [Бабушкин 1998: 5]. Термин "концепт", получивший широкое распространение (см. работы Р. Джакендорфа, Дж. Фодора, М. Джонсона, Дж. Лакоффа, А. Вежбицкой, Р.И. Павилениса, Д.С. Лихачева, Ю.Д. Апресяна, Р.М. Фрумкиной, Ю.С. Степанова, В.В. Петрова, Е.С. Кубряковой, В.З. Демьянкова, Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелева, Н.Д. Арутюновой, В.Б. Касевича, А.А. Залевской, М.В. Никитина, И.М. Кобозевой, И.А. Стернина, З.Д. Поповой, Н.Н. Болдырева, Л.В. Бабиной, И.П. Сусова, В.И. Карасика, И.К. Архипова и др.), до сих пор не имеет однозначного толкования. Согласно Е.С. Кубряковой, понятие концепта включает представление о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких "квантов" знания. Концепт определяется ею как "оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*) всей картины мира, отраженной в человеческой психике" [Кубрякова 1996: 90]. Вежбицкая А. понимает под концептом объект из мира "Идеальное", который имеет имя и отражает культурно-обусловленное представление человека о мире "действительность" [Вежбицкая 2001]. Бабушкиным А.П. концепт понимается как "любая дискретная содержательная единица коммуникативного сознания, отражающая предмет реального или идеального мира и хранения национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде" [Бабушкин 1998: 12]. Рассуждая о концептах как о сложившихся дискретных единицах (ментальных образах) коллективного сознания, А.П. Бабушкин подчеркивает их статику. "Каждая концептуальная единица занимает соответствующую ячейку в национально-обусловленной концептосфере языка как совокупности ментальных репрезентаций, детерминированной запасом знаний, навыков и культурным опытом народа" [там же]. Нельзя, однако, не согласиться с Н.И. Колодиной, подчеркивающей взаимосвязанность концептов друг с другом: "Образование концептуальной системы влечет за собой постоянное изменение и уточнение концептов. Одни из них попадают под влияние других, другие иерархически входят в содержание более сложных концептов, что приводит к невозможности их исчисления" [Колодина 2000: 49]. Для В.И. Карасика концепт – "многомерное образование, поскольку мир многомерен" [Карасик 2004: 39]. Наибольшую распространенность получило определение концепта Ю.С. Степанова, детерминирующего данное понятие как "сгусток культуры в сознании человека и то, посредством чего человек входит в культуру" [Степанов 1997]. В нашем понимании концепт – это ментальная единица, воплощающая убеждение и представляющая собой элементарное знание [ср.: Сусов 2007: 46]. Знания в когнитивной науке представлены в таких структурах как схемы, фреймы, сценарии, прототипические модели.

Схема – представляет собой, с одной стороны, сложный вид репрезентации, логическую единицу когнитивного процесса. С другой стороны – схема – специфический пучок семантических сеток и производственных правил, посредством которых репрезентируются и обрабатываются структуры "внешнего" мира во "внутреннем" мире человеческого сознания (Ф. Бартлетт, М. Арбиб, Е.Д. Конклин, Дж. Хилл, Н. Стиллингс, М. Файнштейн, Дж. Гарфилд, А.П. Бабушкин). Мыслительные схемы диктуют способы расчленения больших "кусков" опыта на меньшие. "Они организуют вновь поступающую информацию. Они же "подсказывают", какое информационное звено еще отсутствует, т.е. обладают предвосхищающей силой" [Сусов 2007: 48]. "Схема – это неосознаваемая структура, организующая набор знаний в единое целое. Эта сложная структура формируется за счет абстрагирования на основе опыта проживания сходных ситуаций. Ее значимость определяется тем, что она лежит в основе интенсивной когнитивной деятельности, в ходе которой индивид пытается соотнести новые знания с уже имеющимися и интегрировать первые с тем, чтобы наделить их смыслом" [Сонин 2002: 147]. Понятие схемы чрезвычайно близко понятию прототипа. Вокруг прототипов образуются наиболее общие, типичные характеристики концептуальных инстанций. **"Прототип** – это концепт, определяемый по типичному примеру, так что члены категории рассматриваются как более или менее типичные" [Э. Рош. Цит. по А.П. Бабушкин 1998: 10].

Центральной фигурой представления знаний является **фрейм**. Теория фреймов, разработанная американским ученым М. Минским, была призвана усовершенствовать модель репрезентации знаний. Фреймы должны выполнять функции иерар-

хически организованной структуры данных, аккумулирующей знания об определенной стереотипной ситуации или классе ситуаций. Согласно Т.А. Ван Дейку, фреймы – это не произвольно выделяемые "кусочки" знаний, а единицы, организованные вокруг некоторого концепта. Филлмор Ч. Дж. отмечает, что семантическое описание фрейма возможно только при условии предварительной детализации концептуальной схемы, положенной в его основу. "Фрейм – это совокупность хранимых в памяти ассоциаций, его можно сопоставить с "кадром" в рамки которого попадает все, что типично и существенно для данной совокупности обстоятельств" [Бабушкин 1998: 19]. "Фрейм помогает нам «дорисовывать» в уме то, что мы не видим, но что должно иметь место. Войдя в какую-либо комнату и еще не видя ее целиком, мы, тем не менее, знаем о существовании четырех стен, пола и потолка, одного или нескольких окон, минимум одной двери" [Сусов 2007: 49].

Для **сценария** отличительным признаком является фактор временного измерения. В лингвистической литературе приводят примеры сценариев таких событий как посещение кинотеатра, поездка в другой город, посещение ресторана и др. Сценарий состоит из нескольких актов или эпизодов. "Сценарии, или скрипты – это динамически представленный фрейм как разворачиваемая во времени определенная последовательность этапов, эпизодов" [Болдырев 2000: 37]. "Знания, заключенные в скриптах, – это когнитивные модели, позволяющие человеку ориентироваться в повседневных жизненных ситуациях. Концепт-сценарий – это особый вид концепта, реализующий в семантическом плане своего вербального выражения сему движения, идею развития" [Бабушкин 1998: 14]. Для моделирования прототипических ситуаций деловых переговоров, совещаний, инструктажа используются в первую очередь такие разновидности концепта как фреймовая ситуация и сценарий диалога.

Коммуникативный подход к анализу дискурса, возродивший взгляд на язык как на деятельность, был воплощен в первую очередь в **теории речевых актов**. Популярность этой теории и определила пути развития прагматики в целом. В основе теории речевых актов лежат идеи, зародившиеся в 1930-х годах и позже изложенные английским логиком Дж. Остином в лекциях, прочитанных в 1955 году в Гарвардском университете (США) и опубликованных в 1962 году под названием "How to Do Things with Words" [см.: Austin 1962, Остин 1986]. Эти идеи получили развитие в трудах американского логика Дж. Серля в монографии "Speech Acts" [Searle 1969] и ряде его статей. Активное развитие теории речевых актов дало возможность исследовать язык в его функционировании и проследить результат его воздействия на партнера по коммуникации. Теоретическое направление, заданное Дж. Остиным, явилось фактически альтернативой существующим исследованиям грамматики и явно вскрывало некоторые противоречия ее положений. Предложенная Дж. Остиным трехуровневая структура речевого акта – локуция, иллокуция и перлокуция – явилась достаточно удачной в том смысле, что позволила выделить ключевые моменты осуществления коммуникативного действия. Было установлено, что успешность исполнения речевого акта зависит от того, насколько слушающий идентифицирует иллокуцию говорящего.

В то же время следует отметить, что это ключевое понятие прагматики получило у разных авторов неоднозначную интерпретацию. Эти различия нашли свое наиболее яркое выражение в существующих классификациях речевых актов. Условно их делят на две группы, в зависимости от установки их участников и от количества выделяемых речевых актов. Остин Дж., положивший начало классификационной деятельности в области речевых актов, выделил пять классов в соответствии с иллокутивной силой входящих в них высказываний: 1) вердиктивы; 2) экзерситивы; 3) комиссивы; 4) бехабитивы; 5) экспозитивы. Отсутствие единого основания классификации явилось основной причиной создания альтернативной таксономии Дж. Серлем, который увеличил число признаков, положенных в основу классификации. Сюда вошли иллокутивная цель, интенсивность иллокутивной цели, способ достижения, условия пропозиционального содержания, предварительные условия, условия искренности и интенсивность условий искренности. Система речевых актов, предложенная Дж. Серлем и Д. Вандервекенем, включала следующие классы: 1) ассертивы или репрезентативы; 2) директивы; 3) комиссивы; 4) декларативы; 5) экспрессивы [Searle 1985: 12 – 20].

Впоследствии был предложен еще целый ряд классификаций, учитывающих дополнительные признаки, в некоторых случаях таксономии психологических состояний [см.: Почепцов 1981а, Апресян 1986, Fraser 1975, Wunderlich 1976, Auwera 1980, Bach 1980: 110 – 113, Ballmer 1981, Stiles 1981, Leech 1983, Verschueren 1983, Wierzbicka 1987]. О типологии речевых актов см. подробнее: [Богданов 1989, Григорьев 1997, Сусов 2006: 271–272, 2007: 39–40].

В зависимости от способа выражения иллокутивной силы высказывания, речевые акты традиционно делятся на прямые и косвенные. Проблема косвенных высказываний является одним из наиболее важных звеньев в теории речевых актов, изучающего вопрос о том, "каким образом говорящий может при помощи некоторого высказывания выражать не только то, что оно непосредственно обозначает, но и нечто иное; и каким образом возможно понимание этого слушающим" [Серль 1986: 197]. Большинство существующих определений **косвенности речевого акта** основаны на несоответствии между эксплицитно выраженной и реальной иллокутивной силой высказывания. Так, Д. Франк считает, что "речевой акт осуществляется косвенно тогда, когда иллокутивный тип, индуцируемый языковыми средствами, не совпадает с первично интендируемой иллокутивной функцией" [Франк 1999: 257]. Говорящий пользуется косвенными речевыми актами "либо в целях вежливого смягчения просьб, вопросов и замечаний, либо для того, чтобы сказать адресату неприятное, избежав неприятных последствий для себя" [Арутюнова 1981: 362]. В теории косвенности важное значение имеет контекст. Косвенные речевые акты отграничивают от имплицитных, рассматривая эти два вида как не прямые речевые акты в противоположность к прямым. К **имплицитным речевым актам** относят такие, истинная коммуникативная функция которых часто с трудом улавливается даже участниками конкретной ситуации общения [Милосердова 2001а: 40]. Одним из критериев для разграничения косвенных речевых актов от имплицитных высказываний Е.В. Милосердова называет различную степень удаленности реализуемого в них смысла от их буквального значения. Для косвенных высказываний характерна незначительная удаленность, поскольку коммуникативное намерение говорящего, выражаемое в них, является настолько очевидным, что слушатель без труда интерпретирует его. Косвенные значения таких форм фактически стало нормой в речевом общении, а сами формы являются своеобразными разговорными клише. "Поэтому неадекватная реакция слушателя на такое высказывание свидетельствует о намеренном нарушении слушателем коммуникативного процесса. ... В имплицитных языковых формах, напротив, ... истинное коммуникативное намерение так далеко от денотативного содержания высказывания, что в случае его буквального истолкования собеседником его трудно заподозрить в нарушении принципа коммуникативного сотрудничества" [Милосердова 2001а: 41].

Теория речевых актов внесла позитивный вклад в объяснение процессов речевого взаимодействия, продемонстрировав важность учета цели (намерения) говорящего, взаимосвязи интенции с другими экстралингвистическими факторами в форме соответствия между иллокутивной целью и обстоятельствами речевого акта, психологическим состоянием говорящего, его ин-

тересами, социальным статусом, его представлениями о ситуации общения и в том числе о слушающем с его знаниями, интересами, социальным статусом. Вместе с тем теория речевых актов "в силу ряда причин – отсутствие адекватной методологической базы, крайнего сужения объекта исследования, абсолютизации роли иллокутивной цели при недооценке других целей, достигаемых в общении, вне социального понимания акта коммуникации, статической точки зрения на объект ... не дает ответа на многие важные вопросы теории общения" [Кобозева 1986: 20–21]. К таким вопросам относятся проблемы выявления связи между стратегической целью речевого взаимодействия и тактическими целями составляющих его речевых актов, вопросы социального и культурологического характера, описание средств реализации речевых актов в диалогической речи. По сравнению с механическим миром вещей, пространства, времени, каузативности общение представляет собой иную "материю", где один речевой акт не может определять тип и свойства последующего акта, он лишь задает условия, в которых последующий акт будет более или менее ожидаемым, уместным, соответствующим нормам и правилам общения. Коммуникативные отношения характеризуются вероятностными зависимостями. В последние годы языковеды наряду с психологами, социологами, логиками активно работают над созданием адекватной теории речевого взаимодействия, импульсом к созданию которой явилась теория речевых актов. Изучение речевой деятельности привело к созданию в 70-е годы XX века теории речевой коммуникации. Данная теория учитывает, прежде всего, то, что общение – это не передача информации, а обмен информацией между коммуникантами. Теория речевого взаимодействия пытается восполнить пробел лингвистической прагматики, в фокусе исследований которой находится субъект дискурса как творец высказываний, сознательно отбирающий и комбинирующий языковые знаки для целей определенного воздействия на партнера. Таким образом, эта теория преодолела монолизм теории речевых актов.

Развитие теории речевых актов представляется перспективным в разработке типологии речевых действий [см.: Сухих 2004: 41]. Применение типологии речевых действий при анализе дискурса позволяет учитывать межличностные отношения партнеров, их социальный статус, их внутреннее состояние, регулирование предметного поведения. Типологию речевых действий можно представить в виде следующей таблицы (табл. 1).

1. Типология речевых действий

Класс речевых действий	Функция класса	Речевые действия
Репрезентативы	Представление о положении дел	<ul style="list-style-type: none"> • Высказывание о положении вещей • Высказывание мнения • Высказывание убеждения • Высказывание обоснования
Регулятивы	Прямое и косвенное регулирование предметного поведения и состояния партнера	<ul style="list-style-type: none"> • Высказывание приказа • Высказывание просьбы • Высказывание запрета • Высказывание упрёка • Высказывание предложения • Высказывание совета • Высказывание предостережения • Высказывание угрозы • Высказывание ободрения • Высказывание успокоивания • Высказывание обещания
Интеррогативы	Запрос информации	<ul style="list-style-type: none"> • Вопросительное высказывание
Контактивы	Поддержание отношений между партнерами	<ul style="list-style-type: none"> • Высказывание согласия • Высказывание отказа • Высказывание приветствия • Высказывание прощания • Высказывание формул знакомства
Экспрессивы и квазиэкспрессивы	Выражение внутреннего состояния партнера	<ul style="list-style-type: none"> • Высказывание удивления • Высказывание возмущения • Высказывание разочарования • Высказывание радости • Высказывание страха • Высказывание раздражения • Высказывание извинения • Высказывание благодарности
Структивны	Сегментация дискурса	<ul style="list-style-type: none"> • Высказывание, маркирующее тематическую организацию • Высказывание, маркирующее

		функции говорения <ul style="list-style-type: none"> • Высказывание, маркирующее обеспечение понимания • Высказывание, маркирующее продуцирование
--	--	---

Выбор коммуникантами типовых иллокутивных сценариев, адекватных их интенциональному замыслу, обуславливает эффективность коммуникации. В немалой степени этому способствуют регулятивные действия, т.е. "скоординированные партнерами действия для обеспечения нормальных условий диалогического общения" [Романов 1988: 70].

Таким образом, на наш взгляд, дискурс состоит из иерархической структуры с тремя или четырьмя уровнями. На нижней ступени находятся дескриптивные пропозиции. Это компоненты описания денотативных ситуаций. Эти пропозиции вплетены в конституирующие мир пропозиции, которые выражают установку говорящего о положении вещей. Данная установка рассматривается как "мир": мир познания, знания, веры и т.д. (Например: *Ich weiss; Я знаю; Ich bin überzeugt; Я убежден*). Третью ступень снизу вверх образуют перформативно-модальные пропозиции. Здесь речь идет о компонентах модальности, упорядочивании описаний положений вещей и описания мира по отношению друг к другу. Они характеризуются такими языковыми перформативными высказываниями, как: *mitteilen, dass; behaupten, dass; сообщить, что; утверждать, что*. Высказывания на этом уровне могут считаться структурно-дискурсивными. Названные уровни обуславливаются коммуникативной пропозицией, которая дает описание контекста и может быть интерпретирована как прагматические параметры, например, дейктические единицы. Если этот уровень выражается эксплицитно, то соответствующее высказывание тематизирует коммуникативную ситуацию. В повседневном общении это излишне, поскольку дейктически соотносимые пункты ситуации являются автоматически узнаваемыми. Из трех названных уровней дескриптивный компонент всегда присутствует в поверхностной структуре, денотативно-конституирующий и перформативно-модальный компоненты не обязательно должны быть манифестированы эксплицитно. Примером высказывания, в котором все три компонента эксплицитно выражены, является следующее предложение: *Ich teile dir mit, dass ich glaube, dass Peter kommt; Я сообщаю тебе, что я думаю, что Петр придет*. Представленная структурная иерархия может включать дальнейшие вплетения. Так, дескриптивный компонент может, в свою очередь, состоять из трех структурных уровней (дескриптивного, денотативного и перформативно-модального). С каждым уровнем могут быть, наконец, связаны еще два других компонента: указание темпоральности и оценки. Подводя итоги вышесказанному, отметим, что дискурс, беседа, разговор представляется необходимым исследовать в их когнитивной и интеракциональной связи. В рамках интегративного подхода открывается перспектива изучения всех феноменов, участвующих в формировании дискурса. Диапазон методов исследования довольно широк.

Это в первую очередь *метод лингвистического наблюдения и описания* пресуппозиционных и языковых фактов, репрезентирующих различные дискурсивные типы, *контекстуальный анализ, метод классификации*, т.е. выявления той сетки параметров, которая позволяет охватить все свойства экстралингвистических и языковых структур. При этом "концептуальные модели функционирования языка не просто описывают, а объясняют наблюдаемые факты, пересказывая, например, условия их проявления" [Баранов 2001: 8]. *Метод моделирования* позволяет выделить характеристики, связанные со структурной организацией дискурса. Здесь учитывается, однако, что модель всегда является идеализацией объекта моделирования, его огрублением. Одновременно она должна предсказывать поведение объекта и объяснять его [Апресян 1966: 81]. Значимая вариативность языковых структур активно используется в теории воздействия.

Наиболее трудной при конверсационном анализе является проблема сбора материала и его обработки, транскрипции, сегментации, сопоставления и описания и технические вопросы работы с информантами. Основополагающим методическим принципом конверсационного анализа является то, что эмпирический материал исследуется без предварительных теоретических рассуждений. Конверсационный анализ осуществляется путем интенсивного наблюдения и анализа материала. Для удобства обработки, членения и восстановления первичной формы диалога производится транскрипция беседы. Транскрипция разговора обычно осуществляется в таком порядке: вначале транскрибируются вербальные аспекты диалогических единств, затем паравербальные, голосовые информации и только затем невербальные. При анализе важно учитывать следующие моменты: обнаружение рекуррентности в материале, реконструирование проблемы, которую участники пытаются решить с помощью регулярно продуцируемых структур, описание опыта наблюдаемых явлений. Транскрипция – это один из основных этапов исследования, во многом определяющий его результат. "Работа с транскриптами для лингвистики диалога также важна, как использование микроскопа в биологии" [Böttcher 1997: 23]. Метод описания дискурса ориентируется в основных чертах на принципы американского конверсационного анализа – интерпретацию, ретроспекцию и ориентацию на слушающего. Использование методов конверсационного анализа позволяет решать несколько задач. Во-первых, фиксирование материала с помощью транскрипции. Во-вторых, анализ и, в качестве заключительной стадии, изложение результатов исследования, прогнозирование наиболее эффективных методов общения. Использование названных методов дает возможность включить в конверсационный и дискурсивный анализ описание схем действия (фрейм диалога), максимум действия, организационные принципы (структуру мены речевых ходов).

В настоящее время отсутствует единая система общепризнанных методик, правил и процедур сбора, представления и анализа языкового материала. Из наиболее известных сегодня используются такие как HIAT (Halbinterpretative Arbeitstranskription) Конрада Элиха и Йоахима Ребайна, система транскрипции дискурса Джона Дю Буа, именуемая ДТ (Discourse Transcription), предельно алгоритмизированная, нацеленная на работу с компьютером, "драматическая" запись в конверсационном анализе и этнометодологии, сложившаяся в американской группе по инициативе Гейл Джефферсон, система ТРУД М.Л. Макарова. О существующих системах транскрипции см.: [Макаров 1998: 83 – 95]. Эмпирической основой настоящего исследования явились деловые беседы, переговоры, а также примеры диалогических дискурсов из художественной и методической литературы немецкого, русского, английского языков.

Итак, приоритетными методологическими основами в исследовании дискурса в данной работе признаются понятия когнитивной и коммуникативной лингвистики. Синтез двух лингвистических направлений позволяет исследовать процесс

общения в наиболее полном объеме, от формирования и хранения информации, осуществляющейся по законам когнитивной лингвистики до ее передачи, в основе которой лежат законы коммуникации. Изучение дискурса в его когнитивной и интеракционной связи позволяет использовать разнообразные методы анализа: когнитивно-функциональный метод, контекстологический анализ, метод описания, метод классификации, метод моделирования, коммуникативный анализ, учитывающий реализацию речевых интенций адресанта. Когнитивно-прагматическая интерпретация сочетается с традиционным структурно-семантическим анализом.

Выводы по главе I

Включение в научную парадигму лингвистических исследований в современном языкознании пользователей языка привело к тому, что антропоцентрический фактор стал центральным, определяющим при изучении различных аспектов языковедческой науки. Вполне вероятно, что указанное явление явилось одной из причин возникновения новой лингвистической единицы – дискурса, учитывающей помимо лингвистических экстралингвистические, прагматические, социокультурные, психологические и другие факторы.

Как и всякое новое явление, теория дискурса претерпела в своем развитии несколько трактовок, что обусловило многозначность названного термина. Анализ употребления данного термина, начиная с его первоначального появления в работе З. Хэрриса "Discourse Analysis", позволил выделить четыре основных класса его использования: 1) собственно лингвистическое, где дискурс мыслится как речь, вписанная в коммуникативную ситуацию; 2) дискурс, используемый в публицистике, восходящий к французским структуралистам; 3) дискурс, используемый в формальной лингвистике; 4) дискурс как вид речевой коммуникации, как единица общения.

Дискурс в непосредственно лингвистическом использовании определяется как языковая единица не адекватная, не синонимичная тексту, а значительно более широкая, стоящая уровнем выше и включающая в себя экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата). Речевое общение репрезентируется диалогическим дискурсом.

Речевая деятельность помимо дискурсивного анализа является также объектом изучения конверсационного анализа и анализа диалога. Если первоначально под конверсационным анализом понималось эмпирическое исследование языковых текстов, воспроизводимых в естественных коммуникативных ситуациях, то впоследствии этот термин был применен при исследовании всех сфер языковой коммуникации, как только она продуцировалась в фактических социальных интеракционных ситуациях. Различия в теории дискурсивного и конверсационного анализа определяются задачами и целями их исследования.

В качестве основных задач исследования в конверсационном анализе рассматриваются попытки идентификации формальных, рекуррентных правил, технологии организации беседы и механизмов коммуникации. При этом не берутся во внимание и не объясняются психологические и личностные явления языковых феноменов. При анализе дискурса учитывается стратегия и интенция говорящих и соответствующее им продуцирование отдельных дискурсивных типов. Отличительным признаком дискурсивного анализа является также исследование ментальных процессов, игнорируемых в конверсационном анализе.

Изучение диалога, являющееся первоначальной формой исследования речевого взаимодействия, в современной лингвистике представляет собой составную часть конверсационного анализа и анализа диалогического дискурса. Небезинтересным представляется изучение речевого взаимодействия с применением дискурсивного, конверсационного и диалогического инструментария. Такой гетерогенный анализ, на наш взгляд, позволит наиболее полно выявить особенности речевого общения, опосредованного в дискурсе. Установка на максимально широкий учет когнитивных и коммуникативных факторов позволяет использовать широкий диапазон исследовательских методов. Это и когнитивно-функциональный метод, включающий в себя анализ на уровне поверхностной и глубинной семантики, контекстологический анализ, и методы коммуникативного анализа, учитывающие интенции адресанта и адресата, и методы когнитивно-прагматической интерпретации, описательный метод, метод классификации и метод моделирования. Используя названные методы, попытаемся охарактеризовать дискурс как лингвистический феномен.

Глава II

ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. ЗНАКОВЫЙ ХАРАКТЕР ДИСКУРСА

Определение дискурса как лингвистической единицы общения предполагает, что, как всякая языковая единица, он имеет признак знаковости как совокупности определенных свойств материального (формы) и идеального (содержания). Любой знак сам по себе является объектом реального мира, поэтому "его изучение невозможно в отрыве от той среды, в которой он существует" [Кравченко 2000: 3]. Вербализация и объективация определенного содержания, представленная в акте речи, знаменует собой работу с информацией, когнитивный процесс, рождающийся в процессах познания и восприятия мира. "Все единицы языка служат либо выражению информации, либо ее распределению, либо, наконец, членению потока информации и при этом, делая это, они обслуживают как мыслительные процессы в голове отдельного человека, так и способствуют отражению опыта человечества в целом, фиксируя результаты восприятия и познания действительности" [Кубрякова 1997: 251].

Для интерпретации тех или иных элементов ситуации целесообразнее использовать термин "концепт". Терминологически концепт и значение строго разграничиваются как явления универсального предметного кода (концепт) и явления языка (семантика). "Лексема обладает семантикой, концепт-содержанием" [Стернин 1999: 69]. "Знание когнитивных структур, связанных с языковым знаком, предшествует дискурсу: если человек знает языковой знак, он знает и его категориальное значение, а в ситуациях, когда он создает знак, он тоже должен подвести знак под определенную категорию, – вне этой операции акт номинации состояться не может. Дискурс только подтверждает, какая структура знания и в каком виде была в нем использована" [Кубрякова 1997: 183]. "...Мы условно полагаем, – писал Т.А. ван Дейк, – что значения дискурсов должны быть выражены или сигнализированы, прямо или косвенно, поверхностными структурами текста" [Дейк 1989: 47]. Соответственно, анализируя "значения дискурса", мы должны уметь связывать их с сигнализирующими эти значения языковыми формами, устанавливая при этом, "прямо или косвенно" осуществляется подобная сигнализация.

Вместе с тем, очевидно, что знак без значения, вложенного в него интерпретатором, перестает быть знаком. "Знака нет вне семиотического процесса, вне деятельности интерпретатора, устанавливающего триадическое знаковое отношение. Не существует знака без воздействия на интерпретатора" [Сусов 1990: 126]. Это воздействие, названное Ч. Пирсом интерпретантой, может *быть эмоционального характера, вызывать определенные эмоции (эмоциональные интерпретанты)*, обуславливать какое-либо действие (*энергетические или динамические интерпретанты*), влиять на ход мыслей или поведение (*логические, нормальные или финальные интерпретанты*). Теория речевого взаимодействия пытается восполнить пробел лингвистической прагматики, в фокусе исследований которой находится субъект дискурса как творец высказываний, сознательно отбирающий и комбинирующий языковые знаки для целей определенного воздействия на партнера. В настоящем исследовании принимается один из постулатов современной лингвистики о том, что адресат есть роль активная, требующая от исполнителя, прежде всего, действий, как речевых, так и неречевых, как в ходе коммуникативного акта, так и за его пределами. Структурирование речевого взаимодействия с точки зрения семиотического процесса можно представить с помощью модели Ч. Морриса (схема 1) [Моррис 1984].

Схема 1. Семиотическая модель Ч. Морриса

В схеме И.П. Сусова [Сусов 1990: 131] интерпретанте противопоставляется коммуникативное намерение (интенция) говорящего. Интенция говорящего и интерпретанты слушающего выступают в данном случае как прагматические составляющие плана содержания текста, его прагматические значения. Термин "прагматика" употребляется в качестве синонима по отношению к терминам "интенция" и "интерпретанта".

Современная риторика пользуется идеей троичного различения структуры речевого действия, восходящей к практике античной диалектики с ее терминами этос, пафос, логос. Этосом принято называть те условия, которые получатель речи предлагает ее создателю. Пафосом называют намерение, замысел создателя речи, имеющее целью развить перед получателем определенную и интересующую его тему. Пафос общения в теории речевого воздействия – достижение эффекта, установление новых, эмоциональных, когнитивных и поведенческих изменений у получателя речи. Предметом риторики является логос – словесное воплощение пафоса в условиях этоса [см.: Рождественский 1997].

Отмечая многомерность речемыслительного пространства дискурса и используя разработку понятийного аппарата семиотики применительно к лингвистике, П.В. Зернецкий распространяет описание языкового знака на его функционирование в условиях реальной коммуникации. К таким характеристикам языкового знака автор относит, прежде всего, аспекты описания отношений, в которые он вступает с объектами речевой/неречевой деятельности: сигматический, семантический, прагматический, синтаксический. При этом под сигматическим аспектом понимается связь между языковым знаком и отражаемыми в нем объектом/объектами окружающего мира, под семантическим – связь языкового знака со своим значением; под прагматическим – создание и использование языкового знака людьми, под синтаксическим – связь языкового знака с други-

ми себе подобными. "Семантическая координата дискурса описывает область содержательной интерпретации знака и его мыслительного эквивалента (значения) и несущего в себе совокупность знаний о мире через установленную в социуме систему понятий, категорий и т.п. о нем" [Зернецкий 1990: 61].

Поскольку каждый из участников коммуникации имеет свой жизненный опыт, обладает своим знанием мира, одна и та же жизненная ситуация может быть воспринята и оценена по-разному. Роль слушателя, его значение в коммуникативном взаимодействии не такая уж пассивная, как это кажется на первый взгляд. Адресат не становится действующим лицом по ходу коммуникативного акта, он является таковым уже на момент начала взаимодействия. Как правило, опытный коммуникант готовится к речевому общению задолго до его инициации, учитывая факторы адресата. "Адресант моделирует концепцию (прото)типического адресата исходя из собственной картины мира посредством соотнесения опытного знания и прогностической оценки" [Казыдуб 2006: 244]. Таким образом, воздействие адресата на речевую ситуацию начинается вообще за его пределами. Категории адресата, адресанта и интенциональности определяют область взаимодействия, в которой происходит пересечение картин мира коммуникантов.

Смысл, вкладываемый адресантом в продуцируемый дискурс, динамичен и существует в ситуации, в которой неизменно проявляются говорящий и слушающий. Смысл на уровне дискурса можно назвать *генеральным*. Он формируется из *оказиональных* смыслов отдельных высказываний и обладает относительной инвариантностью. Вариативность смыслов высказывания и дискурса проявляется в наличии у них интерпретативного компонента (интерпретанты). Присутствие интерпретанты обусловлено спектром личностных характеристик субъекта, осуществляющего интерпретацию. "Для говорящего глобальный смысл представляет собой целостный объем информации, генерируемый им в ходе коммуникативного процесса, предназначенный для передачи слушающему" [Алимурадов 2006: 4]. Значения и okazjiональные смыслы отдельных высказываний, проявляющиеся в продуцируемом говорящим дискурсе, репрезентируют и формируют глобальный смысл этого дискурса. При этом, вероятно, следует различать речевые смыслы отдельных высказываний и некоторое "результатирующее" семантическое образование – концепцию (данного фрагмента мира), ради которого и осуществляется речевое взаимодействие. Если использовать понятие "схема" в структурировании информации, то можно сказать, что "общее значение дискурса не может приравниваться к сумме значений пропозиций, входящих в состав репрезентации, которая строится на его основе" [Сонин 2002: 146], поскольку схема представляет собой третий уровень структурирования информации вслед за концептами (минимальными единицами) и пропозициями (комбинациями последних). Для реципиента передаваемый ему глобальный смысл неизвестен. Задача слушающего состоит в воссоздании доносимого до него целостного информационного сообщения таким образом, чтобы переданный и проинтерпретированный глобальный смыслы были максимально тождественны, по крайней мере, близки.

Итак, прагматическими составляющими, опосредующими процесс общения, в данной работе признаются интенциональный фактор как доминирующий у говорящего, фактор восприятия, или интерпретация у слушающего. Триадность модели включает также фактор оценки и ответной ментальной и/или практической реакции (схема 2).

Схема 2. Прагматические составляющие речевого общения

Глобальный смысл развертывается в дискурсе по мере того как говорящий произносит соответствующее высказывание или группу высказываний. Специфика ситуации порождения дискурса состоит в том, что генерирование дискурса является "реакцией адресанта на возникновение проблемной – в широком смысле – ситуации. Направленность говорящего на решение ситуации посредством передачи реципиенту какого-то содержания является одним из компонентов всеобъемлющей категории интенциональности, и именно интенциональность служит тем стержнем, вокруг которого сплачиваются отдельные смысловые компоненты, формируя более сложные единства" [Алимурадов 2006: 4]. Интенциональность представляет собой субъективное явление, присущее как говорящему, так и слушающему.

2.2. УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ДИСКУРСА

Дискурс, как языковая единица, характеризуется универсальными и специфическими чертами. Главными универсальными чертами дискурса являются его целостность и связность.

Целостность дискурса проявляется в непрерывной смысловой связанности его компонентов и складывается из некоторых содержательно-структурных компонентов, опознаваемых в результате восприятия дискурсивного события как комплекса. Она напоминает явление, названное выдающимся советским психологом Л.С. Выготским "вливанием смысла". Понимая слово "вливание" "...одновременно в его первоначальном буквальном значении (вливание) и в его переносном, ставшем сейчас общепринятым значением, можно сказать, что "смыслы как бы вливаются друг в друга и как бы влияют друг на друга, так что предшествующие как бы содержатся в последующем или его модифицируют" [Выготский 1996: 308].

Связность дискурса проявляется в дискурсивной континуальности и обуславливается специфическими закономерностями, правилами, которые лежат в основе формирования комплексных коммуникативных единиц языка. Она может рассматриваться с точки зрения его: а) интонационно-ритмического; б) логического; в) семантического; г) формально-грамматического оформления и обнаруживаться по специальным маркерам иллокутивного и/или дискурсивного характера.

Когерентность признается как главное свойство дискурса также другими исследователями [Гришаева 2006: 12]. Главным недостатком прагма-лингвистических моделей С.А. Сухих называется "высокую степень дискретности "схватывания" таких существенных качеств коммуникации, как целостность и дискурсивная континуальность" [Сухих 1998б: 11]. Именно поэтому им предпринята успешная попытка построения модели коммуникации, в которой сочетаются коммуникаторо-центрический и тексто-центрический подходы, позволяющие произвести более целостную концептуализацию пространства лингвистической прагматики в переменных модели.

Хронотопность дискурса воплощена в репрезентации и восприятии пространственных и темпоральных отношений и осуществляется в основном через глаголы и наречия. По справедливому замечанию Н.Д. Арутюновой "классы предметов обозначаются в языках достаточно гомогенной категорией имен и именных словосочетаний, кванты событийного потока коррелируют с очень разными и даже резко противопоставленными единицами, такими как предложение (пропозиция), его номинализация, глаголы (их лексическое значение), видо-временные и модальные формы предикатов, имена обще- и конкретно-событийного значения". Вследствие всего этого "концепты, моделирующие кванты происходящего, формулируются на перекрестке именных и глагольных категорий" [Арутюнова 1988: 101–102].

Целостность дискурса непосредственно связана с его **информативностью**, поскольку обмен информацией является одним из неперемных условий осуществления коммуникативного акта. В случае непоступления от собеседника ожидаемой информации информативным становится само поведение партнера по речевой коммуникации. "Речевое взаимодействие всегда ориентировано на передачу или получение информации, другое дело, что информация, "перекачиваемая" подобным образом, время от времени не опознается как таковая" [Клюев 1998: 6]. Следует констатировать, что критерии информативности не достаточно четко обозначены в настоящее время, что связано с вопросами дефиниции данного понятия, измерения уровня информативности, определения типичных форм представления информации в дискурсе, разграничения "старого" и "нового", степени восприятия информации.

В диалогическом дискурсе отражены также такие особенности коммуникации, как наличие двух или более партнеров и деятельностный характер, нашедшие воплощение в **интерсубъективности** и **интенциональности**. Адресатом дискурса может быть языковая личность с любой коммуникативной ролью (слушающий, читатель, посторонний слушающий, подслушивающий и т.п.), на которого автором дискурса ориентировано речевое воздействие. Дискурс **процессуален**. Признаки процессуальности и интерсубъективности отражены в определении речедеятельности. Коммуникация представляет собой процесс взаимной координации деятельности через посредство вербальных и невербальных семиотических систем [см.: Maturana & Varela 1987: 212, Болдырева 2001, Кашкин 2005]. "Коммуникативное событие является процессом, оно континуально, но может быть дискретизировано, сегментировано, расчленено на единицы" [Кашкин 2005: 351].

В то же время "пространство дискурса, являясь точкой в беспредельном континууме речевой деятельности, само по себе **предельно** и **внутренне делимо**. Оно состоит из единиц речевой деятельности различного коммуникативного статуса, речемыслительных сил с различными векторами и направленности на адресата/адресатов дискурса" [Зернецкий 1990: 61]. Дискурсивные единицы обладают относительными функциями целостности. Континуальность и членимость дискурса являются его конституирующими признаками.

Дискурсу как языковому знаку высшего порядка присуща также **модальность**, связанная с доминированием в нем одного или нескольких параметров их речевоздействующих пространств. Дискурсы с эксплицированной модальностью по отражаемым в них личностным смыслам автора ориентированы на сферу материальной (речевой/неречевой) деятельности адресата. Выделяемые П.В. Зернецким дискурсы желания, долженствования, возможности имеют разные мотивы и цели общения. Так, дискурс желания мотивирован и имеет конечной целью формирование с помощью дискурса и прогнозирование его автором желания адресата. Смысловая сторона дискурса долженствования обеднена, наблюдается отсутствие аргументации и мотивирования открыто выражаемых автором, требуемых от адресата речевых/неречевых действий. Дискурс возможности основывается на действии аккумулирующей силы и направлен на получение от адресата информации любого вида: сигматической, семантической или прагматической [см.: Зернецкий 1990: 65–66].

Интертекстуальность дискурса проявляется в его связи с предшествующими и последующими произведениями. Как совершенно справедливо отмечает В.Б. Кашкин, "мы все говорим фразами уже ранее сказанных, ранее созданных текстов" [Кашкин 2005: 348]. Порождение и понимание дискурса в немалой степени зависит от внутриязыковой памяти на созданные ранее и произнесенные или зафиксированные в письменном виде чужие речевые действия.

Применительно к некоторым видам дискурса можно говорить о категории **авторитетности** и **прецедентности** (см., например, об авторитетности рекламного дискурса: [Баева 2000: 5], авторитетности научного дискурса: [Болдырева 2001, 2002]. Категория авторитетности признана одной из важнейших составляющих коммуникативного процесса. Как отмечают А.А. Болдырева и В.Б. Кашкин, ее содержание связано с лингвоэкономическим и властным статусом коммуникантов [см.: Болдырева 2001, Кашкин 2005]. Авторитетность в данном случае дефинируется как одна из прагматических категорий, проявляющая себя в использовании пословиц, крылатых выражений, цитат, ссылок на мнение известных личностей и/или результаты тестов, апеллирующих к общепризнанным истинам и авторитетам. Авторы как бы опираются на уже признанные авторитеты. "Авторитетность исходит, как правило, из экстралингвистической среды, ее привносят в рекламный текст пословицы и крылатые выражения, ссылки на результаты тестов и лабораторных испытаний, на мнение известной личности, то, что Р. Лей называет качественным усилением воздействия. И если при употреблении пословиц и крылатых выражений присущая им мудрость незаметно переносится в рекламный текст и присутствует там имплицитно, то результаты тестовых испытаний и высказывания экспертов и знаменитостей по поводу рекламируемого объекта являются эксплицитным выражением категории авторитетности" [Баева 2000: 21]. В языковом плане данная категория весьма редко находит свое выражение в средствах явной грамматики. "Эта категория выражается, преимущественно, в дискурсных маркерах (типа вводных фраз, ссылок, вставных текстов, цитат и т.п.). Ее содержание, как правило, метакоммуникативно, т.е. референционная функция здесь минимальная, функция же регуляции, 'мониторинга' коммуникативного процесса явно выражена" [Болдырева 2001]. Прецедентный дискурс, по сути, – "очень развернутая, преобразованная, гипертрофированная метафора. Прецедентный текст всегда формирует некий концепт, социопсихическое образование, характеризующееся многомерностью и ценностной значимостью" [Кашкин 2005: 348].

Языковеды отмечают также присущность дискурсу таких черт, как полиинтерпретируемость результата в конвенционально обозначенных пределах, возможность различного содержательного наполнения при сохранении формальной макро- и микроструктуры и ряд других [см.: Гришаева 2006: 12].

Таким образом, как и всякой языковой единице, дискурсу присущи универсальные и индивидуальные, идеотнические черты. К первым относятся: цельность и связность, проявляющиеся в непрерывной континуальности смыслов, хронотопность, воплощающаяся в репрезентации и восприятии пространственных и темпоральных отношений, информативность, интерсубъективность, интенциональность. Категории авторитетности и прецедентности, по всей вероятности, индивидуальные, идеотнические черты, поскольку наблюдаются не во всех видах дискурса.

Дискурс, как языковая единица высшего порядка, имеет сложное строение, характеризующееся своими принципами и правилами организации, к рассмотрению которых мы и переходим в следующем разделе.

2.3. ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ДИСКУРСИВНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Под организацией дискурса понимается членение и упорядочивание его составляющих частей. Теоретическая рамка конверсационно-аналитической модели восходит к этнометодологическому (конверсационному анализу), который развился в середине 1960-х годов в исследовательской группе американских социологов под руководством Харви Сакса. Членением дискурса называется естественное сегментирование, которое вычленяет дискурс как целое из его окружения и делает узнаваемым его внутреннее структурирование на отдельные части (разделы), а также на более мелкие единицы. Членение может осуществляться по *тематическому* и *функциональному* принципу. К тематической структуре относится: подготовка, введение, разработка и окончание обсуждения темы в беседе. Функциональная организация дискурса основывается на интерактивных речевых действиях и речеорганизующих действиях. Они неравнозначны. Языковые действия, относящиеся к коммуникации, образуют метаакциональный уровень. Наряду с тематической и функциональной организацией в диалогических дискурсах имеется еще один организационный аспект, который обусловлен участием нескольких говорящих: *мена коммуникативных ролей* и *структурирование речевых вкладов*.

Вычленение этих трех организационных уровней подтверждается тем фактом, что они имеют свои собственные речевые единицы со своими собственными организационными принципами. Между названными аспектами дискурсивной организации существует тесная взаимосвязь. Одни и те же языковые единицы могут служить для дискурсивной организации как в тематическом, так и в функциональном и коммуникативном отношениях.

К основным принципам конверсационно-аналитического моделирования относят следующие положения.

1) Характер протекания интеракции. Порядок в разговоре не задается заранее. Он устанавливается в ходе самой беседы, с каждым речевым вкладом (W. Franke).

2) Интерактивная конструкция структуры, совместное конституирование отдельных речевых вкладов. Центральным средством для производства речевого обмена является специфическая заготовка говорящего, ориентированная на предположку понимания или взаимодействия партнеров.

3) Последовательность структуры интеракционных действий. Последовательность предполагает определенную взаимосвязанность высказываний. Ярким примером такого взаимодействия является пара "вопрос-ответ", т.е. пары высказываний обуславливают друг друга. Ядром исследовательской программы конверсационного анализа является как раз последовательность организации разговора (W. Kallmeyer, W. Franke). Принцип, говорящий о том, что за действием определенного типа должно последовать другое действие корреспондирующего типа и что оно ожидаемо в этом месте, называется принципом "условной релевантности" (W. Kallmeyer, F. Schütze). Следует, однако, оговориться, что предыдущий речевой акт не определяет однозначно тип и свойства последующего акта, он лишь задает условия, в которых последующий акт будет более или менее ожидаемым, уместным, соответствующим нормам и правилам общения.

4) Отнесенность к контексту. Высказывания можно осмысленно интерпретировать только в соответствующем контексте, но они сами создают одновременно контекстуальные условия для последующих высказываний.

5) Структурная упорядоченность интеракции, которая регулируется механизмами мены ролей говорящих (H. Sacks, E.A. Schegloff, G.A. Jefferson), правилами открытия и окончания разговора, правилами коррекции разговора.

Структуру речевого взаимодействия можно рассматривать как "двухвершинную систему" (Г.В. Колшанский), в которой прежде всего выделяют двух участников коммуникации – говорящего и слушающего. В лингвистической литературе неоднократно обсуждалась данная проблема (Н.Д. Арутюнова, И.П. Сусов, Т.Г. Винокур, Д. Вундерлих, Т.А. ван Дейк и др.), высказывались предложения по созданию, так называемой, грамматики отправителя и грамматики получателя. Как известно, еще Р. Якобсон писал об учете в лингвистике позиций говорящего и слушающего: "Две точки зрения – кодирующего и декодирующего, или, другими словами, роль отправителя и роль получателя сообщений должны быть совершенно отчетливо разграничены. ... Оба участника акта речевой коммуникации подходят к тексту совершенно по-разному" [цит. по Алпатов 1999: 303]. При этом Р. Якобсон ввел понятия "кодирование" и "декодирование". Под кодированием понимается процесс преобразования смысла в текст говорящим, а под декодированием – процесс обратного преобразования слушающим. Таким образом, адресант идет от смысла к тексту, адресат же наоборот – от воспринимаемого текста к смыслу. Аналогичную точку зрения высказывал и Ш. Балли [Алпатов 1999: 159 – 162].

Коммуникация состоит в нормальном виде из чередующихся, следующих друг за другом речевых вкладов. Говорящий, совершая речевой акт, ставит перед собой цель, чтобы слушающий понял не только *что* он говорит, но и *почему* он это говорит. Кроме того, адресант стремится к тому, чтобы в результате интерпретации его сообщения слушающий "был побужден либо к изменению своих представлений об окружающем мире (информация), либо к осуществлению в этом мире нужных говорящему изменений (просьба или приказание), либо к ожиданию каких-то событий или действий в будущем (обещание, предупреждение)" [Дейк 1978: 293]. В соответствии с этим говорящий стремится выбрать наиболее уместную в определенной коммуникативной ситуации языковую форму, построить высказывание так, чтобы оно соответствовало его интенции, эмоциональному состоянию коммуникантов, их социальному статусу. При этом партнер по коммуникации должен признать определенное направление внутри коммуникации. На этой основе Пауль Грайс построил свои конверсационные максимы. Он различает "общепринятые импликации" и "конверсационные или разговорные импликации". При общепринятых импли-

кациях буквально сказанное совпадает с имплицированным содержанием. При разговорных импликациях имплицитная (скрытая) мысль скрывается за собственно сделанным высказыванием. Отсюда вытекает принцип *кооперации*. Принцип кооперации требует соблюдения следующих максим и постулатов:

1. *Максима Количества*. а) вклад в общение должен быть информативно настолько выдержан, насколько это возможно; б) речевой вклад не должен быть избыточно информативным, тогда нарушается максима количества и как следствие, происходит потеря времени и замешательство.

2. *Максима Качества*. а) вклад в общение должен быть истинным; б) никогда не должно быть сказано то, что считаешь ложным, или для чего нет конкретных доказательств.

3. *Максима Релевантности*. Каждый вклад в общение должен быть релевантным (важным, существенным, актуальным).

4. *Максима Способа*. а) необходимо избегать многозначности и неясности; б) делать вклады кратко и ясно, не отклоняться от темы. Более подробно [см.: Grice 1980, Грайс 1985: 220–221].

Разумеется, реальное общение не всегда строится в соответствии с максимами Принципа Кооперации, поскольку "данные постулаты очень далеки от реального человеческого общения, в ходе которого мы часто говорим гораздо больше, или, наоборот, гораздо меньше того, что требуют ситуация и собеседник. Еще чаще мы делаем заявления без достаточных для того оснований, смягчая их всяческими "наверное, по-видимому" и т.д. А как часто мы говорим вовсе не по существу! ... что касается ясности выражения, отсутствия двусмысленности, то неукоснительное соблюдение этого постулата лишило бы нас той огромной части мировой литературы, где сюжеты строятся, прежде всего, на том, что героиня неправильно истолковала слова героя. ... Такие сцены буквально списаны с жизни, с живого общения обыкновенных людей" [Милосердова 2001а: 10]. Кроме того, коммуниканты не всегда способны проследить за взаимным соблюдением этих правил. Тем не менее, в деловой сфере наблюдается тенденция к выполнению говорящим всех требований данного Принципа, а слушающий, в свою очередь, пытается интерпретировать высказывание собеседника как соответствующее требованиям этих постулатов.

Итак, внутреннее структурирование дискурса может осуществляться по тематическому или функциональному принципу. В диалогическом дискурсе прослеживается структура мены коммуникативных ролей и пошаговость речевых вкладов. Соблюдение основных принципов разговорно-аналитического моделирования и максимов П. Грайса обеспечивают успешность и эффективность правил речевого взаимодействия и позволяют разработать диалектику умелых и успешных переговоров. Структура дискурса в тематическом и функциональном плане будет рассмотрена несколько ниже. Характеризуя в настоящей главе дискурс как сложный, многогранный феномен, обратимся к попыткам его классификации.

2.4. ТИПОЛОГИЯ ДИСКУРСА И ВИДЫ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

В настоящее время классификации дискурсов, предложенные учеными, представляющими разные области знания и их направления, весьма неоднородны, что объясняется многогранностью феномена "дискурс" и возможностью его изучения с различных позиций, например, с позиции прагматической лингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии, структурной лингвистики, лингвистической социологии, социолингвистики. За основу типологии дискурса предлагается принять когнитивно-интерпретируемый уровень (И.П. Сусов), тезаурусный уровень (Ю.Н. Караулов), тип группы, имеющий более или менее устойчивую позиционно-ролевую структуру, свой набор типов деятельности (соответственно целям и предметам общения), прямо и опосредованно сопряженные с ним показатели уровня формальности, конвенциональности и ритуальности, кооперации и конфликта, социально-психологической когезии, единства и расхождения установок, пространственно-временной локализации, норм и порядка взаимодействия (М.Л. Макаров). В работах П.В. Зернецкого классификация дискурсов проводится по объему вкладываемых в них автором знаний (мнений) об окружающем мире и по степени сложности их речевоздействующих пространств. В связи с этим за основу классификации дискурса берется типология языковых личностей, которая, в свою очередь, обуславливается использованием ими определенных способов речевой деятельности. "Дискурсы могут быть классифицированы по величине речедеятельных усилий их авторов, объему вкладываемого в них фонда знаний об окружающем мире. ... По степени сложности речевоздействующего пространства дискурсы могут быть классифицированы на *элементарные* и *комбинированные*, в которых используются два, три или все четыре возможные речевоздействующие силы, функционирующие в четырехмерном пространстве речевой деятельности" [Зернецкий 1990: 66]. Следует, однако, отметить, что речевоздействующие силы действуют в комплексе. Изолированно они выступать не могут. Об этом пишет и сам автор: "В реальном речевом общении дискурсы имеют, как правило, комбинированный характер, в особенности, если они состоят более чем из одной единицы речевой деятельности" [Зернецкий 1990: 66].

По мнению некоторых лингвистов, тип дискурса, его официальность или неофициальность зависит от составляющих компонентов речевого общения: фрейма и сценария общения, социальных ролей коммуникантов, видов и сферы коммуникации, характера отношений между коммуникантами. Характер отношений между коммуникантами предопределяет специфику общения: официальное обуславливается выполнением коммуникантами некоторых социальных функций (начальник–подчиненный; следователь–подсудимый; учитель–ученик и т.д.). Сюда могут быть отнесены совещания, презентации, деловые дискуссии, обвинительные речи в суде, интервью, переговоры, инструктаж. Публичное общение в любой его форме имеет официальный статус. *Неофициальный* в терминологии В.И. Карасика *персональный* (лично-ориентированный) и *официальный*, или *институциональный* дискурсы выделяются с позиции социолингвистики. "В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определенного социального института" [Карасик 2000б: 5]. Персональный дискурс представлен В.И. Карасиком как *бытовое* и *бытийное* общение. Специфика бытового общения, детально отраженная в исследованиях разговорной речи, "является естественным исходным типом дискурса, органически усваиваемым с детства" [Карасик 2000б: 5]. Такое общение происходит между хорошо знакомыми людьми, его задачей является поддержание контакта и решение бытовых проблем. Большой процент в таком общении занимают авербальные компоненты: мимика и жесты. Вербальное общение в данном случае иногда лишь дополняет невербальное. Участники общения проговаривают основные моменты пунктирно, спонтанно, нарушая зачастую логику и структурную оформленность высказывания, произнося их бегло и нечетко. Лексический фонд таких высказываний характеризуется наличием сниженной жаргонной лексики [Девкин 1979: 154]. Единицы разговорной речи имеют конкретную денотативную соотнесенность, что делает возможным их замену невербальными знаками. Речевые единицы зачастую

имеют нечеткую подвижную семантику, легко заменяются субститутами, в первую очередь местоимениями и междометиями [см.: Сиротинина 1983: 9, Карасик 2000а: 6].

Бытийный дискурс имеет развернутый, предельно насыщенный смыслами характер, здесь используются все формы речи на базе литературного языка. Бытийное общение "преимущественно монологично и представлено произведениями художественной литературы и философскими и психологическими интроспективными текстами" [Карасик 2000б: 6]. Карасик В.И. разделяет бытийный дискурс на прямой и опосредованный. Прямой бытийный дискурс представлен в его классификации двумя противоположными видами: смысловым переходом и смысловым прорывом. Смысловым переходом имеет в качестве основной композиционно-речевой формы рассуждение, т.е. вербальное выражение мыслей и чувств, их назначением является определение неочевидных явлений, имеющих отношение к внешнему или внутреннему миру человека. "Смысловым прорывом – это озарение, инсайт, внезапное понимание сути дела, душевного состояния, положения вещей. Композиционно-речевой формой смыслового прорыва является текстовый поток образов, своеобразная магма смыслов, разорванных со своими ближайшими ментальными образованиями. ... Континуальное состояние сознания перестраивается и структурируется по новым ориентирам, подсказанным определенными образными опорами. Эта реструктуризация сопровождается сильным эмоциональным потрясением ... Подобные тексты требуют неоднократного повторения, и каждое повторение осознается адресатом как ценный опыт" [Карасик 2000б: 5].

В сфере официальной коммуникации выделяется институциональный дискурс, представляющий собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений. В.И. Карасиком приводится ориентировочный список видов институциональных дискурсов, выделяемых на основании двух системообразующих признаков: цели и участников общений, определяемых наличием общественных институтов: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный [Карасик 2000б: 6].

Поскольку общественные институты подвержены изменениям, расширениям, слияниям и т.п., список представляющих их дискурсов в различных исследованиях не совпадает. Сравним, например, виды дискурсов, выделяемых Н.Н. Мироновой: педагогический, политический, научный, критический, этический, юридический, военный, родительский дискурсы [Миронова 1997: 14–15]. Хабермас Ю. разграничивает практический, критический и этический дискурсы [Habermas 1989]. Проводятся исследования, посвященные городскому, ресторанному дискурсу [см.: Анисимова 2006]. Для каждого вида институционального дискурса характерна своя мера соотношения между статусным и личностным компонентом. В институциональном дискурсе выделяются определенные жанры, а именно деловые беседы, деловые заседания (соборы, совещания, дискуссии, деловые приемы, деловые переговоры, телефонные разговоры, деловая переписка). К речевым ситуациям монологического типа относят конференции, торжественные собрания, презентации. К речевым ситуациям диалогического типа – совещания, дискуссии, переговоры. *Совещания* – это "форма организации делового общения коллектива (группы) с целью обмена информацией и принятия коллективного решения по актуальным для данного коллектива (группы) проблемам" [Андреев 1995: 61]. Это специально организованное мероприятие (заданное место и заданное время), одна из форм осуществления управленческой деятельности. В теории менеджмента по цели обычно различают 4 вида совещаний: информационные; инструментальные; проблемные и творческие [Анисимова 2000: 32]. Под *информативными* понимаются *собеседования*, где каждый участник кратко докладывает о положении дел начальнику; *инструктивное* – это такое *совещание*, где участники знакомятся с инструкциями, слушают сообщения и объяснения по определенным вопросам; *проблемное* – это *совещание с целью принятия решения*, где мнения участников, представляющих разные отделы, подразделения организации координируются для принятия решения по конкретной проблеме; *творческое совещание* представляет собой использование новых идей, разработку перспективных направлений деятельности.

Существует и ряд других классификаций совещаний, в том числе по сфере применения: в науке – конференции, семинары, симпозиумы, заседания ученых советов, в политике – съезды партий, пленумы, митинги. По тематике различают совещания технические, кадровые, административные, финансовые и т.д. Как отмечает Б.Н. Волгин, исходя из этико-организационных подходов, американские исследователи выделяют совещания диктаторские, автократические, сегрегативные, дискуссионные и свободные [Волгин 1981]. На *диктаторском* совещании руководитель обычно сообщает присутствующим свое решение по определенным вопросам или знакомит с позицией или распоряжением вышестоящей организации. Дискуссии не проводятся. Участники только задают вопросы. *Автократическое совещание* – разновидность диктаторского. Руководитель задает поочередно вопросы участникам и выслушивает их ответы. Приглашенные не имеют права высказывать мнения относительно позиций других участников. *Сегрегативное совещание* (сегрегация (лат.) – отделение, удаление) состоит из доклада руководителя или назначенного им лица. Участники выступают в прениях по указанию (выбору) председательствующего. Демократический характер имеет *дискуссионное* совещание. Происходит свободный обмен мнениями, после которого решение принимается общим голосованием с учетом высказанных мнений и предложений. *Свободные заседания* проводятся без четко сформулированной повестки дня. Совещание обязательно призвано разрешить некоторую существенную проблему, поэтому основным содержанием совещания является ее обсуждение и разрешение, вследствие чего возникает дискуссия по решаемым вопросам, главная цель которой – поиск истины [см.: Волгин 1981: 20]. Для делового совещания, как и для всей диалогической речи, одним из самых распространенных минимальных диалогов является вопросно-ответное единство. К жанрам делового дискурса относятся также *деловые переговоры*, которые представляют собой процесс, в ходе которого участники пытаются реализовать взаимные интересы, разрешить возникшие проблемы, используя знания, ум, опыт, творчество [Тупицына 2000: 46].

Переговоры отличаются от делового совещания тем, что в них стороны представляют несовпадающие, часто противоположные интересы, и цель переговоров – нахождение общего компромиссного решения по интересующему стороны вопросу. При работе совещания участники преследуют общие цели путем открытой дискуссии и решений, опирающихся на взаимопонимание. "*Дискуссия* – это свободный публичный спор по какому-либо вопросу, имеющий целью достижение согласия в той или иной форме, причем тема дискуссии обязательно предполагает наличие противоположных точек зрения на этот вопрос и формулирование тезиса и антитезиса" [Анисимова 2000: 36]. Разновидностями дискуссии являются диспут, обсуждение, полемика, дебаты, прения. В идеале эффективные переговоры – это то же самое что и здоровая групповая работа в деловом коллективе. В ходе переговоров обмен информацией продолжается до тех пор, пока не начнет обретать явные фор-

мы выгодный для обеих сторон компромисс. Переговоры имеют более официальный, конкретный характер и, как правило, предусматривают подписание документов, определяющих взаимные обязательства сторон (договоров, контрактов и т.д.).

Для оптимального упорядочивания дискурсивных типов Т.В. Анисимова предлагает составить модель дискурса, включающую столько признаков, сколько необходимо для всесторонней характеристики дискурса. Эти признаки рекомендуются объединить в три уровня: *системный*, *стратегический* и *тактический* [см.: Анисимова 2000]. На **системном уровне** говорится о самых общих, глобальных признаках, присущих всем без исключения типам соответствующей группы. Здесь предпринимается попытка установить место дискурсивных типов по отношению друг к другу. В число определяющих признаков включается соотнесение с типами речи по цели. Анализ видов речевой деятельности показывает, что, в сущности, все типы говорения можно свести к четырем классам в зависимости от макроинтенции говорящего. Человек производит речевые акты либо с целью проинформировать кого-либо о чем-либо (познавательная, эвристическая коммуникация), либо с целью воздействовать на собеседника, принудить его совершить или не совершать какие-либо речевые и неречевые действия (регулятивная коммуникация), либо с целью выразить состояния и эмоциональные отношения (экспрессивная коммуникация), либо с целью установления, поддержания контакта, окончания разговора (фатическая коммуникация). Все остальные типы могут присутствовать и сопровождать названные выше коммуникации. Как отмечает И.П. Сусов, составляющие дискурс речевые шаги могут быть как однотипными, так и разнотипными по заложенной в них интенции. "Например, в дискурсе: *Я не смог приобрести эту книгу. Я прошу Вас дать мне Вашу на время* сочетаются речевые акты констатации и просьбы: интенция/иллокутивная функция просьбы подчиняет себе более нейтральную интенцию констатации" [Сусов 2000: 135]. Данные наблюдения подтверждаются исследованиями других лингвистов, выделивших в соответствии с целевой установкой приблизительно те же виды коммуникации и репрезентирующих их дискурсов. Сравним, например: а) информационную или познавательную; б) убеждающую или аргументативную; в) экспрессивную, социально-ритуальную коммуникации А.А. Романова [Романов 1996: 16 – 18], информативные, императивные, этикетные и оценочные типы речевых жанров Т.В. Шмелевой [Шмелева 1997: 91 – 97], информационные, убеждающие, эпидейктические, призывающие к действию дискурсы Т.В. Анисимовой [Анисимова 2000]. Названные виды коммуникации представлены соответственно в информационном, аргументативном, экспрессивном, социально-ритуальном дискурсах.

На **стратегическом уровне** устанавливается более точная специфика дискурса. Здесь составляется модель дискурса, где указываются его общие признаки. Впоследствии коммуникатор при разработке дискурса придерживается установленной модели, пытаясь не отклониться от разработанного стандарта, который чаще всего задается жестко. Здесь же устанавливается специфика каждого элемента модели, обеспечивающая в дальнейшем его сознательное применение. Итак, создание эффективной модели общения в соответствии с названными типами предполагает выделение четырех основных названных типов коммуникации: информационного, аргументирующего социально-ритуального и экспрессивного. Все остальные типы могут присутствовать и сопровождать названные выше коммуникации. Главной целью **информационного** общения является сообщение, передача информации (схема 3). Наиболее ярко стратегия информирования проявляется в *научном* дискурсе. При передаче информации адресант является интерактивно доминирующим коммуникантом. При этом заинтересованность адресанта в правильности получения информации не всегда имеет место.

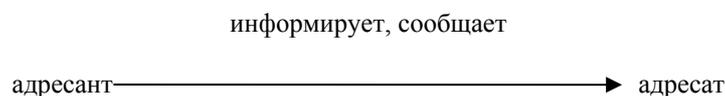

Схема 3. Информационное общение

Аргументативная коммуникация – это общение между отдельными индивидуумами или отдельным индивидуумом и аудиторией с ярко выраженной направленностью на воздействие и контроль за сознанием воспринимающих речь со стороны говорящего с целью внесения возможных изменений в модель мира адресата или адресатов и установления консенсуса между говорящим и слушающим или слушающими посредством убеждающего дискурса. Определяющими особенностями аргументативной коммуникации являются противоречие, выражающееся в когнитивном или аксиологическом конфликте, в столкновении мнений, и противопоставление как когнитивное моделирование сообщения, как техника убеждения.

Социально-ритуальная коммуникация направлена на поддержание норм и обычаев социально-культурного поведения, например, знакомства, поздравления, соблазна, гостеприимства, установление контакта, прощания, благодарности, извинения и т.п. Речевые действия в таких коммуникативных актах относят к контактивным. Как следует из названия, этот вид коммуникации наиболее ритуализован. Существуют дискурсивные стандарты социально-ритуальных действий в менталитете и языке каждой национальности. К элементам модели Т.В. Анисимова относит ситуацию общения, характеристику оратора, портрет аудитории, целевую установку, типичное содержание речи [см.: Анисимова 2000].

Экспрессивная коммуникация характеризуется передачей чувств, оценок, взглядов, установок участвующих в деловом общении. Как отмечает А.А. Романов, наиболее распространенные примеры из управленческой деятельности – это оценка неожиданных результатов, общение после длительного перерыва [см.: Романов 1996: 17].

Моделирование речевого общения является одной из наиболее сложных операций. **Кодовая модель коммуникации** отдает предпочтение информации (схема 4).

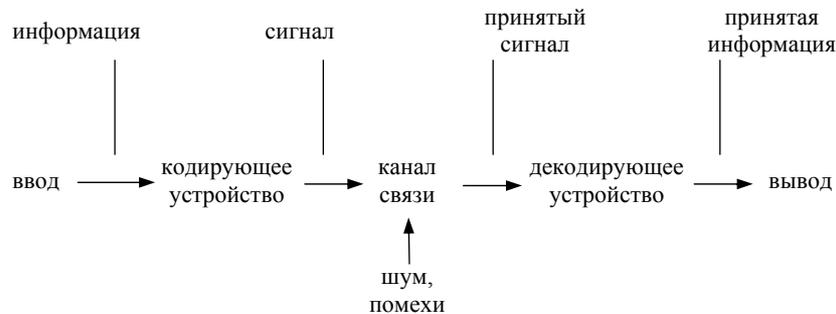

Схема 4. Кодовая модель коммуникации

Эта модель коммуникации демонстрирует возможность передачи и декодирования информации на другом конце цепочки. Однако эта модель не предусматривает декодирование смысла высказывания.

Общение заключается не только в передаче какой-либо информации, а также в передаче смыслов. Социальный мир коммуникантов возводится во взаимных, обоюдонаправленных актах изложения и интерпретации смыслов. Например, если говорящий сообщает о том, что сегодня хорошая погода, вполне возможно, что его высказывание является предложением пойти погулять. Эти проблемы, проблемы семантико-прагматического характера пытается разрешить **инференционная** модель коммуникации. Инференционная модель использует в качестве своего функционального основания принцип выводимости знания. В кодовой модели говорящий намеренно отправляет слушающему некоторую мысль. В инференционной модели говорящий, вкладывая "свой смысл" в высказывание, трижды демонстрирует свои интенции (намерения): он намерен произнесением высказывания вызвать определенную реакцию в аудитории, он хочет, чтобы слушающий распознал его намерения, чтобы распознавание намерения явилось основанием или частичным основанием для реакции.

Интеракционная модель коммуникации в качестве главного принципа выдвигает взаимодействие, помещенное в социально-культурные условия ситуации. Эта модель учитывает значительно большее число факторов коммуникации, поскольку не только языковые структуры, но и вся коммуникативно-обусловленная социальная практика объясняет природу формирования смыслов в общении. Данная модель помещает в центр внимания аспекты коммуникации как поведения. Более подробно об идейных источниках названных моделей [см.: Макаров 1998].

Для определения специфики жанра большое значение имеет **тактический уровень**, поскольку именно здесь условная схема наполняется живым содержанием. Здесь рассматриваются типичная для данного жанра аргументация, композиция жанра, языковые и стилистические особенности. Главной целью **информационной** коммуникации и репрезентирующих ее дискурсов является передача содержания или информации. Основной вопрос в такой беседе – что говорит коммуникант. Говорящий в диалогах познавательного характера может использовать такие вводные реплики как: *Sie haben sicher schon erfahren / gehört, dass ... – Вы конечно уже слышали в курсе, что..., Wissen Sie schon, dass...? – Вы уже знаете, что ...?, Sind Sie schon darüber informiert, dass...? – Вас уже проинформировали о том, что...?, Ich bin beauftragt Sie darüber zu informieren, dass... – Мне поручено проинформировать Вас о том, что... и т.п.*

Аргументативная или убеждающая коммуникация характеризуется оказанием влияния на собеседника. Его цель – изменить, трансформировать, модифицировать "картину мира" коммуниканта, которая является лишь частью объективной картины ситуации и представляет собой знания, убеждения, веру, эмоциональное и интеллектуальное состояние коммуниканта. Эффективность убеждения, удача или неудача его как интенционального хода отражается в ответной реакции реципиента неречевым действием (или несовершенством) действия. Выбор средств речевого воздействия детерминирован в определенной степени характеристиками коммуникативного акта, а также той логической структурой, которую выбирает адресант (подробнее об этом в главе 3).

Целью **социально-ритуальной** коммуникации является соблюдение правил конвенции, т.е. принятых в данном обществе форм речевого взаимодействия.

Функция **экспрессивной** коммуникации – выражение и передача чувств, оценок, взглядов, установок коммуникантов. Для такого общения характерно использование междометий, поскольку не всегда можно достаточно адекватно выразить чувства и состояния, духовные и психологические потребности, отношение к вещам, ситуациям, явлениям, поступкам личности. Для выражения основной положительной эмоции – радости, используются такие речевые клише, как: *Wunderbar! – Чудесно!; Herrlich! – Прекрасно!; Grossartig! – Великолечно!; Hervorragend! – Замечательно!; Ausgezeichnet! – Потрясающе! Отлично!; Einfach super! – Вот это класс! Просто превосходно!* и др. Для выражения удивления – *Tatsächlich? – В самом деле?; Wirklich? – Правда? Неужели?; Nicht möglich! – Не может быть!; Wie kommt denn das? – Как же так?* и др. Для выражения возмущения, гнева – *Das ist empörend, unerhört! – Это возмутительно, неслыханно! Das ist aber zuviel des Guten! – Ну это уже слишком, чересчур!; Jetzt ist aber Schluss! – Ну, хватум! Все – бацма! Mir reicht es! – С меня довольно!* и т.п.

Следует отметить, что наиболее частым видом в бытовом общении выступает аргументативная коммуникация (см. прил. 1). Кроме того, перечисленные типы речевого общения редко встречаются в чистом виде, они могут, и, как правило, сочетают в себе элементы других коммуникативных разновидностей. В данном случае мы говорим об интердискурсивности как явлении, при котором "прототипические элементы, органично присущие одному типу дискурса, включаются в другой дискурс" [Чернявская 2004: 108], когнитивные модели одного типа проникают в другой тип дискурса. Так, убеждающая, или аргументативная коммуникация сопровождается зачастую изложением каких-либо фактов, событий. Ярким примером информационной коммуникации служат лекции, выступления перед аудиторией, передача новостей по телевидению и радио. Они также могут включать аргументирующие модели. Все виды общения сочетаются с несловесной или невербальной коммуникацией, куда входят интонация, мимика, жесты, ходы, регламентирующие общение, а также дистанция, организация пространства общения и т.п. План выражения невербального компонента представлен фонацией, кинесикой и проксемикой [см.: Колшанский 1974, Nöth 1985, Богданов 19906, Аристов 1998]. Под фонацией понимают такие характеристики, как сила голо-

са, ее громкость, тембр, ритм и темп речи, высота тона, дикции, а также отдельные аспекты интонации. Фонетические средства участвуют в формировании коммуникативной направленности высказывания, помогают выделить его информационный фокус, передают эмоциональное состояние говорящего, уточняют тип речевого акта.

Выражение лица, мимика, жестикация, визуальная коммуникация (движение глаз, взгляды) относят к кинесике. Названные средства также несут большую информационную нагрузку, зачастую не меньшую, чем вербальное сообщение. Функции кинетических средств могут иметь дейктический и контактно-регулирующий характер. С помощью взгляда (пристального, упорного, настойчивого) регулируется участие в коммуникативном обмене информацией. Встреча глазами в начале беседы символизирует установление взаимного контакта. Взгляд может обозначать восхищение, зависть, мольбу, страх, недоверие, презрение и т.п. Движение головы также придает дополнительные смысловые оттенки речи говорящего и слушающего. Позы и жесты достаточно хорошо описаны в работах А. Пиза [см.: Пиз 1992].

Под понятие проксемики подводят "расстояние между коммуникантами при различных видах общения, их векторные направления", "тактильную коммуникацию (прикосновения, похлопывания адресата по плечу и т. д.)" [Аристов 1998: 25]. Расстояние между говорящими, например, в Азии, значительно больше, чем между говорящими европейцами. Однако увеличение дистанции в данном случае не следует расценивать как холодное, безличностное отношение к партнеру, поскольку зоны общения между азиатами определяются поклонами, а не пожатием руки.

Внеязыковые фонационные средства, как и вообще все те явления, которые изучаются паралингвистикой, могут описываться подобно средствам языковым, т.е. в единстве их плана выражения и плана содержания. Процесс языковой коммуникации, таким образом, может включать в себя использование средств вербальных как основных и средств невербальных как дополнительных или как компенсаторных. Богданов В.В. отмечает, что функции невербальных компонентов по своей природе более прагматичны, чем семантически [Богданов 1987: 21]. К невербальной сфере общения относятся также силенциальные акты (коммуникативно значимые акты молчания) и акциональные компоненты (действия коммуникантов, сопровождающие речь). Коммуникативная нагруженность актов молчания варьируется от нации к нации. В литературе высказывается, например, мнение, что в Японии молчание нередко становится "высшим средством общения" [Богданов 1987: 23]. Немецкие лингвисты столкнулись с необходимостью изучения особенностей невербальной стороны коммуникации в связи с трудностями и даже неудачами при ведении деловых переговоров, в частности, с финнами. Выяснилось, что там, где немец ожидает на свою реплику словесной реакции финского партнера и не получает ее, он истолковывает молчание другой стороны как коммуникативно значимое (либо как несогласие, либо как отказ), тогда как исследования обнаружили иные причины такого молчания [см.: Бондаренко 1981: 4].

В лингвистических исследованиях последних лет в понятие "коммуникация" включают также "значащее" бытовое поведение – совокупность предметно-бытовых действий людей, получающих в данном обществе, в данной лингвокультурной общности смысловую интерпретацию, и тем самым включающихся в общий коммуникативный процесс и влияющих на поведение и общение людей" [Стернин 1998: 95]. Коммуникативное поведение индивидуумов представляет собой реализуемые в коммуникации правила и традиции общения той или иной лингвокультурной общности. Они, как правило, имеют ярко выраженную национальную окраску.

Как вербальная коммуникация, так и значащие жесты, мимика, бытовое поведение нуждаются в "переводе", поскольку они в большинстве случаев национально окрашены, а иногда и вовсе непонятны представителям других народов и культур. Достаточно упомянуть такие факты, как выражение согласия у болгар с помощью покачивания головой из стороны в сторону, что соответствует русскому "нет" и покачивания головой вперед и назад, что является отрицанием, выражением несогласия. Постукивание костяшками пальцев о стол немцами в конце лекции, семинара означает выражение благодарности. Свист публики на концерте имеет прямо противоположное значение в России и на Западе. На Западе – это высшая похвала артиста, в России – выражение недовольства, неодобрения публики, знаком того, что концерт не понравился. В качестве примера разной коммуникативной интерпретации бытового поведения И.А. Стернин описывают ситуацию с подарками в Германии и России. Подаренная хозяйке-немке бутылка вина убирается со стола, что рассматривается русскими как проявление жадности, скуности; в немецкой же культуре вино в таком случае рассматривается как сувенир [Стернин 1998: 95].

Взаимоотношение культур, описание коммуникативного поведения – одна из центральных проблем не только современных научных исследований различного направления – этнографии, психологии, социологии, психолингвистики, теории коммуникации, социолингвистики, паралингвистики, риторики, лингводидактики, но и искусства. Так, фильм Никиты Михалкова "Сибирский цирюльник" акцентирует внимание на многих явлениях и реалиях русской жизни конца XVIII – начала XIX веков, не понятных одной из главных героинь – американке: запой, кулачные бои, обряд прощения на масленицу, понятие чести и дружбы у юнkers и др. Незнание правил коммуникативного поведения русских и психологических особенностей русской души явилось причиной, из-за которой главная героиня фильма терпит поражение в личной жизни.

Таким образом, в структуру коммуникации входят вербальное, невербальное, силенциальное общение и значащее бытовое поведение. Наиболее распространенные типы коммуникации – повседневный бытовой, познавательный, аргументативный, или убеждающий, экспрессивный и социально-ритуальный. Все виды коммуникации имеют национальную окраску.

На тактическом уровне можно выделить также *ироничные* дискурсы. Ироничные дискурсы основаны на метафоре. Метафора представляет собой "троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п. для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичных данному в каком-либо отношении" [Арутюнова 1990: 296]. В широком смысле термин "метафора" применяется к любым употреблением слов в непрямом значении, к любым тропам. Устоявшимися в лингвистической науке считаются положения о семантической двойственности метафоры, проявляющееся в двуплановости устанавливаемой связи между двумя различными категориями объектов, невозможности изоляции метафоры от определяемого, наличие метафорического референта и коррелята [Арутюнова 1998]. Главное в таких дискурсах – разное прочтение, разное понимание. В связи с этим в филологической герменевтике разработаны представления о метафоризации как "пробудителе рефлексии" [Богин 1993, Крюкова 1999].

Особый вид представляет собой *рекламный* дискурс, функционирующий в определенном социокультурном контексте. Он представляет собой сравнительно автономное образование в дискурсе СМИ. Его особенностью является то, что соотношение вербального и невербального в нем приобретает чаще всего форму взаимодействия символических и индексальных знаков, в то время как иконические служат основой последних. "Рекламный дискурс организован как перманентная комму-

никация отправителя рекламного сообщения и реципиента. Отправители рекламного сообщения считают несущественными для данного дискурса речевые и коммуникативные нормы, стремятся сократить социальную дистанцию за счет использования приемов, характерных для неофициального межличностного общения" [Овчинникова И.Г. 2006: 42]. О специфике рекламного дискурса [см.: Романов 1997, Давыденкова 1998, Баева 2000, Лейчик 2000].

Характер речевой стратегии в совокупности с доминирующими речеактовыми высказываниями определяет прагматический тип дискурса: директивный, интеррогативный, инъюнктивный, реквестивный, экспозитивный и др. Существенным компонентом речевого воздействия в данном случае является убеждение. Эффективность убеждения, удача или неудача его как интенционального хода отражается в ответной реакции реципиента неречевым действием (или несовершением) действия. Такая реакция может подтверждаться вербальным актом.

Следует иметь в виду, что названные типы общения репрезентируются в первую очередь в диалогическом дискурсе. Представление о дискурсе, как единице, расположенной выше уровня текста, позволяет разграничивать *монологический* и *диалогический* дискурсы. Основные различия между монологической и диалогической речью заключаются не в том, сколько коммуникантов участвуют в речевой коммуникации, а каким образом коммуникативный процесс мотивирован и структурирован. Так, если аргументирование развивается диалектичным способом, если смена перспективы связана с последовательностью сквозного центрального аргумента, если осуществляется смена перспективы вокруг зеркальной оси центрального аргумента, сопровождаемая регулярной сменой коммуникативных ходов, то мы вправе назвать такую речь диалогичной. Все остальные речевые формы относятся к монологическим. Многие языковеды рассматривают диалогический дискурс как речевое взаимодействие двух или более коммуникантов. Помимо речевой репрезентации, диалогический дискурс включает в себя ряд экстралингвистических факторов: коммуникативную установку участников речевого взаимодействия, наличие общих фоновых знаний, общей глобальной темы и т.д.

Данные факторы связывают речевые действия в речевые последовательности, необходимые для реализации интенции говорящих и для актуализации определенной стратегии поведения. Они имеют непосредственное отношение к семантическому выбору, позволяющему коммуникантам наиболее адекватным образом решать поставленную задачу. Конечной целью диалогического дискурса является его восприятие, понимание.

Диалогический дискурс характеризуется постоянным соотношением речевых действий с глобальной темой или ее частными аспектами, являющимися темами более простых по структуре отрезков дискурса, тем не менее иерархически подчиненных ей. Для диалогической речи, представляющей собой первичную форму языкового общения, обязательно наличие такого признака, как обмен высказываниями. Иными словами, диалог обязательно предполагает обмен коммуникативными ролями между его участниками. Собственно речь идет о передаче роли говорящего (в американской терминологии *turn taking*, в немецко-язычной литературе *Sprecherwechsel*). Коммуникативная роль говорящего (отправителя вербального сообщения, продуцента, адресанта) попеременно переходит от одного участника общения к другому. После того как говорящий завершил свой коммуникативный акт, посредством которого внес свой вклад (*turn*, *Redebeitrag*) в развертывание диалогического взаимодействия, он становится слушающим (получателем сообщения, реципиентом, адресатом).

Диалог строится так, что его компоненты оказываются связанными между собой и содержательно и конструктивно. В его организации помимо собственно языковых средств (номинативных, синтаксических, морфологических, системно-интонационных), участвуют фонация (изменения качества голоса), мимика, жесты и обмен взглядами, позы общающихся, а также словесный контекст и ситуация данного коммуникативного акта. По словам Б. Техтмайер, диалог "есть основополагающее коммуникативное событие прямой коммуникации, в результате которого партнеры вербально, с помощью смены ролей, в конкретных социально-исторических условиях достигают определенных целей деятельности" [Techtmeier 1986: 43]. Отмечая импровизационный характер диалога, и определяя диалог как "форму общения людей, которая складывается из чередования реплик участников", Т.В. Анисимова подчеркивает невозможность разработать весь сценарий диалога заранее [см.: Анисимова 2000: 31]. *Диалогическое единство* тесно связано с механизмом взятия шага, являющимся техникой для выбора следующего говорящего. Сакс Х., Щеглофф Э. и Джефферсон Дж. полагают, что диалогическое единство обладает следующими характеристиками: 1. Диалогическое единство – это последовательность двух высказываний, которые являются соседними (смежными) и произнесены двумя говорящими; это единство разделено на первую и вторую часть (или ряд вторых), т.е. вопрос требует ответа, приветствие требует приветствия и т.д. 2. Произнеся первую часть высказывания, говорящий должен прекратить говорить, и другой говорящий должен произносить с этого момента вторую часть той же пары [Sacks 1974].

"Связная последовательность простых или интегративных коммуникативно-прагматических типов высказываний, единичный обмен партнеров по коммуникации речевыми действиями, независимо от разрешения коммуникативного намерения иницирующего высказывания" представляется *блоком реплик* [см.: Комина 1986: 60]. Факторович А. и Каде Т. указывают на относительность понятия "*блок реплик*". "Его характеризует невозможность использования в отрыве от смежных концептов. Необходимое условие – это его дополнение представлением о разрешении иницирующего намерения, о средствах выражения его успешности или нереализованности" [Факторович 1994: 49].

Эквивалентами термина "диалогическое единство" служат термины "диалогическая пара", "диада", "смежная пара" (*adjacenty pair*), "разговорная последовательность" (*sequence of talk*) [Klammer 1973, Sacks 1974, Schegloff 1978].

Попытки классификации диалога предпринимались еще в Древней Греции. В трудах по риторике диалог характеризовался как "разговор, диалог в природе – взаимное изъяснение разумных существ – необходимость в обществах" [Кошанский 1998: 308]. "Разговор имеет то преимущество перед обыкновенною прозою, что в нем больше живости, убеждений и разнообразия, нежели в повествовании или рассуждении [там же: 309]. Кошанский Н.Ф. различает *философские разговоры*, суть которых "исследование истины, в котором участвуют два или более лиц и *драматические разговоры*, которые представляют в действии происшествя и лица. "Содержанием философского разговора бывает истина, большею частью новая, подверженная сомнению, требующая раскрытия, объяснения; сия истина может быть философская, богословская, историческая, литературная и вообще всякая ученая, которой исследование может принести пользу уму, сердцу или науке. *Драматический разговор* получил бытие и название от драматической поэзии. Содержанием драматического разговора бывает не истина, а происшествя, занимательное само по себе или по лицам. Цель драматического разговора двоякая: а) если действие занимательно, то оживить его и сделать еще занимательнее; б) если занимательны лица, то привести их в такое положение, чтобы каждое слово их возбуждало интерес и любопытство [Кошанский 1998: 309].

Наиболее существенным для построения типологии диалогов считается признак, характеризующий модус взаимодействия партнеров. Если цели коммуникантов в основном совпадают, этот диалог именуется *кооперативным*. Примером могут служить неформальные беседы социально равноправных партнеров с высокой степенью знакомства (small talkings). В таких разговорах языковая интеракция является самоцелью, она выдвигается всеми на первый план. Спонтанные разговоры знакомых служат в большинстве случаев поддержанию положительных отношений между равноправными партнерами в неформальных ситуациях. Как подчеркивает С.А. Аристов, "достижение согласия в таких разговорах в отношении организации отношений направлено главным образом на то, чтобы сохранить свой "имидж" или "лицо", равно как и имидж партнера, по крайней мере на эксплицитном уровне" [Аристов 1999а: 10]. Наиболее часто используемые стратегии в таких ситуациях – кооперационные стратегии. Как показывают многочисленные исследования, эти стратегии влияют непосредственно на технологию мены коммуникативных ролей.

Так как партнеры, как правило, хорошо друг друга знают, они позволяют друг другу перебивать себя, допускают повторы и взаимное говорение, нахлесты и воспринимают это терпимо и даже положительно оценивают. Кооперация нахлестов обусловлена тем, что коммуниканты хотят совместно сделать свои речевые вклады и выразить свою эмоциональную близость и согласие. "Отклонения" от системы речевого обмена не должны восприниматься как аномалии или нарушения, если идет речь о форме беседы в неформальной речевой ситуации между близкими партнерами. Спонтанные разговоры в кругу друзей служат в большинстве случаев поддержанию социального контакта и положительных отношений. Согласно Б. Малиновскому, в данном случае говорят о *фатических* макроинтенциях коммуникантов [см.: Malinowski 1969, Почепцов 1981б].

Несоблюдение основных принципов коммуникативного обмена проявляется особенно четко в случаях обращения к другим типам дискурсов, например, к *спору*. Грубер Г. констатирует в анализе конфликтных коммуникаций, что следствия несогласия в конфликтном диалоге отличаются от концессуальных диалоговых фаз специфическими структурными характеристиками. Так, смена речевых ходов осуществляется не в местах доверия, а в местах несогласия, т.е. в тех местах, где в речевом вкладе конфликтующих сообщается что-то, чему слушающий хочет возразить [Gruber 1996]. Примером может служить спор между кооператором Костоедом и доктором Живаго в романе Б. Пастернака "Доктор Живаго": (1) *"Однако вернемся к предмету спора. Вы неправы, доктор. Жареный заяц – вещь великолепная. Но выводить отсюда, что деревня благоденствует, это, простите, по меньшей мере смело, это скачок весьма рискованный. – Ах, оставьте, – возразил Юрий Андреевич. – Посмотрите на эти станции. Деревья не спилены. Заборы целы. А эти рынки! Эти бабы! Подумайте, какое удовлетворение! Где-то есть жизнь. Кто-то рад. Но все стонут. Этим все оправдано. – Хорошо, кабы так. Но ведь это неверно. Откуда вы это взяли? Отъезжайте на сто верст в сторону от полотна. Всюду непрекращающиеся крестьянские восстания. Против кого, спросите вы? Против белых и против красных, смотря по тому, чья власть утвердилась. Вы скажете, ага, мужик враг всякого порядка, он сам не знает, чего хочет. Извините, погодите торжествовать. Он знает это лучше вас, но хочет он совсем не того, что мы с вами. Когда революция побудила его, он решил, что сбывается его вековой сон о жизни особняком, об анархическом хуторском существовании трудами рук своих, без зависимости и обязательств кому бы то ни было. А он из тисков старой, свергнутой государственности попал под еще более тяжкий пресс нового революционного сверхгосударства. И вот деревня мечется и нигде не находит покоя. А вы говорите, крестьянство благоденствует. Ничего вы, батенька, не знаете и, сколько вижу, и знать не хотите. – А что ж, и правда не хочу. Совершенно верно. Ах, подите вы! Зачем мне все знать и за все распинаться? Время не считается со мной и навязывает мне, что хочет. Позвольте и мне игнорировать факты. Вы говорите, мои слова не сходятся с действительностью. А есть ли сейчас в России действительность? По-моему, ее так запугали, что она скрывается. Я хочу верить, что деревня выиграла и процветает. Если это и заблуждение, то что мне тогда делать? Чем мне жить, кого слушаться? А жить мне надо, я человек семейный. Юрий Андреевич махнул рукой и, предоставив Александру Александровичу доводить до конца спор с Костоедом, придвинулся к краю полатей..." (Пастернак: 173–174).*

Следствия несогласия характеризуются систематическими сдвигами в правилах передачи речевого хода. Это позволяет понимать конфликтную коммуникацию как особую интерактивную форму, которой присущи другие признаки, нежели чем концессуальной коммуникации. Одним из признаков конфликтных диалогов является высокая степень наличия перебивов или попыток перебива. [см.: Gruber 1996]. Грубер Г. подчеркивает, что перебивы в конфликтных ситуациях осуществляют двойную функцию. Они не только оспаривают у противника право речевого вклада и угрожают тем самым "негативному лицу", но и маркируют содержательные пункты несогласия в аргументации говорящего, где адресант хочет выступить с критикой взглядов адресата. Следует также отметить, что спор является, как правило, эмоциональной аргументацией и в качестве конституирующего элемента содержит эмоциональность.

Не кооперационно настроенный речевой шаг вводится чаще всего союзами "but", "aber", "no", которые, прежде всего, отвлекают от предыдущего шага, т.е. сигнализируют о несогласии. Как отмечает Д. Шиффрин, "использование структур, сигнализирующих о начале и повороте темы, в общей функции в коммуникативном аспекте взятия речевого шага – предпочтительнее, чем механический способ взятия речевого шага" [Schiffirin 1986: 372].

Конфликтные диалоги маркированы различными целями коммуникантов. В зависимости от того, стремятся ли коммуниканты к согласованию своих целей, избираются также разные стратегии. Флауерс М. и др. предлагают различать два вида аргументационных стратегий: аргументации убеждений (persuasion arguments), для которых характерна готовность коммуникантов к компромиссу и те стратегии, которые образуют противоположность к этой, т.е. установка на конфликт, когда участники коммуникации решительно настаивают на своей точке зрения, не стремясь хотя бы к частичному согласию [см.: Flowers 1982].

Аналогичную классификацию предлагает М. Дойч, который выделяет два вида выхода из конфликта, а именно кооперативный и конкурентный. Кооперативные стратегии выхода из конфликта направлены на редукцию разногласий и на открытую установку конфликтующих сторон. Конкурентный выход из конфликта характеризуется подчеркиванием различий между партнерами, а также установкой на недоверие обоим партнерам [см.: Deutsch 1976]. Что касается организации отношений коммуникантов, необходимо отметить, что конфликтные дискурсы нацелены прежде всего на то, чтобы сохранить собственный имидж (установка несогласия и настаивание на своем мнении) и подвергнуть угрозе имидж противника (перебивание, непризнание противоположной точки зрения). Вновь возникает вопрос, насколько названные стратегии влияют на мену речевых ходов коммуникантов и какие признаки этого влияния имеют значение.

В связи с этим С.А. Аристов в случае с дискурсами согласия, которые служат социальному контактированию партнеров, выделяет кооперативные образцы мены речевых ходов, а в случае с диалогами несогласия, из которых вытекают конфликты, комплететивные (дополняющие) образцы дискурсов и соответственно комплететивные формы мены речевых ходов [Аристов 1999а], [см. также: Franke 1990]. "Техника мены речевых коммуникативных ролей ориентируется в большей части на процессы отношений, которые в речевой ситуации доминируют в зависимости от контекстуализованных форм кооперации" [Аристов 1999а: 10].

Разделяя все диалоги на *конфликтные* и *неконфликтные*, Т.В. Анисимова отмечает, что неконфликтный диалог выделяется в тех случаях, когда тезисы говорящих не вступают в противоречие, а дополняют, уточняют и развивают друг друга. В свою очередь в этом виде диалога ею выделены *кооперированный* и *доминирующий* виды. Кооперированный диалог ведется между равными партнерами и состоит из чередующихся реплик, инициатива друг друга поддерживается, диалогическая ситуация равноправна. В деловой речи сюда относятся беседа (между равными партнерами), проблемные совещания и т.д. Доминирующий диалог налицо в том случае, когда только один из участников задает вопросы и предлагает новые темы, а второй играет пассивную роль слушающего. Сюда относятся всевозможные кадровые собеседования, интервью. Конфликтный диалог, по мнению Т.В. Анисимовой, выделяется, когда имеется тезис и антитезис участников общения, находящихся в противоречии друг к другу. Этот тип диалога подразделяется в свою очередь на *спор* и соответственно *конфликт*. "Спор (и его разновидности: дискуссия, полемика и т.д.) предполагает, что, хотя тезисы и находятся в противоречии (подчас непримиримом), однако участники не испытывают друг к другу личной неприязни, имеют надежду в результате диалога достичь хотя бы некоторого взаимодействия. Конфликт – это совершенно деструктивная форма диалога, где в противоречия вступают не столько тезисы, сколько личности участников" [Анисимова 2000: 31–32].

Диалогический дискурс именуется дискурсом коммуникативного режима (Н.И. Формановская), где собственно и "живет" речевой акт. Коммуникативному режиму, как известно, противопоставлен нарративный речевой режим, режим *описательно-повествовательного* рассказа. Сравните: "Он умолял ее отнестись серьезно к его клятвам, но она отказывалась его слушать и просила оставить ее в покое". В этом тексте заложено несколько значений речевых актов, представленных в режиме описания–повествования, и, следовательно, не выражающих речевые акты непосредственно. Сравните: *Умоляю отнестись серьезно. Клянусь. – Отказываюсь Вас слушать. Прошу оставить меня в покое*. Коммуникативный и нарративный речевые режимы организуются разным выбором и употреблением речевых единиц. Так, в коммуникативном режиме преобладают глаголы несовершенного вида, в нарративном режиме – глаголы совершенного вида. В нарративном режиме невозможно иллокутивное самоубийство. Сравните: **Я принуждаю тебя. – Я принуждал его. Он принуждал ее к тому, чтобы она вышла за него замуж*. О нарративном режиме [см.: Падучева 1996].

Трансформация диалогического дискурса, содержащего прямую речь, в монологический может рассматриваться в отдельных случаях как свертывание диалогического дискурса. Воспроизводство диалогического дискурса в монологическом происходит, в частности, в ремарке, которая либо дублирует диалогический дискурс, либо комментирует, либо дает дополнительную характеристику сказанному. При свертывании прямой речи в описательный монологический дискурс активную роль приобретают глаголы, использование которых в качестве авторских ремарок в диалоге разнообразит речь. Достоевский Ф.М. впервые использовал закон экономии языковых средств не в языке, а в речи. Закон экономии языковых средств дал импульс для использования метонимии и метафор вместо глаголов говорения, где говорение может быть обозначено через звучание: *чирикать, трещать, щелкать, проскрипеть, просипеть*, через жесты: "*Стой! – уцепился он за мое пальто*" (Достоевский: 355); "*Мне все равно – почесался он*" (там же) [см.: Хан-Пири 1999: 18 – 21].

Следует отметить, что диалоги и монологи очень разнообразны. Поле перехода между монологом и диалогом довольно таки широкое, поэтому в интерпретации построения текстов появляются такие термины, как: фиктивный диалог, монологический диалог, монологическая реплика, монолог, вплетенный в диалог, диалог, переходящий в монолог и др. Наряду с понятиями "диалог" и "монолог" вводятся понятия "диалогический текст" и "монологический текст". В монологическом диалоге центральный субъект ведет диалог с отсутствующим партнером. Диалогичность достигается с помощью естественных контактных средств: обращение, императив, вопрос [см.: Hoffmanova 1993: 37]. Фиктивно презентуемые диалоги содержат такие высказывания как: *Ich wollte ihm sagen...; Ich wollte dir sagen...; Я хотел тебе сказать; Я хотел ему сказать*. Монолог, обращенный к себе, содержит риторические вопросы и ответы на них, восклицания. Диалогические и монологические формы могут переплетаться в такой степени, что текст трудно классифицировать как монолог или диалог. Сегментами монолога могут быть: 1) начало рассказа: *Es war einmal...; In alten Zeiten...; Жил-был...;* и т.п.; 2) рассказчик может использовать контактно-устанавливающие средства. Например: *Dann sage ich euch; Вот что я Вам скажу*. К средствам диалогизации относятся: а) местоимения и вербальные формы: 1, 2 лицо, формы глагола 1 лица множественного числа в повелительном наклонении, субстантивные формы обращения; б) синтаксические средства: вопросы и ответы, восклицательные и побудительные предложения, призывы; в) текстуальные и композиционные средства: повторы, парафразы и т.д.; г) авербальные средства: взгляды, жесты, тактильные действия.

В основу типологии дискурса могут быть положены также коммуникативный акт и составляющие его интенции: как приветствуют, как прощаются, как просят, как приказывают, как обещают, как соглашаются, как отказывают, как критикуют, как делают комплимент, как порицают, как угрожают, как оскорбляют, как предлагают, как навязывают, как уговаривают, как утверждают, как аргументируют, как предполагают, как оценивают, как восхищаются, как возмущаются и т.д. [Клюев 1998: 3].

Итак, множественность существующих типологий дискурсов обусловлена различием подходов к их классификации. Составляющие компоненты речевого общения фрейм и сценарий общения, социальные роли коммуникантов, вид и сфера коммуникации, характер отношений между коммуникантами определяют официальность и неофициальность дискурса, что находит воплощение в персональном и институциональном дискурсе. Первый вид общения подразделяется В.И. Карасиком на бытовое и бытийное. Институциональный дискурс характеризуется наличием общественных институтов, где выделяются политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный и другие дискурсы. В данном исследовании в основу классификации дискурсов в качестве определяющих признаков положено соотношение с типами речи по цели. На системном уровне разновидностями речевого общения в современной жизни признаются познавательная, или информационная, аргументативная, социально-ритуальная, экспрессивная коммуникации. Названные типы общения репрезентируются, прежде всего, в диалогическом дискурсе, который, в свою очередь, может быть коопера-

тивным и конфликтным, спорным. Речеактивные высказывания, являющиеся доминирующими для данного типа дискурса, определяют его интенциональную классификацию.

Логично предположить, что выделенные дискурсивные типы имеют различную структурную организацию. Рассмотрим вначале, что мы понимаем под структурными компонентами и уровнями дискурса.

2.5. СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ, УРОВНИ ДИСКУРСА

По аналогии с членением предложения Шарлем Балли на *диктум* и *модус* в дискурсе также вычленяются *пропозитивная часть* и *субъективные компоненты*. Модусная часть отражает точки зрения, оценки, отношения говорящего. "Модус – это комплекс субъективных смыслов, эксплицитно или имплицитно выражаемых в высказывании: Я считаю, что...; Думаю, что...; Я Вас уверяю...; Видимо...; Как Вы догадываетесь...; Хотелось бы подчеркнуть... и др. [см.: Формановская 2000б: 59]. Диктумная, пропозитивная часть дискурса имеет отношение, прежде всего, к семантике, модусная, субъективная часть, – прежде всего к прагматике. Речь, (разговор) в общей сложности может быть описана в виде образца или схемы, в которой встречаются обязательные компоненты и в которой принят определенный порядок, и факультативные. "Высказывание как основная единица коммуникации сообщает нам нечто: а) о мире; б) об отношении автора высказывания к миру, к сообщению, к адресату. Представление о "положении дел в мире" оформляется, как правило, в диктумной части высказывания, представленной в сложной и разнообразной семантической структуре. Отношения, мнения, оценки, эмоции, интенции говорящего попадают в модусную часть высказывания, формируя субъективный план значений, так же достаточно сложно организованной. Последнее относится к ментальной сфере человека, однако, будучи вмонтировано в текст и контекст, понимается, распознается другими" [Формановская 2000б: 59, см. также: Шмелева 1995]. Модусная часть, по мнению Р.И. Павилениса, составляет интерсубъективную сферу, и в этом смысле объективную [см.: Павиленис, 1986]. Субъективная, или модусная часть зачастую играет в дискурсе первостепенную роль. В типологии пропозиций различают соответственно пропозиции событийные, отражающие внешнюю ситуацию, пропущенную сквозь призму сознания, и образ, готовый к языковому выражению, и модусные, отражающие внутренний мир человека, психическую обработку информации. Для практики преподавания иностранных языков очень важно нахождение средств и способов выражения и сочленения интенционального и пропозиционального компонентов дискурса.

Определение дискурса как языковой единицы высшего уровня предполагает выделение минимальных дискурсивных единиц. Предельной единицей анализа дискурса в большинстве исследований признается *высказывание*. В результате процедуры сегментации дискурс предстает перед исследователями как последовательность предельных сегментов, представляющих собой некоторые минимальные высказывания и обладающих относительной смысловой самостоятельностью в составе данного. Высказывание предназначено "по сути своей для передачи мысли и устроено специально для объективации определенной структуры отношений" [Кубрякова 1986: 116]. Высказывание противопоставлено предложению как языковой единице. Оно ситуативно, обладает специфическим, неповторимым лексическим наполнением, интонацией, включено в контекст. В синтаксической семантике изучаются два вида отношений: 1) предложение и репрезентируемый им фрагмент внешнего мира, т.е. денотат предложения; и 2) предложение и выражаемый им сигнификат, т.е. психическое содержание, включающее в себя и образ внешней, денотируемой ситуации, и весь комплекс характеристик, оценок, целеустановок, посредством которых говорящий соотносит денотируемую ситуацию с контекстом данного коммуникативного акта [Сусов 1980: 5]. Таким образом, семантическому анализу подвергаются не абстрактные языковые формы, а конкретные высказывания в широком контексте, в определенной коммуникативной ситуации. Вслед за Н.И. Формановской можно сказать, что "предложение принадлежит грамматике языка" [Формановская 2000б: 57]. Оно представляет собой потенциальную коммуникативную единицу, формальную упаковку для отдельных высказываний. Однако нельзя согласиться с тем, что оно является "вершиной его синтаксического устройства". Опровержением данного факта могут служить многочисленные исследования, открывшие закономерности построения текстовых и дискурсивных образований и в связи с этим описавшие синтаксис текста (О.И. Москальская, И.Р. Гальперин и др.).

Компонентами дискурсивного высказывания являются *говорящий* (или адресант) и *слушающий* (или адресат) (во всей полноте социальных и психологических ролей, фоновых знаний и национально-культурных стереотипов), мотивы и цели сообщения, интенции адресата, его оценки, эмоции, отношение к действительности, содержанию сообщения, место и время общения, свойственные высказыванию пресуппозиции и импликации. В высказывании осуществляется референция – отнесенность имен в данном конкретном речевом произведении к денотатам-референтам [см.: Формановская 2000б]. "Новые смыслы – это, прежде всего структура новых отношений", поэтому понятно и то, "почему полноценной и полнокровной единицей речевой деятельности оказывается речевое высказывание, предназначенное по сути своей для передачи мысли и устроенное специально для объективации определенной структуры отношений. Задача говорящего в самом общем виде заключается не в том, чтобы назвать предмет или назвать ситуацию, а в том, чтобы дать о них то или иное представление" [Кубрякова 1986: 116].

Одной из форм выражения речевого акта является *перформативное высказывание*. Перформативными называют интенциональные речеактивные высказывания, в которых субъект пропозиции тождественен говорящему (Я обещаю тебе прийти вовремя, Я прошу тебя принести завтра эту книгу, Я благодарю тебя за помощь) [см.: Сусов 2007: 40]. Это такие феномены дискурса, которые в некоторых случаях объясняются определенным физическим или психическим состоянием говорящего. Сравните: (2) S. 1: "Da gehen Sie 300 Meter, **Quatsch**, was sag ich, 500 Meter geradeaus, dann rechts..." (3) S. 1: "Zuerst nehmen Sie den Bus, also da vorne links, dann in die 102 zum Grindelberg..." (4) S. 1: "Und da, an der linken Ampel..." S. 2: "Links? Die Ampel steht rechts". S. 1: "**Ja klar**, also an der Ampel, da biegen Sie dann ab" (Franke 1990: 121), (2) Г. 1: "Вы пройдете тут 300 метров, глупости, что я говорю, 500 метров прямо, потом направо..."; (3) Г. 2: "Сначала Вы сядете на автобус, так там впереди слева, потом на 102 до Гриндельберга..." (4) Г. 1: "И тут у светофора слева..." Г. 2: "Слева? Светофор стоит справа". Г. 1: "**Ну да, понятно**, так у светофора, потом Вы поворачиваете". Применительно к выражению одной интенции перформативные высказывания составляют своеобразную парадигму – эквивалентный ряд высказываний-действий различной формы: *Прошу прощения; Извините; Простите, виноват; Приношу свои извинения; Извините; Простите; Виноват; Примите мои извинения; Хочу извиниться перед Вами; не могу не извиниться перед Вами* и др. Важно подчеркнуть, что подобное высказывание способно осуществить названное действие лишь в прагматических координатах речевого акта "я-ты-

здесь–сейчас". В высказывании, дискурсе перформативный, интенциональный компонент может быть эксплицитным и имплицитным. Так, в высказывании "*Ишь, чего захотел!*" заложена адресатом и легко прочитывается им сентенция отказа удовлетворить притязания говорящего. Следовательно, для такого высказывания актуальна перформативная рамка "*я отказываю тебе*". Напротив, в высказывании "*Я прошу дать мне ручку*" налицо эксплицитно представленная интенция просьбы. Интенциональный потенциал может покрывать все перформативное высказывание, а может быть лишь частью его, соединяясь с пропозитивным содержанием. Так, в высказываниях "*Извините меня*", "*Привет!*", "*Благодарю Вас*" – все высказывание и есть выражение интенции. Иными словами, интенция здесь равна модусной пропозиции, отражающей не внешний, а внутренний мир человека. Распространитель, если он есть, факультативен. В большинстве же случаев только интенциональная часть высказывания не может существовать самостоятельно по семантико-грамматическим причинам (валентно), ей требуется распространитель, например: *Обещаю Вам это (сделаю это); Советую Вам это (не делать этого)* и др. Распространяющая часть направлена на собственно пропозициональное событийное содержание, нередко отражающее широкую ситуацию реализации интенции: *Прошу Вас показать мне голубое платье сорок восьмого размера*. Распространитель в таких высказываниях обязателен.

В ситуативно-контекстуальных дискурсах (косвенных речевых актах) интенциональный смысл извлекается из фоновых знаний, пресуппозиций, апперцепционной базы коммуникантов на основе пропозициональной семантики высказывания, например: *Не сходить ли нам завтра на рынок? – Завтра сдаю экзамен*. В ответной реплике на базе событийной пропозиции "сдача экзамена" выражена интенция отказа с помощью аргумента занятости. Напомним, что контекстуально-ситуативный речевой акт отличается от конвенционального тем, что, будучи изолированным от ситуации и контекста, высказывание не обнаруживает той интенции, которая ему придается в контекстах. Сравните: "*Завтра сдаю экзамен*". Само по себе высказывание не содержит отказа, тогда как собственно косвенный речевой акт настолько стереотипизирован, что и вне ситуации, контекста дает возможность носителю языка распознать интенцию, как и в первой реплике диалога, в изолированном высказывании каждый носитель языка понимает предложение сделать нечто (сходить на рынок).

Коммуникативное устройство высказывания с выраженной интенциональной и пропозициональной частью опирается на валентные свойства ретроспективного или проспективного перформативного предиката, зависящие от семантики. Каждая речевая интенция может реализовываться с помощью нескольких высказываний в пределах коммуникативно-семантической группы, т.е. дать множество речевых актов. Сравните речевой акт просьбы: *Я прошу Вас дать мне это; Дайте мне это, пожалуйста; Вы не могли бы дать мне это?* и др.

Если высказывание является основной единицей дискурса в обобщенном понятии, то основной единицей диалогического дискурса или речевого общения является **речевой акт**, термин, заимствованный из прагматической лингвистики. В терминологии некоторых исследователей речевой акт и коммуникативный акт отождествляются. "Коммуникативный акт есть акт речевого взаимодействия между носителями языка. ... Такие атрибуты, как "коммуникативный" и "речевой" характеризуют акт взаимодействия на естественном языке если и не в разных отношениях, то с акцентом на разные стороны одного и того же явления... В практических целях не менее важно иметь в виду, что если термин "речевой акт" предполагает акцент на действие, то термин "коммуникативный акт" – акцент на взаимодействие [Клюев 1998: 5, 6]. Речевой акт определяется обычно как высказывание (речевое действие) или совокупность высказываний (речевых действий), совершаемых одним говорящим с учетом другого. Коммуникативный аспект в рассмотрении речевых актов, по мнению Е.В. Клюева, задает несколько иное направление взгляда: коммуникативный акт есть совокупность речевых актов, совершаемых коммуникантами навстречу друг другу. Таким образом, в данной концепции коммуникативный акт является скорее не речевым взаимодействием, но обменом речевыми действиями [см.: Клюев 1998: 8].

По всей видимости, **коммуникативный акт** – более широкое понятие. Это основная единица коммуникации в целом. И как речевое общение является составной частью коммуникации, так и речевой акт следует считать одним из компонентов коммуникативного акта. Средой обитания речевого акта является диалогический дискурс. Под речевым актом следует понимать речевое действие адресанта, направленное адресату с целью реализовать свою интенцию, информировать или воздействовать на адресата. В дефиниции коммуникативного акта к вышеприведенному определению следует добавить неречевые действия, авербальное сопровождение, включая коммуникативное поведение говорящего. "Речевой акт вместе с его структурной организацией включает содержание или смысл, которые придают коммуникативную ценность коммуникативному акту в самых разнообразных коммуникативных условиях и вместе с тем с множеством второстепенных факторов образуют в итоге целостное явление – коммуникативный акт" [Колшанский 1984: 21]. "Главное в речевой деятельности – выполнение коммуникативного, смыслового задания говорящего; речевой акт подчинен выражению определенного смысла и управляется механизмами, которые в системе языка служат, так или иначе, его передаче" [Кубрякова 1986: 100]. Набор компонентов коммуникативного акта в настоящее время достаточно четко определен. Это адресант, адресат, контакт, референты, код. Отношения между ними традиционно представляют следующим образом: адресант–контакт–референт–код–адресат. Обычным способом структура коммуникативного акта описывается так: "Адресант вступает с адресатом в контакт по поводу определенного референта, используя определенный код" [Клюев 1998: 7]. Адресант и адресат, как "передающая" и "принимающая" инстанции, именуется в соответствующей литературе также как "отправитель" и "получатель", "производитель" и "потребитель" информации, "продуцент" и "реципиент", "пишущий" и "читающий", "говорящий" и "слушающий". Представление о необходимости взаимодействия двух сторон – "передающей" и "принимающей" важно на момент начала коммуникации, поскольку в ходе коммуникации роли партнеров могут многократно варьироваться. Коммуниканты – не абстрактные "единицы взаимодействия", а "живые люди" – носители социального опыта, обладающие определенным набором ролей и коммуникативной компетенцией, а также действующие в соответствии с определенными, в частности, речевыми, традициями. Они и характеризуют состояние информации "на входе" в коммуникативный акт и на "выходе" из него. Любому речевому действию свойственна целенаправленность, адресованность, а также ориентация на нормы речевого поведения, принятые в социуме. Под речевым поведением понимается совокупность конвенциональных (осуществляемых в соответствии с принятыми правилами), и неконвенциональных (осуществляемых по собственному принципу) речевых поступков, совершаемых индивидом или группой индивидов.

В анализе последовательностей речевых актов разграничиваются такие понятия, как: 1) **речевой ход**, который связан обычно со сменой коммуникативных ролей; 2) **речевой шаг**, понимаемый как одно высказывание или ряд высказываний в

пределах одного речевого хода. Между речевыми ходами собеседников существуют смысловые связи, которые обусловлены тождеством темы, согласованием интенций/иллокуций (например: вопрос–ответ; просьба–отказ) и т.п. Прочность этих связей различна, им присуща также ритуализованность различной степени. Речевые шаги могут иметь различные объемы. Они могут состоять из нескольких предложений или из слов, выполняющих функцию предложения.

Речевой шаг может сопровождаться произнесением высказываний, служащих поддержанию речевого контакта между собеседниками и ведущих к смене или сохранению речевого хода. Такие высказывания именуется **метакоммуникативными** сигналами. Метакоммуникативные сигналы неинформативны в содержательном плане, они не вносят ничего нового в содержание общения, а служат целям успешного осуществления коммуникативного сотрудничества. Успешность коммуникативного акта в немалой степени определяется умением его участников установить и поддержать контакт, направить разговор в нужное русло, завершить беседу. Важную роль при этом играет знание и успешное применение метакоммуникативных высказываний.

Для номинации речевого шага используется также понятие "реплика". **Реплика** понимается как слова одного из собеседников, ограниченные речью другого или иным маркером. Таким образом, как речевой шаг, так и реплика ассоциируются с высказыванием и являются основными коммуникативными единицами и строевыми единицами диалогического дискурса. Различают реплику-стимул и реплику-реакцию. Реплика соотносится с речевым ходом (turn) [Owen 1983: 38] говорящего. **Речевой ход** представляет собой иницирующую структурную единицу, состоящую из функциональных единиц – шагов (moves) (там же). Реплика связана как с предшествующим контекстом, так и с будущим произнесенным речевым произведением. Диалогическая реплика есть сложное единство, создаваемое фактами актуальной ситуации и контекста, накопленными к моменту произнесения реплики. Минимальный блок реплик или последовательность речевых шагов именуется как **диалогическое единство** [Путрова 1981], **последовательность речевых шагов и речевые цепочки**. Диалогическая реплика является частью диалогического единства, поскольку сама структура диалогической речи уже предполагает наличие, как минимум, двух реплик: реплики–стимула и реплики–реакции, но в коммуникативно-функциональном отношении каждая реплика "совмещает в себе значение акции и интеракции" [Усачева 1986: 119–120]. С этой точки зрения "речевой ход" – это и реплика говорящего, и реплика слушающего, т.е. два этих термина могут считаться взаимозаменяемыми. Все вышеперечисленные характеристики реплики отражены в работе Х. Хенне и Х. Ребока, которые относят к категориям промежуточного уровня членения шаг в диалоге (элементарную реплику), смену говорящих по правилу обмена репликами, ход разговора, членение диалога, сигналы поддержания коммуникации. Внутри речевого акта выделяются категории микроуровня: синтаксические, лексические, фонологические и просодические структуры. Отдельные речевые шаги вплетены в сеть коммуникативных обязательств: приветствие требует ответного приветствия, упреки обязывают к оправданию, за сообщением о печальных, горестных событиях следуют утешения. Эти обязательства ритуализованы. Их ритуализованность национально окрашена [см.: Henne 2001].

Речевые цепочки группируются в **дискурсные фазы**. Так, обязательными дискурсными фазами являются: установление контакта, фаза открытия коммуникации, ядерная фаза и фаза окончания, завершения беседы. Так например, в разговоре о том, как пройти куда-либо, партнер А должен привлечь внимание партнера В, как правило, путем замедления пути, поворота туловища и взглядом, а партнер В должен показать, в свою очередь, готовность вступить в разговор. "Извинение" – вербальный вклад в установление контакта. Одновременно это извинение является "платой" за причиненное беспокойство, поскольку А вторгается в личную сферу В и просит его совершить дополнительную неоплачиваемую работу. Извинение является знаком мирных намерений. Интересным представляется тот факт, что в ряде стран (в том числе Германии и России) при информации о пути в общественных местах не принято здороваться и, соответственно, прощаться в этой контактной фазе, равно как и представляться. Схема диалога "информация о пути" представлена В. Бетхером в следующем виде:

Фаза открытия диалога:

А: Привлечение внимания (частично невербальным способом)

А/В: Установление контакта для беседы (взглядом, движением тела, приближением)

А: Извинение

Ядро

А/В: Выяснение компетентности ориентирования в местности партнером В.

А. **Формулирование просьбы**

В/А: Просьба подтвердить получение вопроса–заказа

В/А: Выяснение средства передвижения у А.

В. **Описание версии 1.**

В. Описание версии 2.

А. Частичное переформулирование описания пути.

А. **Сигнал удовлетворения.**

Заключительная фаза.

А. Благодарение

Жирным курсивом выделены обязательные компоненты [см.: Böttcher 1997: 26].

Сильно ритуализованные дискурсные типы, такие как разговоры о пути, разумеется, общественно этаблированы и поэтому их можно схематически изобразить. Для занятий по иностранным языкам, целью которых является обучение межкультурной коммуникации, знание таких эвентуальных (возможных) схем, специфичных для определенной культуры, необходимо. Разумеется, не всякий дискурс имеет такую строгую дискурсную организацию, и такие схемы невозможно подвести под любые диалоги, описать их в грамматике диалога. Насколько важно обучение специфике дискурсных схем в разных языках, свидетельствует, например, разница в организации телефонных разговоров в Германии и России. В Германии принято, что телефонный адресант идентифицирует себя по имени в самом начале беседы (схема 5)

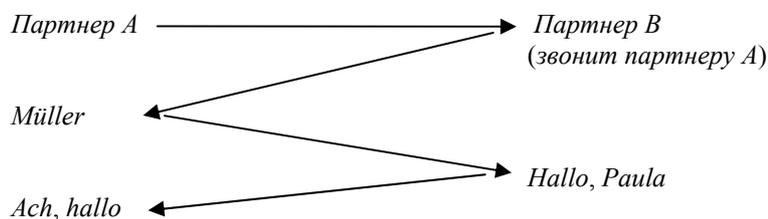

Схема 5. Схема телефонного разговора в Германии

[См.: Böttcher 1997: 27]. В России принято начинать телефонный разговор с приветствия: "Алло" или "Здравствуйте".

Членение диалогического единства на реплики говорящего и слушающего предполагает выделение двух уровней: подуровня говорящего и подуровня слушающего. Выше уже отмечалась относительность закрепленности ролей (говорящего и слушающего). Исключая отдельные типы диалогов (например, допроса, где заранее закреплены роли спрашивающего и слушающего), каждый из коммуникантов может находиться то в роли спрашивающего, то в роли слушающего. Они "выполняют партии интерактантов, т.е. совокупности предпринимаемых ими речевых и неречевых действий, соответствующих линии их поведения, их коммуникативной стратегии" [Комина 1984: 51].

Смена ролей ("turn") является способом организации содержательной структуры диалога, и поэтому ее отношения с динамической и тематической структурой достаточно сложны. Смена ролей может не соответствовать смене коммуникативной интенции и темы. Напротив, это может произойти и без смены говорящего. Американские авторы Х. Сакс, Е. Щеглофф, Дж. Джефферсон в книге "Conversation analysis" на конкретных повседневных беседах описывают различные механизмы организации вербальных речевых действий и мену ролей между коммуникантами, конституирующие диалог. Обзор исследований, посвященных распространенному явлению диалогической речи, называемому в американской лингвистике "back-channel items" содержится в работе Н.Р. Добрушиной "Исследования средств выражений обратной связи в американской лингвистике" [см.: Добрушина 2000: 135]. Ею отнесены сюда вербальные и невербальные средства: завершение вторым собеседником реплики первого, просьба о разъяснении, кивок, смех и т.д.; выражение своего внимания в английском языке словами: *yes, uh, huh, yeah, I see, oh* и т.д. В немецком языке средства обратной связи *Hörgückmeldungen* дефинируются как все то, что можно сказать, когда говорит кто-то другой. Таким образом, целью средств обратной связи является не перебивание речевого хода, их дополнительной функцией может быть намек на желание взять речевой ход.

Непосредственной составляющей и двигателем речевого взаимодействия является **интенция**. Речевая интенция, или коммуникативное намерение, – это намерение, замысел сделать нечто с помощью такого инструмента, как язык–речь–высказывание. "Интенция говорящего понимается как установка на передачу по каналу связи определенного сообщения, закодированного в физическом речевом сигнале посредством языковых знаков" [Сусов 2007: 79]. Интенция относится к модусной части, к субъективным смыслам. "Интенция, т.е. намерение толкуется в словарях как предположение сделать что-нибудь, желание, замысел. В отличие от желания, которое представляет собой влечение, стремление к осуществлению чего-нибудь, обладанию чем-нибудь, замысел истолковывается как задуманный план действий, поэтому представляется целесообразным связать интенцию прежде всего с замыслом. Сравните: "Я хочу есть" и "Я намереваюсь пообедать"; "Я хочу поступить в аспирантуру" и "Я намереваюсь поступить в аспирантуру", т.е. предпринимаю более планомерные шаги" [Формановская 2000а: 42]. Сущность речевой интенции как определенного психического состояния двусторонняя. С одной стороны, это мотив и цель, т.е. побуждающий фактор речевого действия. С другой – психический субстрат, своеобразный денотат значения речевого высказывания. Сравните: *Я советую вам (сделать это)* – речевая интенция, замысел реализовать совет побудили произвести высказывание со значением совета. Побуждающая сила воплощается в так называемой иллюкутивной функции высказывания. Таким образом, интенция относится к иллюкуции как значение к функции. Понятно, что речевая интенция как психический субстрат значения речевого высказывания отражает в его семантике один из содержательных моментов внутреннего мира человека, одну из сторон модусной пропозиции. Целевой аспект коммуникативной деятельности связан с характеристикой направленного воздействия, отражая в ней способ "орудийной" каузации речевого произведения [Волошинов 1930: 84, Смирницкий 1956: 8, Леонтьев 1979: 25 – 28, Бенвенист 1974: 312, Почепцов 1980: 7–8, Сусов 1980: 8 – 20, Романов 1981, Шахнорович 1990: 40–41, 1993: 31 – 35]. "Целевое использование речевого произведения (коммуникативное намерение, интенция) не только определяет роль собеседников как непосредственных участников акта коммуникации, но и выступает своего рода регулятором вербального поведения партнеров, эксплицируя конкретный способ воздействия" [Романова 1999: 32].

Речевые интенции можно различать по следующим признакам: реплико-образующие, приводящие к коммуникативному результату с помощью одного высказывания (благодарить, извинять, обещать и др.), и текстообразующие, приводящие к результату с помощью ряда высказываний в диалоге (например, заставлять, спорить и др.), или в монологе (определять, описывать и др.). Коммуникативная цель реплик достигается или не достигается в зависимости от реакции адресата, от того, правильно ли он поймет интенцию адресата, от того, захочет ли он ее понять, принять к сведению или проигнорировать. "Цель ставится инициатором общения, а осуществляет его замысел адресат ... Адекватность реакции обеспечивает инициатору достижение поставленной им коммуникативной цели" [Арутюнова 1992: 56].

Диалог является главной формой функционирования языка, равно как и первичной формой вербального общения. Лингвисты настоятельно подчеркивают необходимость построения диалогических систем, моделирования диалогических процессов и ставят перед лингводидактикой задачу обучения диалогическому общению. Рекурсивность правил общения позволяет прогнозировать диалог и управлять им. "Именно этот факт делает весь разговор привлекательным для участников, которые хотят достичь определенных коммуникативных целей с помощью коммуникативного процесса" [Аристов 1999а: 9]. Помимо диктумной и модусной частей необходимо выделить также конверсационные правила организации дискурса: правила мены коммуникативных ролей, взятие речевого шага, конститутивные, метакоммуникативные, фатические и дидактические компоненты дискурса.

Описание и обучение коммуникации включает также невербальное коммуникативное поведение – совокупность правил и традиций, регламентирующих ситуативные условия общения. Структура невербальных компонентов по аналогии со структу-

рой высказывания, предложенной И.П. Сусовым, представляется в виде трех планов: плана выражения, трансляционного плана и плана содержания [Аристов 1998: 24]. К плану выражения, или экспонентному стратуму, относят: фонацию, кинесику и проксемику. При обучении правилам коммуникации на иностранном языке необходимо знакомство с доминантными особенностями общения того или иного народа, которые проявляются во всех или в большинстве коммуникативных ситуаций.

Одной из центральных проблем современной теории конверсационного анализа является создание модели мены коммуникативных ролей или речевых ходов (нем. *Sprecherwechsel*; англ. *turn-taking*). Так как коммуниканты могут разговаривать одновременно ограниченно и слушать одновременно могут только одного человека, они должны заботиться о том, чтобы каждый из коммуникантов при учете их статуса, возраста мог получить доступ к речевому средству воздействия. На завершенность речевого шага указывают семантическая и прагматическая законченность, этикетные формулировки, паравербальные сигналы. Разработанная в 1974 году Х. Саксом, Е. Щегловым, Г. Джефферсоном модель мены коммуникативных ролей, по мнению некоторых лингвистов, несовершенна и лишь условно объясняет реальные процессы мены говорящего и слушающего в диалоге. В качестве одного из вариантов решения этой проблемы выдвигается гипотеза о взаимозависимости аспекта отношения общающихся и техник мены коммуникативных ролей, пропозициональная структура общения дополняется иллокутивной схемой в духе теории речевых актов. В основу глобальной организации общения кладется интерактивный контекст. При этом учитываются энциклопедические знания и межперсональные аспекты коммуникации (отношения между интерактантами) (С.А. Аристов). На наш взгляд, общий анализ принципов речевого обмена должен охватывать три основных уровня общения (пропозитивную, или фреймовую, иллокутивную и интерперсональную). Баргон Дж. называет эту схему "системой ожиданий", на основе которой коммуниканты взаимодействуют друг с другом [Burgoon 1993]. Для каждого речевого события характерно определенное количество участников, определенные нормы и правила начала, ведения и окончания речевого события. Хенне Х. и Ребок Х. выделяют три типа категорий и анализа диалога: категории макроуровня, промежуточного уровня и микроуровня [Henne 2001: 20]. К категориям макроуровня относят: начало диалога, окончание диалога, середину (развертывание главной темы и подтем) диалога, периферию диалога (второстепенные темы). Говоря о промежуточном уровне, следует обратиться к высказыванию, в котором "реализуется в превращенной форме информационного следа элементарный речевой акт" [Комина 1984: 48]. Высказывание является минимальной единицей, с помощью которой называется тема и осуществляется коммуникативная задача [Белецкая 1999б]. Различают следующие параметры речевого акта: содержание, сообщение, иллокутивную силу, адресанта и адресата. Внимание может акцентироваться также и на структуре "хода" и речевой стратегии, которая включает цель, оценку ситуации, "ходы" и их связь.

Глобальная организация дискурса облегчается тем, что интерактанты преследуют определенные цели, которые вслед за Д. Леви можно поделить на три группы: идейные цели (обмен мыслями и пропозициями), текстуальные цели (создание когерентных текстов из этих мыслей и пропозиций) и интерперсональные цели (выражение себя, своего мнения, сообщение об установках, отношениях друг к другу и к миру) [см.: Lewis 1969]. Для реализации интерперсональных целей используются определенные средства, которые в конверсационном анализе именуется **речевыми стратегиями**. Согласно Т. ван Дейку и В. Кингу, стратегия – это глобальная ментальная репрезентация средств, служащих для достижения целей. Она управляет всяким выбором, осуществляется в коммуникативном процессе между имеющимися в наличии альтернативами. Если имеется несколько вариантов, стратегии детерминируют окончательный выбор [см.: Dijk 1983: 65]. Так как дискурсивные цели, а также связанные с ними стратегии имеют дело с ожиданиями, которые типичны для определенной ситуации, последние должны быть связаны с этой ситуацией (фоновые знания в широком смысле), а также с актуальными отношениями между говорящими. Выбор стратегии касается, таким образом, двух аспектов, которые выражают модусную часть организации дискурса, а также маркируют отношения, т.е. согласия и разногласия. В связи с конкретным коммуникативным намерением говорящий выбирает тот или иной элемент ситуации, который наиболее точно соответствует его состоянию и потребностям общения, и воплощает его в ту или иную синтаксическую форму. Однако на синтаксическом уровне свобода выбора более ограничена, а иногда и полностью отсутствует, поскольку выбор формы диктуется не свободной волей говорящего, а жесткими правилами сочетаемости языковых знаков. Семантический уровень в этом смысле допускает вариативность. Это связано, прежде всего, с тем, что в высказываниях всегда присутствует элемент субъективности. Перед лингвистикой дискурса стоит задача инвентаризации используемых для языкового кодирования семантических средств, синтаксических и суперсинтаксических схем, средств связи отдельных коммуникативных ходов (синтаксических, лексических, интонационных), разнообразных маркеров дискурса, включая и невербальные (в том числе силенциальные), вербальных и невербальных способов взятия и передачи коммуникативных ролей.

Введение понятия коммуникативной стратегии влечет за собой необходимость обращения и к другим понятиям, таким, как: коммуникативная цель, коммуникативное намерение, коммуникативная интенция, коммуникативная тактика, коммуникативная перспектива, коммуникативный опыт и коммуникативная компетенция. По поводу этих понятий не существует единого взгляда. Ключев Е.В. разносит названные понятия в две группы: составляющие коммуникативной стратегии и составляющие коммуникативной тактики. Под коммуникативной стратегией в учебном пособии названного автора понимается совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели. Представление о способе объединения этих теоретических ходов в единое целое (коммуникативную стратегию) Е.В. Ключев называет коммуникативной интенцией, которая и есть движущая сила коммуникативной стратегии. Интенция принадлежит индивиду, и в этом смысле отличается от внеличных конвенций – правил поведения в регламентированных обществом речевых ситуациях [см.: Ключев 1998: 10]. Приведем далее определения, данные Е.В. Ключевым для других понятий. Так, *коммуникативная цель* – стратегический результат, на который направлен коммуникативный акт. Результат этот может обсуждаться как на вербальном, словесном уровне, (например, взять на себя обещание, отказаться, обидеться и т.п.), так и на уровне физических действий (например, уйти на войну, приступить к работе, подать на развод и т.п.). Если в ходе коммуникации действительно могут быть созданы условия для достижения соответствующих результатов во внеязыковой деятельности, то коммуникативный акт, по мнению Е.В. Ключева, имеет не только коммуникативную цель, но и *коммуникативную перспективу*, рассматриваемую как возможность вызвать желаемые последствия в реальности. "*Коммуникативная компетенция* – есть рабочий набор коммуникативных стратегий, присущих индивиду, или группе индивидов" [Ключев 1998: 11]. *Коммуникативная тактика* рассматривается в качестве совокупности практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия, т.е. коммуникативная тактика, в отличие от коммуникативной стратегии, прежде всего, соотносена не с коммуникативной целью, а с набором коммуникативных намерений. *Коммуника-*

тивное намерение (оно же – коммуникативная задача) трактуется в качестве тактического хода, являющегося практическим средством движения к соответствующей коммуникативной цели. Вся совокупность таких практических средств в реальном процессе взаимодействия создаст коммуникативную тактику [см.: Клюев 1998: 11]. На наш взгляд, нельзя согласиться с автором в отношении определения коммуникативного намерения. Намерение – это не тактический ход. "Намерение – это предположение сделать что-нибудь, желание, замысел" [Ожегов 1964: 373]. *Коммуникативный опыт* понимается как совокупность представлений об успешных и неуспешных коммуникативных тактиках, ведущих или не ведущих к реализации соответствующих коммуникативных стратегий. Все приведенные выше определения иллюстрируются следующей схемой 6.

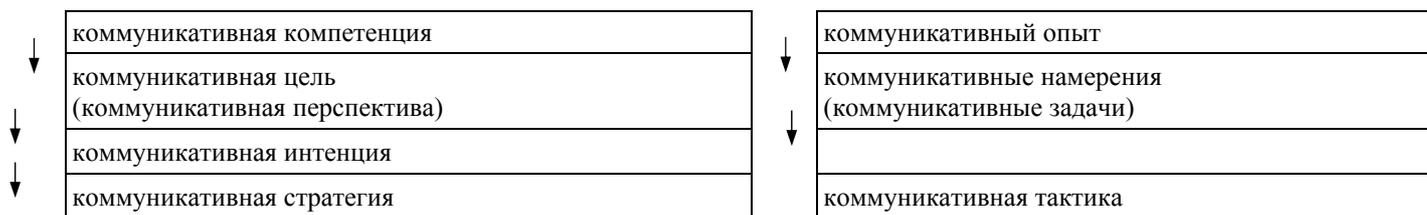

Схема 6. Составляющие коммуникативного акта

В пособии приводится рабочее описание этой схемы: "используя коммуникативную компетенцию, говорящий ставит перед собой коммуникативную цель (определяя или не определяя коммуникативную перспективу) и, следуя определенной коммуникативной интенции, вырабатывает коммуникативную стратегию, которая преобразуется (или не преобразуется) в коммуникативную тактику как совокупность коммуникативных намерений (коммуникативных задач), пополняя коммуникативный опыт говорящего" [см.: Клюев 1998: 12].

В нашем исследовании активно используются термины "коммуникативная стратегия" и "коммуникативная тактика". Под коммуникативной стратегией будем иметь в виду общее, более "глобальное" направление и тенденцию развития ситуации. Под коммуникативной тактикой понимается более "узкая" последовательность речевых действий коммуниканта, реализуемая в виде отдельных поэтапных коммуникативных "шагов" в рамках осуществления заданной интенции.

Единицы письменного и устного дискурса в зависимости от соответствующего уровня анализа представлены в таблице В.Б. Кашкина [Кашкин 2005: 373] (табл. 2).

2. Единицы письменного и устного дискурса

Уровень членения дискурса	Единицы устного модуля дискурса	Единицы письменного модуля дискурса
<i>стратегический</i>	коммуникативное событие	текст
<i>топикальный</i>	коммуникативный эпизод	абзац
<i>оптимальный</i>	диалогическое единство	сверхфразовое единство
<i>тактический</i>	реплика, ход	сверхфразовое единство
<i>минимальный</i>	высказывание	фраза, предложение
<i>дотекстовый</i>	речевой акт	речевой акт

Коммуниканты при организации дискурса вынуждены решать еще ряд задач, которые связаны с управлением темой и организацией отношений. С управлением темой связаны: проблемы обеспечения понимания, исправление нарушения контакта, управление спором и конфликтом. С организацией отношений связаны вопросы взаимного признания (имиджология), урегулирование близости и дистантности, власти и влияния, открытости и скрытности.

Не менее интересными вопросами, затрагиваемыми в литературе, посвященной проблемам коммуникации, представляются проблемы инициации коммуникативного акта, подготовительных условий, делающих его возможным. Среди них называются следующие: 1) потребность или желание адресанта этикетировать (инициировать, организовать) коммуникативный акт; 2) готовность адресанта к речевому взаимодействию (наличие некоторой коммуникативной стратегии). У адресата этой стратегии может и не быть; 3) понимание адресатом мотива адресанта. Это условие не обязательно. При его отсутствии не гарантируется успешность коммуникативного акта; 4) идентификация адресатом мотива адресанта в качестве достаточного основания для этикетирования коммуникативного акта; 5) единство коммуникантов во взгляде на предстоящий коммуникативный акт. Это условие не обязательно; 6) Обозначение или осознание коммуникантами начала речевого взаимодействия; 7) владение одним языковым кодом (одним языком) – жестовый язык не всегда может привести к успешной коммуникации [см.: Клюев 1998: 15]. Нарушение этих условий может привести к срыву коммуникативного акта, его неосуществлению.

Подводя итоги вышесказанному, отметим, что дискурс как языковая единица высшего порядка характеризуется большим набором разнообразных средств его структурного оформления, направленных на организацию его пропозитивной и субъективной, или диктумной и модусной частей. Единицами анализа дискурса в настоящем исследовании признаются высказывание, речевой акт, коммуникативный акт, речевой ход, речевой шаг. Субъективная часть дискурса активно репрезентуется перформативными и метакоммуникативными высказываниями. Речевые цепочки группируются в дискурсные фазы. Ритуализованные дискурсивные типы можно представить в виде конкретных схем определенных дискурсивных фаз. Непосредственно составляющими речевого взаимодействия являются интенция и речевые стратегии, речевые тактики. Определив

основные структурные компоненты дискурса, рассмотрим в следующем разделе способы их смыслового и формального соединения.

2.6. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ, ГРАММАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В ДИСКУРСЕ

Существуют многочисленные средства смыслового и формального соединения высказываний в дискурсе. Наиболее изучены средства связи предложений в письменном дискурсе. Все виды текстовых связей делят обычно на четыре большие группы: семантические, логические, прагматические и грамматические (здесь имеются в виду в первую очередь синтаксические связи). Формальные *дискурсивно-синтаксические* и *морфологические* связи включают такие явления, как порядок слов, единство грамматических временных форм, аспектных и видовых форм глаголов, союзы, союзные и вводные слова и т.п. [О синтаксических межфразовых связях см., например: Макарова 1960, Фридман 1979 и др.] Следует заметить, что к текстуально-синтаксическим или "формализованным" связям относят зачастую систему субститутов и коррелятов [см.: Plett 1975: 62, Вейзе 1978: 14], считая элементарным видом субституции местоименную замену, т.е. замену существительного соответствующим местоимением. Не совсем ясен в данном случае критерий разграничения формализованных, или эксплицитных и неформализованных, или имплицитных типов межфразовых связей.

Более детальному исследованию подвергались *семантические средства текстовой и дискурсивной связи* [см., например: Пospelов 1946, Гиндин 1972, Гак 1974, 1976а, 1976б, 1977, Арутюнова 1980, Владова 1978, Швед 1978, Чикваишвили 1980, Greimas 1966, 1971, Bellert 1972: 64 – 76, Dressler 1973: 20 – 27, Kallmayer 1974: 143 – 188, Gülich 1977: 42–43, Vieweger 1978: 160 – 165 и др.]. Сущность этой связи состоит в повторе некоторой совокупности семантических (смысловых) признаков, повторе некоторого значения. Рекуррентность в тексте одной и той же лексической семы или ее полного или частичного синонима образует так называемую текстовую изотопию [см.: Greimas 1966, 1971]. Дискурс характеризуется семантической однородностью. Согласно А. Греймасу, для семантической однородности текста необходимо, чтобы лексемы, входящие в состав данного текста, обладали общими семами (плассемами). Изотопия, как пишет М. Арриве, может быть либо денотирована – формально эксплицирована в тексте, либо коннотирована – не выражена ни одной лексемой. По его мнению, у одного и того же автора от текста к тексту меняется только коннотируемая изотопия, так как его словарный запас, в общем, не меняется [см.: Arrive 1973]. "В развитии дискурса наблюдается своеобразное нагнетание смысловой насыщенности с постепенным усложнением семантики референтов, обычно сопровождаемое упрощением семантики их актантов. Эта смысловая насыщенность, достигнув некоторого предела, спадает, и все повторяется снова" [Борботько 1981: 70].

Семантическая изотопия, именуемая в лингвистической литературе различными терминами: "нализыванием" (И.П. Севбо), "доминированностью имени" (Е.В. Падучева), "повторной номинацией" (В.Г. Гак), является важным условием текстовой когезии. В ее основе лежит явление кореференции, т.е. одинаковой денотативной соотношенности текстовых единиц. "Кореференцией" называют связывание предложений в дискурсе посредством семантического тождественности или пересекающихся лексем (W. Dressler, G. Fauconnier, M. Gornik). Повторение слова с сохранением его референциального тождества в тексте называют итерацией (F. Guirand). Если же референты повторяющегося слова не тождественны, в таких случаях говорят об "альтерации" (Б. Палек). Референциальное нетождество повторяющегося слова может выясняться также из содержания смежных предложений текста и т.д. Денотаты текстовых единиц, располагающиеся в определенной последовательности, могут совпадать полностью, частично, до минимального сходства признаков, или восприниматься реципиентом имплицитно [см.: Plett 1975: 107]. Чем конкретнее содержание слова, тем шире область его действия как связи, и наоборот, чем абстрактнее содержание слова, тем меньше оно отрывается от той энонсемы, в которой находится его антецедент. Дополнительные указания могут перегружать семантику дискурса [см.: Борботько 1981: 72].

Следует заметить, что в большинстве исследований в основе классификации текстовых связей используются зачастую критерии самого различного характера. Так, Т.И. Сильман делит межфразовые связи на синтаксические и лексико-синтаксические [Сильман 1967]; Е.И. Шендельс на лексико-синтаксические, морфологические, словообразовательные и чисто лексические [Schendels 1979: 383–386]. Некоторые исследователи сравнивают отношения текстовых единиц, т.е. предложений, с синтаксическими отношениями между частями предложения, характеризуя их как подлежащные, дополнительные, обстоятельственные и определительные отношения [Фигуровский 1961]. Смотрите также типы инициаторов Э. Верлиха, определяющих доминирующие связи для дескриптивных, нарративных, аргументных, экспозитивных и инструктивных текстов [Werlich 1975: 35 – 38], систему семантических связей Э.Ф. Скороходько, вводящего понятие графа, вершины которого соответствуют единицам текста (словам, предложениям, абзацам), а ребра – семантическим отношениям между этими вершинами [Скороходько 1972] и т.п.

Различны также точки зрения на типы семантической изотопии [см., например: Гиндин 1972, Шапиро 1979: 10, Dressler 1973: 20–21]. Так, С.И. Гиндин относит к семантическим повторам целую группу смысловых соответствий: 1) связь между общеупотребительными, или словарными, синонимами; 2) повтор с использованием индивидуально-авторского синонима; 3) противопоставление, выраженное с помощью антонимов; 4) связь между однородными частями речи, или так называемый корневой повтор; 5) соответствие понятий по типу "род–вид" и наоборот; 6) синекдохические соответствия типа "целое–часть"; 7) соответствие внутри группы, объединенной по принципу разной степени одного и того же признака или интенсивности обозначаемого действия; 8) связь по принципу ассоциативного переноса понятий по категориям: а) причина–следствие; б) предмет–материал–качество; в) действие–объект–деятель; г) связь по любой общности коннотативных значений [см.: Гиндин 1972].

Наиболее удобным представляется объединение всех видов семантических связей в три основные группы по принципу отношения связанных единиц к отражаемому ими внеязыковому объекту, референту: 1) связь, базирующаяся на полном кореферентном повторе; 2) связь, базирующаяся на частичном кореферентном повторе; 3) ассоциативную связь. При *полном кореферентном повторе* в тексте фигурирует один и тот же внеязыковой объект. Изотопия такого типа осуществляется простым повтором того же слова. Например: (5) "*Разговор с Верой Григорьевной его (Николая) ошеломил. – Я не собираюсь никуда ехать, – заявила она. – Мне не нужна никакая Америка, я прекрасно проживу и здесь. – Живи, – согласился Николай, пока еще не понимая, к чему ведет мать. – В чем проблема? Продай Ирину квартиру, отдай ей деньги, а тебя туда никто*

силком не тянет. – **Продай!** – передразнила мать. – **А где я буду жить?** – **Как это где?** – опешил он. – **У тебя же роскошная трехкомнатная хата в самом центре**" (Маринина 1: 100); различными видами субституций, например, заменой местоимениями: (6) "Вчера я был у **Виктора Ипполитовича**. Он отказался говорить со мной на эту тему, но сказал, что если бы ты пожелала... Он говорит, что, хотя ты разлюбила всех нас, твоя власть над **ним** еще так велика... Ларочка... Достаточно одного слова... Понимаешь ли ты, какой это позор и как это затрагивает честь юнкерского мундира?... Сходи к **нему**, чего тебе стоит, попроси **его**.... Ведь ты не допустишь, чтобы я смыл эту растрату своей кровью" (Пастернак: 65); адвербиализованными словами: (7) "In der Nähe unseres Lagers war eine **Eisenbahnstrecke**. Bald nach Kriegsausbruch mussten wir **dort** arbeiten" (Petersen: 62); "Вблизи нашего лагеря находилась **железнодорожная линия**. Вскоре после начала войны мы должны были **там** работать"; употреблением синонимов, использованием парафраз и т.п.: (8) (Галина Ивановна, мать убитого писателя Параскевича приходит к следователю Ольшанскому): "Так вот что я вам скажу, Константин Михайлович. – В ее голосе явственно звучала угроза. – Я все поняла. Вы вступили в сговор со **Светланой**. Вы прекрасно знаете, что это она убила моего сына, но она делится с вами баснословными гонорарами, которые получает как вдова писателя, и вы ее за это покрываете. Может быть, вы даже спите с ней. Да-да, теперь я не сомневаюсь. В прошлый раз, когда я рассказала вам о том, как эта **мерзавка** изменяла моему сыну, вы всеми силами старались уверить меня, что мне показалось. Тогда я не обратила на это внимание, а теперь вижу, к чему все идет. Вижу! Вы нагло лжете мне в глаза, говоря, что нашли убийцу. Вы его никогда не найдете, потому что будете выгораживать Светлану" (Маринина 9: 175).

При **частичном кореферентном повторе** используется повтор одного или нескольких тождественных семантических элементов лексем. Здесь следует особо выделить синекдохические соответствия типа "целое–часть" и "часть–целое": (9) "Здесь просили **врачебной помощи**. Я могу подать ее. Покажите мне вашу руку... Ну, счастлив ваш бог. Это такие пустяки, что я не стал бы **перевязывать**. Впрочем, немного йоду не помешает. Вот Фелицата Семеновна, мы попросим у нее" (Пастернак: 74); и соответствия по типу "гипероним–гипоним" и наоборот: (10) "Юсупка был сыном дворника Гимазетдина с тиверзинского двора. Тиверзин покровительствовал мальчику в мастерских. Это подогревало в Худолееве неприязнь к **нему**. – Как ты **напилок держишь**, азиат, – орал Худолеев, таская Юсупку за волосы и костью по шее. – Нешто так **отливку обдирают**? Я тебе спрашиваю, будешь ты мне **работу** поганить, касимовская невеста, алла мулла косые глаза? – Ай, не буду, дянька, ай не буду, ай больно! – Тыщу раз ему сказывали, вперед **подведи бабку**, а тады **завинчивай упор**, а он знай свое, знай свое. Чуть мне **шпентель не сломал**, сукин сын. – Я **шпиндил не трогал**, дянька, ей-Богу, не трогал" (Пастернак: 34). В приведенном примере слово **работа** включает в себя такие действия как **обдирать отливку, завинчивать упор, подводить бабку, держать напильник**.

В основе **ассоциативной связи** лежит употребление слов и выражений из определенной тематической сетки. Сравните: (11) (Доктор Живаго у больной) – **Надо бы посмотреть ее**, – сказал Юрий Андреевич. – **Но все равно, мне и так ясно. Это сыпняк**, и притом в довольно тяжелой форме. Она порядком мучится, бедняжка. Я бы советовал **поместить ее в больницу**. Дело не в удобствах, которых вы ей не представите, а в постоянном **врачебном присмотре**, который необходим в первые недели **болезни**. Можете ли вы обеспечить что-нибудь **перевязочное**, раздобыть извозчика, или в крайнем случае ломовые дровни, чтобы отвезти **больную**, разумеется, предварительно хорошо закутав? Я вам **выпишу направление**. – Могу. Постараюсь. Но погодите. Неужели правда это **тиф**? Какой ужас! – К сожалению. – Я боюсь потерять ее, если отпущу от себя. Вы никак не могли бы **лечить** ее дома, по возможности участив посещения? Я предложил бы вам какое угодно вознаграждение. – Я ведь объяснил вам. Важно непрерывное **наблюдение** за ней. Послушайте. Я даю вам хороший совет. Хоть из-под земли достаньте извозчика, а я составлю ей препроводительную записку. Лучшее всего сделать это в вашем домовом комитете. Под **направлением** потребуется печать дома и еще кое-какие формальности (Пастернак: 187).

Дискурсивно-логические связи строятся на базе последовательного сцепления предложений по принципу логического следования, соположения, выводимости, отражающей причинно-следственные, условные, уступительные, целевые отношения, отношения результата, логического перехода и т.п. Говоря о трудностях определения межфразовых связей, В.М. Павлов приводит пример двух контактных причинно-следственных высказываний, между которыми существует отношение импликации, но нет лексико-грамматического показателя связи: "Он заболел. Все очень встревожены" [Павлов 1975: 25]. Формальные показатели связи в таких фрагментах дискурса, как правило, легко восстанавливаются. Приведенный фрагмент текста реконструируется следующим образом: "Он заболел. Все очень встревожены **этим**". Сравните также: Ты пойдешь в театр? – Я сегодня занят. По мнению В.Г. Борботько, связь высказываний по импликации близка по своему содержанию элементарной конфигурации уподобления "сужение/расширение". "Содержательный характер импликации в естественном языке всегда предполагает в выводе частицу посылки. Поэтому возможна разработка правил для реконструкции того общего, что объединяет любые высказывания дискурса, состоящие в отношении импликации. Возможно, что в некоторых случаях интерполяция таких высказываний может оказаться длинной цепочкой, и, тем не менее, она осуществима" [Борботько 1981: 62]. Проблема логических отношений между составляющими дискурса и его разновидности – текста – явилась предметом отдельных исследований. (См., например, конъюнкционную связь Ф.И. Карташковой, [Карташкова 1979: 14], логическую связь К.С. Чикваишвили [Чикваишвили 1980: 22], четыре основных вида связи У. Фигге: простую, альтернативную, поясняющую и противительную [Figge 1971: 164–165], логические, квазилогические, каузативные, темпоральные текстовые отношения Э. Агриколы [Agricola 1979: 54–63], идентичные отношения, отношения включения и перекрещивания между семантическими субъектами пропозиций Т.П. Трегубович [Tregubowič 1978: 591–592], типы логических связей Х. Изенберга и Ф. Данеша [Isenberg 1974: 188–189, Daneš 1976: 37–38 и др.].

Выделение **прагматических связей** в тексте активизировалось с привлечением к исследованию прагматического аспекта текста [см.: Bellert 1972: 77–78, Plett 1975: 91, Braunmüller 1977: 181, Чикваишвили 1980: 22]. Основу для текстуально-прагматических связей создает коммуникативный акт, тесно связанный с процессом декодирования текста реципиентом. Предполагается, что информация, закодированная коммуникатором в тексте, должна быть извлечена реципиентом по форме знаков. При этом реципиент может расширить или дополнить эту информацию, заполнить некоторые текстовые лакуны с помощью имеющихся у него знаний, т.е. пресуппозиций. Вариативность возможных текстовых интерпретаций создает условия для наполнения текста различным смысловым содержанием. И только знание наличествующих в данном тексте пресуппозиций способствует его адекватному пониманию. Чтобы верно декодировать текст, реципиент должен обладать двумя видами пресуппозиций, или знаний: а) экстралингвистическими или энциклопедическими знаниями; б) ситуативными или контекстуальными знаниями. Под экстралингвистическими знаниями понимается вся неязыковая информация, которой облада-

ет или которую приобретает реципиент в результате образования и своего жизненного опыта. От этих знаний следует отличать информацию, которую участники коммуникативного акта приобретают в процессе самого речевого акта, данную непосредственно, или выводимую реципиентом референционным путем. Такие знания именуется ситуативной пресуппозицией [см.: Plett 1975: 91, Гак 1979: 19]. [Подробнее о названных типах текстуальных связей см.: Григорьева 1980, 1987]. Рассмотрим несколько примеров: (12) *"Es gab wenig Männer im Dorf. Die Dorffrauen wussten nicht, weshalb sie noch deutsch-aufrecht und mit hochgestemtem Busen umhergehen sollten; sollten sie es für die Grossväter oder für die Konfirmanden tun?"* (Strittmatter: 14); *"В деревне было мало мужчин. Деревенские женщины не знали, почему они еще должны были ходить по-немецки прямо и с высоко поднятой грудью; должны ли они были делать это для дедов или для конфирмантов?"*; (13) *"Sie gingen langsam durch die Strassen einer Villenvorstadt. Nirgendwo Grün, nur Staub und Russ, die Luft verraucht und unrein... Holt erinnerte sich an die uferlosen Wälder, an Berge und Steinbruch. "Wenn man verreisen könnte, jetzt im Sommer", sagte er"* (Noll: 235); *"Они медленно шли по улицам окраины города, застроенной виллами. Нигде не было зелени, только пыль и копоть, воздух загрязнен и нечист... Холт вспомнил о безбрежных лесах, о горах и каменоломнях. Если бы можно было уехать, сейчас летом – сказал он"*. Приведенные высказывания могут быть поняты только в том случае, если реципиенту известно, что события происходят во время войны. Прагматическая ситуативная пресуппозиция лежит в основе всего текстового фрагмента, как в первом, так и во втором случае. В последующем диалоге речь идет об имплицитном запросе разрешения на убийство свидетеля преступления Тамару Коченову. Он полностью основан на прагматической ситуативной пресуппозиции: (14) *"С Тамарой у нас проблема, Михаил Владимирович. Она очень напугана и изо всех сил делает вид, что ничего не произошло. Якобы ее это не касается. Поверьте моему опыту, так ведут себя люди, которые понимают, что стали нежелательными свидетелями и теперь им нужно опасаться за свою жизнь. Если бы она устроила истерику, я бы нашел способ ее успокоить, объяснил бы, что ей выгодно молчать в тряпочку. А она ничего не говорит и не спрашивает. Она очень опасна, Михаил Владимирович, поверьте мне. Она достаточно умна и может попытаться затеять с нами всякие разные игры, а любая игра подразумевает лишние телодвижения, которые могут привлечь чье-нибудь внимание. – Я понял, – торопливо откликнулся Шоринов. – Я полностью согласен с тобой. Хотя... Может быть, она молчит не потому, что задумала какую-то каверзу? Может, она просто хочет денег за молчание? Ты не говорил с ней об этом? – Михаил Владимирович, я не первый день на свете живу... – начал было Саприн, но Шоринов перебил его: – Попробуй в этом направлении. Может, все обойдется. Заткни ей рот пачкой долларов и спи спокойно. Можешь торговаться до пятидесяти тысяч. А уж если она захочет больше, тогда, конечно, ... Где она сейчас? – Ждет в машине (Маринина 1: 76). Сравните также: (15) *"(Ливеровский) А вам известно, что вчера кабинет Клемансо пал... – А нельзя ли нам заранее на каком-нибудь пароходе устроиться? – спросил Невзоров"* (А. Толстой: 79). Понимание данного диалога основано на знании того факта, что при падении кабинета Клемансо к власти пришли красные, и что противники революции в таком случае эмигрируют водным путем в Турцию.*

По мнению С.И. Гиндина, теоретически возможны два основных способа построения текстов: а) жесткий способ, согласно которому построение текстов задается заранее, извне; по такому способу построены тексты заявлений, справочников, выходных данных книг, перечней, рубрик и т.д.; б) гибкий способ, согласно которому построение текста не задается заранее, а всецело основано на его внутренней организации, т.е. на структурно-семантическом сцеплении предложений. Оба способа предполагают смысловое единство текста. Гибкий и жесткий способы могут совмещаться, например, в построении волшебных сказок и других произведений устного народного творчества, в таких литературных жанрах, как классическая трагедия и басня [Гиндин 1971].

Подробный анализ взаимосвязи между репликами в диалогическом дискурсе дается Л.М. Михайловым. Факторами, определяющими названную взаимосвязь, по мнению автора, являются: коммуникативная целостность, коммуникативная интенция, логико-семантическая соотнесенность, грамматическая корреляция, лексическая корреляция, просодическая корреляция (первые три обязательны, остальные факультативны) [см.: Михайлов 1994]. Приведенные факторы свидетельствуют о том, что нельзя также не брать во внимание структурно-семантическую и синтаксическую связь, существующую между репликами диалога и базирующуюся на законах текстовой когезии. Тема-рематическая связь элементов текста в последовательных или параллельных цепочках предложений не входит в противоречие с коммуникативным замыслом говорящего выделить важное для себя и новое для адресата содержание. Определенный вклад в решение коммуникативной задачи вносят также синтаксические средства связи. "Синтаксическая координата описывает совокупное аккумулирующее (накапливающееся) речевое воздействие на адресата последовательности единиц речевой деятельности в рамках одного дискурса или речевого акта" [Зернецкий 1990: 62].

Публикации, затрагивающие аспект "темы" в организации дискурса, можно найти как среди исследований в области конверсационного анализа, так и среди работ с ориентацией на общий анализ диалога. Терминология также не отличается единством: наряду с немецким понятием "тема", встречается "топик" или "топик дискурса" и "фокус", если речь идет об интеракции. При этом понятия темы и фокуса зачастую употребляются для обозначения одного и того же явления. Так, М. Айфлендер отдает предпочтение термину "тема". При этом "темой" он называет предмет, ситуацию, положение вещей, которые представляют интерес для коммуникантов и обсуждаются в коммуникативном акте эксплицитно и сообща [см.: Eifländer 1989: 193]. Бублиц В. рассматривает тему разговора как экстракт или конденсат содержания текста или как проблему, решение которой организует текст, или как результат процесса приписывания, при котором предмет речи (событие, положение вещей, личность и т.д.) приписывается комплексному образцу речевой деятельности (рассказу, сообщению). Тему он описывает не как объективно заданную, инвариантную, присущую тексту величину, которая неоспорима в каждом пункте разговора для всех участвующих в нем, а как понятие, которое приписывается текстам, диалогам [Bublitz 1989: 175]. При таком подходе к определению темы остается некоторая неопределенность в плане того, что трудно определить, является ли высказывание вкладом в предыдущую тему или относится к следующей теме, когда и где происходит смена темы. Проблемно ориентированные темы в соответствии с этим определением составляют содержание дискуссий, переговоров или других аргументированных типов текстов, но не рассказов или бесед, чьи темы могут быть лучше определены как ориентированные на содержание [там же: 176].

На наш взгляд, тема и фокус беседы – разные понятия. Фокус – это эпицентр, (суть, "соль") диалога, концентрирующий в себе смысл беседы. Тему диалога можно соотнести с пропозицией. Она может меняться. Смысловая и структурная цельность дискурса отличается от текстовых законов смысловой и структурной цельности, завершенности, когезии и когерентности. Решающим средством связи в тексте является тема-рематическое сочленение компонентов, связанное с высказывани-

ем. Актуальное членение, типизируясь в многократном повторении в сходных обстоятельствах, становится языковым механизмом текстообразования, иначе говоря, возникают типовые способы развертывания актуальной перспективы. В тексте на первый план выступает концептуально заданный смысл, последовательность и логичность развертывания смысловой заданности, цельность, связанность, средства связи и т.д. Исследователь же дискурса ставит перед грамматикой текста не проблемы когезии и когерентности, а на первый план выдвигает рассмотрение речевых интенций адресанта, порождаемых общей смысловой заданностью целого, стратегий и тактик в осуществлении коммуникативных намерений [см.: Формановская 2000б: 61]. Здесь анализируются в первую очередь оценки, эмоции по отношению к отражаемой действительности, адресату и содержанию сообщения, иначе говоря, рассматривается прагматический аспект. "Реплики в диалогическом единстве объединяются коммуникативным намерением (прагматический фактор)" [Николаева 1987: 10]. "Связность диалогической речи подчинена принципам целенаправленной деятельности. Она зависит от степени четкости поставленной цели, ее выполнимости, правильности выбранной диалогической тактики, возможных последствий для адресата, его доброй воли и пр." [Арутюнова 1992: 56]. Основной содержательной единицей диалога является коммуникативный фокус. Главное свойство коммуникативного фокуса – его перемена, переход из одной фазы развития в другую. Перемена коммуникативного фокуса связана, прежде всего, с переменной прагматического фокуса. Под прагматическим фокусом подразумевается акт выбора, критерием для которого являются успешность и эффективность коммуникации и взаимодействия. Акт выбора предполагает при произнесении предложений выделение тех объектов разговора, которые говорящий считает наиболее важными для слушающего, т.е. прагматический фокус определяется в терминах коммуникации и взаимодействия ее участников. Семантический фокус определяется в терминах, не зависящих от контекста конкретного разговора, например, в терминах отношений, существующих между фактами и объектами, т.е. на чисто онтологическом уровне [см.: Dijk 1981: 148]. Как совершенно справедливо отмечает Т.А. Жалагина, семантический фокус может неоднократно меняться в пределах одной фазы развития коммуникативного фокуса. "Перемена семантического фокуса может происходить регулярно либо со сменой говорящего (от реплики к реплике), либо в рамках следующих друг за другом диалогических единств. Но в силу того, что при перемене семантического фокуса не изменяется прагматическая направленность диалога, мы не можем говорить о переходе коммуникативного фокуса в новую стадию развития. Перемена коммуникативного фокуса происходит только с изменением целей говорящего, т.е. с изменением прагматического фокуса диалога. ... Мы говорим о том, о чем хотим говорить, что представляет интерес для нас, и прекращаем разговор или переводим его в другое русло (меняем коммуникативный фокус) в тех случаях, когда разговор принимает нежелательный оборот. В любом из этих случаев происходит перемена коммуникативного фокуса, переход из одной фазы его развития в другую" [Жалагина 1990: 100]. При переходе коммуникативного фокуса из одной фазы развития в другую создаются такие типы отношений между диалогическими единствами, как включение, пересечение, чередование [см.: Кучинский 1985, Жалагина 1990].

Логическая семантика и прагматика определяют и отражают также соотношение между *значением* и *смыслом*. Лингвистика сама по себе "не несет ответственности" за содержание текстов, за их идеологическую, политическую и прочую заряженность. Нужно различать языковое (закрепленное в языковых единицах и структурах) значение и сопряженный с ним, опирающийся на него личностный смысл. "Смысл создаваемого человеком текста возводится к индивидуальной концептуальной системе, в которой значительное место занимают ценностные ориентации" [Артемьева 1999: 20]. Арутюнова Н.Д. противопоставляет событийное (пропозициональное) и фактообразующее значение. Событийное значение связано с миром, а фактообразующее с сознанием. Экстенционал событийного значения связан с объектами действительности (не с предметами, а с процессами), а экстенционал фактообразующего значения образован предикациями. Первое значение связано с координатами пространства и времени, упорядочивающими континуум мира, а второе с координатами истины или лжи, возможности/невозможности, организующими логическое пространство [см.: Арутюнова 1988: 532]. Координаты пространства и времени, в рамках которых действует коммуникатор, могут соотноситься с характеристиками социологическими и психологическими [Дридзе 1998: 48].

Как отмечает Е.С. Кубрякова, "в организации дискурса" ведущими оказываются значения, определяющие его связность, кореферентность и т.д. "Типы повторяющихся смыслов рождают типы объективирующих их конструкций и диктуют использование этих последних в чувственных типизированных ситуациях" [Кубрякова 1986: 103, см. также: Бондарко 1984]. "Семантика вступает в игру с момента формирования личностных смыслов и должна здесь "разнести" разные формы смыслов по разным языковым единицам в зависимости от того что, так сказать, "топикализует" или акцентирует сам говорящий: предмет речи, его признак или же тип отношений между ними. Выбор им одного из возможных путей разворачивания речи – следствие того, что находится в фокусе его внимания, на чем остановилась его мысль, т.е. следствие его установки и сформированного к тому времени смысла. Мысль, чтобы быть развернутой в дискурсе и развиваться, формироваться в речевом акте, должна быть разбита предварительно на отдельные дискретные части – смыслы, подобно тому, как ситуация, которую отражает и описывает человек, должна быть для ее объективации языковыми средствами расчленена и представлена некими дискретными сущностями. Смысл, согласно этой точке зрения, – это часть мысли, препарированной и приготовленной для того, чтобы стать речью" [Кубрякова 1986: 112–113].

"При перекодировании личностных смыслов в языковые значения и при переходе к объективации смыслового задания предложения во внешнем высказывании должна произойти определенная группировка смыслов так, что одни смыслы войдут в величины, между которыми устанавливается само найденное отношение, другие же войдут в обозначаемое отношение. Категоризация смыслов заключается в их разбиении на объекты, с одной стороны, и отношения между ними, с другой стороны. Кардинальное различие между разными совокупностями складывающихся смыслов мы видим, следовательно, в том, что одни становятся "подведенными" под понятие объекта, а другие – под понятие отношения. Объект выступает при этом как определенная совокупность признаков, отношение – как сам приписываемый признак" [Кубрякова 1986: 117].

"Роль семантического компонента в переходе от личностных смыслов к языковым значениям с устоявшимися и отработанными языковыми формами их выражения не только в том, что, по справедливым словам А.М. Шахноровича, с введением в действие семантического компонента происходит "высвечивание" основных семантически значимых элементов ситуации, приписывание им признаков и выстраивание их иерархии – по значимости" [Шахнорович 1983: 190]. Такое "высвечивание", действительно, имеет место, и именно оно составляет главный момент в формировании содержания и смысла будущего высказывания, но роль семантики (языковой семантики, семантики языковых форм) более конкретно может состоять и в том,

что она согласует смыслы с определенными языковыми этикетками этих смыслов, представляя в распоряжение говорящего содержательные правила" [Кубрякова 1986: 123].

Итак, среди многочисленных средств смыслового и формального соединения предложений в речевой продукции выделяются синтаксические, морфологические, семантические, логические и прагматические связи. Они очень хорошо прослеживаются на текстовом уровне в рамках его тема-рематической организации. В отличие от текстовой когезии и когерентности смысловая и структурная цельность дискурса цементируется фокусным развитием речевых интенций адресанта. Фокусом мы называем суть, эпицентр диалога, концентрирующий в себе смысл беседы. Коммуникативный фокус является основной содержательной единицей диалога. Под прагматическим фокусом понимается акт выбора тех или иных объектов разговора, которые говорящий считает наиболее важными. Смена темы разговора не обязательно ведет к перемене коммуникативного фокуса. Рассмотрим в следующем разделе, как развивается тема беседы в зависимости от целевых установок адресанта, т.е. прагматического фокуса.

2.7. ТЕМАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ДИСКУРСА

Темы разговора обычно охватывают несколько высказываний и, таким образом, имеют большую когерентно-образующую силу. Такие действия, как ввод темы, смена темы, сдвиг темы, окончание, а также ослабление темы требуют для своей реализации других действий, например, вопрос, предложение и др. Обычно говорящий соблюдает принцип, по которому изменения в обсуждении темы должны быть одобрены участниками эксплицитно или молча. Например, действие "ввод темы" считается только тогда завершенным, как только коммуникаторы внесут вклад в инициированный предмет речи. До этого момента можно говорить лишь о попытке ввода темы. Тематическое действие нуждается, следовательно, по крайней мере, в ответных действиях, которые содействуют ее успешному завершению.

Беседу, диалог можно понимать как форму фокусирующей интеракции [Goffman 1963: 24] с общей ориентированностью участников коммуникации на одну тему. При этом, как следует из опыта повседневного общения, люди в обычных ситуациях в большинстве случаев сходятся вместе не для того, чтобы говорить о строго очерченной и, таким образом, определенной теме. Напротив, диалог, и тем самым развитие тематических направлений, вытекает часто из их совместного бытия. К этому следует добавить, что как раз в непринужденных, естественных беседах наблюдается более или менее свободное, не обусловленное ситуацией обсуждение тем. Не существует "объективных", не зависящих от типа коммуникации схем ввода, развития и смены тем. Темы производятся, изобретаются участниками коммуникативного акта в ходе интеракции. Каждая попытка обоснования темы указывает на то, как важна эта тема для коммуниканта. Многочисленные действия, служащие развитию тематической прогрессии, изменению фокуса (поддержание или препятствие), свидетельствуют о заинтересованности и ориентации коммуникантов, об их согласии, их смятении, смущении, озадаченности и всякой конфликтности их обмена.

Тему разговора, беседы не всегда легко определить. В некоторых языках (в английском в меньшей степени) имеются объективные единицы, например, наречия, частицы, аффиксы и др., функцией которых является обозначение главной темы, второстепенной темы и подтем. В английском языке это в основном частицы *anyway*, *incidentally*, *by the way*, *now*, в немецком языке *übrigens*, *jetzt*, в русском языке: *впрочем*, *а теперь* и др. Тестами подтверждено, что мы обладаем интуициями в отношении определения тем, что мы можем приписывать тексты темам и темам тексты, что мы узнаем тематические действия [Lötscher 1987].

Наиболее распространенным способом идентификации фокуса в предложении считается вопросно-ответный тест, применяемый также при выявлении ремы. С помощью такого теста проверяется возможность рассматриваемого предложения быть ответом на местоименный специальный вопрос, а конституэнт, замещающий вопросительное слово, идентифицируется как фокус ответной реплики. Исследователи, придерживающиеся этой точки зрения, берут ряд высказываний, составляющих парадигму какого-нибудь предложения, и задают специальные вопросы, на которые эти высказывания окажутся ответами в конкретных ситуациях [см.: Sgall 1987: 177].

Например, если взять предложение "*Студенты убирают аудиторию*", то на его основе можно создать по крайней мере три контрастных высказывания:

- *Студенты убирают аудиторию.*
- *Студенты **убирают** аудиторию.*
- *Студенты **убирают аудиторию**.*

Очевидно, что эти высказывания в конкретных ситуациях будут ответами на разные вопросы (соответственно):

- *Кто убирает аудиторию?*
- *Что делают студенты?*
- *Что убирают студенты?*

Горлина А.С. предлагает использовать для определения фокуса контраста тест на отрицание. Методика подобного теста заключается в трансформации анализируемого предложения таким образом, чтобы во вновь образованном высказывании проверяемый на контрастивную выделенность конституэнт оказался подверженным отрицанию, а высказывание было дополнено другим элементом, подходящим на эту роль. Если эту процедуру проделать невозможно, то конституэнт не может считаться контрастивно выделенным [см.: Горлина 2000].

Я купила "Войну и мир" – Не я купила "Войну и мир", а мама.

Я купила "Войну и мир" – Я не купила "Войну и мир", а взяла ее у подруги.

Я купила "Войну и мир" – Я купила не "Войну и мир", а рассказы Л. Толстого (Пример А.С. Горлиной).

Сущинский И.И. предложил проверять присутствие или отсутствие значения контрастивности в высказываниях с выделенным конституэнтом, используя прием подстановки единиц адверзативного смысла "*sondern...*", "*aber...*", "*und nicht...*" [см.: Сущинский 1987: 113]. Сравните: *Nicht Peter hat das gesagt, sondern Gabi; He Петер это сказал, а Габу; Er ist gegen deinen Vorschlag und nicht dafür; Он не против твоего предложения, а за него.*

Средствами актуализации топика дискурса могут выступать частицы *auch, nicht, nur, союз nicht nur... sondern auch* [см. Tanaka 2000: 16]. Шин Танака показывает, что фокусная частица *auch* в синтаксической структуре немецкого высказывания имеет двойную функцию. Наряду с функцией выделения в сочетании с отрицанием *nicht* она входит в подкласс фокусных частиц и функционирует как индикатор субъекта и топика [см.: Tanaka 2000: 1–2]. При этом *auch* может занимать как контактную, так и дистантную позицию с фокусируемым элементом; *nur* и *sogar* – контактную: *Wir waren bei dem auch dabei; Nicht nur Kai, sondern auch Julia hat die Prüfung bestanden; Мы при этом также были. Не только Кай, но также и Юлия сдали экзамен.* Фокусный компонент получает в высказывании более сильное ударение.

Референтная отнесенность предложения детерминируется, прежде всего, обозначениями, представленными в топике. Наиболее самостоятельным в референциальном отношении и должен быть топик, и не случайно топика формируются именами и именными фразами. С когнитивной точки зрения именно они должны быть перцептуально наиболее определенными и легко идентифицируемыми и/или входящими в разделенное знание говорящего и слушающего и т.д. В языке они обычно обозначены существительными и местоимениями, которым, как говорит Д. Тейлор, присущи черты "ингерентной топикальности". Некоторые единицы в языке и должны были стать наиболее приспособленными для того, чтобы фиксировать исходную, или отправную референциальную величину [ср.: Taylor 1994: 219 и сл.; цит. по: Кубрякова 1997: 245].

По мнению Л.М. Савосиной, средством актуализации темы, топика высказывания могут быть фазисные модификации (оставаться, остаться, становиться, стать, превратиться): "*Человеком благородным в сознании всех остается Пушкин*"; (Литературная газета. 21.02.93); модальные модификации (должен, может): "*Собачники должны быть людьми добрыми, душевными*" (Комсомольская правда 21.02.97); авторизованные модификации: моносубъектные и полисубъектные (считают, называют, считаются, называются, кажутся, показаться): "*В Китае, Вьетнаме, Японии, Бирме, Камбодже бамбук считают такой же замечательной едой, как мы грибы*" (Весь мир, 1997: № 2) [примеры Л.М. Савосиной; см.: Савосина: 1998]. Модульные модификации при этом могут выражать различные смыслы персуазивности (субъективной модальности, характеризующей отношение говорящего к содержанию высказывания и усложняющей общий смысл высказывания), показателями которой являются вводные слова и предложения, глаголы, наречия, модусные частицы, функционирующие как в составе подлежащего, так и в составе сказуемого [см.: Савосина 1998: 69 – 73].

Тема и обращение с темой в повседневном, обычном общении проявляют особенности, которые не характерны для других видов диалога. Так, каждый вправе ввести здесь в принципе любую тему в удобный момент. Ограничение относится к следующим предпочтениям (предпосылкам, случаям): а) – избегать табуированные темы. Табуированные темы могут относиться к беседе в целом или к участвующим в диалоге. Например, табу, связанное с нарушением принципа вежливости; б) – вводить тему, не представляющую общий интерес. В диалогах, разговорах, кооперативных предпринимательствах должны быть приведены в соответствие не только содержание, действия, но и интересы коммуникаторов; в) – связывать цепочки тем. Только в трех типичных случаях говорящий может говорить на тему, которая не являлась полностью или частично темой предыдущего высказывания. 1. В начале разговора говорящий вводит тему, которая обычно присоединяется к обычным прелиминарным, вступительным действиям, таким, как приветствие, предложение присесть, осведомление о самочувствии, высказывание комплимента. 2. После ослабления или после перебивания речи говорящий снова возобновляет прежнюю тему, вводя ее повторно. 3. Во время беседы говорящий меняет прежнюю тему, заканчивая ее и заменяя ее новой, которую он вводит. Таковы действия адресанта.

Действиями коммуникатора для ввода темы и частичной смены темы являются преимущественно действия вопроса или побуждения. Если связь высказываний с тематическим содержанием беседы более не поддерживается, возврат к прерванной теме требует более значительных вербальных затрат. Он может состоять в том, что добавляются когерентные дискурсивные элементы. На шарнирных местах между двумя темами комментируется действие возврата к прежней теме (*Darauf komme ich zurück; Я к этому вернусь*). При попытке сменить тему доминируют, как правило, интеррогативные и директивные предикаты речевых действий.

В официальных беседах, дискуссиях, и т.д. диалогом руководит уполномоченный для этого участник. Он контролирует порядок следования тем; взаимосвязь между вновь введенной темой (подтемой) и главной темой; взаимосвязь между отдельными речевыми вкладами и темой (это означает, что существует молчаливое согласие говорить по теме, оставаться при обсуждении темы); при соответствующих обстоятельствах порядок следования говорящих (мену ролей); завершение тематических действий (т.е. он зачастую один уполномочен вводить новые темы и заканчивать их). Вероятно, такие виды дискурса можно строить по моделям тема-рематических цепочек О.И. Москальской [см.: Москальская 1981: 23]. Наиболее часто здесь используется тема-рематическая цепочка на базе так называемых производных тем, вытекающих из общей темы (гипертемы).

Так как отдельные темы связаны с главной, подчиняющей темой разговора в смысловом (референциальном, пропозициональном, инференциальном или в другом отношении), при этом не обязательно с соседними темами, допускаются внезапные, резкие смены тем. Немаловажную роль здесь играют перформативные высказывания. Эксплицирование действия, которое они как раз выполняют или которое непосредственно допускают, действует как цезура (разделяющее целое на части) между двумя разговорными темами. С другой стороны, они имеют, тем не менее, связующую функцию. Дается сигнал для отсутствующего поступления последующего речевого вклада в обсуждаемую до сих пор тему и он одновременно обозначает вклад во вновь введенную тему. При заданности названных условий участники этих бесед (коммуниканты) ожидают, что темы, введение которых подготовлено с помощью этих предикатов действия, относятся к канону изложенных ранее тем или вносят вклад в развитие главной темы как подтемы.

Подобные ожидания отсутствуют в повседневной разговорной речи. Тематические действия, коммуникативные вклады и распределение социальных ролей не запрещены здесь ни в содержательном, ни в структурном плане. О способах согласования тем, таких как: 1) независимое от контекста введение новой темы; 2) введение ассоциативной темы [см.: Lötscher 1987]. Независимое от контекста введение темы рассматривается в данном случае как резкая смена тем. Ассоциативные средства служат для того, чтобы организовывать гладкий скользящий переход. При резкой смене тем должны быть соблюдены два условия: 1) между темами не должно проследиваться никакой содержательной связи, так чтобы не было пропозициональных, референциальных, лексико-семантических и синтактико-семантических связей, равно как и ключевых слов, лейтмотивов и других ассоциативных соединений; 2) с другой стороны не должно быть никаких языковых вставок, с помощью которых могла бы внушаться связь с предыдущей темой. Отсутствие взаимосвязи может быть эксплицировано. Резкая смена тем

может быть смягчена некоторыми обстоятельствами. Нисходящая интонация, длительные паузы, а также стереотипные обороты маркируют те места в ходе беседы, в которых может состояться как смена ролей, так и мена тем.

Иногда цепочки тем развиваются из одного тематического поля, в том случае если коммуниканты мало знакомы и черпают дальнейшие темы для разговора из одного источника.

Нормой в повседневной беседе является скользящий плавный переход от темы к теме. Даже в тех случаях, когда связь не устанавливается говорящим, переход обычно внушается или дается понять, что слушающий осознает отсутствующую взаимосвязь. Таким образом, говорящий пытается с помощью конструктивно связующих высказываний предупредить, предотвратить возможные санкции своих партнеров по коммуникации нарушить ход беседы (*by the way, incidentally, besides, talking about..., that reminds me of, übrigens, ausserdem, впрочем, говоря о..., вспоминая о...* и т.п.). Чаще всего плавные переходы осуществляются таким образом, что какое-либо событие, положение вещей, имя собственное, предмет, действие и т. п. становятся ключевым словом для введения новой темы, для смены прежней или переходу к какому-либо аспекту, не реализованному в качестве темы.

Ассоциация тем, согласно А. Летшеру [Lötscher 1987: 153], налицо в том случае, если вторая тема по отношению к первой имеет одинаковые свойства, практические взаимосвязи единого типа, психологические общности, одинаковую оценку. Если говорящий придает выражению функцию ключевого слова, он непременно устанавливает ассоциативную связь. Зачастую в качестве единого связующего элемента следующих друг за другом тем выступает лишь какое-либо отношение к какому-либо положению вещей, эксплицитно не названному в тексте. Скользящие переходы тем предпочтительнее, так как они служат кооперации, гарантируют понимание и развивают и укрепляют удовлетворительные социальные отношения.

Структура следования, ход беседы – постоянно на основе конститутивного отношения мены ролей между говорящим и слушающим – в очень сильной степени определяется видом и способом иницирования темы и выбором методов. Если взгляд целенаправленно обращается к комплексным процессам тематической прогрессии, то речь идет, вообще говоря, об исследовании условий и возможностей раскрытия темы в диалоге. Несмотря на то, что разные образцы развития тематической прогрессии с трудом подвергаются фиксированной систематизации, их можно установить только как результат эмпирического анализа.

Ход коммуникативной беседы может иметь следующие пассажи.

а) *Препятствия, помехи.* В принципе каждое введение темы, равно как и ее развитие может торпедироваться действиями со стороны партнера. Партнер может активно мешать развитию темы, особенно если тема иницирована односторонне. Основным знаком таких попыток поворота в противоположность к обогащению тема-рематического развития в интересах обоих является как раз ее односторонность: партнер не развивает тему в ожидаемом направлении, а заостряет, например, внимание на иницированной прежде теме или на маргинально названном побочном аспекте. Этим отступлением развитие темы задерживается, и следствием являются незапланированные разногласия. Тематическое обсуждение в отношении к общему контексту становится неудовлетворительным. Действенным средством создания помех развитию темы и диалога являются промежуточные вопросы в конверсационно не подходящих местах. В качестве примера приведем разговор между Семеном Ивановичем и Ливеровским из рассказа А. Толстого "Похождения Невзорова, или Ибикус": (16) "*Ливеровский* ...можете поздравить: полковник сейчас третью кожу дерет с Шамборена. – Поймали? – Живучий, как сколопендра. Ранили его, по башке оглушили, когда взяли. Сообщники, к сожалению, – один убит, другой скрылся. А наших, вы знаете, четверо – в ящик, четверо сильно поцарапаны. А дело было – красота. **Кстати, читали сегодняшние газеты?**... Он развернул лист оберточной бумаги, на котором были напечатаны "Одесские новости" (А. Толстой: 78).

б) *Оборона, защита, отражение, отпор.* В диалогах часто встречаются отдельные отпоры, отказы, прежде всего там, где обсуждается что-то спорное, т.е. преодолевается диссонанс между партнерами. Айфлендер М. называет две технологии отпора. Технологией именуется функция и цель соответствующего действия. Первая – изменение фокуса. Под изменением фокуса понимается стратегия, которую применяет говорящий (приблизительно с использованием того же вокабуляра), симулируя (инсценируя) т.е. повторяя его мысль, но, одновременно расставляя другие акценты так, чтобы потом вновь прибегнуть к высказыванию, фокус которого он поменял. Он проделывает это довольно-таки быстро, чтобы другой коммуникант не смог понять, что собственно произошло [см.: Werner 1981: 45, Eifländer 1989: 201]. По мнению М. Айфлендера симптоматичным для изменения фокуса является то, что он, как правило, вводит секвенцию (последовательность) упрек–оправдание, с помощью которой, отталкиваясь от предыдущего высказывания партнера, коммуникант отклоняет ее собственное тематическое предназначение. При этом говорящий не обязательно осознает свою тактику. Он может в ходе перепалки неосознанно использовать ее, чтобы повернуть разговор в другую сторону. Но, тем не менее, всегда такие изменения фокуса являются индикаторами завуалированных, скрытых потенций, т.е. в них проявляется определенная конфликтность разногласий. Например: (17) "*Ливеровский* А вам известно, что вчера кабинет Клемансо пал... – А нельзя ли нам заранее на каком-нибудь пароходе устроиться? – спросил Невзоров. – Успеем. Я вас не брошу, вы мне очень и очень пригодитесь. **Кстати, нынче в ночь будет ваше посвящение.** – Семен Иванович, понятно, после этого разговора впал в паническое настроение" (А. Толстой: 79). Определенные стратегии отпора могут относиться не только к избранной теме, но и ко всему разговору в целом: подразумевается отказ от любого коммуникативного обязательства. В этом случае собеседник не хочет вступать в разговор и отнекивается перманентным *yes, yes, ja, ja, да, да* в продолжение всей беседы. Это *yes, ja, да* является манифестацией абсолютной незаинтересованности в разговоре. Эту функцию выполняют также междометия *hm, gm* и др. Такие стратегии (позиции глобального молчания) затрудняют общение, так что удовлетворяющее одно лицо объяснение может произойти только на метакоммуникативном или структурном уровне. Например: (18) "*Семен Иванович подобрал ноги и прислонился к чемодану. Рядом, точно так же, сидел сутулый человек в форменном картузе – военный доктор. – Не спится? – повернул он к Невзорову рябоватое, с клочком бородки, иститое лицо. – Спички у вас есть? Благодарствуйте. Я тоже не сплю. Едем? А? Какая глупость. – Семену Ивановичу было противно разговаривать. Он обхватил колени и положил на них подбородок. Доктор придвинулся, пожевал папироску. – Сижу и с удовольствием вспоминаю отечественную историю...*" (А. Толстой: 88).

Иницирование в середине беседы манифестируется, как правило, как смена темы. Иногда случается также возобновление старой темы. В обоих случаях возникает вопрос о месте и методе смены темы, вводе новой темы, что характеризует феномен с двух сторон: если наряду с введением новой темы налицо имеется возобновление темы, то соответствующие процессы можно наблюдать как после пауз, так и в последующем речевом вкладе, в непосредственном заключении. В общем,

смена темы в разговоре редко остается формально не маркированной, т.е. без сигнала ввода, например без слова "впрочем", "übrigens" или подобного этому. Использование названных слов является примером маркера введения чего-то, не имеющего отношения к обсуждаемой теме. Такие маркировки показывают обращение к новой теме, сопровождаемое зачастую сменой интонации, ниспадающим тоном. Ввод новой темы партнером может осуществляться также с помощью междометия, знаком того, что говорящий осознает нарушение правил общения своим перебиванием, поворотом темы. Например: (19) "Они (Николай Николаевич и Иван Иванович) прошли мимо оранжереи, квартиры садовника и каменных развалин неизвестного назначения. У них зашел разговор о новых молодых силах в науке и литературе. – Попадаются люди с талантом, – говорил Николай Николаевич. – Но сейчас очень в ходу разные кружки и объединения. Всякая стадность – прибежище неодаренности, все равно верность ли это Соловьеву или Канту, или Марксу. Истину ищут только одиночки и порывают со всеми, кто любит ее недостаточно. Есть ли что-нибудь на свете, что заслуживало бы верности? Таких вещей очень мало, Я думаю, надо быть верным бессмертию, этому другому имени жизни, немного усиленному. Надо сохранять верность бессмертию, надо быть верным Христу! Ах, вы морщитесь, несчастный. Опять вы ничегошеньки не поняли. – Мда, – мычал Иван Иванович, тонкий белокурый выюн с ехидною бородкой, делавшей его похожим на американца времен Линкольна (он поминутно захватывал ее в горсть и ловил ее кончик губами). – Я, конечно, молчу. Вы сами понимаете – я смотрю на эти вещи совершенно иначе. Да, кстати. Расскажите, как вас расстригали. Я давно хотел спросить. Небось, перетрухнули? Анафеме вас предавали? А? – Зачем отвлекаться в сторону? Хотя, впрочем, что ж. Анафеме? Нет, сейчас не проклинают. Были неприятности, имеются последствия. Например, долго нельзя на государственную службу. Не пускают в столицы.

Но это ерунда. Вернемся к предмету разговора. Я сказал – надо быть верным Христу. Сейчас я объясню. Вы не понимаете, что можно быть атеистом, можно не знать, есть ли бог и для чего он, и в то же время знать, что человек живет не в природе, а в истории, и что в нынешнем понимании она основана Христом, что Евангелие есть ее обоснование. А что такое история? Это установление вековых работ по последовательной разгадке смерти и ее будущему преодолению. Для этого открывают математическую бесконечность и электромагнитные волны, для этого пишут симфонии. Двигаться вперед в этом направлении нельзя без некоторого подъема. Для этих открытий требуется духовное оборудование. Данные для него содержатся в Евангелии. Вот они. Это, во-первых, любовь к ближнему, этот высший вид живой энергии, переполняющий сердце человека и требующий выхода и расточения, и затем это главные составные части современного человека, без которых он немислим, а именно идея свободной личности и идея жизни как жертвы. Имейте в виду, что это до сих пор чрезвычайно ново. Истории в этом смысле не было у древних. Там было сангвиническое свинство жестоких, оспую изрытых Калигул, не подозревавших, как бездарен всякий поработоритель. Там была хвастливая мертвая вечность бронзовых памятников и мраморных колонн. Века и поколения только после Христа вздохнули свободно. Только после него началась жизнь в потомстве, и человек умирает не на улице под забором, а у себя в истории, в разгаре работ, посвященных преодолению смерти, умирает, сам посвященный этой теме. Уф, аж взопрел, что называется. А ему хоть кол теши на голове! – **Метафизика, батенька. Это мне доктора запретили, этого мой желудок не варит. – Ну да бог с вами. Бросим. Счастливец! Вид-то от вас какой – не налюбуйешься! А он живет и не чувствует (Пастернак: 20).** В данном случае Николай Николаевич пытается навязать Ивану Ивановичу дискуссию о направлениях в литературе. Не поддерживая разговор, Иван Иванович отделяется ничего не значащим междометием мда, пытается поменять фокус беседы с помощью наречия кстати, директивных и интеррогативных высказываний на другую тему: Расскажите, как вас расстригали. Я давно хотел спросить. Небось перетрухнули? Анафеме вас предавали? А? Николай Николаевич на время уступает просьбе собеседника, одновременно сопротивляясь этому (примечательно в данном случае использование структивных высказываний: Зачем отвлекаться в сторону? Хотя, впрочем, что ж), повторяет часть интеррогатива: Анафеме?, но потом пытается вернуться к прежней теме с помощью опять же структивного высказывания и повтора одного из суждений предыдущей темы: Вернемся к предмету разговора. Я сказал – надо быть верным Христу. В конце концов, Иван Иванович уклоняется от спора, приводя в качестве аргумента декларатив о запрете докторов заниматься ему подобными вещами.

Следует также отметить, что говорящий следует названному структурному механизму автоматически. Это доказывает то своеобразие, с которым участники коммуникативного процесса неосознанно сами продуцируют методы и правила их интеракции. В то же время они могут осознавать их как средства интеракции и на них направлять свои коммуникативно-речевые действия. Отклонение от темы может быть выражено с помощью вопроса, как показано в предыдущем примере, для усиления воздействия – двойного вопроса, требующего реакции. Ориентация партнера в отношении темы беседы в таком случае должна быть перестроена. Говорящее лицо может также само менять тему. Сравните: (20) "Выволочнов пришел просить Николая Николаевича выступить в какой-то школе в пользу политических ссыльных. – Я уже раз читал там. – В пользу политических? – Да. – Придется еще раз. Николай Николаевич поупрямился и согласился. Предмет посещения был исчерпан. Николай Николаевич не удерживал Нила Феоктистовича. Он мог подняться и уйти. Но Выволочнову казалось неприличным уйти так скоро. На прощанье надо было сказать что-нибудь живое, непринужденное. Завязался разговор, натянутый и неприятный. – Декаденствуете? Вдались в мистику? – То есть это почему же? – Пропал человек. Земство помните? – А как же. Вместе по выборам работали. – За сельские школы ратовали и учительские семинарии. Помните? – Как же. Жаркие были бои. Вы потом, кажется, по народному здравью подвизались и общественному призрению. Не правда ли? – Некоторое время. – Нда. А теперь эти фавны и нениюфары, эфебы и "будем как солнце". Хоть убейте, не поверю. Чтобы умный человек с чувством юмора и таким знанием народа... Оставьте, пожалуйста... Или, может быть, я вторгаюсь... Что-нибудь сокровенное? – Зачем бросать наудачу слова, не думая? О чем мы препираемся? Вы не знаете моих мыслей. – России нужны школы и больницы, а не фавны и нениюфары. – Никто не спорит. – Мужик раздет и пухнет от голода... Такими скачками подвизался разговор" (Пастернак: 42–43). В данном примере Выволочнов вынужден несколько раз менять тему разговора, поскольку собеседник его не поддерживает и не развивает предложенный диалог.

Введение новой темы может осуществляться после **краткой паузы**. Такой способ смены темы демонстрируется следующим примером: (21) "(Кологривов – Ларе) – Что же вы это, матушка, затеяли? Кому нужны эти мелодрамы? – Он смолк и стал рассматривать пятна сырости на потолке и обоях. Потом, укоризненно покачав головой, продолжал: – В Дюссельдорфе выставка открывается международная – живописи, скульптуры, садоводства. Собираюсь" (Пастернак: 80–81). Переход к новой теме происходит непосредственно после паузы.

Инициирование новой темы постоянно требует от обоих участников определенных ориентационных действий. Если смена темы реализуется партнером путем перебивания, то прерываемое лицо вынуждено более или менее настроиться на новое. Если изменение направления беседы осуществляется после паузы как "естественная цезура" или во время собственного речевого вклада – или в заключение предыдущего поворота "turn", – то она может протекать гармоничнее и лучше осуществляться специальными формальными или семантическими маркерами. Инициирование тем внутри диалога может быть равнозначным с возобновлением уже обсуждавшейся ранее темы.

Возобновление тем часто возникает как реакция на неудовлетворительный интерактивный ход событий и, тем самым, может рассматриваться как попытка повлиять на этот процесс формированием собственного желания, дела. Это доказывает обладание, владение партнером *конверсационной компетенцией*. Участники коммуникативного акта чувствуют себя в состоянии следить за процессами диалога в его языковом развитии, применять определенные правила и активно строить коммуникативный процесс. Для возобновления темы используются следующие выражения: *Wenn ich sage; was ich will; Что я хочу сказать*; и т.п. Следует констатировать, что возобновление темы всегда имеет определенную цель – является ли это только желанием продолжить разговор или нет.

Таким образом, феномены инициирования и прогрессирования темы очень разнообразны. С одной стороны, – различные процессы на практике не доступны единому описательному методу, с другой стороны, – последовательная работа с практическим материалом позволяет сделать определенные научные предположения в отношении использования темы. Как в области инициирования тем имеются типичные элементы при резкой смене темы, так и в области прогрессии темы выкристаллизовываются специальные способы, например: *ja, ja, da, da*. Коммуниканты сами решают в ходе беседы, какой предмет, или какая ситуация должна быть "темой". Инициирования могут касаться не только темы, но и беседы в целом. Попытки создания помех касаются как темы, так и способа и вида коммуникации. Отпор и умалчивание осуществляются по отношению к теме, равно как и по отношению к вопросам организации, конституции беседы и отношений. Тема, разговор не могут быть навязаны, успех беседы зависит во многом от отношений коммуникантов. На практике все эти процессы не разведены, а переплетены вместе, поэтому исследование характеризуется таким же разнообразием, как и сам феномен. Беседа – это всегда сложное, живое действие, и очевидно, что процессы ввода темы и развития темы едва ли можно исследовать и решать без анализа интенций и мотиваций говорящих. Как известно, речевое общение не может осуществляться только на базе энциклопедических и лингвистических знаний. Для осуществления успешной коммуникации ее участники должны располагать знаниями о том, как это сделать, т.е. владеть конверсационной компетенцией, которая включает в себя способность оперировать правилами коммуникативного обмена, правилами сопровождения интерактивных ходов иллокутивными актами, правилами, связанными с принципами кооперации, вежливости, интереса, иронии и т.д. [ср. интерактивные знания В.В. Богданова: Богданов 1990а].

По всей видимости, нельзя отдавать предпочтение только формально ориентированному анализу. Представляется возможным реконструировать и показать методы интерактивного продуцирования и в определенных дисциплинах, таких как теория диалога, теория дискурса, речевое взаимодействие, разработать методику освоения наблюдаемой упорядоченности. При этом в центре исследования находится не простая интерпретация содержания, а вопросы "как", "какими средствами" организуется смена тем и фокуса, какие языковые средства реализуются в данном случае.

Выводы по главе II

Определение дискурса как лингвистической единицы высшего порядка предполагает выявление признаков, черт, принципов его структурного оформления, составляющих компонентов и композиционного строения. Как и всякая языковая единица, дискурс имеет признак знаковости. Отмечая многомерность речемыслительного пространства дискурса и используя разработку понятийного аппарата семиотики применительно к лингвистике, предлагаем представить процесс общения с помощью модели, включающей интенциональный фактор, фактор оценки и ответной (ментальной) реакции (схема 3).

Как и всякий языковой знак, дискурс имеет универсальные и частные черты. Основными универсальными чертами в данном исследовании признаются целостность и связность дискурса, проявляющиеся в континуальной смысловой связанности его компонентов. Наряду с названными чертами дискурсу присущи хронотопность, т.е. обязательное наличие пространственных и темпоральных отношений, и информативность. Для диалогического дискурса характерны также интересубъективность, интенциональность, в большей степени, чем монологическому модальность. Категория авторитетности проявляется не во всех типах дискурса, это индивидуальная черта.

Под организацией дискурса в работе понимается членение и упорядочивание его составляющих частей. Оно может осуществляться по тематическому, функциональному принципу и по характеру структурирования речевых вкладов. Знание конверсационных правил, умение их использовать, а также соблюдение принципов П. Грайса необходимы для проведения успешного делового общения.

Предположение того, что конверсационные правила не одинаковы для различных дискурсивных типов, обусловило рассмотрение типологии дискурсов. Существующее многообразие дискурсивных классификаций объясняется возможностью их изучения с различных позиций и, в соответствии с этим, выбором различных критериев и основ их градации. Так, за основу классификации дискурса можно взять типологию языковых личностей (П.В. Зернецкий, С.А. Сухих), когнитивно-интерпретируемый уровень (А.П. Сусов), тезаурусный уровень (Ю.Н. Караулов), официальность и неофициальность дискурса, институциональность (В.И. Карасик, Н.Н. Миронова, Ю. Хабермас, Т.В. Анисимова). В число определяющих признаков в данной работе предлагается включить соотношение с типами речи по цели. Согласно предложенному принципу выделяются: познавательная, убеждающая или аргументативная, экспрессивная, социально-ритуальная коммуникации (см. работы А.А. Романова). Более точная специфика дискурса устанавливается на стратегическом уровне. Представляется, что создание эффективной модели коммуникации предполагает выделение трех основных видов коммуникаций: информационной, аргументативной и социально-ритуальной. Главной целью информационной коммуникации и репрезентирующих ее дискурсов является передача содержания или информации. Аргументативная или убеждающая коммуникация характеризуется оказанием влияния на собеседника. Социально-ритуальная коммуникация проявляется в соблюдении правил конвенции, т.е. принятых в данном обществе правил и форм речевого взаимодействия.

В работе отмечается, что названные виды коммуникации не всегда встречаются в чистом виде. Их дополняют элементы других коммуникативных разновидностей, экспрессивная коммуникация, невербальная коммуникация: фонация, кинесика, проксемика, силенциальные акты и акциональные компоненты, т.е. значащее бытовое поведение. Наиболее ярко они проявляются в диалогическом дискурсе, который может быть кооперативным и конфликтным, спорным. Основные различия между монологическим и диалогическим дискурсом определяются мотивацией и структурированием коммуникативного процесса. Диалогическим признается дискурс, связанный со сменой перспективы, осуществляемой вокруг зеркальной оси центрального аргумента.

Структура дискурса складывается из пропозитивной части и субъективных компонентов. Изучение средств и способов выражения и сочленения интенционального (субъективной части) и пропозиционального (пропозитивной части) компонентов дискурса представляет собой одну из важнейших задач современной методики преподавания иностранных языков.

Результатом процедуры сегментирования дискурса в обобщенном понятии выступает высказывание как предельная единица его анализа. Основной единицей диалогического дискурса, или речевого общения, признан речевой акт, параметрами которого являются: содержание, сообщение, иллокутивная сила, адресант и адресат. К модульной части относится также интенция, представляющая собой непосредственно составляющую и двигатель речевого взаимодействия. Для реализации интерперсональных целей используются определенные средства, именуемые в разговорном анализе речевыми стратегиями.

Дискурсивные связи наиболее полно изучены и хорошо прослеживаются в их монологическом варианте, где выделяют синтаксические, морфологические, структурно-семантические, ассоциативные, логические и прагматические связи. Цельность диалогического дискурса опосредуется фокусным развитием интенций адресата. Коммуникативный фокус – основная содержательная единица диалога. Он меняется лишь при изменении прагматической направленности диалога. Семантический фокус диалога, связанный с тема-рематической когезией, может претерпевать изменения в рамках одного коммуникативного фокуса. Тема разговора, беседы не всегда поддается выявлению. Способами идентификации темы в предложении являются: вопросно-ответные тесты, подстановка единиц адверсативного смысла, фазисные модификации. Вид и способ инициирования темы во многом определяет структуру диалога. Ход беседы может иметь пассажи: препятствия, помехи, отражение, отпор со стороны адресата, паузы. Умение вести беседу, направить ее в нужное русло, следить за процессами диалога в его языковом развитии, сменить или возобновить нужную тему свидетельствует о владении партнером разговорной компетенцией.

Итак, нами было установлено, что в ходе общественной практики выработались типы и формы текстов, дискурсов, характеризующиеся определенной прагматической направленностью. При этом будем иметь в виду, что текст, дискурс не всегда представляют собой набор предложений одного типа. "Прагматическая направленность текста может возникать как интегральный признак текстовой совокупности предложений" [Почепцов 1980: 6]. Обозначив основные составляющие дискурсивного строения и выделив основные типы дискурса в соответствии с его речеактовой целеустановкой, перейдем к их характеристике.

Глава III

КОНВЕРСАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ И ДИСКУРСИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИЛЛОКУТИВНЫХ ТИПОВ РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

3.1. ДИСКУРСИВНЫЕ ФАЗЫ И ИХ СТРУКТУРИРОВАНИЕ

Классификация и описание диалогических дискурсов с целью создания основы для интерпретации фактических коммуникативных событий – одна из основных задач анализа диалога, базирующегося на теории речевых действий. Для достижения этой цели необходимо в начале абстрагироваться от всех тех факторов, которые могут привести к усложнению предмета исследования. В основу описания аутентичных диалогов можно положить простую модель коммуникации (схема 7).

А	пред. ком. поле В	диалогическое ядро С	пост. ком. поле В	А
---	----------------------	-------------------------	----------------------	---

Схема 7. Модель коммуникации В. Франке:

А – ситуативная рамка;
В – поле, предшествующее коммуникации и последующее поле коммуникации;
С – диалогическое ядро [см.: Franke 1990: 108–109]

Существуют речевые и неречевые действия, позволяющие начать коммуникацию и завершить ее по мере осуществления или провала намерения и задач. Характерным для аутентичного протекания диалогов в конкретной языковой ситуации является то, что участники коммуникации, как правило, не сразу сообщают о деле, а создают так называемые социальные предпосылки, соответствующую обстановку, прежде чем они тематизируют свое коммуникативное намерение. Речевые действия можно сравнить в данном случае с действиями гостя, который не сразу от двери попадает в дом. Основная роль в инициации коммуникативного акта отводится адресанту. Его ответственность за инициацию коммуникативного акта, за его успешность, за характер протекания очень велика. "Начать" уже само по себе означает "счесть себя в праве начать" и "взять на себя ответственность за продолжение и завершение". Предполагается, что именно "начавший" держит в своих руках "бразды правления" – схему взаимодействия – и что от "начавшего" во многом зависит, насколько успешно данная схема будет реализована в ходе коммуникативного акта. Это настолько обязательно, что при потере инициатором коммуникативного акта "нити" собеседник отнюдь не всегда обязан (хотя чаще всего, по разным причинам, обязывает себя) помогать ему. Напротив, никто не запрещает собеседнику покинуть речевую ситуацию практически под любым предлогом" [Клюев 1998: 13].

В качестве образцов речевых действий полей, предшествующих коммуникации и следующих за ней, рассматриваются такие, как ситуации приветствия, ситуации знакомства, ситуации вежливости, где произносятся комплименты, вопросы, касающиеся личности коммуникантов, контактоустанавливающие игры, где продуцируются высказывания в форме извинений, вызывающие внимание партнера по коммуникации, ситуация благодарения, где высказывается готовность к беседе, игровые ситуации, в которых проверяется готовность к деловой беседе, осуществляются речевые действия по выяснению принципиальной готовности к переговорам и кооперации, ситуации прощания. [Об обрамляющих речевых действиях см.: Wunderlich 1981a, 1981b, Schank 1984, Schegloff 1974, Franke 1990, Городникова 1999]. Для выполнения действий по этим образцам имеется большое количество вербальных и невербальных форм реализации. Приведем в качестве примеров речевые действия для привлечения внимания: *Entschuldigen Sie; Darf ich Sie, bitte, kurz stören? Entschuldigung; Ich bitte um Entschuldigung; Verzeihung; Ich bitte um Verzeihung! Verzeihung! Verzeihen Sie bitte! Извините; Прошу прощения; Простите; Можно Вас беспокоить; Tut mir leid, wenn ich Sie störe; Сожалею, если я Вас беспокоил; Haben Sie vielleicht eine Minute Zeit? У Вас не найдется минутка времени? Sind Sie gerade beschäftigt? Извините, Вы заняты?* Активную роль в организации внимания имеет обращение. Характерным для таких высказываний является то, что повод для беседы остается полностью неопределенным.

Сатисфактивные речевые акты в данном случае являются косвенными. В предшествующей ситуации нет действий, за которые адресант действительно должен был бы просить прощения. Извинение в данном случае произносится по поводу беспокойства адресата. Повод для беседы запрашивается, как правило, собеседником в ответной реплике. При этом это могут быть как авербальные действия (вопросительный взгляд, приостановка движения, поворот головы в сторону собеседника), так и речевые действия: *Ja, bitte schön? Да, пожалуйста, Was kann ich für Sie tun? Что я могу для Вас сделать? Worum geht's? О чем идет речь? Was möchten Sie? Что Вы хотите?* В данных формах выражения высказывается принципиальная готовность к действию или кооперации. В ответной реплике адресанта может тематизироваться повод или тема диалога, компетентность партнера по коммуникации, этиблироваться социальная обстановка и выясняться готовность к кооперации. Все эти действия являются предпосылкой для обеспечения специальных условий для успешной реализации диалога.

(22) *Herr Becker: Frau Brett, entschuldigen Sie bitte!*

Frau Brett: Ja, bitte schön?

Herr Becker: Könnte ich vielleicht nach Deutschland faxen? (Conlin: 165)

Господин Беккер: Госпожа Бретт, извините, пожалуйста.

Госпожа Бретт: Да, пожалуйста.

Господин Беккер: Можно ли мне отправить факс в Германию?

Анализ начала диалогов показывает, что для участников в начале интеракции важно решение многих, связанных друг с другом задач. С введением, первым словом связано не только вступление в разговор, но и одновременно заявление опреде-

ленной темы. При этом нельзя не сказать о том, что как обсуждение темы, так и открытие диалога всегда потенциальны, т.е. всякое речевое действие указывает лишь на возможность начала диалога и развития темы. Дойдет ли дело до беседы, более того, до обмена мнениями по заданной теме, зависит от того, как коммуниканты относятся к этой возможности. Зачастую повод или тема беседы называется адресантом сразу после речевых действий, привлекающих внимание партнера по коммуникации. В этом случае адресант уверен в готовности собеседника к кооперации. Например: (23) "Herr Wenz: Entschuldigen Sie, Frau Richter, könnten Sie mir zeigen, wie man den Fotokopierer benutzt?" (Conlin: 172); "Господин Венц: Извините, госпожа Рихтер. Не могли бы Вы мне показать, как пользоваться ксероксом?" (24) "Herr Wenz: Entschuldigung, wo ist das Büro des Personalleiters?" (Conlin: 171); "Господин Венц: Где бюро начальника отдела кадров?" (25) "Herr Dorn: Herr Wenz, ich möchte Sie einigen Kollegen vorstellen, mit denen Sie zu tun haben werden" (Conlin: 171); "Господин Дорн: Господин Венц, я хотел бы представить Вас некоторым коллегам, с которыми Вы будете иметь дело".

В лингвистической литературе различают, как правило, два вида начала диалогов: или партнер начинает с более или менее ритуальной формулы приветствия (пример 26), или участник беседы сразу вводит в тему (примеры 27, 28) [см.: Eifländer 1989: 192].

(26) A. Na, wie geht es dir? – B. Ach, schlecht, schlecht.

A. Wie kommt denn da? – B. Kopfschmerzen...Und dann...

A. Ну, как поживаешь? – Б. Ах, плохо, плохо.

A. Как же это? – Б. Головные боли... И потом...

(27) A. Hattest du auch schon gehört, dass der Herr F. krank ist?

B. Das habe ich gar nicht gewusst.

A. Ja, ich habe das zufällig erfahren...

A. Ты уже слышала, что господин Ф. болен?

B. Об этом я совсем не знала.

A. Да, я это узнала совершенно случайно.

(28) A. Du, was ich eigentlich glaube, dass Petra gar nicht lesen kann.

B. Wer ist Petra?

A. Du weißt nicht, wer Petra ist?

A. Что я собственно говоря думаю, Петра совсем не умеет читать.

B. Кто такая Петра?

A. Ты не знаешь, кто такая Петра?

Существенное значение при этом имеет не только реакция адресата, но и принципиально стратегия адресанта. Первый диалог осуществляется основательно с вербальным эксплицитным обращением, содержащим прономинальные единицы, и фокусированием внимания с помощью вопросов. Одновременно вводится первая тема. Она вначале служит только установке контакта и оставляет открытым дальнейшее протекание разговора. Тема, однако, может быть по содержанию уже сконструирована заранее и преподнесена партнеру с помощью известных грамматических и семантических конструкций (конструкции с *dass*-Sätze в примерах 27 и 28). Инициатору предоставлен целый ряд возможностей ввода/входа в диалоговую ситуацию. Зачастую, как в приведенных примерах, используется последовательность вопрос-ответ, по-видимому, соответствующая самому типичному началу диалога.

Открытие диалога и развитие темы не так уж не совпадают. Различные способы начала беседы с коммуникативно-прагматической точки зрения кажутся "принуждающими", так что партнер вынужден отвечать на инициативу, но тем не менее "как" отвечать, какова его реакция – другая сторона вопроса. Партнер свободен в выборе ответа. Следует также отметить, что с инициированием, с одной стороны, задается тематика, с другой стороны, здесь конституируется отношение между коммуникантами: если ввод в 26 и 27 диалогах проходит гладко, то в диалоге 28 уже в начале интеракции намечается определенная проблематика. Следовательно, в фазе открытия диалога намечаются не только возможности тематического обсуждения, но и варианты конституирования собственно отношений между коммуникантами: одного или разных общественных слоев, уровней, должностей.

Обратимся теперь к речевым актам, которые воспроизводятся в заключительном поле коммуникации. Это, как правило, благодарность собеседнику, поздравление его с разумным решением. В данных речевых действиях в форме резюме или комментария языковым способом выражается результат интеракции. Например: (29) "Ich meine, wir haben einen fairen Kompromiß gefunden. Я думаю, мы нашли справедливый компромисс. Ich denke, ich finde jetzt den Weg. Я думаю, я найду теперь дорогу. Hab' gut getan, mit dir zu reden. Jetzt fühle ich mich richtig etwas erleichtert"; "Хорошо, что я с тобой поговорила, теперь я чувствую себя легко"; (30) "Ich finde, wir sind ein gutes Stück vorangekommen"; "Я думаю, мы немного продвинулись вперед".

Окончание тем и окончание разговора не обязательно должно совпадать (как и в случае с началом диалога). Более того, тесное переплетение схем действий "диалог" и схемы "обсуждение/развитие темы" имеет следствием то, что перед окончательной, заключительной фазой диалога может состояться преждевременная попытка окончания беседы. Такие попытки окончания диалога следует отличать от завершения обсуждения темы. Они наблюдаются, как правило, у одного из участников и могут быть нацелены как на окончание беседы, так и на окончание обсуждения темы. Односторонние действия закончить тему, сменить или возобновить ее относятся к области управления диалогом. С их помощью говорящий пытается получить преимущество, лидерство в коммуникативном процессе и завершить тему или даже разговор. Такие единичные ходы часто не завершаются успехом, и за ними следует реиницирующий шаг коммуникативного партнера. Там, где есть попытка одного из коммуникантов завершить разговор или актуальную тему, она может служить индикатором конфликтности интеракции. При исследовании действительного завершения беседы ставится вопрос о корреляции между прекращением обсуждения темы и прекращением встречи. Окончание разговора маркируется сменой фокуса. В этом случае эксплицируется в заключительных фазах известный переход от особенного к общему, от проблематичного к нейтральному, от предмета диалога к беседе о партнере, что может быть продемонстрировано на следующих примерах: (31) "У меня нет детей, – зачем-то сказал Бойцов и уж совсем неожиданно добавил: – Да? В девушке внезапно проснулся интерес. Она переста-

ла высматривать братишку возле школьных дверей и перевела взгляд на незнакомца.... – Выходит, вы – заплесневелый холостяк? – рассмеялась она. – Или развелись? – Нет, именно заплесневелый, вы верно заметили. Никогда не был женат. – А почему? Не поверю, что не нашлось желающих выйти за вас замуж.... – Знаете, у меня как-то не было времени выяснять, есть такие желающие или нет. Работа занимает слишком много сил и времени, тут уж не до ухаживаний. – Значит, вы и сейчас на работе? – понимающе сказала девушка, пряча усмешку. – **Вон ваш братишка бежит**, – произнес Вадим вместо ответа" (Маринина 8: 373–374). В приведенном примере Вадим, не желая продолжать разговор, переходит на беседу о братишке собеседницы. (32) "(Настя Каменская) ...Колобок меня сегодня построил и популярно объяснил, что мой образ жизни не соответствует моему возрасту и служебному положению. Что нельзя быть почти сорокалетним подполковником милиции и прятаться от жизни со всеми ее проблемами и неприятностями. Что нужно перестать быть ребенком и научиться принимать решения и брать на себя ответственность за них. Леш, как ты думаешь, Колобок прав? – Алексей выпустил ее руки, поднялся и метнулся к плите, где уже что-то начало подгорать. – **Из-за твоего начальника мы рискуем остаться без ужина**, – проворчал он. – Я не знаю, что там у тебя на службе происходит, может, у Виктора Алексеевича и есть основания так говорить, но что касается домашней жизни, то тут я с ним не согласен. Один щенок чего стоит! Приняла решение и притащила его в дом, ни минуты не сомневаясь и ни с кем не советуясь. – Леша, не отшучивайся, я ведь серьезно спрашиваю. Мне действительно важно понимать, прав Колобок или нет. Чистяков ловко расставил тарелки, разложил приборы. – **Накладывай себе салат. Тебе картошку укропом посыпать?** – Леша, я задала вопрос, – сказала Настя громко и настойчиво. – **Я тоже. Так посыпать укропом или не надо?** – Надо. Ответь, пожалуйста. Я все равно не отстаю. Алексей уселся за стол напротив жены, сложил руки домиком, оперся на них подбородком. – Ну что тебе сказать, Асенька? – Скажи правду. Мне не утешения сейчас нужны, а твоя оценка. – Ну что ж... Я считаю, что твой начальник прав. Но это..." (Маринина 2: 252–253). В разговоре Насти Каменской и ее мужа Алексея явно прослеживается желание адресата уйти от темы, одновременно с настойчивым предложением адресанта вернуться к теме.

В случае не окончательного завершения диалога высказывания в посткоммуникативной фазе, выполняя коннектирующую функцию, указывают на подключение к следующей фазе переговоров. Например: (33) "*Haudek: Ja, Herr Starkbaum, bevor ich mich aus dem Gespräch ausklinken werde, ich hab' noch einen Termin, ich bitte um Verständnis, ich möchte Ihnen vorschlagen, wir schicken einen Vertragsentwurf zu. Bitte studieren Sie alles genau, und besprechen Sie die einzelnen Punkte mit Frau Tenberg in London und geben Sie uns dann Bescheid.*

Starkbaum: Ja, ich denke, wir sollten uns möglichst bald dann treffen in London, um die Dinge zu regeln, die es zu besprechen gibt!" (Tenberg: 42);

"Хаудек: Да, господин Штаркбаум, прежде чем закончить разговор, у меня еще есть время, я прошу меня понять, я хотел бы Вам предложить, мы пришлем Вам проект договоров. Пожалуйста, изучите его и обсудите отдельные пункты с госпожой Тенберг в Лондоне и сообщите нам об этом.

Штаркбаум: Да, я думаю, мы должны встретиться как можно быстрее в Лондоне, чтобы урегулировать вещи, которые следует обсудить".

Сравните также: (34) "*Ich finde, wir sollten uns nächstens wieder treffen und weiter über das Thema reden*"; "*Я думаю, мы должны в ближайшее время встретиться и еще поговорить на эту тему*". В таких высказываниях эксплицитно объединяются обсуждение предыдущей темы и предвосхищается последующая интеракция, т.е. продуцируется переход к дальнейшему кругу переговоров. Такие высказывания являются одновременно конституэнтами последующего интеракционного поля.

Высказывания прощания произносятся непосредственно перед расставанием и сопровождаются, как правило, жестами, выражающими дружеские, искренние отношения, привязанность. Это рукопожатие, поклон. Объятия, поцелуй характерны для родственных, близких, интимных отношений. Похлопывание по плечу, спине – молодежный жест с оттенком фамильярности. Наиболее употребительная, нейтральная форма прощания – *Auf Wiedersehen! До свидания! Wiedersehen! До скорой встречи! До скорого! Lebe / Leben Sie wohl! Прощай! / Прощайте! Auf Wiederhören! До свидания!* (Реплика по окончании телефонного разговора). Зачастую ситуации прощания сопутствует или предшествует благодарение за состоявшуюся беседу, оказанную услугу и т.д., манифестируемое на поверхностном уровне высказываниями типа: *Danke; Danke schön; Danke bestens; vielen Dank, Danke sehr; Danke vielmals – Спасибо; Большое / огромное спасибо. Ich bin Ihnen sehr dankbar! Я тебе / Вам так благодарен и т.д.* Расставание может также сопровождаться всевозможными пожеланиями.

Еще большие возможности вариативности содержания оформления представляет диалогическое ядро интеракции. Систематизация вариативности в структурировании диалогического ядра интеракции и описание этих структур возможны на основе теории функциональных фаз [см.: Franke 1990], показывающей, что диалоги могут быть описаны как формы реализации однофазовых и многофазовых образцов. Соответственно можно описать наблюдаемые в аутентичных диалогах структурные варианты как вариации лежащих в их основе фазовых структур, а обучение речевому взаимодействию в рамках определенного жанра построить на основе "циклической прогрессии", т.е. нарастании сложности по спиралевидной модели: с каждым витком спирали обучающийся приобретает навык дополнительных речевых действий. Представление о том, что для каждого дискурсивного типа необходимо реконструировать минимальную базисную структуру, которая может быть расширена различным образом, лежит в основе исследований Д. Вундерлиха, Г. Шенка и некоторых других лингвистов [см.: Wunderlich 1981b, Schank 1984, Hundsnurscher 1980, Möschler 1985, Antons 1988]. Так, например, в основе образца диалога совещания лежит принципиальная базисная структура, конституэнтами которой являются образцы речевых действий: запрос совета (3С) и совет (С). Такую базовую структуру, представленную диаграммой [Г₁ / 3С] + [Г₂ / С] демонстрирует, например, следующий диалог:

(35) "*Herr Spät (Abteilungsleiter Prägemaschinen): Was können wir tun, um die Abrollmaschine M-CC-1 in Arbeit zu nehmen? Sehen Sie eine Möglichkeit?*

Herr Mitter (Ingenieur, Leiter des Konstruktionsbüros). Ja, ich sehe eine Möglichkeit. Bei der Teilefertigung schaffen wir es!" (Kelz: 67).

"Господин Шпэт (руководитель отдела штамповочных машин): Что мы можем сделать, чтобы начать работу по производству прокатной машины M-CC-1? Вы видите такую возможность? – Господин Миттер (инженер, руководитель конструкторского бюро): Да, я вижу такую возможность. Мы можем начать работу с изготовления деталей".

Расширение базисной структуры диалога-совета может последовать в результате **фазы-экспансии** или **фазы-расширения**, если говорящий 1, прежде чем он выразит свой вопрос о совете, вначале опишет ту затруднительную ситуацию, в которой оказалось руководство завода с получением нового заказа, например: (36) "*Herr Spät: Wir haben einen neuen Auftrag bekommen. Unser Kunde aus Wien hat die Abrollmaschine M-CC-1 bestellt*" (Kelz: 67); "*Господин Шпэт: Мы получили новый заказ. Наш клиент из Вены заказал прокатную машину M-CC-1*".

Альтернативная возможность состоит в том, что второй говорящий, прежде чем дать совет по разрешению проблемы, вначале поставит ряд обеспечивающих понимание вопросов:

(37) "*Herr Müller: Warum müssen wir gerade jetzt mit der Abrollmaschine beginnen? Warum ist die Arbeit so dringend?*"; "*Господин Мюллер: Почему мы должны начать именно сейчас производить прокатную машину? Почему так срочно?*".

С исполнением таких речевых действий создаются предпосылки для эффективной коммуникации в смысле реализации желаемой цели. Но такие речевые действия в структуре диалога рассматриваются как факультативные. Эта принципиальная факультативность выражается на схеме тем, что расширяющие диалог речевые действия, предшествующие или следующие за конституирующими, обозначаются штриховыми линиями (схема 8).

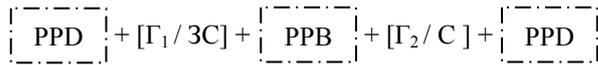

Схема 8. Структура диалога-совета:

PPD – расширяющие диалог речевые действия;

PPB – расширяющие диалог речевые вопросы

К базисной структуре диалога может быть присоединена также **фаза-добавление** или **сложение** образцов диалогов. В качестве фазы-добавления рассматривается также тот случай, когда к реализату диалога-образца присоединяется другой реализат того же образца. Наглядным примером такого диалога-феномена может служить следующий разговор:

(38) "*Herr Wenz: Frau Brett, darf ich diese Unterlagen kopieren?*

Frau Brett: Ja, bitte. Der Kopierer steht dort in der Ecke.

Herr Wenz: Darf ich das kostenlos machen?

Frau Brett: Aber natürlich!" (Conlin: 165);

"*Господин Венц: Госпожа Бретт, могу ли я сделать ксерокопии этих бумаг?*

Госпожа Бретт: Да, пожалуйста. Ксерокс стоит там в углу.

Господин Венц: Могу ли я сделать это бесплатно?".

К минимальному диалогу-запросу о разрешении присоединяется последовательность того же типа, диалога, инициируемого дополнительным вопросом. От экспансирующих речевых действий дополнительные речевые действия отличаются тем, что они не создают оптимальных предпосылок для активной, действенной коммуникации, а вносят другие темы или частные аспекты темы, обсуждение которых имеет следствие и расширение общей интеракции. Если маркировать факультативные добавления вновь пунктирными линиями, то в схематическом изображении получается следующая картина: [BP + P] + BP + P, где BP – вопрос о разрешении, P – разрешение. Последовательность двух таких речевых действий рассматривается в данном случае как вариативный реализат образца диалога-запроса разрешения.

В другом случае, а именно тогда, когда включенная последовательность предложений не завершена и первоначальный диалог не может быть продолжен, из хода дисфункциональных речевых действий вытекает то, что к фрагментарному реализату диалогового образца подключается реализат другого типа диалога, например, диалога-спора. Его наглядный пример – "душевная беседа", которая может быть повернута в деловую дискуссию или вообще в спор, как только обоснование правды, образующее исключительное ее содержание, становится ее целью. При анализе аутентичных диалогов речь должна идти о том, чтобы идентифицировать переходные места между реализатами. Однако, предпосылкой для этого является то, что прежде должны быть проанализированы структуры образцов – диалогов в смысле развиваемого здесь концепта. Только на этом фоне могут быть интерпретированы и описаны коммуникативные события как полные или фрагментарные формы реализации в основе типовых диалогов.

Конституэнты образца-диалога могут редуцироваться, что обусловлено как идиосинкретичными условиями заданной речевой ситуации, так и идиосинкретичностью пресуппозиционального уровня знаний интерактантов. В качестве образца фазы **редуцирования** может служить следующий диалог:

(39) "*Herr Lang: Guten Morgen, Frau Haber. Wie geht's heute?*

Frau Haber: Guten Morgen, Herr Lang. Mir geht es gut, aber ihr Terminkalender gefällt mir heute nicht.

Herr Lang: Mal sehen. Was gibt es heute?

Frau Haber: Um halb neun haben Sie ein Gespräch mit Herrn Spät, eine viertel Stunde später ein Telefonat mit John Barnes.

Herr Lang: Schon um Viertel vor neun? Die Zeit ist knapp. Wieviel Uhr haben wir jetzt?

Frau Haber: Es ist Viertel nach acht. Sie haben noch etwas Zeit. Hier sind die Umsatzzahlen bis gestern.

Herr Lang: Danke. Übrigens, hat Herr Spät eine Lösung für die M-CC-1 für Wien?

Frau Haber: Ja, die Montageabteilung macht Überstunden.

Herr Lang: Das ist prima" (Kelz: 77);

"*Господин Ланг: Доброе утро, госпожа Хабер. Как у Вас дела сегодня?*

Госпожа Хабер: Доброе утро, господин Ланг. У меня все хорошо. Но Ваше расписание деловых встреч мне сегодня не нравится.

Господин Ланг: Посмотрим. Что на сегодня?

Госпожа Хабер: В половине девятого у Вас беседа с господином Шпэт, через четверть часа – телефонный разговор с Джоном Барнсом.

Господин Ланг: Уже без пятнадцати девять? Времени мало. Который час сейчас?

Госпожа Хабер: Четверть девятого. У Вас еще есть немного времени. Вот цифры оборота до вчерашнего дня.

Господин Ланг: Спасибо. Впрочем, нашел ли господин Шпэт решение для M-CC-1 для Вены?

Госпожа Хабер: Да. Отдел монтажных работ работает сверхурочно.

Структуру приведенного диалога можно представить следующим образом (схема 9).

В приведенном диалоге отсутствует запрос на информацию III, поскольку госпоже Хабер известна тема телефонных переговоров с Джоном Барном. В данном диалоге прослеживается также нарушение последовательности его конституэнтов. Оценка рабочего дня шефа предшествует информации о нем, что объясняется идиосикретичностью пресуппозиционального уровня интерактантов.

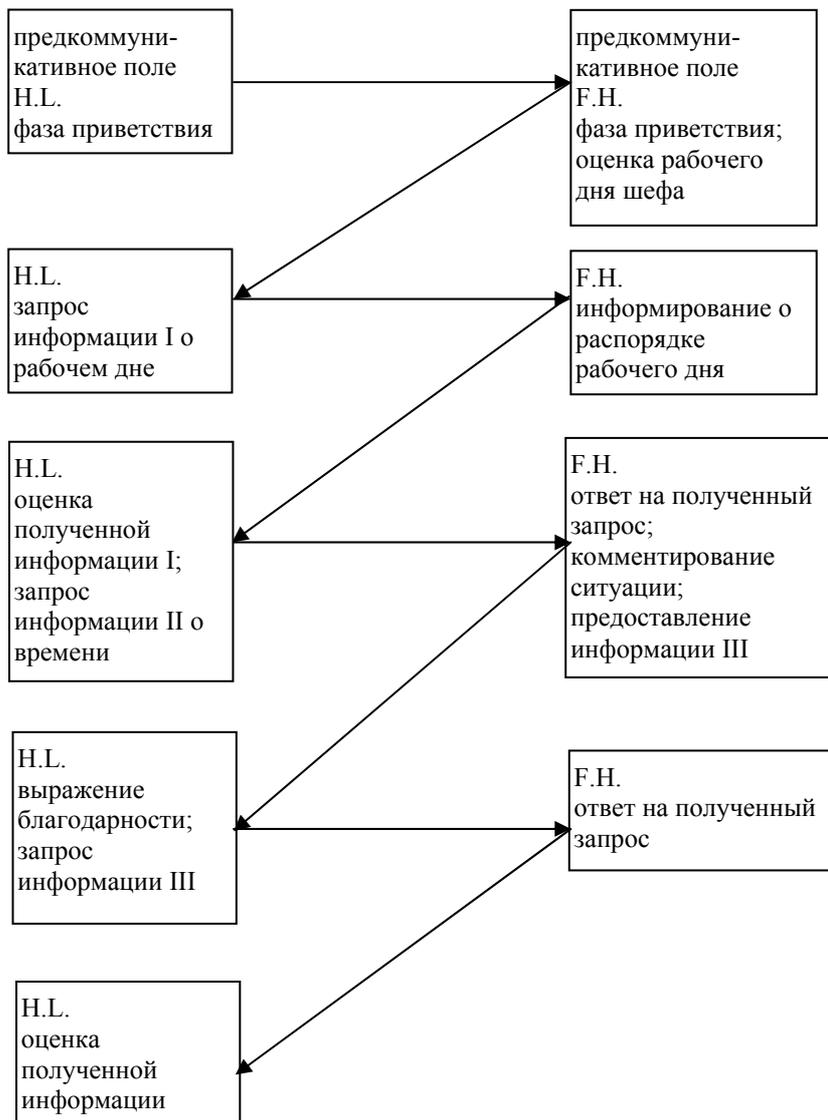

Схема 9. Структура диалога по теме: "Обсуждение распорядка рабочего дня"

Представленные здесь фазы расширения, добавления и редуцирования аутентичных деловых дискурсов являются лишь отдельными видами целого комплекса речевых действий, структурирующих ядро диалога.

Обратимся теперь к другому феномену, характерному также для аутентичных диалогов. Наряду с тем, что реализации образцов диалогов или конституэнты образца-диалога могут вплестаться в реализат другого типа, конститутивные элементы различных образцов-диалогов могут переплетаться друг с другом. Такое переплетение наблюдается там, где один из участников коммуникации реализует речевые образцы одного типа диалога, в то время как его собеседник использует конститутивные черты другого типа. Доминирующий актанта здесь не реагирует, не затрагивает речевые вклады партнера, а заинтересован только в ненарушаемом развитии установленного порядка речевых действий. В качестве наглядного примера может послужить следующий диалог, в котором речевые вклады партнера 1 (Г1) могут быть интерпретированы как черты беседы о диагнозе, в то время как говорящий 2 (Г2) реализует образец диалога "высказаться", "излить душу": (40) "S1. Was kann ich für Sie tun? – S2. Ach, Herr Doktor, ich weiss gar nicht, was in letzter Zeit mit mir los ist. S1. Haben Sie Schmerzen? S2. Ja, auch manchmal. Aber das ist nicht das Schlimmste. S1. Nehmen Sie noch die Tabletten, die ich Ihnen verschrieben habe? S2. Ja, aber die helfen nur wenig. Ich glaube, mir kann keiner helfen!" (Franke 1990: 119); "Г1. Что я могу для Вас сделать? Г2. Ах, господин доктор, я совсем не знаю, что со мной происходит последнее время. Г1. У Вас боли? Г2. Да, тоже иногда. Но это не самое плохое. Г1. Вы принимаете таблетки, которые я Вам выписал? Г2. Да, но они мне мало помогают. Я думаю, мне никто не может помочь". Переплетение реализатов различных образцов диалогов имеет результатом, как правило, обман ожиданий обоих интерпретантов, если даже это переплетение соответствует намерению одного из участвующих партнеров. Они говорят мимо друг друга, не слышат друг друга. При этом такой ход беседы может быть намерением одного из интерактантов с целью спровоцировать ссору, спор или поговорить по душам. Чтобы отблокироваться от такого хода беседы, один из коммуникантов должен попытаться пробиться со своим намерением в ходе беседы.

Речевые действия, организующие диалог, могут относиться к: а) вопросам и проблемам, связанным с разделением речевого права; б) вопросам и проблемам, связанным с обеспечением тематической когеренции; в) вопросам и проблемам, связанным с реализацией намеченной цели действия. Об этом подробнее далее в разделе 3.5.1. "Структивы в дискурсе". Вопрос о том, кто из участвующих партнеров в заданной (неформальной или официальной) речевой ситуации имеет возможность или право осуществлять такие речевые действия и к каким формулировкам он прибегает для осуществления этой цели, разумеется, нужно обсуждать особо для каждого типа диалога.

Итак, феномены, характерные для аутентичных диалогов, вслед за В. Франке, можно представить следующим образом (табл. 3):

3. Структура аутентичных диалогов

Установление коммуникативной среды	Ритуалы приветствия Ритуалы знакомства Опоры контакта Объявление о готовности к кооперации
Предшествующее поле интеракции	Специфическое объявление предпосылки готовности к диалогу Выяснение цели диалога Выяснение темы диалога
Вариации элементарных диалоговых структур	Фазы расширения Фазы сложения, добавления Фазы редукции, устранения Фазы включения Фазы переплетения
Послешествующее поле интеракции	Подведение итогов результата беседы Комментирование результата беседы Предварительное структурирование последующих интеракций
Завершение коммуникации	Ритуалы выражения благодарности Ритуалы прощания

Несомненно, что фазовость интерактивного общения (выделение этапов: фазы зачина, фазы целевой реализации речевого действия, фазы выхода из диалогического взаимодействия, их грамотное оформление играют важную роль в организации эффективного диалога, осуществления интерактивных целей коммуникантов. В последующих главах попытаемся проанализировать структуры, свойственные выделенным дискурсивным типам, предварительно охарактеризовав присущие им черты и речеактовую наполняемость.

3.2. АРГУМЕНТАТИВНЫЙ ДИСКУРС

Слово "аргументация" восходит к латинским словам "argumentum", "arguo", означающим "пояснение", "проясняю". Аргументация традиционно рассматривается в логике, философии, риторике и созданной на базе последней – неориторике. При этом логика дефинирует аргументацию исключительно как дополнительное доказательство, средство разъяснения аудитории непонятной мысли. Риторика же видит в ней инструмент достижения консенсуса, способ нахождения взаимопонимания со слушателями. По общепринятому мнению, именно логическая наука традиционно занимает приоритетную позицию в изучении феномена аргументации, поэтому основные парадигмы разработки проблем аргументации в целом лежат в области логического подхода и логики [см., например: Кривоносов 1996, Фанян 2000]. Логический подход к аргументации традиционно концентрировал свое внимание на аргументативном процессе как на продукте; главное внимание при этом уделялось значимости аргументов, в которых вывод следовал из одной или более посылок [см.: Еемежен 1994]. Как речевое воздействие на ментальную сферу реципиента аргументация является объектом глобальной и междисциплинарной теории речевого воздействия.

Несмотря на довольно большое число работ по различным аспектам аргументации, популярности аргументации как объекта исследования [Алексеев 1991, Брутян 1992, Курбатов 1995, Рузавин 1997, Ивин 2000], целостной теории аргументации не существует. Проблема аргументации продолжает оставаться одной из самых сложных в логике, и почти незатронутой в лингвистике. Фактически, языковой аспект аргументации сравнительно недавно стал предметом изучения [Еемежен 1983, Баранов 1990, Еемежен 1992, Белова 1995, Губаева 1995, Ивакина 1999, Ключев 1999, Фанян 2000, Ощепкова 2004, Киселева 2006, Кошеварова 2006]. Сложность дефиниции и построения теории аргументации обуславливается комплексным характером последней. Аргументацию определяют как социальную, интеллектуальную, вербальную деятельность, служащую оправданию или опровержению точки зрения, представленную системой утверждений, направленных на достижение одобрения у определенной аудитории [Алексеев 1991], технику речи, направленную на убеждение собеседника, аудитории [Рождественский 1997], способ рассуждения, являющийся мыслительным процессом [Брутян 1992], приведение одних доказательств для подкрепления или обоснования других [Ключев 1999]. В основу многих определений аргументации положен фактор разногласия.

Прагма-диалектический подход позволяет рассматривать аргументацию как ситуацию непосредственного общения. В этом случае "объектом исследования становится не комбинация посылок и выводов, сформулированных с помощью фор-

мальных символов, значение которых четко определено заранее, а группы произведенных носителями языка утверждений" [Еемерен 1994: 9]. "Аргументация – это речевой акт, состоящий из ряда высказываний, которые предназначены для того, чтобы обосновать или опровергнуть выраженное мнение, и направлены на то, чтобы убедить в приемлемости этого выраженного мнения" [Еемерен 1983: 18]. В приведенном определении Ф.Х. Ван Еемерена не учитывается позиция и поведение адресата. В этой связи следует отметить, что прагмалингвистическое рассмотрение аргументации как сферы человеческого общения характеризуется двумя подходами: интерактивным и коммуникативным. Коммуникативный аргумент монологичен, а интерактивный диалогичен [см.: Васильев 1999]. "Эти аргументы различаются посткоммуникативной силой и интрааргументными характеристиками: коммуникативный аргумент направлен на понимание; он может быть валидным или логически ошибочным, его можно опровергнуть, интерактивный аргумент предполагает принятие рассуждения реципиентом; он может быть продуктивным или непродуктивным, а также бесцельным" [Еемерен 1983, 1992]. Если речь идет об аргументационном процессе, становится очевидным, как близко приближается монолог по своей диалектической структуре к диалогу. Сферой применения коммуникативного аргумента помимо диалогического является письменный монологический текст. Наиболее изученным представляется интеракционизм [см.: Еемерен 1983, 1992, Willard 1980]. Аргументация рассматривается здесь и как продукт, и как процесс, и связана с конвенциями и регулятивами обыденного диалога. В рамках коммуникативного подхода к аргументу исследуются недиалогические языковые сообщения, здесь не предполагается наличие обратной связи. Интеракция – явление более высокого уровня, чем коммуникация. Как отмечают Л.Г. Васильев и Н.А. Ощепкова, диалектический принцип считается фундаментальным и лежащим в основе даже монологической речи – при этом человек попеременно выступает то как одна, то как другая сторона в диалоге. Эти стороны выступают как функциональные интеракционные роли Протагониста и Антагониста. Протагонист предлагает про- и контраргументы относительно обсуждаемой проблемы, а Антагонист принимает или отвергает их. В зависимости от того, имеет ли Антагонист собственные взгляды на обсуждаемые проблемы, различают простую, не-собственно простую и полностью составную форму дискуссии. В собственно простом диалоге у Антагониста нет своего взгляда на проблемы, и он фактически лишь реагирует на аргументы Протагониста, а в несобственно простом – есть. В полностью составных дискуссиях выдвигаются по отношению к спорной проблеме как про-, так и контр-аргументация, а в несобственно простой – либо про-, либо контр-аргументы [см.: Васильев 1999]. С точки зрения интерактивного подхода аргументативный дискурс – это последовательность высказываний в определенной коммуникативной ситуации, в процессе развертывания которой говорящие попеременно осуществляют речевые шаги с определенной коммуникативно-прагматической целью, а именно – убедить собеседника в истинности какого-либо суждения и заставить его принять это мнение. В сущности, любое высказывание, несущее в себе определенную интенцию автора, содержит и определенный компонент воздействия на собеседника. "Любой акт коммуникации – это речевое действие ради воздействия говорящего на слушающего... Текст – будь он по своей целеустановке собственно побудительным, вопросительным или повествовательным – имеет своей конечной целью обеспечить воздействие" [Сусов 1980: 8]. "Практически в любом речевом действии мы сталкиваемся с воздействием, даже если сообщаем о чем-то или выражаем эмоции. Но существует тип речевых актов, для которых воздействие на партнера является ведущей характеристикой" [Карасик 2004: 59].

Взаимодействие коммуникантов в данном случае сводится к взаимодействию двух "картин мира", поскольку каждый участник общения оперирует собственной "картиной мира". Когнитивный аспект аргументации заключается в том, что в ходе аргументации осуществляется взаимодействие систем восприятия, репрезентации и продуцирования информации, т.е. когниция [Баранов 1990: 14–15]. В процессе аргументирования говорящий реализует себя как языковая личность, демонстрируя свою экстралингвистическую, лингвистическую и коммуникативную компетенцию. Задействованными оказываются его знания, представления, его эпистемическое, эмоциональное состояние, а также его социальный статус и его социальные роли. Аргументация может быть охарактеризована как один из ментальных процессов, сопровождающийся вызовом из памяти, из базы знаний обобщающих фреймов. В результате активизируется тезаурусная часть информации. Аргументация, таким образом, часть общей модели деятельности человека, а аргументативный процесс – способ обработки убеждений в когнитивной системе индивидуума. Посылки в виде комплексных социальных представлений, понятий при аргументации остаются в импликации, но определяют стратегию и тактику общения, "руководят" выбором языковых средств. Причиной аргументации можно считать когнитивный или аксиологический диссонанс между участниками коммуникативного акта, конфликтность в широком смысле слова, понимаемая как несоответствие между объемом пропозиций, знаний, которыми они обладают. Несогласие, эксплицитно выражаемое одним из них, становится вызовом, стартовой точкой аргументации. При этом, если конфликтность является средой аргументации, то возможность достижения согласия – ее условием. Взаимное признание возможности договориться – это когнитивная универсалия, встроенная в аргументацию. Динамическое соотношение конфликтности и согласия является, по всей видимости, движущей силой аргументации. Специфические для каждого участника позиции именуется полями аргументации. Поля аргументации – это "занимаемая каждым субъектом индивидуальная или коллективная позиция, включающая множество относящихся к аргументативному процессу компонентов – суждений, способов аргументации, фундаментальных принципов" [Кириллов: 1995: 220].

Для реализации основных задач воздействия выделяют различные формы аргументации. Анисимова Т.В. называет три такие основные формы: *доказательство, внушение и убеждение*. "Доказательство – понятие преимущественно логическое. Это совокупность логических приемов обоснования истинности какого-либо суждения с помощью других истинных и связанных с ним суждений. Тем самым, задача доказательства – уничтожение сомнений в правильности выдвинутого тезиса. Внушение – понятие преимущественно психологическое. Это навязывание готового мнения адресату путем воздействия на подсознание. Тем самым, задача внушения – создать у адресата ощущение добровольности восприятия чужого мнения, его актуальности, привлекательности. Убеждение состоит из элементов как доказательства, так и внушения. Это значит, что оратор предъявляет как рациональные аргументы, так и эмоциональные, обращается к разуму, но влияет и на чувства аудитории, апеллирует как к истине, так и к мнению слушателей, показывает все возможности, выгоды и преимущества своего варианта решения проблемы, добивается, чтобы аудитория поверила сказанному и восприняла его как руководство к действию" [Анисимова 2000: 18].

Характеризуя явление аргументации, Л.Г. Васильев и Н.А. Ощепкова относят к иллокутивным дискурсивным актам такие логические действия, как *объяснение, доказательство, подкрепление гипотезы, выведение следствия*. На их основе строятся перлокутивные дискурсивные акты. Путем объяснения нечто становится понятным для реципиента, путем доказательства

достигается убеждение, подкреплением гипотезы реципиент побуждается к принятию гипотезы, выведение следствия заставляет его признать значение утверждения [Васильев 1999: 40]. Брокрид У. трактует аргумент как совокупность шести свойств. Первое свойство – это наличие умозаключения от уже существующих мнений к новому или дополнительному их обоснованию. Второе – это наличие оснований для такого умозаключения. Третье свойство – это возможность выбора из альтернативных тезисов. Четвертое свойство – разумная степень вероятности вывода: если в нем имеется стопроцентная вероятность, то необходимость в аргументе отпадает, если же степень вероятности низка, то аргумент превращается в догадку. Пятое свойство – наличие желания проверить рассуждение. Шестое свойство – оптимальное соотношение общего и различного в фоновых знаниях собеседников [см.: Brockriede 1975]. К этому следует добавить, что наличие причины также является одним из типичных характерных свойств аргументативных текстов. Цель аргументации – убеждение собеседников в истине.

При аргументационном процессе активно проявляется принцип сосуществования монологичности и диалогичности. Типичный признак монологической речи – выступление одного говорящего в качестве тотального представителя речевого акта – оказывается несущественным внешним критерием, так как аргумент в соответствии с законом силлогизма следует от утверждения к утверждению, чтобы из исходного пункта попасть к цели. Балансирующий акт диалектического способа аргументации может быть осуществлен исключительно одним говорящим. Монолог представляется в этом случае как следствие тематических конфронтаций и решений, сцепленный, с одной стороны, – механизмом логики, с другой стороны – последовательностью центрального аргумента. "В монологе субъект совмещает роли пропонента и оппонента" [Freeman 1991: 21]. Аргумент должен отвечать требованиям приемлемости, релевантности, адекватности и достаточности. "Диалектический характер аргументации заключается в том, что она предусматривает неперенное наличие более одной точки зрения (но не коммуникантов, как того требует диалогический подход), так что аргументирующий должен использовать свои аргументы для опровержения возможных возражений относительно его позиции. Рациональность в аргументации должна быть эксплицитной, т.е. сознаваемой коммуникантами в качестве таковой. Поэтому аргументирующий обязан отвечать на возражения и критику, будь они эксплицитны (в диалоге) или имплицитны (в монологе и в диалоге)" [Васильев 1999: 42].

Простейший аргумент – это пара пропозиций (посылка + тезис). Возникает вопрос: каким образом осуществляется сцепление отдельных пропозиций? Если внешний образец диалога проявляется как речевой тип коммуникативного обмена, то этот обмен на внутреннем (глубинном) структурном уровне соответствует схеме мотиваций, которую можно сравнить с тема-рематическим членением, когда положению вещей А добавляется высказывание Z, из чего вытекает новое положение вещей "А", которое вновь является поводом для нового предиката Y и генерирует с ним вместе тему "А". Так как смыслом каждой позиции, каждого высказывания в этом процессе является изменение ситуации, признанной якобы как подлежащей коррекции, можно, следовательно, сделать вывод, что всякая достигнутая таким образом тематическая последовательность представляет собой диалектичную структурную форму [см.: Opitz 1993: 113]. Простейшая форма такой диалектичной представляет собой секвенцию (последовательность) вопрос–ответ, которая может распространяться от краткого подтверждения запрашиваемого положения вещей до расширенного интервью. При этом не имеет значения, идет ли здесь речь о разделительных или содержательных вопросах, поскольку как в одном, так и в другом случае ответ осуществляется в прямом соответствии с темой. В чередовании "вопрос–ответ" аргумент риторически поделен на двух говорящих, но истинный обмен мнениями в данном случае не состоится. Кардинальное условие истинного обмена мнениями лежит в утвердительном характере пропозиций. И поскольку обмен мнениями базируется опять-таки на существовании различных пропозиций, он невозможен там, где такой пропозициональной конфронтации нет. Цель аргументации (рациональное убеждение) диктует инфраструктуру аргумента – послышки и вывод, осуществляемые монологично. На второй – диалоговой ступени "аргументация не может быть полной до тех пор, пока аргумент не адресуется не только к положению, которое представлено как вывод, но и к другим положениям" [Johnson 1987: 51, цит. по: Васильев 1999].

Аргументация осуществляется на основе аргументативных схем или типов рассуждений. Выделяется различное количество таких схем. Наибольшее их количество находим у Д. Уолтона (двадцать пять). Наиболее частотные из них – рассуждения: (1) на основе источников, (2) на основе примеров, (3) на основе стандартов, (4) на основе причины, (5) вербальной классификации, (6) на основе практического опыта, (7) на основе признака, (8) градуальное, (9) презумптивное, (10) на основе обязательств [см.: Walton 1995]. У Д. Энингера и В. Брокрида система оснований базируется на следующих типах рассуждений: на основе причины, признака, примера, аналогии, авторитета [Ehninger 1973]. В соответствии с двумя основными формами воздействующей речи (доказательство и внушение) Т.В. Анисимова выделяет два типа аргументов: рациональные и эмоциональные. Рациональные (логические) аргументы используются во всех видах деловой риторики, они включают в риторизированном виде факты, статистику, определения. Эмоциональные (психологические) аргументы составляют основу построения убеждающей речи. Риторическая аргументация строится на топосах. Под топосом понимают мысли, основанные на ценностях и предпочтениях конкретной аудитории. По значению могут быть выделены следующие виды топосов: прагматический (указывает на ценность предлагаемого), эмоциональный (апеллирует к удовольствию), этический (апеллирует к нравственным ценностям слушателей), интеллектуальный (апеллирует к взглядам и убеждениям), эстетический (апеллирует к художественным ценностям). Кроме психологических в риторической аргументации используются такие доводы, как: иллюстративный довод, образный довод (сравнения и метафоры), ссылка на авторитет, оценочные аргументы [Анисимова 2000]. Представляется целесообразным выделить номинативную и интегративную аргументацию. Номинативная аргументация позволяет навязать концептуальную модель, интегративная аргументация – выделить слои в структуре знаний.

Франс Х. ван Еемерен и Р. Гроотендорст предприняли попытку описать структуру единичных дискуссий, выделив в ней стадию конфронтации, начальную стадию, стадию аргументации, заключительную стадию. Основным речевым актом, необходимым в экстернализованном споре для выражения собственного мнения, ими признается ассертив. При этом иллокутивная цель членов класса ассертивов для них состоит в том, чтобы говорящий (в большей или меньшей степени) взял на себя обязательство в отношении приемлемости или неприемлемости выраженного мнения [Еемерен 1994: 109 – 111]. Названные авторы допускают использование директивов и комиссивов в отдельных стадиях аргументативной дискуссии. На наш взгляд, несовершенство анализируемой классификации заложено, во-первых, в использовании таксономии иллокутивных актов Дж. Серля, которая, по мнению многих лингвистов, да и самих же авторов, не является исчерпывающей. Этим обусловливается тот факт, что некоторые утверждения не могут быть ими включены ни в одну из выделенных Дж. Серлем категорий, а иллокутивный акт "предложение" в высказывании "*Давай возьмем зонтик, или ты хочешь промокнуть?*" вызывает сомнение в том, является ли это выраженным мнением в форме предложения или аргументацией в форме вопроса [Еемерен 1994: 112]. Во-

вторых, классификация Ф. ван Еемерена и Р. Гроотендорста предполагает ведение дискуссии по четким логическим правилам. На практике же логика ведения дискуссии, как и постулаты Г.П. Грайса зачастую нарушаются. Этапы ведения дискуссии, спора, особенно в бытовом диалоге, могут варьироваться. Просьба может занимать как начальную, так и финальную позиции. В-третьих, не все высказывания класса директивов функционируют в аргументативном дискурсе. Возможно, здесь необходимы более точные обозначения речевых действий, поскольку класс директивов характеризуется большим разнообразием. В-четвертых, как будет показано в параграфе 3.2, в состав иллюкутивно-актового комплекса Ф. ван Еемерена и Р. Гроотендорста не включены такие речевые акты, как совет, предупреждение, угроза и др., сопровождающие аргументацию как таковую.

Для достижения аргументационных целей коммуникант должен соблюдать правила ведения рациональной дискуссии, так называемый "кодекс поведения" [Алексеев 1991: 141–142]. Созданные в теории аргументации правила ее проведения включают максимы убедительности, такта, рациональности, истины [см.: Бадмаев 1999: 205, Рябцева 1992: 21]. Условием успешной аргументации является классификация ошибок, предлагаемая зарубежными и отечественными исследователями [см.: Eemeren 1983, 1992, Walton 1995, 1996, Васильев 1999, Ощепкова 2000]. Анализируя общие и специфические языковые паттерны для оптимизации эффекта психотерапевтического воздействия, А.Б. Бушев и М.Г. Агкацева называют в качестве одного из общих положений концепции позитивной психотерапии отсутствие директивности в общении, подстройки к пациенту вместо настройки пациента, т.е. отсутствие дидактизма и назидательности. Среди коммуникативных техник, ориентированных на решение той или иной психологической проблемы, названные авторы выделяют следующие: технику жизненного опыта, технику копинг-вопросов ("Как вы выжили?"; "Что помогло справиться?"), технику фантастических вопросов ("Представьте себе, что в двадцать первом веке нет алкоголя. Как бы изменилась ваша жизнь?"), технику трехшагового программирования, технику новых позитивных названий, технику шквальных вопросов, технику "проблема как решение", технику "знаки улучшения" и технику "эксплуатации улучшения" [Бушев 1999: 37–38].

Приведенные высказывания подтверждают тот факт, что аргументативное общение, как и всякое языковое общение подчиняется общим принципам, выделенным Г.П. Грайсом (постулатам количества, качества, релевантности и способа, регулирующим соответственно, объем, содержание, уместность и организацию передаваемой информации [Grice 1975], а также принципу вежливости с его постулатами такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия и симпатии [Leech 1983: 104 – 142]. При нарушении некоторых постулатов принципа вежливости возникает **спор**. Здесь также диалектично следуют друг за другом "речь" и "контр-речь", однако четко определенный обмен мнениями отодвигает на второй план изначально намеченную цель – защищать уже принятую точку зрения и прийти к общему мнению. Следствием этого является ослабление аргумента как генеративной и связывающей силы. Контroversный характер спора, обусловленный различными изначально заданными целевыми точками зрения (установками), имеет тенденцию суживать аргументативную перспективу до наивного дуализма "позитивный–негативный", или "правильный–неправильный", внутри которого не может развиваться истинная диалектика. Таким образом, обмен речевыми ходами и перспективами в этот момент перестает быть гарантом диалогического развития, в котором последовательность аргумента не задана в качестве третьего основного конституэнта диалога из-за недостатка фундаментального целевого согласия.

Примером такого спора может служить диалог между графом Ростовым и штаб-ротмистром эскадрона Денисова из романа Л.Н. Толстого "Война и мир": (41) *"А я говорю вам, Ростов, что вам надо извиниться перед полковым командиром, – говорил, обращаясь к пунцово-красному, взволнованному Ростову, высокий штаб-ротмистр, с седеющими волосами, огромными усами и крупными чертами морщинистого лица. Штаб-ротмистр Кирстен был два раза разжалован в солдаты за дела чести и два раза выслуживался. – Я никому не позволю себе говорить, что я лгу! – вскрикнул Ростов. – Он сказал мне, что я лгу, а я сказал ему, что он лжет. Так с тем и останется. На дежурство может меня назначать хоть каждый день и под арест сажать, а извиняться меня никто не заставит, потому что ежели он как полковой командир считает недостойным себя дать мне удовлетворение, так... – Да вы стойте, батюшка; вы послушайте меня, – перебил штаб-ротмистр своим басистым голосом, спокойно разглаживая свои длинные усы. – Вы при других офицерах говорите полковому командиру, что он украл... – Я не виноват, что разговор зашел при других офицерах. Может быть, не надо было говорить при них, да я не дипломат. Я затем в гусары и пошел, думал, что здесь не нужно тонкостей, а он мне говорит, что я лгу... так пусть даст мне удовлетворение... – Это все хорошо, никто не думает, что вы трус, да не в том дело. Спросите у Денисова, похоже это на что-нибудь, чтобы юнкер требовал удовлетворения у полкового командира? – Денисов, закусив ус, с мрачным видом слушал разговор, видимо, не желая вступить в него. На вопрос штаб-ротмистра он отрицательно покачал головой. – Вы при офицерах говорите полковому командиру эту пакость, – продолжал штаб-ротмистр. – Богданых вас осадил. – Не осадил, а сказал, что я неправду говорю. – Ну да, и вы наговорили ему глупостей, и надо извиниться. – Ни за что! – крикнул Ростов. – Не думал я этого от вас, – серьезно и строго сказал штаб-ротмистр. – Вы не хотите извиниться, а вы, батюшка, не только перед ним, а перед всем полком, перед всеми нами, вы кругом виноваты. А вот как: кабы вы подумали да посоветовались, как обойтись с этим делом, а то вы прямо, да при офицерах, и бухнули. Что теперь делать полковому командиру? Надо отдать под суд офицера и замарать весь полк? Из-за одного негодяя весь полк осрамить? Так, что ли по-вашему? А по-нашему не так. И Богданых молодец, он вам сказал, что вы неправду говорите. Неприятно, да что делать, батюшка, сами наскочили. А теперь, как дело хотят замять, так вы из-за фанаберии какой-то не хотите извиняться, а хотите все рассказать. Вам обидно, что вы подежурите, да что вам извиниться перед старым и честным офицером! Какой бы там ни был Богданых, а все честный и храбрый старый полковник, так вам обидно; а замарать полк вам ничего! – Голос штаб-ротмистра стал дрожать. – Вы, батюшка, в полку без году неделя; нынче здесь, завтра перешли куда в адъютантики; вам наплевать, что говорить будут: "Между павлоградскими офицерами воров!" А нам не все равно. Так, что ли, Денисов? Не все равно?" (Л. Толстой: 165 – 167).*

Диалог превращается в бессмысленный обмен речевыми ходами (репликами), если не все участники осознают необходимость общего аргумента и не поведут себя соответственно этому обязательству. Такое дисциплинированное взаимодействие в пользу совместно преследуемого аргумента можно усмотреть в прототипической речевой форме симпозиума. В его экспонентной форме, также как в официальных ритуальных ситуациях, таких, как праздничные и юбилейные торжества, заложены характерные для них речевые формы чествования. Здесь обнаруживаются структивы, используя которые коммуниканты приходят не только к согласованию центральной темы, но и к общей аргументационной структуре и совместной стратегии. Зачастую такую стратегию (безусловное согласие с аргументативным клише) находят в политическом "диалоге". Здесь, также как и на примере "вопроса" и "ответа", подтверждается истина, что нет диалога без конституэнта "мена пер-

спективы". В то же время конформистский характер быстротечного, моментального согласия также противостоит осуществлению аргументационного диалогического принципа.

Широко распространенной аргументационной формой диалога является **дискуссия**. В сущности, она следует диалектической схеме смены мотиваций со своей собственной меной перспективы. Впрочем, обмен речевыми вкладами здесь не оказывается столь необходимым, если мы имеем в виду обычное аналитическое обсуждение, которое допускает, что один единственный актант оспаривает предложенный тезис. Дискуссии также свойственно однозначное следование центральному аргументу.

На наш взгляд, среди форм осуществления воздействия наиболее полной является убеждение. Неслучайно, еще Аристотель определял риторiku как "способность находить возможные способы *убеждения* относительно каждого данного предмета" [Аристотель 2000: 18–19] (выделено мною). Оно включает в себя такие логические действия, как объяснение, доказательство, подкрепление гипотезы, выведение следствия, внушение. К строящимся на их основе иллокутивным дискурсивным актам относятся утверждение и ряд регулятивов: предложение, совет, предупреждение, угроза, просьба, требование (см. прил. 2).

3.2.1. "УБЕЖДЕНИЕ" КАК РЕЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ АРГУМЕНТАТИВНОГО ДИСКУРСА

Рассмотрим убеждение как одну из наиболее полных форм интерактивной аргументации. Убеждение можно понимать двояко: 1) как "твердую веру в истинность своих взглядов, непоколебимую уверенность в чем-либо, основанную на ясном сознании и глубоком понимании закономерностей объективной действительности и той роли, которую человек играет в коллективе и в общественном производстве" [Кондаков 1975: 622], соответственно как "рационально сформированные и относительно стабильные формы включения субъекта в социальные отношения" [Троянов 1990: 16]; 2) как речевую стратегию коммуниканта, заключающуюся в попытке трансформирования наличного "состояния мира" реципиента, попытке склонить слушающего совершить или не совершить какой-либо авербальный или вербальный акт. Значение слова "убеждение" в его первом варианте складывается на основе мыслительной интерпретации первичной информации, поступающей в органы чувств человека о каких-либо событиях во внешнем мире [см.: Сусов 2007: 46]. Различия в смысловом значении этого понятия наглядно представлены в семантике производных наречий *убежденно* и *убедительно*. *Говорить убежденно* – значит иметь твердые убеждения, веру в первом смысле этого слова, и *говорить убедительно* – значит аргументированно воздействовать на слушателя во втором понимании этого слова. Родственность этих значений объясняется тем фактом, что в процессе языковой коммуникации происходит постоянный обмен убеждениями между людьми, создается коллективный фонд концепций. В данной главе *убеждение* рассматривается во втором смысле, т.е. как один из факторов оформления текста определенной прагматической направленности.

Убеждение является в данном случае существенным компонентом речевого воздействия. Его цель – изменить, трансформировать, модифицировать "картину мира" коммуниканта, которая является лишь частью объективной картины ситуации и представляет собой знания, убеждения, веру, эмоциональное и интеллектуальное состояние коммуниканта [см.: Сергеев 1987: 16]. Эффективность убеждения, удача или неудача его как интенционального хода отражается в ответной реакции реципиента неречевым действием (или несовершенством) действия. Такая реакция может подтверждаться вербальным актом. Необходимость использования "убеждающих" утверждений наступает тогда, когда существует разница в "картине мира" говорящего и "картине мира" слушающего. В противном случае, убеждение сводится к обычной просьбе. Например: (42) *"Мне поручили, мадам, собирать пожертвования для бедных, и меня несколько смущает мысль, что я одна должна обойти всех приглашенных. Не окажете ли Вы услугу, присоединившись ко мне?"* (Бело: 499). В данном случае мы имеем дело с директивным высказыванием. Поскольку мировоззрение Терезы и Елены по вопросу сбора пожертвований в пользу бедных совпадают, то говорящий, в данном случае Тереза, не чувствует необходимости убеждать в этом слушающего, т.е. Елену. Исходя из этого, можно рассматривать просьбу как простейшую форму и составляющую часть аргументативного дискурса.

"Языковая личность, как правило, не склонна легко расставаться со своими знаниями и убеждениями, приобретаемыми в процессе ее социальной практики, а тем более поступать в своей повседневной деятельности вопреки сложившимся установкам и стереотипным представлениям" [Троянов 1989: 37], поэтому в каждом конкретном случае необходима конкретная тактика убеждений, базирующаяся на анализе ситуации и слушающего, включая такие его параметры, как уровень образованности и информированности. Эффективность коммуникативного акта "убеждение" зависит также от содержания пропозитивной информации, от психолингвистических особенностей, социального статуса, социально-ролевых функций говорящего и слушающего, времени и места протекания коммуникативного акта, от формы подачи информации, которая включает в себя как вербальные, так и авербальные компоненты. Важнейшая роль здесь отводится языковому оформлению убеждений. Язык как средство осмысленной коммуникации содержит в своей структуре единицы, способные наиболее полно, рационально воплощать замысел говорящего и наиболее эффективно осуществлять его стратегические цели. При этом немаловажная роль отводится регулятивам как системе действий, направленных на управление, координацию и контроль за общением, предпринимаемым участниками взаимодействия в опоре на цели и соответствующие речевые стратегии [Романов 1999а: 6 – 8].

Анализ текстов "убеждающего" характера показал, что выбор средств речевого воздействия детерминируется в определенной степени перечисленными выше характеристиками коммуникативного акта и коммуникантов, а также той логической структурой, которую выбирает адресант. Логическая структура "убеждающих" текстов в основном предопределена тем, что убеждение в сущности является особым информационным процессом, состоящим в передаче соответствующих сведений. Стержнем текстов такого содержания является, главным образом, информация о фактах или их интерпретация, являющаяся, следовательно, информацией о других фактах, прямо или косвенно связанных с данным известием. Поэтому в анализируемых текстах директивные высказывания, смысл которых сводится к фразам: *"Делай так"* или *"Не делай так"*, *"Поступай так"* или *"Не поступай так"* следуют за дескриптивным текстом, т.е. текстом описательного характера, который репрезентируется репрезентативными высказываниями и аргументами, содержащими языковые оценочные единицы. Ярким примером текстов такого типа является известное стихотворение К. Чуковского "Мойдодыр", информирующее вначале о маль-

чишке-грязнуре и событиях, приключившихся с ним из-за того, что он не мылся, и заканчивающееся директивными высказываниями, адресуемыми малышам: (43) *"Надо, надо умываться по утрам и вечерам!"; "Давайте же мыться, плескаться, купаться, нырять, кувыркаться в ушате, в корыте, лохани, в реке, в ручейке, в океане, и в ванне, и в бане"*. Директивные высказывания сопровождаются вердиктивным "...а нечистым трубочистам – стыд и срам! Стыд и срам!" и предложениями лозунгового характера: *"Да здравствует мыло душистое, и полотенце пушистое, и зубной порошок, и густой гребешок!"* (Чуковский 1: 45).

Аналогичную структуру имеет "текст-убеждение" патриарха Иоакима из романа С.П. Мосияша "Великий государь", информирующего вначале царя Федора Алексеевича и думу о смуте, чинимой протопопом Аввакумом и подводящем реципиентов к выводу о необходимости его казни. Репрезентативные высказывания чередуются здесь с эмоционально окрашенными интеррогативами: (44) *"Доколе мы можем терпеть главного возмутителя смуты, бывшего протопопы Аввакума?"; "А ныне?"; "Что творится ныне?"* и заканчивается директивными *"Сжечь и вся недолга"; "Сжечь"*, высказанными уже членом думы, что свидетельствует о коммуникативной удаче автора текста-убеждения (см.: Мосияш: 269–270).

Сравните также письмо Клары к Натанаэлю из романа Э.Т. Хофмана "Песочный человек", структура которого обусловлена макроинтенцией автора убедить Натанаэля в том, что все ужасное, о чем он пишет, произошло лишь в его сознании. Вслед за репрезентативными высказываниями, описывающими состояние Клары, следуют экспозитивные, выражающие возмущение, несогласие с размышлениями Натанаэля. Субъективная убежденность Клары, базирующаяся на ее мнении, аргументируется экстралингвистическими знаниями соседа-аптекаря о том, что (45) *"bei chemischen Versuchen eine solche augenblicklich tötende Explosion möglich sei"* (Hoffmann: 141); *"при химических опытах возможен такой мгновенно убивающий взрыв"*. Для аргументации убеждений Клары используется целый арсенал языковых средств: конъюнктив со значением предположения, модальные слова *gewiss, wohl, (конечно, вероятно)*, модальные глаголы, конъюнктив для передачи чужой речи, придаточные и сложносочиненные причинные предложения, лексический материал: *glauben, sei überzeugt, (верить, будь уверен)*, риторические вопросы и др. Наличие перформативных глаголов усиливает характер убеждений, просьб в реквестивном высказывании (46) *"Ich bitte Dich, schlage Dir den hässlichen Advokaten Coppelius und den Wetterglasmann Giuseppe Coppola ganz aus dem Sinn! Sei überzeugt, dass diese fremden Gestalten nichts über dich vermögen"* (Hoffmann: 142); *"Я проую тебя, выброси отвратительного адвоката Коппелиуса и человека-барометра из головы! Будь уверен, что эти чужие существа не властны над тобой"*. Рассмотрим еще один русско-язычный текст. (47) *"Вы не поняли, Игорь Валентинович, – строго произнесла Женья. – Я же рассказала вам о папе, а вы ничего не поняли. Если я скажу, что должна завтра поехать в уголовный розыск именно к вам, папа спокойно меня отпустит, потому что мы оба с ним теперь все знаем. Если же я поеду к совершенно незнакомым людям, он начнет настаивать на том, чтобы непременно ехать вместе со мной, потому что он-то как раз будет бояться, как бы меня там не обидели. – И что в этом плохого? Приезжайте вдвоем. – Предупрежу, что вас будет двое, вам обоим вытищут пропуска. – У папы завтра ответственные деловые встречи, ему придется их отменить. Это во-первых. – А во-вторых? – А во-вторых, мне будет очень трудно общаться с вашими сотрудниками в папином присутствии. Они будут смотреть на меня и не понимать, почему я веду себя как маленькая, почему приехала с папой, как будто мне десять лет, и почему этот папа контролирует каждое мое слово. И если ваши сотрудники начнут задавать мне вопросы, я не смогу быть с ними откровенной. – Игорь немного подумал, потом кивнул. – Что ж, это аргументы весомые. Хорошо, давайте скажем вашему отцу, что вы приедете лично ко мне"* (Маринина 2: 162–163). В приведенном фрагменте скрытое желание Жени встретиться на Петровке именно с Игорем, а не с другими сотрудниками, выражается с помощью аргументативного дискурса. На поверхностном уровне используются придаточные условные предложения, придаточные причины, порядковые числительные *во-первых, во-вторых*, частица *же*.

Модель текста-убеждения может иметь "перевернутую" структуру. Директивные высказывания предшествуют в таком случае тексту-обоснованию. Например: (48) *"Маленькие дети! Ни за что на свете не ходите, дети, в Африку гулять! В Африке акулы, в Африке гориллы, в Африке большие злые крокодилы..."* (Чуковский 2: 48).

Одним из эффективных приемов текстов-убеждений является обращение к личному опыту коммуникантов, к примерам контрастного характера. Сравните: Сонечка Чепелевская из романа И. Наживина "Распутин" спешит на собрание революционеров. Отец, часовщик по специальности, хочет убедить ее не участвовать в этом: (49) *"Это жаль, что ты опять бежать собираешься... – сказал он. – Тебе следовало бы помочь мне: у меня очень болят глаза. Ну, а если ты не можешь остаться, так вот хотя бы вставь пружину в эти серебряные часы... Работа срочная, и мне неприятно обидеть заказчика..."*. Сонечка даже окаменела от удивления. *"Но... что с тобой, отец? – едва выговорила она, глядя на старика во все глаза. – Когда же чинила я часы? Ведь ты же знаешь, что я ничего не умею..."* *"Если ты не умеешь починить часов, то как же можешь ты братья чинить Россию, – тихо и значительно сказал он, ласково глядя на дочь сквозь толстые стекла очков. – Соня, мне за тебя – стыдно"* (Наживин: 150). В данном тексте нет экспрессивных директивных высказываний. Просьба отца не ходить на собрание выражается с помощью интеррогатива *"Как же можешь ты братья чинить Россию"*, скрытый смысл которого: не делай этого. Текст заканчивается вердиктивом *"мне за тебя стыдно"*. Таким образом, коммуникативная интенция автора здесь завуалирована, она имплицитна. Последующие события романа свидетельствуют, однако, о коммуникативной неудаче отца, Сонечка все-таки не отказывается от своих убеждений.

Предпринятая здесь попытка проанализировать тексты, интенцией которых является акт-убеждение, позволила сделать некоторые выводы об их логической структуре и используемых в них речеактовых высказываниях. Текст-убеждение сопровождается, как правило, утверждениями, просьбой, предложением, советом и другими иллокутивными актами, которые могут быть выражены как эксплицитным, так и имплицитным способом. Соответственно в структуре этих текстов, содержащих информацию убеждающего характера, доминируют репрезентативы, за которыми непременно следует эксплицитное или имплицитное директивное высказывание. Оно же может выступать и в качестве иницирующей реплики. Тексты такого плана могут быть осложнены вердиктивными высказываниями. Рассмотрим более подробно иллокутивные типы высказываний, формирующие аргументативный дискурс, а также способы их манифестаций.

3.2.2. "УТВЕРЖДЕНИЕ" КАК РЕЧЕВАЯ ТАКТИКА АРГУМЕНТАТИВНОГО ДИСКУРСА

С целью убедить собеседника в чем-либо говорящий высказывает свое мнение или суждение, репрезентируемое, как правило, речевыми актами "утверждение". Данное явление обусловлено фактом динамичности аргументации, поскольку это всегда процесс. Неудивительно, что аргументация связана прежде всего с предикацией, поскольку любая мысль предикативна. Утверждение, согласно классификации Д. Вундерлиха, относится к иллюкутивному классу репрезентативов [Wunderlich 1976: 77]. Репрезентатив обозначает утверждение чего-либо, информирование о чем-либо и может быть представлен формулой: *S утверждает, что p*, где *S* – говорящий, а *p* – содержание высказывания. Репрезентативные речевые акты представляют собой наиболее многочисленную группу речевых манифестаций. Они включают такие речевые высказывания, как описание факта или действия, доказательство определенной истины, суждение по конкретному предмету общения. В терминологии Дж. Серля и Д. Вандервекена они именуется ассертивами [см.: Searle 1985: 12 – 20]. По существу и по названию они не отличаются от ассертивов Дж. Лича [см.: Leech 1983: 211–212]. В системе Г.Г. Почепцова ассертиву соответствует констатив [см.: Почепцов 1981а: 217 – 278]. Констативы фигурируют также в терминологии К. Баха и Р. Харниша [Bach 1980: 110 – 113]. Особенностью классификации Л. Баха и Р. Харниша является то, что в рамках констативов выделено большое количество подклассов. Среди них можно назвать ассертивы, предикативы, ретродиктивы, дескриптивы, информативы и т.д., всего 15 подклассов. В системе иллюкутивных актов Б. Фрейзера с ассертивами, декларативами и комиссивами практически совпадают акты утверждения [Fraser 1975: 190 – 193]. Некоторые составители указанных классификаций параллельно с таксономией речевых, или иллюкутивных актов строят таксономию психологических состояний. Такая таксономия предложена, например, Дж. Личем. Параллелизм между иллюкутивными типами и психологическими состояниями не случаен. Как отмечает В.В. Богданов, "для нормального осуществления того или иного речевого акта говорящий должен находиться в соответствующем психологическом состоянии: для утверждения чего-либо говорящий должен верить в то, что утверждаемое есть правда, если только он не делает оговорки, что утверждает нечто со слов других лиц" [Богданов 1989: 31]. Григорьев Е.И. называет подобные утверждения экспликативами. Термин является производным от латинского слова "explikatus" (развитие, развертывание, объяснение) и обозначает представление события или факта [см.: Григорьев 1997: 39].

Для эксплицитного выражения утверждения используется ряд лексических и грамматических средств, призванных обеспечить связность и действенность аргументации. Говорящий избирает такие средства вербализации, которые, по его мнению, сохраняли бы текущий фокус или указывали бы на перемещение внимания с одного фокуса на другой. Языковые единицы или речевые конструкты, помещаемые в аргументативный фокус, с точки зрения аргументатора должны обеспечить наибольшее воздействие на адресата. Такие средства можно именовать аргументемами.

Среди лексических средств, активно фигурирующих в аргументативном дискурсе, выявлены такие, как перформативные глаголы *sagen, behaupten, glauben, bestätigen, bemerken, говорить, утверждать, полагать, думать, заметить* и др. Например: (50) "*Ich will nur bemerken, dass der gestrige Ausspruch Seiner Majestät, die Nörgler möchten gefälligst den deutschen Staub von ihren Pantoffeln schütteln, eine verteuftelt ernst zu nehmende Warnung war*". – "Tatsächlich? Sie glauben?" sagte Diederich. "Dann ist mein Pech wirklich skandalös, dass ich gerade jetzt aus dem Dienst Seiner Majestät scheiden musste. Ich darf sagen, dass ich gegen den inneren Feind meine volle Pflicht getan haben würde" (Mann: 51); "*Замечу лишь, вчерашние слова его величества "Пусть злопыхатели отряхнут с ног своих прах Германии"*, – предупреждение весьма и весьма серьезное. – В самом деле? Вы полагаете? – сказал Дидерих. – Как же мне не повезло! Подумать только: в такой момент я лишился возможности служить его величеству! *Смею утверждать, что в борьбе с внутренним врагом я выполнил бы свой долг до конца*" (Mann: 234). В приведенном диалоге как высказывания Вибеля, так и утверждения его собеседника Дидериха в целях создания эффекта достоверности и большей убедительности сопровождаются перформативными глаголами в сочетании с модальными. Данный пример демонстрирует также тот факт, что перформативные глаголы вводятся тогда, когда говорящий определяет меру своей ответственности за содержание сделанного сообщения [Арутюнова 1992: 10]. Сравните также использование перформативного глагола *sagen* в речи Дидериха, убеждающего собеседника в отличительных особенностях службы в армии: (51) "*Wer von euch noch nicht dabei war, hat keine Ahnung. Ich sage euch, da sieht man die Welt von einem anderen Standpunkt*" (Mann: 48); "*Кто не служил, и представления не имеет, что это такое. Видишь мир совсем в другом свете*" (Mann: 234).

Активную роль в формировании убеждающих высказываний играют модальные слова со значением уверенности, обладающие скрытым перформативным характером, в немецком языке синонимичные им грамматические конструкции с глаголами *haben* или *sein* в сочетании с частицей *zu* и модальные частицы. Скрытый перформативный характер обусловлен самой семантикой модальных слов, в которой заложена их соотносительность только с говорящим, т.е. "автоцентричность" [см.: Милосердова 1991: 111]. С помощью таких слов, как *wirklich, natürlich, gewiss, bestimmt, selbstverständlich, tatsächlich, freilich, действительно, конечно, определено, однозначно, разумеется, само собой разумеется* и др. говорящий может выразить определенную степень уверенности в высказываемом суждении. Например: (52) "*Schon eine Stunde zuvor hatte ich gedrängt: "Wir werden sicher zu spät kommen!" – aber der Vater hielt die Balkontür verschlossen und zündete den Weihnachtsbaum an, während die Mutter ärgerlich wurde: "Du machst einen ja ganz nervös! Sei nur noch recht unausstehlich – im alten Jahrhundert!"*" (Becher: 7); "*Уже с одиннадцати я начал ко всем приставать: "Мы, наверно, опоздаем". Но отец зажег свечи на елке и все не оттирал балконную дверь, а мама на меня рассердилась: – Ты просто на нервы действуешь. Видно, непременно решил взять свое в старом году"*" (Becher: 267). В приведенном примере герой романа предпринимает попытку убедить отца пораньше открыть балконную дверь, чтобы не пропустить встречу Нового года, используя при этом высказывание с модальным словом *sicher*. В свою очередь мама пытается урезонить нетерпеливого сынишку и употребляет в своем высказывании модальную частицу *ja*. Эффект аргументации, создаваемый модальными частицами, основан на феномене присутствия в этих "лексемах с ослабленной семантикой" информации, выходящей за пределы семантики предложения [см.: Милосердова 1991: 115]. Наиболее активны в плане выражения уверенности модальные частицы *doch, ja, ведь, же*. Особенность функционирования названных частиц заключается в том, что они предполагают модальность утверждения, но никак не связаны с логическим значением истины, что означает более указание на известность пресуппозиции слушающему. Рассмотрим пример, где наряду с модальной частицей используется модальная конструкция с глаголом *haben*. (53) "*Man darf es doch nicht so weit kommen lassen, dass er unbrauchbar wird. Schließlich habe ich Mutter und Geschwister zu ernähren*" (Mann: 45); "*Нельзя же*

допустить, чтобы ее ампутировали. Я же все-таки кормилец матери и сестер" (Манн: 229). В приведенном примере Дидерих убеждает врача комиссовать его из армии, ссылаясь на большую ногу. В своей речи он использует модальные слова, модальные частицы, грамматическую конструкцию с модальным значением, не имеющую аналогов в русском языке, поэтому в переводе И.А. Горкина заменяет ее опять же модальными частицами.

Немаловажную роль в создании прагматического эффекта убеждения в истинности слов говорящего играет выбор слов определенной семантики. Среди них следует отметить использование таких глаголов как *wissen, kennen, sehen, знать, видеть* и т.п., существительных, имеющих семантику обобщающего характера: *der Mensch, die Leute, человек, люди*, структивы, выраженные порядковыми числительными *erstens, zweitens, drittens, во-первых, во-вторых, в третьих*, наречиями, определяющими последовательность аргументаций *schließlich, наконец* (см. примеры 54, 55, 60, 64, 67 – 69).

Обобщающий характер репрезентируют также высказывания с местоимением *wir, мы* – "мы инклюзивное" (термин Ю.Д. Апресяна). Например: (54) "*Wir sind besiegt worden, weil wir närrisch genug waren, an dieses Volk zu glauben. Wir glaubten, es würde alles das selbst vollbringen, was es jetzt für den Preis der Unfreiheit von seinen Herren entgegennimmt. Wir dachten es mächtig, reich, voll Einsicht in seine eigenen Angelegenheiten und der Zukunft ergehen. Wir sahen nicht, dass es, ohne politische Bildung, deren es weniger hat als alle anderen, bestimmt sei, nach seinem Aufschwung den Mächten der Vergangenheit anheimzufallen... Da waren wir Bürger von achtundvierzig ehrlicher, das darf ich sagen, denn ich habe damals selbst bezahlt, was ich gewagt hatte... So war in unseren Herzen die deutsche Einheit: sie war eine Gewissenspflicht, die eigene Schuld jedes einzelnen, für die er einstand. Nein! Wir huldigten keinem sogenannten Schöpfer der deutschen Einheit. Als ich damals, besiegt und verraten, hier oben mit meinen letzten Freunden die Soldaten des Königs erwartete, da war ich, groß oder gering, ein Mensch, der selbst am Ideal schuf: einer aus vielen, aber ein Mensch. Wo sind sie heute?*" (Манн: 106–107); "Да, мы потерпели поражение, так как были столь наивны, что верили в народ. Нам казалось, что он сам может добыть то, что теперь, расплачиваясь ценой своей свободы, получает из рук повелителей. Мы воображали, что он могуч, богат, трезво оценивает свое положение и полон веры в будущее. Мы не понимали, что этот народ, политически еще более отсталый, чем другие, после взлета окажется во власти сил прошлого... Могу сказать с полным правом, мы, люди сорок восьмого, были много честнее. Я тогда сам расплатился за свои дерзания... Единство Германии, которое мы хранили в наших сердцах, было долгом нашей совести, все вместе и каждый в отдельности мы несли за него ответственность. Нет! Мы не прославляли так называемых творцов германского единства. Когда, выданный на милость победителя, я вместе с последними моими друзьями ожидал здесь, в моем доме, прихода королевских солдат, я, великий или ничтожный, был человеком, я сам боролся за свой идеал. Я был одним из многих, но человеком. Куда девались нынче люди?" (Манн: 281). В приведенном отрывке старший Бук, отстаивая свои взгляды на политическую историю Германии второй половины XIX века в разговоре с Дидерихом Геслингом употребляет "мы инклюзивное", отождествляя себя с некоторым большинством, в частности, с участниками событий 1948 года и подчеркивая это заключительной фразой, что он был одним из многих.

Характерной чертой функционирования местоимения *wir* в диалогической речи является его способность демонстрировать собеседнику сопричастность адресанта к происходящему, т.е. включение говорящего в личную сферу адресата [Апресян 1995: 153]. Включение местоимений *wir, мы* в личную сферу собеседника создает эффект создания единого поля говорящего и слушающего. Например: (55) "*Hier stehe ich, um mit euch zu reden, Tunnelmen!*" begann er. "*Ich bin Mac Allan, und ihr kennt mich! Ihr schreit, ich hätte dreitausend Menschen getötet! Das ist eine Lüge! Das Schicksal ist stärker als ein Mensch. Die Arbeit hat die dreitausend getötet! Die Arbeit tötet täglich auf der Erde Hunderte! Die Arbeit ist eine Schlacht, und in einer Schlacht gibt es Tote! Die Arbeit tötet in New York allein, das ihr kennt, täglich fünfundzwanzig Menschen! Aber niemand denkt daran, in New York die Arbeit aufzugeben! Das Meer tötet jährlich 20 000 Menschen, aber niemand denkt daran, die Arbeit auf dem Meer aufzugeben. Ihr habt Freunde verloren, Tunnelmen, ich weiss es! Auch ich habe Freunde verloren – genau wie ihr! Wir sind quitt! Wie in der Arbeit, sind wir auch im Verlust Kameraden! Tunnelmen ... Ich selbst bin ein Arbeiter, Tunnelmen!*" tutete Allan. "*Ein Arbeiter wie ihr. Ich hasse Feiglinge! Fort mit den Feiglingen! Die Mutigen aber sollen bleiben! Die Arbeit ist nicht ein bloßes Mittel, satt zu werden! Die Arbeit ist ein Ideal. Die Arbeit ist die Religion unserer Zeit!*" (Kellermann: 280–281); "Я пришел говорить с вами, рабочие туннеля! – кричал он. – Я Мак Алан, и вы меня знаете! Вы кричите, что я убил три тысячи человек. Это ложь! Судьба сильнее человека. Работа убила эти три тысячи человек. Работа ежедневно убивает сотни людей на земле! Работа – это битва, а в битве бывают убитые. В одном только Нью-Йорке, который вы знаете, работа убивает ежедневно двадцать тысяч человек, но никто не думает о том, чтобы перестать работать в Нью-Йорке. Море убивает ежегодно двадцать тысяч человек, но никто не думает о том, чтобы перестать работать на море. Вы потеряли друзей, рабочие туннеля, я это знаю. И я потерял друзей – так же как и вы! Мы поквитались! Как в работе, так и в горе мы – товарищи! Рабочие туннеля ... Я сам рабочий! – кричал Алан. – Рабочий, как и вы. Я ненавижу трусов! Долой трусов! Но храбрые пусть остаются! Труд не только средство для насыщения! Труд – идеал. Труд – религия нашего времени!" (Келлерман: 205). Пытаясь убедить рабочих вернуться на работу в туннель, Алан использует "мы – инклюзивное", повтор фрагментов предложений, высказывания сентенционального характера. Интересна структура приведенного аргументативного дискурса. Начало дискурса организовано с помощью структива *reden, поговорить*, затем Аллан отсылает рабочих к их предыдущему высказыванию и опровергает его с помощью сентенций и сравнений с гибелью людей на работах в Нью-Йорке и на море. Используя "мы-инклюзивное" Аллан отождествляет себя с рабочими, сопровождая речь призывами и заканчивая ее высказываниями лозунгового характера.

Пример (54) демонстрирует также употребление в аргументативных дискурсах лексико-грамматических конструкций с неопределенно-личными местоимениями *man, mancher, jeder, niemand, alle, каждый, всякий, никто, все* и т.п. Говорящий прибегает к использованию неопределенно-личного местоимения *man* и неопределенно-личных предложений в русском языке с целью трансформировать свое субъективное суждение в объективное мнение некоторого множества лиц. Адресант как бы заручается поддержкой некоторого множества лиц, его голос сливается с голосом некоторого большинства, что позволяет адресанту быть более убедительным. Слушающий при интерпретации таких высказываний невольно отождествляет мнение говорящего с некоторым объективным общим мнением. Например: (56) "*Niemand soll mehr eine Hand rühren für den verfluchten Tunnel!*" Das war der Tenor der übrigen Redner. "*Niemand!*" (Kellermann: 277); "*Никто* больше пальцем не шевелит для проклятого туннеля! *Никто!*" это было лейтмотивом в речах ораторов другого толка" (Келлерман: 203). Неопределенно-личное местоимение здесь повторено дважды, что позволяет высказать убеждение более высокой степени.

Среди **грамматических** средств манифестации репрезентативных высказываний нами выделены, в первую очередь, повествовательные высказывания. В данном случае предшествующий контекст и сама ситуация позволяют однозначно интерпретировать коммуникативную интенцию говорящего.

Репрезентативную функцию осуществляют не только утвердительные высказывания. Нами выявлены случаи использования вопросительных предложений для выражения утверждения, получивших название риторических вопросов. Отличительной чертой этих утверждений является то, что они более экспрессивны, окрашены определенными эмоциями говорящего. Риторические вопросы не требуют ответа, хотя и обращены к собеседнику, они призваны оказать определенное воздействие на адресата. Так, произнося риторический вопрос, говорящий побуждает слушателя самому найти ответ и, в то же время, убеждает его в этом единственно правильном ответе [Долинин 1978: 48]. Например: (57) "*Vom ты платишь разлукой с семьей, неудобством гостиничной жизни, гастритом от сухомятки. Это разве дешевле денеж?*" (Щербакова: 36); (58) "*Habe ich Sie nicht vor ihm gewarnt?*" (G. Helbig); (59) "*Разве я Вас об этом не предупреждал?*"; *Ist das Buch nicht interessant?*; *Разве книга не интересная?* Чтобы ярче акцентировать какое-либо суждение, адресант может предварить его вопросительными высказываниями. При этом не исключено, что ответ, как правило, негативный, прозвучит также в форме вопросительного предложения. Например: (60) "*Das ist es eben*", *stieß Herr von Barnim aus, der durch das Zimmer lief. "Haben wir darum den ruhmreichen Krieg geführt, dass mein väterliches Gut an einen Herrn Frankfurter verkauft wird?"* (Mann: 50); "*Vom-vom! – выкрикнул фон Барним, бегая из угла в угол. – Во имя чего, скажите на милость, мы воевали и одержали победу? Во имя того, чтобы я продал свое родовое имение какому-то Франкфуртеру?*" (Mann: 233). Очевидно, что использование риторических вопросов, выполняющих функцию подключения адресата к речетворческому процессу, в частности, к поиску ответа на поставленный вопрос, способствует достижению определенной коммуникативной цели: убедить слушающего в истинности слов говорящего.

Для выражения утверждения говорящий может активно использовать полувопросы (термин Л.М. Михайлова), т.е. вопросительные предложения с прямым порядком слов. При употреблении таких конструкций адресант, опираясь на денотативную ситуацию, уверен, что собеседник подтвердит сделанное им сообщение. В подобных вопросах с глаголом на втором месте модальность задана и сигнализируется не только порядком слов, но и удостоверительными формами типа *was?*, *nicht wahr?*, *stimmt es?*, *не правда ли?*, *не так ли?* и т.д. [см.: Михайлов 1986: 36–37]. Например: (61) "*Jetzt musste Agnes zuerst ihr Beileid ausdrücken, dann fragte sie weiter: warum er damals plötzlich fortgeblieben sei, vor drei Jahren. "Nicht wahr? Es sind schon fast drei Jahre"* (Mann: 58); "*Агнес поспешино выразила соболезнование, но затем снова спросила. Почему он тогда, три года назад, так внезапно исчез, – Ведь почти три года уже, не правда ли?*" (Mann: 240). В приведенном примере Агнес ждет подтверждения своего суждения со стороны Дидериха, задавая ему полувопрос перед утвердительным высказыванием в немецком языке и после него в русском языке. Сюда же можно отнести риторические вопросы с союзом *oder*. Например: (62) "*Im 'Fegfeuer' und in der 'Hölle' hat mancher seine fünf, sechs Dollar täglich verdient, der sonst kaum zum Schuhputzen und Straßenverkehren taugte. Lüge ich oder nicht?*" (Kellermann: 277); "*В "чистилище" и в "аду" зарабатывали по пяти и шести долларов в день многие из тех, кто мог бы разве только сапоги чистить или улицы подметать. ... Разве это не правда?*" (Келлерман: 203). Убеждая рабочих вернуться в туннель, оратор использует репрезентативное высказывание и просит слушающих подтвердить его истинность с помощью альтернативного риторического вопроса и глагола *lügen*.

Для убеждения адресата говорящий может прибегнуть в немецком языке к употреблению будущего времени (Futurum I) – так называемый "prophetisches Futur" (термин В.Г. Адмони), [см.: Адмони 1986: 198]. Например: (63) "*Sehr langsam zog sie (Agnes) sich an. "Dein Vater wird aber gar nicht wissen, was los ist", meinte Diederich"* (Mann: 62); "*Она медленно одевалась. – Твой отец, наверно, очень беспокоится, не знает, куда ты запропастилась"* (Mann: 243). Дидерих убеждает Агнес вернуться поскорее домой, используя в своей речи будущее время в модальном значении.

Противительные союзы в простом и сложносочиненном предложениях – еще одно активное средство для манифестации рассуждений в аргументативном дискурсе, особенно часто встречающееся в ответной реплике собеседника. Например: (64) "*Der alte Buck! Diederich konnte sich plötzlich nicht fassen vor Wut, er stammelte: "Am Dienen will sich ein Mensch uns hindern, er sagt, wir sind Knechte! Weil er mal Revolution gemacht hat" – "Das ist schon nicht mehr wahr", sagte Jadassohn. "Darum wollen wir uns alle zum Tode verurteilen lassen? Hätten sie ihn wenigstens geköpft!... Die Hohenzollern sollen uns schlecht bekommen sein!" – "Ihm sicher", sagte Jadassohn und tat einen grossen Zug. "Aber ich stelle fest" – Diederich rollte die Augen – , "dass ich all seinen lästerlichen Unfug nur angehört habe, um mich darüber zu unterrichten, wes Geistes Kind er ist"* (Mann: 118); "*Старик Бук! Дидерих вдруг пришел в такое негодование, что чуть не задохся. Он с трудом проговорил: – И вот этот человек пытается убедить нас, что служить не следует, называет нас рабами. Оттого, видите ли, что он когда-то совершал революцию. – Да это сказки, – вставил Ядассон. – Чего же он хочет: чтобы и нас всех приговорили к смертной казни? Так, что ли? Вот уж кому надо было снять голову... От Гогенцоллернов, видите ли, мало проку! – Для него-то безусловно! – сказал Ядассон и основательно отхлебнул из своего бокала. – Я заявляю, – крикнул Дидерих, тараща глаза, – что всю эту еретическую хулу выслушал только с одной целью – я хотел знать, с кем имею дело!"* (Mann: 291). В данном тексте Дидерих и Ядассон спорят с воображаемым противником – стариком Буком. В их речи использованы противительный союз *aber*, риторический вопрос, слово с обобщающим значением *ein Mensch*, модальное слово *sicher*, перформативный глагол *feststellen*, *заявлять*, полувопрос *так, что ли*. Приведем еще один пример: (65) "*Diederich erlaubte sich: "Ich bin ein durchaus liberaler Mann, aber das muss ich sagen –"* (Mann: 112); "*Дидерих набрался смелости: Я либерал до мозга костей, но должен сказать, что...*" (Mann: 286).

Для фокусировки внимания коммуниканта в ответной речи протогониста зачастую используется повтор слова или комбинации слов, обозначающих те моменты суждения, с которыми он несогласен. Сравните: (66) "*(Diederich) Sie sind zu gütig, Herr Buck. Natürlich habe ich zuerst und vor allem Ihnen, Herr Buck, meine Aufwartung machen wollen und Ihnen versichern, dass ich immer ganz – dass ich immer ganz – zu Ihren Diensten stehe*", *schloß er, freudig wie ein guter Schüler. Der alte Buck hielt ihn noch fest mit seiner Hand, die warm und dennoch leicht und weich war. – "Dienste", er schob selbst den Sessel zurecht, "die wollen Sie natürlich nicht mir leisten, sondern Ihren Mitbürgern – die es Ihnen danken werden"* (Mann: 103); "*Как вы добры, господин Бук! Я, конечно, прежде всего решил засвидетельствовать вам свое почтение и заверить, что я всегда и всецело ... всегда к вашим услугам! – отбарабанил он бодро, как хороший ученик. Бук все еще крепко сжимал его руку своей теплой и в то же время как бы невесомой мягкой рукой. – Услуги... – Старик собственноручно придвинул Дидериху кресло. – Вы их, разумеется, окажете, но не мне, а вашим согражданам, они же, в свою очередь, не останутся перед вами в долгу"* (Mann: 278). Рас-

смотрим еще один пример: (67) "*Die Leute hungern wohl!*" sagte Agnes schüchtern. "*Es sind ja auch Menschen.*" – "*Menschen?*" Diederich rollte die Augen. "*Der innere Feind sind sie!*" (Mann: 58); "*Они, вероятно, голодают, – нерешительно сказала Агнесс. – Они ведь тоже люди. – Люду? – Дидерих свирепо повел глазами. – Внутренний враг, вот они кто*" (Манн: 239). В приведенных примерах используется повтор ключевых слов, с которыми не согласен собеседник. Кроме того, мы видим во втором примере слово с обобщающим значением, модальные слова и модальные частицы, призванные служить убедительности суждений.

В организации аргументации могут быть использованы **прагмалингвистические** средства. Так, в репрезентативных высказываниях могут содержаться указания на статус говорящего, его личный опыт, знания в определенной области, а также приводиться ссылки на высказывания выдающихся и менее выдающихся, но авторитетных личностей. При этом активно используются такие речевые клише как *meiner Meinung nach*, *meines Wissens*, *meines Erachtens*, *wie Herr N meint*, *wie Frau X sagt*, *по моему мнению*, *на мой взгляд*, *как полагает господин Н*, *как говорит госпожа Х* и т.п. Например: (68) "*In dieser harten Zeit*", fügte Diederich hinzu, "**muss jeder seinen Mann stehen**". ... *Wieso harte Zeit?*" sagte Göppel. "*Sie ist doch nur hart, wenn wir uns gegenseitig das Leben schwer machen. Ich hab' mich mit meinen Arbeitern noch immer vertragen*". Diederich zeigte sich entschlossen, *daheim in seinem Betrieb eine ganz andere Zucht einzuführen. Sozialdemokraten wurden nicht mehr geduldet, und sonntags gingen die Leute zur Kirche!* – "*Das auch noch?*" meinte Herr Göppel. *Das könne er von seinen Leuten nicht verlangen, wenn er selbst doch bloß am Karfreitag gehe. Soll ich sie beschwindeln? Christentum ist gut; aber was der Pastor alles redet, glaubt doch kein Mensch mehr*". *Da sah man Diederichs Miene hochüberlegen werden.* – "*Mein lieber Herr Göppel, ich kann Ihnen nur sagen: Was die Herren da oben und besonders mein verehrter Freund, der Assessor von Barnim, zu glauben für richtig halten, das glaub' ich auch – unbesehen. Das kann ich Ihnen nur sagen*" (Mann: 67); "*В наше суровое время, – прибавил Дидерих, – каждый немец должен уметь постоять за себя. ... – Чем же оно суровое? – сказал Геппель. – Оно только тогда сурово, когда мы отправляем друг другу существование. У меня с моими рабочими всегда были хорошие отношения. Дидерих заявил, что, вернувшись домой, он установит на своей фабрике твердую дисциплину. Социал-демократов он у себя не потерпит, а по воскресеньям рабочие будут ходить в церковь. – Вот как! – сказал Геппель. – Я этого от своих рабочих требовать не могу. Сам бываю в церкви только в страстную пятницу. Что же мне их дурачить? Христианство – прекрасная вещь; но тому, что горюдит пастор, ни один человек не верит. – На лице Дидериха появилось выражение надменного превосходства. – Любезный господин Геппель, на это могу вам лишь сказать: во что верят в высших сферах, во что верит мой глубоко-чтимый друг ассессор фон Барним – в то верю и я без всяких оглядок. Вот что я могу вам сказать*" (Манн: 247).

Ссылка может осуществляться не на какое-либо конкретное лицо, а на общепринятые суждения. В таком случае речь идет о высказываниях-сентенциях. Введение их в речь говорящего способствует достижению коммуникативной цели говорящего, поскольку его установка подкрепляется мнением большинства. Например: (69) "*So was kann jedem von uns passieren. Kneipen ist kein Spaß. Das kann sich jeder gesagt sein lassen*" (Mann: 32); "*С каждым из нас может такое случиться. Бражничать – дело не шуточное. Поверьте мне*" (Манн: 218). Смотрите также предыдущий пример (68), где сентенции фигурируют как в речи антагониста, так и в речи протогониста. Здесь также используются слова с обобщающим значением *Mensch*, *человек*, перформативные глаголы *sagen*, *сказать* в сочетании с модальными глаголами, сложносочиненные предложения с противительными союзами *aber*, *но*, модальные частицы *doch*, *же*, *мы*-инклюзивное.

Итак, утверждение, или репрезентативное высказывание, представлено на поверхностном уровне такими лексическими и грамматическими средствами как: перформативные глаголы, модальные глаголы и частицы, повествовательные и вопросительные предложения, а именно, риторические вопросы, полувопросы, противительные союзы в простом и сложносочиненном предложениях, повтор слова и словосочетания, слова с обобщающей семантикой, порядковые числительные и наречия, обозначающие последовательность аргументаций, высказывания сентенционального характера, цитирование, прагмалингвистические средства (см. прил. 6). Названные средства обеспечивают сохранение аргументативного фокуса, равно как и перемещение внимания с одного фокуса на другой. Особую роль в акцентировании и перемещении фокуса играют риторические предикаты, тема-рематическое членение. В заключение данного раздела отметим, что, как правило, в аргументативных дискурсах репрезентативы манифестируются комплексным использованием перечисленных средств, что способствует интенсификации иллюкутивной силы убеждения. Подтвердим данный тезис еще одним отрывком из романа Х. Манна "Der Untertan", в котором молодой Бук полемизирует с Дидерихом, пытаясь убедить его в своих взглядах: (70) "*Nun ja: wie man sie für jemand hat, bei dem man seine eigenen Fehler wiederfindet, oder nennen Sie es Tugenden. Jedenfalls sind wir jungen Leute jetzt alle so wie unser Kaiser, dass wir nämlich unsere Persönlichkeit ausleben möchten und doch ganz gut fühlen, Zukunft hat nur die Masse. Einen Bismark wird es nicht mehr geben und auch keinen Lassale mehr. Vielleicht sind es die Begabteren unter uns, die sich das heute noch ableugnen möchten. Er jedenfalls möchte es sich ableugnen. Und wenn einem solche Unmenge Macht in den Schoß gefallen ist, wäre es auch wirklich Selbstmord, sich nicht zu überschätzen. Aber in tiefster Seele hat er sicher seine Zweifel an der Rolle, die er sich zumutet.*" – "*Rolle?*" fragte Diederich. *Buck merkte es gar nicht. "Denn die kann ihn weit führen, da sie in der Welt, wie sie heute einmal ist, verdammt paradox wirken muss. Diese Welt erwartet von keinem einzelnen irgend mehr als von seinem Nachbarn. Auf Niveau kommt es an, nicht auf Auszeichnung, und am allerwenigsten auf grosse Männer.*" – "*Erlauben Sie!*" Diederich warf sich in die Brust. "*Und das Deutsche Reich, hätten wir das ohne grosse Männer? Hohenzollern sind immer grosse Männer*" (Mann: 73); "*Ну, вот: я говорю о нежности к тем, в ком видишь собственные слабости, или назовем их – добродетели. Во всяком случае, мы, молодые люди, все похожи теперь на нашего кайзера: все мы жаждем простора для своей индивидуальности и в то же время очень хорошо чувствуем, что будущее принадлежит массам. Второго Бисмарка не будет, и второго Лассале тоже. Быть может, наиболее одаренные из нас отказываются признавать это. Он, во всяком случае, не хочет это признать. А если человеку сама собой дается такая огромная власть, то действительно было бы самоубийством не переоценить себя. Но в сокровенной глубине души он, конечно, терзается сомнениями относительно роли, взятой на себя... – Роль? – переспросил Дидерих, но Бук не заметил этого. – Ведь она может его далеко завести. В современном мире, таком, каков он есть, эта роль должна казаться чудовищным парадоксом. В наше время уже ни от кого не ждут большего, чем от своего соседа. Вся сила в среднем уровне, а не в исключениях, и меньше всего – в великих людях. – Но позвольте! – Дидерих ударил себя в грудь. – Да разве родилась бы Германская империя, не будь у нас великих людей? Все Гогенцоллерны были великими людьми*" (Манн: 252). В приведенной полемике используются разнообразные языковые и экстралингвистические средства для придания большей убедительности приводимым суждениям. Это и модальные частицы, и модальные глаголы, перформативные глаголы, риторический вопрос, повтор слова в неполном вопросительном предложении, сентенции, противи-

тельный союз, слова с обобщающим значением, неопределенно-личные местоимения и неопределенно-личные предложения, ссылка на авторитетные личности.

3.2.3. "ПРЕДЛОЖЕНИЕ" И "СОВЕТ" КАК РЕЧЕВЫЕ ТАКТИКИ АРГУМЕНТАТИВНОГО ДИСКУРСА

В основе аргументативных текстов, как было отмечено выше, лежат побудительные акты. Такие языковые акты синтаксически индексируются модусом императивности. Побуждения эксплицитны, они имеют отношение к определенным стадиям процесса действий. Говорящий и слушающий находятся в отношениях кооперации, в ходе которых они должны скоординировать свои действия. Побуждения опираются на определенные стадии этих действий. Этот факт позволил лингвистам говорить об определенной таксономии процесса действий. Так, Й. Ребайн выделяет три вида побуждений: 1) поддерживающие побуждения: предложения, советы, предложения услуг, товаров, рекомендаций и пр. (Vorschlagen, Ratgeben, Anbieten, Empfehlen); 2) регулятивные побуждения: они характеризуются тем, что говорящий в определенной стадии управляет действенным процессом слушающего. Сюда относятся предупреждения, угрозы, ободрения, предостережения (Warnen, Drohen, Ermuntern, Ermahnen); 3) побуждения, инициирующие действия. Это речевые действия, посредством которых говорящий побуждает слушающего совершить определенные действия: просьба, приказ, требование (Bitte, Befehlen, Auffordern) [см.: Rehbein 1977: 316]. Под регулятивными речевыми побуждениями Й. Ребайном понимаются языковые действия, которые относятся к стадии исполнения. Посредством языкового действия этого типа говорящий хочет принудить слушающего модифицировать текущий процесс действий, приостановить или остановить его [см.: Rehbein 1977: 125]. В нашем понимании все три вида названных речевых действий относятся к разряду регулятивов, поскольку регулятивная деятельность представляет собой систему действий адресанта и адресата. "При этом в структуре диалогической регулятивной деятельности действия "организатора" обуславливают и определяют действия "исполнителя" [Романов: 1999а: 4]. О термине "регулятив", "регулятивная деятельность" [см. также: Романов 1988, 2006].

Предложение и совет относятся к стадии действий – *планирование*, а именно *принятие решений*. В существующих классификациях речеактовых высказываний предложение и совет попадают в основном в разряд директивов. Так, просьбы и предложения образуют в совокупности серлевские директивы [Searle 1985: 37–38], Б. Фрейзер выносит предложения в отдельный класс [Fraser 1975: 190–193], Ю.Д. Апресян объединяет в отдельный класс и предложения, и советы [Апресян 1986: 209–210]. Среди 8 взаимоисключающих категорий intersубъективных illoкутивных актов, или способов вербальной реакции У. Стайлза совет находится также в отдельном классе [см.: Stiles 1981]. Григорьев Е.И. относит речевой акт "предложение" к классу апеллятивов, советы к классу сентенциативов [Григорьев 1997: 40, 49]. Сценарии, лежащие в основе мини-диалогов *предложение* и *совет* похожи. В грубой схеме ход диалога охватывает следующие три стадии: 1) актант А дает другому понять, что он должен сделать действие, но не знает, какое действие он должен сделать; 2) актант В представляет несколько альтернативных планов действий, которые, по его мнению, могут помочь актанту А решить эту дилемму; 3) актант А либо отклоняет, либо принимает предложенные инициативы, подключая ментальный акт "оценка". Например: (71) *"Also, in Deutschland ist unser Umsatz auch stark gestiegen. Es handelt sich wohl um einen allgemeinen Aufwärtstrend. Wir sollten jetzt besprechen, wie wir hier am Ball bleiben. – Über dieses Thema habe ich bereits nachgedacht, und ich kann Ihnen dazu folgenden Vorschlag machen: Ich habe zwei Spitzenspieler aus der Bundesliga an der Hand, die bereit sind, für unsere Sportkleidung zu werben. Die Bezahlung muss natürlich stimmen, versteht sich. – Die Geldfrage soll unsere geringste Sorge sein. Bisher haben sich solche Werbeaktionen ja eigentlich immer ausgezahlt; – Wie wollen wir vorgehen? – Ich schlage vor, es folgendermaßen zu machen: Zuerst sichten wir die Resultate, und dann arbeiten wir unsere Empfehlungen aus"* (Terberg: 5); *"Итак, в Германии наш оборот сильно вырос. Речь идет, возможно, об общей тенденции подъема. Мы должны были бы сейчас обсудить, как нам от этого не отступать. – Над этой темой я как раз размышлял, и я могу сделать Вам следующее предложение: У меня есть на примете два ведущих игрока из Бундеслиги, которые готовы рекламировать нашу спортивную одежду. Оплата должна, конечно, соответствовать, само собой разумеется. – Денежный вопрос должен быть нашей наименьшей заботой. До сих пор такие рекламные акции, собственно говоря, всегда оплачивались. – Как мы будем действовать? – Я предлагаю сделать следующим образом: Сначала мы посмотрим на результаты, а потом мы разработаем наши рекомендации"*.

Схему предложения наглядно представляет диалог на вокзале у железнодорожной кассы, когда говорящий спрашивает у кассира о возможных вариантах пути до пункта N и из предложенных вариантов выбирает один наиболее подходящий ему по времени, цене и комфорту, принимая предварительную оценку альтернативных планов. В свою очередь кассир может предлагать клиенту варианты поездки, а актант выбирает один из предложенных ему способов. Например:

(72) *"Auskunft: Deutsche Bahn Frankfurt, guten Tag. Wie kann ich Ihnen helfen?"*

Frau Brenner: Guten Tag, ich fahre mit dem ICE von Frankfurt nach München und möchte eine Fahrkarte buchen.

*Auskunft: **Fahren Sie einfach, oder hin und zurück?***

Frau Brenner: Hin und zurück, bitte.

*Auskunft: **Möchten Sie erste oder zweite Klasse?***

Frau Brenner: Erste Klasse, bitte.

*Auskunft: **Möchten Sie auch eine Platzreservierung haben?***

Frau Brenner: Ja, bitte, für die Hinfahrt. Ich fahre am Freitag, dem 14. Juli, um 11.43 Uhr. Muss ich da extra bezahlen?

*Auskunft: Nein, wenn Sie mit dem ICE fahren, brauchen Sie für die Platzreservierung nicht extra zu bezahlen. **Möchten Sie im Großraumwagen oder im Abteilwagen sitzen?***

Frau Brenner: Im Großraumwagen, bitte.

*Auskunft: **Raucher oder Nichtraucher?***

Frau Brenner: Nichtraucher, bitte.

*Auskunft: **Möchten Sie einen Fensterplatz oder einen Gangplatz haben?***

Frau Brenner: Einen Fensterplatz, bitte.

Auskunft: So, das macht 154 Euro plus 6 Euro ICE-Zuschlag, alles zusammen 156 Euro.

Frau Brenner: 156 Euro, ist gut. Sagen Sie, kann ich die Fahrkarte am Bahnhof abholen?

Auskunft: Ja, Sie gehen zum Schalter für vorbestellte Fahrscheine. Wie möchten Sie die Fahrkarte bezahlen?

Frau Brenner: Mit Kreditkarte. Ich habe American Express.

Auskunft: Gut. Also, sagen Sie mir zuerst Ihren Namen..." (Conlin: 175);

"Справочное бюро: Немецкая железная дорога, добрый день. Как я могу Вам помочь?

Госпожа Бреннер: Добрый день, я еду со скорым поездом из Франкфурта в Мюнхен и хотела бы забронировать билет.

Справочное бюро: **Вы едете только туда, или туда и обратно?**

Госпожа Бреннер: Туда и обратно, пожалуйста.

Справочное бюро: **Вы хотели бы ехать первым или вторым классом?**

Госпожа Бреннер: Первый класс, пожалуйста.

Справочное бюро: **Вы хотели бы также зарезервировать место?**

Госпожа Бреннер: Да, пожалуйста, на обратную поездку, Я выезжаю в пятницу 14 июля, в 11 часов, 43 минуты. Я должна это специально оплатить?

Справочное бюро: Нет, если Вы едете со скорым поездом, Вам не надо специально оплачивать резервирование места.

Вы хотели бы сидеть в общем вагоне или в купе?

Госпожа Бреннер: В общем вагоне, пожалуйста.

Справочное бюро: **В вагоне для курящих или некурящих?**

Госпожа Бреннер: В вагоне для некурящих, пожалуйста.

Справочное бюро: **Вы хотели бы место у окна или у прохода?**

Госпожа Бреннер: У окна, пожалуйста.

Справочное бюро: Итак, это составляет 150 Евро, плюс 6 Евро за доплату за скорый поезд, все вместе 156 Евро.

Госпожа Бреннер: 156 Евро, это хорошо. Скажите, пожалуйста, я могу забрать билет на вокзале?

Справочное бюро: Да, Вы подойдете к окошку продажи билетов по брони. Как бы Вы хотели оплатить билет?

Госпожа Бреннер: С помощью кредитной карты. У меня Американ Экспресс.

Справочное бюро: Хорошо. Итак, назовите вначале Ваше имя".

Важным здесь является то, что говорящий не оказывает давление на слушающего. Между высказыванием актанта В и принятием решения актантом А могут включаться речевые действия (предложения) других говорящих. Ярким примером альтернативных предложений может служить ситуация на вокзале из романа Б. Акунина "Смерть Ахиллеса": (73) "Оглядев скучные станционные строения, молодой человек с не вполне понятным волнением вдохнул прокопченный вокзальный воздух и прошептал: "Господи боже, шесть лет". Однако долго предаваться мечтательности ему не позволили. На пассажиров со столичного поезда смотрели уже извозчики, по большей части из числа приписанных к московским гостиницам, в бой за красавца-брюнета, смотревшегося завидным клиентом, вступили лихачи из четырех гостиниц, что считались в первопрестольной самыми шикарными – "Метрополя", "Лоскутной", "Дрездена" и "Дюссо". – **А вот в "Метрополь" пожалуйста!** – воскликнул первый. – **Новейший отель по истинно европейскому обычаю! А для китайца вашего при номере особая каморка имеется!** – Это не к-китаец, а японец, – объяснил молодой человек, причем обнаружилось, что он слегка заикается. – И я бы желал, чтобы он поселился вместе со мной. – **Так извольте к нам, в "Лоскутную"!** – оттеснил конкурента плечом второй извозчик. – **Ежели снимаете номер от пяти рублей, доставляем бесплатно. Домчу с ветерком!** – В "Лоскутной" я когда-то останавливался, – сообщил молодой человек. – Хорошая гостиница. – **Зачем вам, барин, этот муравейник,** – вступил в схватку третий. – **У нас в "Дрездене" тишь, благоденствие, и окошки прямо на Тверскую, на дом князя-губернатора.** Пассажир заинтересовался: – В самом деле? Это очень удобно. Я, видите-ли, как раз должен служить у его сиятельства. Пожалуй... – **Эх, сударь!** – вскричал последний из кучеров, молодой франт в малиновой жилетке, с набриолиненным до зеркального блеска пробором. – **У Дюссо все наилучшие писатели останавливались, – и Достоевский, и граф Толстой, и сам господин Крестовский.** – Уловка гостиничного психолога, обратившего внимание на связки с книгами удалась. Красавец-брюнет ахнул: – Неужто граф Толстой? – А как же, чуть в Москву пожалуют, так первым делом к нам с. – Малиновый уже подхватил два чемодана и деловито прикрикнул на японца. – **Ходя, ходя, твоя за мной носи!** – Ну к Дюссо, так к Дюссо, – пожал плечами молодой человек, не ведая, что это решение станет первым звеном в роковой цепочке последующих случайностей" (Акунин 3: 3). Приведенный пример подтверждает гипотезу о тесной взаимосвязи предложения и убеждения. При этом предложение выступает в качестве посылки, а аргументативная часть дискурса в качестве тезиса. Такие аргументативные тексты, как правило, имеют перевернутую структуру, вначале высказывается предложение, затем дается его обоснование. В приведенном примере названную структуру имеют аргументативные дискурсы первого и второго извозчиков, у третьего извозчика предложение следует вслед за критикой альтернативного варианта. Речь последнего извозчика содержит лишь аргументативную часть. Предложение здесь имплицитно. Аргументативные дискурсы, содержащие несколько таких иллокутивных актов, встречаются зачастую в таких разговорных жанрах как *дебаты*. Исчерпывание предлагаемого материала обуславливает развитие диалога в обсуждение, диспут, совещание. Таким образом, интеракция *предложение* лежит в основе названных речевых жанров. Иллокутивную функцию *предложение* можно, по-видимому, объяснить следующим образом. Вследствие данного иллокутивного акта у слушающего происходит смещение фокуса внимания на возможные элементы его практического знания, которые ему изначально были недоступны, неизвестны, но как раз могут быть успешной альтернативой для принятия решений. Сравните: (74) "Лара вырвала листок из записной тетради и написала соседке по парте, Наде Колозриковой: "Надя, мне нужно устроить жизнь отдельно от мамы. Помози мне найти несколько уроков повыгоднее. У вас много знакомств среди богатых". Надя ответила тем же способом: "Липе ищут воспитательницу. Поступи к нам. Вот было бы здорово! Ты ведь знаешь, как тебя любят папа и мама" (Пастернак: 64).

Говорящий, предпринимая процесс поиска, называет несколько вариантов. Сравните: (75) "В купе заглянула проводница – симпатичная толстушка с веселыми глазами и аппетитными ямочками на щеках. – Что господу желают? **Чай, кофе, бутерброды, печенье, вафли?** – Мне чаю, пожалуйста, – попросил Карл. – Мне тоже, хозяйюшка, подмигнул ей Гарик. – А лимончика у вас не найдется? – Для хорошего человека у нас все найдется, – смешиливо фыркнула толстушка..." (Маринина 3: 179–180). Эти возможные варианты планов действия сопровождаются такими грамматическими и лексическими индикаторами, как *возможно, может быть*, вопросительными предложениями, частицей *ли*, конъюнктивными формами в немецком языке: *Wie wär's; Könntest du; Hast du schon mal...* Например: (76) "Herr Noske: *Wie wär's also mit einem gutbürgerlichen*

deutschen Restaurant? – Herr Weber: Ja, ehrlich gesagt, ist mir das lieber. – Herr Noske: Dann kann ich zwei Restaurants empfehlen, die BINGELSTUBE oder das Restaurant Zum Kuhhirten Turm" (Conlin: 168); "Господин Носке: "А как насчет хорошего немецкого ресторана?" – Господин Вебер: "Да, честно говоря, это мне больше нравится". – Господин Носке: "Тогда я могу предложить два ресторана, "Бингельштубе" или ресторан "В башне у пастуха"; (77) "Не прикажете ли завтрак в номер? – спросил портье, делая вид, что не заметил ассессора конфуза. – Нет, не нужно, – ответил тот" (Акунин 3: 4); (78) "Невзоров побежал к пристани и, ломая язык, обратился по-левантийски к безумому русскому с юнкерскими нашивками, только что спустившемуся в портовую суету: – **Русский, хочешь девочку из султанского гарема?** – вай! (Щелканье языком, и глаза летят вверх.) Симпатичный, ароматный, совсем рахат-лукум, пышный, белый, сладкий, – ай, ай... Иди за мной" (А. Толстой: 122). Функция этих индикаторов – сфокусировать внимание слушающего на не актуализированные им концепты действий. Использование неопределенно-личного местоимения *man* указывает на идентифицирование мнения говорящего с коллективным мнением. И это коллективное мнение актант А мог бы использовать. Следует отметить, что предложение не всегда сопровождается убеждением. Например, предлагая проводить девушку, Невзоров использует безальтернативное высказывание, не подтверждая его обоснованием: (79) "Позвольте, я провожу вас домой, сударыня. – Убирайтесь" (А. Толстой: 75). Нередко предложение выражается с помощью репрезентативных высказываний. Например: (80) "Здесь просили врачебной помощи. **Я могу подать ее. Покажите мне вашу руку...**" (Пастернак: 74). Репрезентативное высказывание содержит в данном случае модальный глагол.

Следует отметить, что предложение, эксплицитное или имплицитное, является основой рекламного дискурса. Например: (81) "Вывеска старого грека оставалась, но в окне был приклеен рукописный плакат: **Зайди и приятно удивишься**" (А. Толстой: 125).

Итак, речевыми средствами реализации предложения в дискурсе являются перформативные глаголы (пример 71), модальные глаголы (примеры 72, 80), вопросительные предложения (примеры 75 – 78), вопросительные предложения с разделительным союзом *oder, или* (пример 72), вопросительные предложения с союзом *ли* в русском языке, (пример 77), утвердительные предложения (примеры 71, 73, 80.), повелительные предложения (примеры 73–74).

Пропозициональная структура *совета* несколько иная, чем структура *предложения*. Актанту А уже известны определенные планы действий, возможно они также и выделены им из других альтернатив действий. Но они кажутся ему равноценными, он не может назвать причины, по которым он должен предпочесть одну из этих альтернатив. У него, таким образом, отсутствуют критерии для оценки этих планов действий. Поэтому стадия принятия решения блокируется в том месте, где оценка должна быть положена в основу определенного плана действий. Эта оценка осуществляется актантом в интеракции *совет*. При этом оценка совета маркирована положительным знаком. Таким образом, если в *предложении* ментальный акт *оценка* осуществляет актант А, перед которым стоит дилемма выбора, то в интеракции *совет* оценку предпринимает актант В, от которого исходит этот акт. В то время как при *предложении* говорящий знакомит слушающего с тем или иным дальнейшим планом действий, при *совете* он выделяет, ограничивает один единственный план из всех других альтернатив. Поэтому *совет* для определенной цели и одного говорящего не может быть сначала одним, потом другим. Высказывание совета связывает говорящего с отмеченной им альтернативой как положительной. Актант В оценивает план действий актанта А не только в общем, но также через личные способности слушающего. Это означает, что он кратковременно ставит себя в позицию актанта А. Это проявляется в формулировках типа "на Вашем месте", "Ich an Ihrer Stelle würde...". Таким образом, размещение механизма оценки в структуре побудительного диалога является одним из важных критериев разграничения интеракций *предложение* и *совет*. Например, господин Носке предложил господину Веберу два ресторана с немецкой кухней. Видя затруднения господина Вебера с выбором ресторана, Носке дает им оценку и высказывает совет: (82) "Die BINGELSTUBE hat eine Freiterrasse, da kann man **wunderbar** draussen sitzen. Aber das Restaurant Zum Kuhhirten-Turm hat, **glaube ich**, die bessere Speisekarte. Der Kuhhirten-Turm ist auch in Sachsenhausen. Das ist unser Vergnügungsviertel, das **sollten** Sie sehen. – Herr Weber: Prima, gehen wir also ins Restaurant Zum Kuhhirten-Turm" (Conlin: 168); "Бингельштубе имеет террасу на свежем воздухе, тут **можно чудесно** посидеть снаружи. Но в ресторане "В башне у пастуха", я **думаю**, лучшее меню. "В башне у пастуха" находится также в Заксенхаузене. Это наш квартал развлечений, это Вы **должны** посмотреть. – Господин Вебер: Замечательно, итак, мы идем в ресторан "В башне у пастуха".

Второй момент различия *предложения* и *совета* связан с фокусом альтернативных действий. В диалоге, в основе которого лежит интеракция *предложение*, фокус альтернативных действий актанта А довольно узок. Вследствие предложений В он расширяется. В диалоге, в основе которого лежит интеракция *совет*, фокус альтернативных действий актанта А, наоборот, очень широк. Он затрудняется выбрать одну из них. Вследствие советов актанта В фокус альтернативных действий актанта А сужается до нескольких и даже одной из них. Сравните: (83) "Herr Weber: Und was macht man abends in Frankfurt? – Herr Noske: Es gibt viele Möglichkeiten. Es kommt darauf an, was Sie gerne tun. Wenn Sie sich für Kultur interessieren, **könnten** Sie in die alte Oper gehen... **Und weil Sie ja aus der Goethe-Stadt Weimar kommen**, müssen Sie unbedingt Goethes Geburtshaus besuchen... Es gibt auch viele interessante Museen in Frankfurt. Wenn Sie sich für Filme interessieren, **könnten** Sie das Deutsche Filmmuseum besuchen" (Conlin: 170); "Господин Вебер: А что делают по вечерам во Франкфурте? – Господин Носке: Есть много возможностей. Это зависит от того, что Вы охотно делаете. Если Вы интересуетесь культурой, Вы **могли бы** сходить в старую оперу... **А так как Вы из города Веймара**, Вы должны непременно посетить дом, где родился Гете... Есть также много интересных музеев во Франкфурте. Если Вы интересуетесь кино, Вы **могли бы** посетить музей немецкого фильма". Как показывают примеры, высказывания совета манифестируются придаточными условными предложениями с союзом *wenn*, придаточными причины с союзом *weil*, глаголами в форме конъюнктив. Аналогично в русском языке в данном случае активно используется сослагательное наклонение, перформативный глагол *советовать*. Например: (84) "Не одобровать тебе. **Убраться бы** тебе, Купринька, куда-нибудь подальше" (Пастернак: 37); (85) "А то, что **неплохо бы** пометицу Спицыну и приказчика Кукина получить **расспросить**" (Акунин 1: 28); (86) "Я **бы советовал** поместить ее в больницу" (Пастернак: 187). Языковыми средствами реализации *совета* являются также речевые клише с глаголами *meinen, glauben, думать, полагать, считать*, (пример 82), перформативный глагол *raten, Ratschlag geben, советовать* в сослагательном наклонении, конъюнктиве в немецком языке (пример 83), употребление инфинитива и других частей речи с частицей *бы* в русском языке (примеры 84 – 86), конъюнктивных форм с модальными и другими глаголами в немецком языке (примеры 82–83).

3.2.4. "ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ" И "УГРОЗА" КАК РЕЧЕВЫЕ ТАКТИКИ АРГУМЕНТАТИВНОГО ДИСКУРСА

Предупреждение и угроза относятся, как было отмечено выше, также к регулятивным речевым побуждениям. Акты предупреждения выделяются в отдельный тип в таксономии речевых актов Ю.Д. Апресяна [Апресян 1986: 209–210], предупреждение и угроза как промисив и менасив в системе речеактовых высказываний Г.Г. Почепцова [Почепцов 1981а: 217–218], высказывания угрожающего характера именуется в монографии Е.И. Григорьева как минатив, предупреждения как апеллятивы [Григорьев 1997]. Структура ситуации **предупреждения** выглядит следующим образом. Адресат находится в процессе исполнения действий. При этом достаточно, что слушающий лишь планирует это действие или может осуществить его в будущем при определенном стечении обстоятельств. В данном случае предупреждение относится к механизму ориентирования, который руководит процессом действий по определенному плану или сопровождает его. Актант В имеет фокус, обусловленный его планом действий. Планируемое актантом В действие попадает в поле контроля какой-либо инстанции или лица, которые, со своей стороны, оценивают это действие негативно, и поэтому разрабатывают план для санкционированных акций (штрафы, лишения премий и т.п.). Актант А, присутствующий на поле действий актанта В, или информированный о его плане, и знающий о том, что это действие оценивается негативно, делает актанту В предупреждение, которое обычно выражается условными высказываниями: если *a*, то *b*. Говорящий убежден, что актант В оценивает свои действия также негативно. В противном случае речь идет о рекомендации. Как правило, предупреждение сопровождается максимами действий из поля ментальных знаний актанта А о стандартных ситуациях, известных ему из общественной практики. Говорящий указывает на последствия, к которым приведет исполнение действий, планируемых актантом В. Актант А имеет к интерактанту В, как правило, кооперативное отношение и одновременно нейтральное или негативное отношение к санкционированной власти. Кооперативное отношение к актанту В обуславливает то, что говорящий посредством своего языкового действия прерывает на некоторое время процесс действий актанта В или препятствует его начинанию. Языковое действие или жест предупреждения, которые высказывает адресант, имеют своей функцией известить адресата о последующих санкционированных действиях. При этом слушающий расширяет свой фокус в ту область, в которой в его сознании существует план санкционированных акций. Например: (87) *"An allen Baracken, Straßenecken und Kabelmasten erschien eine Proklamation, die folgenden Wortlaut hatte: "Tunneln! Das Syndikat wird sich keine Schraube nehmen lassen, ohne sie zu verteidigen. Wir erklären, dass in allen Syndikatsgebäuden Maschinengewehre aufgestellt sind! Wir erklären ferner, dass wir nicht spaßen!"* [Kellermann: 282–283]; *"На всех бараках, на углах улиц и столбах появилось следующее объявление: "Рабочие туннеля! Синдикат будет защищать свое имущество до последнего болта. Мы предупреждаем, что во всех зданиях синдиката установлены пулеметы! Мы предупреждаем, что шутить не намерены!"* (Келлерман: 207). В приведенном примере Аллан после катастрофы в строящемся тоннеле предупреждает рабочих о последствиях забастовок и держит их, таким образом, под угрозой. Очень часто у слушающего в данном случае наблюдается специфическое колебание, которое свидетельствует о ментальной операции. Фаза расширения фокуса выливается в новое решение. Информация, которая была получена, оценивается и отсюда делаются практические выводы. Предпринимаются корректирующие действия. Адресат, находясь в процессе исполнения действий, может приостановить эти действия, или в случае их планирования, не начинать их вовсе, попытаться осуществить свой план иным путем. Не исключено также, что адресат может проигнорировать предупреждающее высказывание актанта А. В случае, если действие уже совершено, в предупреждении речь идет о нецелесообразности его повторения. Так, например, швейцар из романа М. Булгакова "Мастер и Маргарита" пропустил члена МАССОЛИТА поэта Ивана Бездомного в нижнем белье в дом литераторов на вечер. Сотрудники милиции делают швейцару предупреждение: (88) *"Смотри, Николай! Это в последний раз. Нам таких швейцаров в ресторане даром не надо. Ты в церковь сторожем поступи!"* (Булгаков: 64).

Высказывания предупреждения, на первый взгляд, не содержат пропозиций и не референтны. На самом деле это не так. Функция пропозиции анализируемых высказываний заключается в том, чтобы дать информацию о денотативной ситуации, на основании которой будет в дальнейшем предпринят иллокутивный акт. Вопрос о том, имеется ли в данном случае пропозиция или нет, зависит от того, сколько информации содержит ситуативный контекст высказывания. Аппарат иллокуции при предупреждении имеет комплексную функцию и включает три референционных момента: референцию о денотативной ситуации, о фокусе действий слушающего, знания говорящего о способе действий. Все языковые и неязыковые способы выражения, которые могут осуществить процесс этой тройной референции, можно считать иллокутивным актом предупреждения. Следует также отметить, что существуют предупреждения, в которых говорящий ссылается на события, не находящиеся непосредственно в настоящий момент в поле кооперации. Чаще всего ссылка осуществляется на события, имеющие отдаленный пространственно-временной континуум. В анализируемых высказываниях поэтому зачастую фигурируют такие лексические элементы как *ich meine, ich glaube, können, я полагаю, я думаю, может* и т.п., глаголы в повелительном наклонении (пример 88). Использование в данном случае условных предложений *wenn..., dann...; если..., то...*, происходит тогда, когда слушающий не располагает информацией о последствиях предпринимаемых им действий, т.е. в поле его экзистенциальных знаний нет аналогичных действий. Например: (89) *"Der Kommissar starrte ihn an. – Jetzt hören Sie einmal genau zu, Herr Mettenheimer. Auf Grund Ihrer eigenen Aussagen, mit denen Sie unsere eigenen Beobachtungen bestätigen, in einigen wichtigen Punkten sogar ergänzen, möchten wir Sie warnen. Wir möchten Sie warnen in Ihrem Interesse, Herr Mettenheimer, im Interesse Ihrer gesamten Familie, als deren Oberhaupt Sie nun einmal gelten. Enthalten Sie sich jedes Schritts und jeder Äusserung, die in irgendeinem Zusammenhang mit dem gewesenen Mann Ihrer Tochter Elisabeth Heisler stehen. Und sollten Sie irgendein Bedenken haben, irgendeinen Rat brauchen, so wenden Sie sich nicht an Ihre Frau und an kein Familienmitglied und auch an keinen geistlichen Beistand, sondern wenden Sie sich an unsere Zentrale und verlangen Sie Zimmer achtzehn. Verstehen Sie mich, Herr Mettenheimer?"* (Seghers: 92–93); *"А теперь слушайте внимательно, господин Меттенгеймер. Ввиду ваших показаний, которыми вы подтвердили наши собственные наблюдения, а в некоторых важных пунктах даже дополнили, мы хотели бы предостеречь вас. Мы хотели бы предостеречь вас в ваших собственных интересах, господин Меттенгеймер, в интересах всей вашей семьи, главой которой вы являетесь. Воздержитесь от всякого шага и всякого слова, которые имели бы какое-нибудь отношение к бывшему мужу вашей дочери Элизабет, Георгу Гейслеру. А если у вас возникнет какое-нибудь сомнение или понадобится совет, то обращайтесь не к вашей жене, и не к членам вашей семьи, и не к священнику, но обратитесь в*

наше главное управление, комната восемнадцать. Понимаете вы меня, господин Меттенгеймер?" (Зегерс: 86). В приведенном примере в качестве эквивалента немецкого бессоюзного условного предложения в русском языке выступает придаточное условное предложение с союзом *если*. Используются также перформативные глаголы *warnen*, *предостеречь*, модальный глагол *tögen* в конъюнктивной форме, в русском языке глагол *хотеть* в сослагательном наклонении.

Таким образом, специфическая функция предупреждения в кооперативной деятельности говорящего и слушающего состоит в том, чтобы повлиять на действия слушающего, информируя его о последствиях происходящих действий в высказывании. Задача пропозиционального акта "предупреждение" – репрезентировать для слушающего эксплицитно или имплицитно ту часть общих знаний, которая дает возможность сделать вывод о последствиях действий адресата или восполнить информационную лауну в его знаниях. Активными языковыми средствами реализации предупреждения являются перформативные глаголы, придаточные условные предложения.

Структуру угрозы можно вывести из структуры предупреждения. Говорящий здесь не пассивный наблюдатель акций слушающего, а обладатель санкционированной власти, способный осуществить наказание за негативно оцениваемое действие слушающего. Актант А находится в процессе исполнения действий. При этом он может: 1) планировать действие; 2) осуществлять действие; 3) пытаться повторить выполненное действие. Названное действие попадает в поле контроля актанта В. Актант В оценивает это действие негативно. Актант В может быть представителем санкционированной власти, полномочным осуществить наказание. Он имеет план действий, альтернативный плану действий актанта А и хочет, чтобы актант В выполнял план, оцениваемый им положительно. Вербальным или авербальным способом он указывает слушающему на существующий альтернативный план. Высказывание актанта В вызывает у актанта А особый вид смещения фокуса или перефокусировку и приводит его к мониторингу. Решение продолжать свой план действий или отказаться от него и принять план действий актанта В приводит к тому, что называется эпилогом языкового действия. Во всяком случае, решение продолжать действие или отказаться от него и приступить к осуществлению плана действий, предложенного актантом А, должно быть тщательно взвешено. Следует отметить, что акт угрозы используется в аргументативных текстах в исключительных случаях, когда коммуниканту не удается осуществить перефокусировку плана действий собеседника с помощью других структуривов. Как правило, они редко используются в деловых переговорах, поскольку они по своей сути деструктивны. Угрозе часто предшествует предупреждение. Например: (90) *"Иван Савельевич? – осведомилась трубка препротивным голосом. – Его нету в театре! – крикнул было Варенуха, но трубка тотчас его перебила: – Не валийте дурака, Иван Савельевич, а слушайте. Телеграммы эти никуда не носите и никому не показывайте. – Кто это говорит? – взревел Варенуха, – прекратите, гражданин, эти штуки! Все сейчас же обнаружат! Ваш номер? – Варенуха, – отозвался тот же гадкий голос – ты русский язык понимаешь? Не носи никуда телеграммы. – А, так вы не унижаетесь? – закричал администратор в ярости, – ну смотрите же! Поплатитесь вы за это, – он еще прокричал какую-то угрозу, но замолчал, потому что почувствовал, что в трубке его никто уже не слушает"* (Булгаков: 109). В приведенном фрагменте предупреждение высказывается обоими коммуникантами. Вслед за предупреждением со стороны Варенухи следует угроза. Через некоторое время предупреждение и угроза в адрес Варенухи приводятся и исполнение. Его избивает свита Воланда, сопровождая свои действия словами: (91) *"Что у тебя в портфеле, паразит? – пронзительно прокричал похожий на кошку, – телеграммы? А тебя предупредили по телефону, чтобы ты их никуда не носил? Предупреждали, я тебя спрашиваю? – Предупрежди... дали... дали... – задыхаясь, ответил администратор. – А ты все-таки побежал? Дай сюда портфель, гад! – тем самым гнусавым голосом, что был слышен в телефоне, крикнул второй и выдрал портфель из трясущихся рук Варенухи"* (там же: 111). Приведем еще один наглядный пример, в котором отчетливо прослеживается последовательность использования в аргументативном дискурсе воздействующих высказываний от репрезентатива, нейтрального совета, предложения к предостережению и явной угрозе. Сбежавший из концлагеря Фюльграбе пытается убедить своего товарища Георга Гейслера вернуться обратно, сдаться. Георг, в свою очередь, приводит аргументы, доводы в пользу того, что надо продолжать побег. (92) *"Glaub mir, Georg, ich werde sofort dort hingehen. Das ist sicher das beste. Und du gehst mit. Ich war gerade auf dem Wege dorthin. Gott selbst hat uns zusammengeführt. Sicher!"...- Georg fuhr plötzlich zusammen. "Du bist verrückt", sagte er. "Wollen mal sehen, wer von uns beiden verrückt, ja verrückt ist! ... Nimm mal dein bisschen Verstand zusammen, Bürstchen, guck dich mal um, ganz schnell, ganz unangenehm wirst du kaputtgehen, wenn du nicht mit mir machst, Freundchen. Sicher! Komm!" – "Du bist ja ganz verrückt!" sagte Georg. "Die werden sich ja den Bauch vor Lachen halten, wenn du anrückst. Ja, was glaubst du denn?" – "Lachen? Sollen Sie lachen! Aber sie sollen mich leben lassen. Guck dich doch mal um, Freundchen, etwas anderes bleibt dir gar nicht übrig. Wenn du heute nicht geschnappt wirst, wirst du es morgen, und kein Hahn wird nach dir krähen. Bürstchen! Bürstchen! Diese Welt hat sich ein ganz klein bisschen verändert. Kein Hahn kräht mehr nach uns. Komm – geh mit mir. Das ist das aller-, aller-, allerschlaueste. Das ist das einzige, was uns rettet. Komm, Georg." "Du bist vollkommen verrückt." ... Füllgrabe beugte sich über Georg und sagte: Wem nicht zu raten ist, Georg, dem ist nicht zu helfen. Adieu, Georg." – "Nein, halt noch mal", sagte Georg. ... "Mach doch so was nicht, so was Wahnsinniges! Selbst in die Falle rein! Aber du wirst ja ganz rasch kaputtgehen. Aber die haben doch noch nie Mitleid gehabt. Aber auf die macht doch gar nichts Eindruck. Aber Füllgrabe, aber Füllgrabe!" (Seghers: 222–223); *"Я сейчас же туда отправлюсь. Поверь мне, Георг. Это самое лучшее. И ты пойдешь со мной. Я как раз собирался. Сам бог свел нас с тобой. Факт." ... Георг внезапно выпрямился. – Ты с ума сошел, – сказал он. – Увидим, кто из нас двоих с ума сошел ... Собири-ка остатки разума, мой милый. Взгляни-ка правде в лицо. Очень неприятные вещи тебя ждут, если ты не пойдешь со мной, дружочек, уверяю тебя! Факт! Ну, идем! – Нет, ты окончательно спятил, – сказал Георг. – Да они животы надорвут, если ты явишься! Ты что думаешь? – Смеяться будут? Пускай смеются. Но пусть меня оставят жить. Оглянись кругом, дружочек. Ведь ничего другого тебе не остается. Если тебя сегодня не сцапают, так сцапают завтра, и ни одному псу до тебя дела нет. Эх, дружок, дружок! В этом мире много кой-чего изменилось. Это самое-самое-самое разумное. Это единственное, что нас спасет. Идем, Георг. – Ты окончательно спятил... – Фюльграбе наклонился над Георгом и сказал: – Кто не хочет слушать советов, тот пеняй на себя. Прощай, Георг. – Постой, подожди минутку, – сказал Георг... – Не делай этого, не делай такого безумия. Самому в петлю лезть! Да ведь тебя сразу прикончат. Ведь они еще никогда никого не пожалели. Ведь на них ничего не действует. Одумайся, Фюльграбе! Фюльграбе!" (Зегерс: 183–184).**

Зачастую высказывания угрозы не имеют конкретного пропозиционального содержания. Последующие за ними действия неизвестны заранее адресату, тем не менее, вызывают не меньший страх. В названных угрозах употребление придаточных условных предложений в принципе не обосновано и излишне, поскольку действие со стороны адресата уже осуществлено. Здесь эксплицируется вторая часть высказывания, т.е. то, что будет приведен в исполнение акт наказания. Например:

(93) "На первом привале она спокойно подошла к Сергею, прошептала "подлец" и неожиданно плюнула ему прямо в глаза. Сергей хотел на нее броситься, но его удержали. – **Погоди ж ты!** – произнес он и обтерся... – **Ну, это ж тебе так не пройдет,** – грозился Катерине Львовне Сергей. Ночью Катерина Львовна была избита Сергеем и его друзьями" (Лесков 1: 40). В приведенном примере Катерина Львовна возмущена тем, что Сергей отдал ее чулки Сонетке, что и вызвало ее негативные действия по отношению к Сергею. За ними последовала угроза, приведенная впоследствии в исполнение.

Наиболее частотный способ манифестирования высказываний угрозы – придаточные условные предложения (см. примеры 92, 94). (94) "Jetzt wird mir's doch zu bunt! Wenn Sie nun nicht gleich herausrücken, sag' ich's Ihrem Herrn!" (Mann: 10); "Мне это, наконец, надоело! **Если вы сейчас же не вынесете пирожного, я все расскажу вашему хозяину**" (Mann: 199). В приведенном отрывке герой романа Т. Манна Дидерих несколько раз уговаривал своего приятеля, кельнера из "Нетцигского подворья" дать ему трубочку с кремом. В качестве крайней меры Дидерих использует угрозу, выражая ее придаточным условным предложением. Действие в главном предложении в придаточных условных относится к будущему времени и выражено при этом глаголом в настоящем или будущем времени. Такие футуральные предложения могут выступать в качестве угрозы и в простом высказывании (см. пример 93). Помимо придаточных условных предложений высказывания угрозы представлены глаголами в повелительном наклонении (примеры 90, 92), утвердительными высказываниями с глаголами в будущем времени, произнесенными с соответствующей интонацией (пример 92), риторическими вопросами (пример 91), междометиями (примеры 90, 93), высказываниями сентенционального характера (пример 92).

3.2.5. "ПРОСЬБА" И "ТРЕБОВАНИЕ" КАК РЕЧЕВЫЕ ТАКТИКИ АРГУМЕНТАТИВНОГО ДИСКУРСА

Просьба и требование относятся к разряду побуждений. С помощью побуждений актанта хочет инициировать действия другого актанта. Сюда включаются речевые акты, к которым применим названный термин в собственном смысле слова: просьбы, приказы, требования, ходатайства, прошения и т.п. В классификации речевых актов они представлены, в основном, директивами [Searle 1985: 37–38, Серль 1986: 182, Bach 1980: 110–113, Wunderlich 1976: 77, Почепцов 1981а: 217–278]. Лич Дж. называет их компетитивами [Leech 1983: 206]. Поскольку класс директивов по своему составу разнообразен, в некоторых системах акты просьбы выделяются в отдельный класс [см.: Fraser 1975: 190–193]. Беляева Е.И. и Егорова М.А. называют их реквестивами [Беляева 1988: 58–60, Егорова 1995: 26–33]. Просьбы и запреты разводятся по разным подгруппам [Апресян 1986: 209–210]. Григорьев Е.И., выделяя класс директивов как обозначающих "указание", "предписание", "распоряжение", относит просьбу к широкому классу апеллятивов, высказывания запрещающего характера к ветотивам [Григорьев 1997: 40]. Каузируемые действия в зависимости от прототипической ситуации дифференцированы М.А. Егоровой по степени обязательности как просьба об одолжении и как просьба-требование. [Егорова 1995: 28]. Различают категоричные и некатегоричные директивы: приказы, инструкции, запреты – с одной стороны, и просьбы, пожелания, советы и рекомендации, – с другой стороны. "Категоричные директивы выражают волю говорящего, при этом мнение адресата не принимается во внимание. Фактически эти речевые действия не предполагают ответной реакции со стороны адресата. ... Некатегоричные директивы являются более сложным образованием по сравнению с категоричными, поскольку говорящий в силу разных причин пытается снизить степень оказания прямого воздействия на адресата. При категоричных директивах позиция адресата не принимается во внимание, при некатегоричных – учитывается" [см.: Карасик 2004: 59–60, 63]. Характерным для языковых действий директивов в широком смысле слова является, прежде всего, то, что они в значительной степени связаны с конкретной ситуацией, вплетены в конкретные кооперативные процессы общественной практики. Структура побудительных актов выглядит следующим образом. Актант А находится в ситуации, в которой он располагает планом определенного действия, но не способностью его осуществить. Интерактант В в состоянии это действие выполнить, т.е. он обладает спектром возможностей его осуществления. Говорящий и слушающий находятся в отношениях кооперации. Квалификация этих отношений зависит от социальных ролей и того пространственно-временного континуума, в которые эти отношения вплетены. Так, при просьбе говорящий практически никогда не стоит выше по своему социальному положению, чем слушающий. При приказе, наоборот, отчетливо прослеживается начальственное положение или руководящая роль говорящего по сравнению с ролью подчиненного, в которой выступает слушающий. Высказывание актанта А воспринимается как передача плана действий актанту В и тем самым как призыв взять исполнение этого действия на себя. Побуждение к актанту В содержит, таким образом, информативный элемент, посредством которого сообщается план действий. Этот элемент соответствует пропозициональному содержанию побуждения. В зависимости от того, сколько общих знаний содержится у коммуникантов в ситуации совместных действий, находится информативный объем побудительного дискурса. В случае наличия большого сектора общих знаний актанту А нужно только назвать конкретный предмет или указать на него и назвать действие, которое необходимо совершить с этим предметом. Например: (95) "Сходить к Феде: он там один, – произнесла, подымаясь Катерина Львовна. – Один? Спросил ее, глянув исподлобья, Сергей. – Один, – отвечала она ему шепотом, а что? И из глаз в глаза у них замелькала словно сеть молниеносная; но никто не сказал более друг другу ни слова Постояла она среди комнаты и вышла, потирая стынувшие руки. – **Ну!** – шепнула она, тихо взойдя в свою спальню и снова заставая Сергея в прежнем положении у печки. – **Что?** – спросил едва слышно Сергей и поперхнулся. – Он один. Сергей надвинул брови и стал тяжело дышать. – **Пойдем,** порывисто обернувшись к двери, сказала Катерина Львовна. Сергей быстро снял сапоги и спросил: **Что ж взять?** – **Ничего,** – одним придыханием ответила Катерина Львовна и тихо повела его за собою за руку" (Лесков 1: 29). В данном примере коммуникантами ни разу не было сказано о том, чтобы убить Федю Лямина, но предварительные жалобы Сергея на то, что племянник отнимает у них большую половину состояния, сделали свое дело. Катерина Львовна произносит лишь одно побудительное высказывание "пойдем", и этого достаточно для исполнения действия. Если же речь идет об инициации действия, план которого существует лишь в голове говорящего, адресант должен эксплицировать этот план. У слушающего побудительное высказывание вызывает процесс размышления (в том случае, конечно, если оба партнера равны по социальному статусу). Вследствие этого передача плана действий должна быть мотивирована. Данный факт обуславливает, как правило, необходимость обоснования побуждения. Например: (96) "Не знаю, как и начать, – замялся Кузьма. – **Говори, говори.** – Да дело такое: **деньги я пришел у тебя просить.** – Сколько тебе надо? – зевнул Евгений Николаевич. – Мне много надо. Сколько дашь. – Ну, сколько – десять, двадцать, тридцать? – Нет, покачал головой Кузьма. – **Мне надо много. Я тебе скажу зачем, чтобы понятно было. Недостача у моей Марии большая получилась – может, ты знаешь?** – Ничего не

знаю. – *Вчера ревизию кончили – и вот поднесли, значит*" (Распутин: 19). Выполнение слушающим плана действий говорящего может соответствовать или не соответствовать изначальной цели высказывания и, вследствие этого, вызывать признание или непризнание осуществленного акта.

В конкретных случаях наблюдается строгая зависимость побудительного высказывания от прототипической ситуации. Дело в том, что компетенция автора побудительного высказывания (авторитет, власть) эксплицитно не выражается во избежание конфронтации со слушающим. Она обуславливается институциональными рамками, в которых протекает интеракция. Это означает, что побуждения оцениваются актантами в зависимости от ситуации, и поэтому не всегда могут быть прочитаны аналитиками только из языкового материала. Например, в юридической практике заседание суда начинается со слов: "Прошу всех встать, суд идет". Занятия в школе по иностранному языку начинаются с предложения "Steht auf!"; "Встаньте", что означает приветствие учителя. Незнание или несоблюдение правил социального взаимодействия может привести к коммуникативной неудаче.

Просьбы представлены на поверхностном уровне в основном императивом (пример 95), вопросом-побуждением (пример 97) и вопросом-разрешением. (97) "Nun aber sollte Tee gekocht werden, und Lindley rief: "Allan, wollen Sie das Feuer anzumachen?" (Kellermann: 13); "Надо было вскипятить воду для чая, и Линдлей крикнул: "Аллан, не разведете ли огонь?" (Келлерман: 9). При этом использование императива доминирует в русском языке по сравнению с немецким и английским языками. Частотность употребления вопроса-разрешения по сравнению с названными европейскими языками значительно ниже. В немецком языке активно используются в данном случае модальные глаголы в конъюнктивной форме, в русском языке модальные глаголы в сослагательном наклонении.

Требование характеризуется наличием у говорящего пресуппозиции "законности" выдвигаемой им цели. Использование языковых средств при выражении требования в русском языке обусловлено фактором эффективности воздействия. Требование, как правило, выражается эксплицитно и нередко сопровождается упреком. Носитель немецкого языка явно отдает предпочтение косвенным или имплицитным способам выражения. Высказывания просьбы, или реквестивы и высказывания требования в аргументативном дискурсе могут выражаться также перформативными глаголами (пример 96), сопровождаться высказываниями сентенциального характера (пример 98). (98) "Höchstens bat er den Kameraden: "Nicht auf den Rücken, das ist ungesund" (Mann: 9); "Он только просил товарища: – По спине не бей. Это нездорово" (Манн: 199). В данном случае Дидерих убеждает товарища не бить его по спине с помощью сентенциального высказывания о том, что это нездорово. Приведем еще один пример: (99) "Sie sind wohl scharf ins Zeug gegangen? Wissen Sie was? Ich bin nur noch ein Semester in Berlin: dann können Sie mich beerben. Aber so lange warten Sie gefälltst" – Auf seinem ungeheuren Rumpf ward sein kleiner Kopf plötzlich tückisch anzusehen. – "Freundchen!" (Mann: 23); "Вы, видно, ринулись в атаку? Ну, так слушайте! Я пробуду в Берлине еще только один семестр; когда уеду, пожалуйста, принимайте наследство. А до тех пор будьте любезны подождать... – На его маленьком по сравнению с громадным торсом лице появилась ехидная гримаса: – Дружок!" (Манн: 210). В приведенном отрывке Мальман требует от Дидериха оставить Агнес в покое, не ухаживать за ней. Директив в данном случае в немецком языке выражен повелительной формой глагола в подчеркнуто вежливой форме, в русском варианте неопределенной формой глагола.

Итак, прагма-диалектический подход позволил рассмотреть аргументацию с позиции функционирующих в них иллокутивных типов высказываний. Доминирующей формой в аргументативном дискурсе является убеждение, включающее в себя такие логические действия, как объяснение, доказательство, подкрепление гипотезы, выведение следствия, внушение. В качестве структурных материалов для текстов убеждающего характера выступают такие иллокутивные акты, как утверждение, совет, предложение, просьба, приказ, требование, угроза. При этом наибольший процент составляющих аргументативного дискурса представляют репрезентативы (см. прил. 2). Директивные речевые акты *предложение* и *совет* относятся к стадии действий – планирование. При этом предложение выступает в качестве посылки, а аргументативная часть дискурса в качестве тезиса. Аргументативные тексты данного вида имеют, как правило, перевернутую структуру. Вначале высказывается предложение, а затем дается обоснование. На поверхностном уровне предложение манифестируется, как правило, побудительными предложениями, односоставными именными предложениями, предложениями с конъюнктивными формами глагола. Пропозициональная структура *совета* отличается от интеракции *предложение* размещением механизма оценки в структуре побудительного диалога, а также фокусом альтернативных действий. Активным способом репрезентации совета являются предложения с глаголами в сослагательном наклонении в русском языке и конъюнктиве в немецком языке. *Предупреждение* и *угроза* относятся к регулятивным речевым актам. Специфическая функция предупреждения заключается в информировании адресанта о последствиях совершаемых им действий или действий, которые он предполагает осуществить. На поверхностном уровне предупреждение манифестируется зачастую придаточными условными предложениями, предложениями, содержащими модальные глаголы, модальные слова, перформативный глагол *предупреждать*. Высказывания угрозы не обязательно характеризуются наличием конкретного пропозиционального содержания. Они также активно представлены придаточными условными предложениями, предложениями с глаголами в будущем времени. *Побуждения* относятся непосредственно к директивным высказываниям: просьбам, приказам, требованиям, прошениям. Их цель – инициировать действия другого актанта. Активным способом их манифестации являются предложения с глаголами в повелительном наклонении, модальные, перформативные глаголы. Языковые средства реализации иллокутивных актов аргументативного дискурса представлены в прил. 6. Разумеется, перечисленные речевые акты являются далеко не полным перечнем составляющих иллокуций аргументативного дискурса. Выше было оговорено, что в бытовом общении выделенные типы дискурсов не всегда встречаются в чистом виде. Так, при убеждении адресанты зачастую используют оценочные элементы, которые наиболее характерны для экспрессивного дискурса. Они будут рассмотрены в разделе 3.4. Кроме того, следует отметить, что в беседе могут переплетаться дискурсивные типы, т.е. аргументация может сопровождаться экспрессией, получением информации, соблюдением правил социально-ритуального общения.

3.3. ИНФОРМАЦИОННЫЙ ДИСКУРС

Направленность коммуникативных действий в разговоре позволяет выделить наряду с аргументативным нарративный или повествовательный, информационный тип дискурса. Романов А.А. относит его к познавательному виду коммуникации [Романов 1996: 16]. Информационным в настоящем исследовании именуется дискурс, целью которого является передача

какой-либо информации или содержания. "Под **информацией** в самом общем смысле можно понимать **сообщение**" [Сусов 2007: 32]. Семенов О.И. констатирует, что информация – одно из центральных понятий современной философии и науки, широко вошедшее в научный обиход с 50-х годов XX века. Этимологически "информация" (лат. *informatio*) – разъяснение, изложение, осведомленность) одно из наиболее общих понятий науки, обозначающее некоторые сведения, совокупность каких-либо данных, знаний и т.п." [Семенов 1998: 274]. "Содержательный (смысл) и аксиологический (ценность) аспекты информации исследуются в рамках семантической и прагматической теорий" [ФЭС 1999: 186]. В научный оборот термин "информация" ввел Р.В.Л. Хартли в 1958 году для обозначения передаваемого сигнала, и затем он стал активно проникать из математической теории связи в другие отрасли науки. Термин постепенно стал межотраслевым, хотя в различных дисциплинах с ним связывались различные понятия. Абстрактное понятие "информация" локализуется в области философии. Из классиков философии XX века на термин "информация" обратил внимание Мартин Хайдеггер. Он попытался рассмотреть его значение и соотнести с систематикой традиционных категорий. Эссе М. Хайдеггера в эту область было предпринято в курсе лекций и докладе под общим названием "Положение об основании", прочитанных в 1955 и 1956 годах. Значение слова "информация" может быть раскрыто путем анализа его семантического поля. Одним из второстепенных значений данной лексической единицы является "5) процесс, при котором познающий ум запечатлевает форму предмета познания и вызывает состояние знания (этого предмета)". И в качестве редкого значения глагола "inform" указывается "4) образовывать (ум, характер и т.п.)" [Большой англо-русский словарь 1999: 500]. В названных двух значениях прослеживается связь слова "информация" со словом "форма", присутствующем в семантическом поле термина. Таким образом, в информации усматриваются всеобщие формообразующие свойства. Следственно, под информацией мы будем понимать новые данные, принятые, понятые и оцененные реципиентом, трансформирующиеся в сведения, а затем и в знания. Распространенными примерами информационного дискурса в обыденной жизни являются лекции, выступления для аудитории, передача новостей по телевидению или радио. Массово-информационный дискурс по своей сути – это подготовленное, отредактированное, подлежащее цензуре и режиссуре общение, рассчитанное на зрелищный эффект. Типы и виды его составляющих различны. Виртуальная среда может быть типизирована по локально-пространственным признакам, которые могут представлять реальные места и реальные лица, реально существующие учреждения. Второй тип виртуального общения – собственно коммуникативный в режиме реального времени, общение с невидимыми или видимыми собеседниками. Третий тип виртуального общения – общение с миром посредством электронных средств масс-медиа. Любой обмен информацией как коммуникативный процесс представляет собой систему, включающую в себя три известных компонента: источник информации (отправитель, адресант), сообщение, фиксирующее информацию, получателя (потребителя, адресата) информации [см.: Артемьева 2000: 8]. В принципе, коммуникативное взаимодействие подразумевает двусторонний поток информации, когда одна сторона и получает информацию, и отвечает, реагирует на нее незамедлительно или по прошествии какого-то отрезка времени. Общее количество информации, содержащейся в тексте, – это информационная насыщенность. Однако ценностью обладает, прежде всего, новая информация, полезная, т.е. прагматическая, именно она является показателем информативности текста. "Информационная насыщенность текста" – абсолютный показатель качества текста, а информативность – относительный, поскольку степень информативности сообщения зависит от потенциального читателя. "Информативность текста – это степень его смысло-содержательной новизны для читателя, которая заключена в теме и авторской концепции, система авторских оценок предмета мысли" [Валгина 2000]. Мерой и условиями информативности сообщения являются его новизна, актуальность, опора на собственный опыт, адекватность восприятия текста на уровне слова, предложения, сложного синтаксического целого (сверхфразового единства) и всего контекста. Мера информативных качеств текста может снижаться или возрастать. Так, информативность (с точки зрения прагматики текста) снижается, если информация повторяется, и, наоборот, она повышается, если текст несет максимально новую информацию. Понятия информационной насыщенности, информационного минимума, информационной нормы очень важны для создания специальных дискурсов: диссертаций, рефератов, учебной литературы и т.п.

В процессе общения и познания проявляется одна из сторон обратной связи – это привлечение внимания, вызов интереса, формирование взглядов, абстрактное мышление. Ответный речевой ход представляет собой деятельность респондента, реагирующего на запрос информации. Интенции и установки респондента, межличностные отношения и обстоятельства коммуникации, общая коммуникативная стратегия являются предпосылками возможности выбора респондентом из ряда альтернативных ходов. Ответное высказывание, продуцируемое адресатом, может явиться или не явиться ответом на поставленный вопрос. Для подобного разграничения используется коммуникативно-прагматический критерий, опирающийся на реализованность/нереализованность исходной постакторечевой интенции инициатора общения. Реагирующие реплики, частично или полностью заполняющие информационную лакуну вопроса, и удовлетворяющие, частично или полностью, ожиданию инициатора общения, являются ответом на вопрос. Например: (100) "*Auskunft: Platz 87. Auslandsauskunft, guten Tag. Welches Land, bitte? – Anrufer: Guten Tag. Österreich. – Auskunft: Welcher Ort, bitte? – Anrufer: Wien. – Auskunft: Wie heisst der Teilnehmer? – Anrufer: Die Firma Flora-Print*" (Conlin: 173). – "*Справочное: Место 87. Международная справка, добрый день. Какая страна, пожалуйста? – Абонент: Австрия. – Справочное: Какое место, пожалуйста? – Абонент: Вена. – Справочное: Как зовут абонента? – Абонент: Фирма Флора-принт*". Отказом от ответа принято считать реагирующее высказывание, не заполняющее информационную лакуну вопроса, не реализующее постакторечевую интенцию инициатора общения и обладающее низкой кооперативностью. Например: (101) "*(Аннинька) Так вы меня поруководите, дядя? – (Иудушка) То-то вот и есть. Как нужно, так "вы меня поруководите, дядя!", а не нужно – так и скучно у дяди, и поскорее бы от него уехать!*" (Салтыков-Щедрин: 172). В данном примере Иудушка уклоняется от ответа Анниньке, прикрываясь рассуждениями общего характера. Помимо коммуникативно-прагматического критерия для разграничения ответов и отказов от ответов используется функционально-семантический критерий, выражающийся в учете соответствия/несоответствия сообщаемой респондентом информации характеру запроса. Способ представления информации является основанием для выделения прямых и косвенных ответных речевых актов. Например: (102) "*Frau Lindt: Nur eine Frage: Im Hotelverzeichnis steht, dass Einzelzimmer mit Bad zwischen 168 und 225 Mark kosten. Was ist da der Unterschied? – Rezeption: Die Zimmer zum Preis von 225 Mark sind im Neubau, sie sind etwas grösser, mit einem grossen Schreibtisch und Minibar. Die zu 168 Mark sind etwas kleiner, aber auch mit Minibar*" (Conlin: 177); "*Госпожа Линдт: Только один вопрос: В списке отеля написано, что одноместные номера с ванной стоят от 168 до 225 марок. В чем разница? – Служащий отеля: Комнаты по цене 225 марок находятся в новом здании, они побольше, с большим письменным столом и минибаром. Комнаты по 168 марок немного меньше, но тоже с ми-*

нибаром"; (103) "(Иудушка) Ты долго ли намерена у меня погостить? – (Аннинька) Да больше недели мне нельзя. В Москве еще побывать надо" (Салтыков-Щедрин: 172). В примере 102 служащий отеля дает прямой ответ на поставленный вопрос. В примере 103 Аннинька дает косвенный ответ на вопрос Иудушки о том, на сколько дней она может остаться. Иудушка сам должен сделать вывод о том, как долго Аннинька будет у него гостить.

В зависимости от характера информативности ответы делятся, в свою очередь, на полные, т.е. полностью закрывающие информационную лауну вопроса, и неполные, содержащие неполную информацию относительно интересующего инициатора компонента запроса [см.: Белецкая 1996: 11]. Например: (104) "Софья Павловна! Были у вас дети? – Нет..." (Горький: 95); (105) "Herr Lang: Es ist sehr schade, dass Herr Baumann uns verlässt. Finden wir für ihn schnell geeigneten Ersatz? – Herr Spät: Das ist gar nicht so leicht. Sie wissen ja: der ideale Mitarbeiter ist flexibel, jung, einsatzfreudig, belastbar, dynamisch und ideenreich. Er spricht mehrere Fremdsprachen und hat EDV-Kenntnisse. Er hat Auslandserfahrung und viele Jahre Berufspraxis. Und ausserdem arbeitet er täglich zwölf Stunden ohne Murren und ist nie krank" (Kelz: 99); "Господин Ланг: Очень жаль, что господин Бауман нас покидает. Найдём ли мы для него быстро подходящую замену? – Господин Шпэт: Это не так легко. Вы ведь знаете: идеальный сотрудник подвижен, молод, всегда рад работе, его можно нагрузить, он динамичен и богат идеями. Он говорит на нескольких языках и умеет работать с компьютером. Он имеет опыт работы за рубежом и много лет практики. И, кроме того, он работает ежедневно по двенадцать часов без возражений и никогда не болеет". В примере 104 ответ полный, в примере 105 господин Шпэт не может дать полный утвердительный ответ на вопрос своего начальника, сможет ли он найти замену уволившемуся сотруднику и обосновывает этот факт рядом причин. Возможны случаи, когда реагирующая реплика не только закрывает информационную лауну, но и содержит дополнительную информацию. В этом случае ответный ход представлен полными дополняющими ответами. Например: (106) "А рыба соленая у вас есть? – Как, сударь, рыбы не быть! Осетрина есть, северяжина... Найдется рыбы – довольно!" (Салтыков-Щедрин: 58). Косвенные ответы имплицитно содержат прямую информацию, удовлетворяющую ожиданиям инициатора, и также могут быть разделены на полные и неполные в зависимости от критерия информативности. Например: (107) "Herr Dormann: Ich komme aus Frankfurt. Und Sie? – Herr Stock: Ich arbeite bei Siemens. – Herr Dormann: Ach so, Sie sind also aus München. – Herr Stock: Nein, ich komme aus Erlangen" (Kelz: 9); "Господин Дорман: Я из Франкфурта. А Вы? – Господин Шток: Я работаю в фирме Сименс. – Господин Дорман: Ах так, Вы, значит, из Мюнхена. – Господин Шток: Нет, я из Эрлангена". В данном примере косвенная информация, полученная господином Дорманом, является недостаточно информативной, чтобы сразу идентифицировать место работы господина Штока. Отказы от ответов также могут быть представлены прямыми отказами от ответов и косвенными отказами от ответов, имплицитно содержащими в себе констатацию нежелания и невозможности ответить на вопрос. Например: (108) "F.: Guten Tag! Hier spricht Max Fechtner von der Weinheimer Rundschau. Ist Frau Krause zu sprechen? – S.: Sie ist leider in einer Besprechung. Worum geht es denn?" (Höffgen: 236); "Ф.: Добрый день! Говорит Макс Фехтнер из газеты "Вайнхаймер рундшау". Могу я поговорить с госпожой Краузе? – С. Она, к сожалению, на совещании. О чем идет речь?". В приведенном примере в ответе секретаря прослеживается косвенный отказ, поскольку он не может соединить господина Фехтнера с госпожой Краузе. Для адекватной интерпретации уклонения ответа на вопрос необходим комплексный учет целого ряда взаимосвязанных факторов, в том числе эпистемическое состояние отвечающего, коммуникативные интенции и корректность речевого поведения, комбинирование речевых ходов и многие другие.

Анализ практического материала позволил выявить ярко выраженную интеррогативность информационного дискурса. По сути дела, любое информационное сообщение – и соответственно дискурсная фиксация его хода – представляет собой смену вопросно-ответных ситуаций. Например: (109) "Sind Sie es Smith?" Die Gestalt kam näher und er erkannte Robinson. "Ich habe Smith abgelöst, Allan", sagte Robinson, ein langer, magerer Amerikaner. "Habe ich lange geschlafen?" – "Nein, eine Stunde." – "Wo sind die anderen?" Robinson erklärte, dass die anderen die Strecke frei zu machen versuchten. ... "Ist Hobby unter ihnen?" – "Nein" (Kellermann: 269); "Это вы, Смит? Фигура приблизилась, и он узнал Робинсона. – Я сменил Смита, Алан, – сказал Робинсон, долговязый худой американец. – Я долго спал? – Нет, всего час. – Где остальные? Робинсон сообщил, что все отправились расчищать путь. ... Нет ли среди них Хобби? – Нет" (Келлерман: 197). Таким образом, основными составляющими речевыми действиями информационного дискурса являются репрезентативы и интеррогативы (см. прил. 3). Перейдем к их рассмотрению в следующих разделах.

3.3.1. "УТВЕРЖДЕНИЕ" КАК РЕЧЕВАЯ ТАКТИКА ИНФОРМАЦИОННОГО ДИСКУРСА

Как показал анализ практического материала, классический информационный дискурс формируется репрезентативными высказываниями. Термин репрезентатив заимствован из классификации иллокутивных типов Д. Вундерлиха [Wunderlich 1976: 77]. Характеристика данных типов высказываний приведена выше в разделе 3.2.2, поскольку репрезентативы – наиболее распространенный тип высказываний, активно формирующий также дискурсы аргументативного содержания. Отметим лишь только, что в информационном дискурсе данный речевой акт, прежде всего, предполагает *ответственность* говорящего за сделанное сообщение, за его *истинность*. Дж. Серль отмечает: "Смысл, или цель, членов класса ассертивов (в нашей терминологии – репрезентативов) – в том, чтобы зафиксировать (в различной степени) ответственность говорящего за сообщение о некотором положении дел, за истинность выражаемого суждения [Серль 1996: 240]. Таким образом, подготовительным условием речевого акта "утверждение" является условие искренности, которое предполагает убежденность говорящего в истинности своего суждения, а иллокутивная функция "утверждения" – проинформировать слушающего и убедить его в истинности суждения. Например: (110) "Zuerst möchte ich Ihnen kurz etwas über die Firma erzählen. Der Otto-Versand ist ein Versandhaus, das Waren per Katalog verkauft und den Kunden direkt ins Haus schickt. Die Kataloge bieten vor allen Dingen Bekleidung und Schuhe an. Die Firma existiert seit 1949. Im Herbst 1950 brachte unser Firmenbegründer, Werner Otto, den ersten Katalog heraus. Dieser erschien in einer Auflage von 300 Exemplaren, alle handgebunden, mit einem Angebot von 28 Paar Schuhe. Die Fotos waren von Hand eingeklebt" (Conlin: 168); "Сначала я хотела бы рассказать Вам кое-что о фирме. Фирма Отто – это почтовый дом, который продает товары по каталогу и посылает их клиентам прямо домой. Каталоги предлагают, прежде всего, одежду и обувь. Фирма существует с 1949 года. Осенью 1950 года наш основатель фирмы, Вернер Отто, выпустил первый каталог. Он появился тиражом в 300 экземпляров, все были переплетены вручную, предлагали 28 пар обуви. Фотографии были наклеены от руки".

Существенной в информационном дискурсе является проблема авторского намерения и читательского восприятия сообщения, т.е. кодирования и декодирования текста. Необходимо соответствие информации потребностям и интересам аудитории (адресата). Основным фактором в речевой деятельности является отображение действительности в сознании, как автора, так и читателя, слушателя. Информация может частично оказаться избыточной за счет "упаковочного материала" (термин Л.В. Щербы). Это различные вводные и вводящие фразы, речевые клише, некоторые повторы, например, итоговое повторение. Полное отсутствие избыточной информации всегда дает отрицательный результат, так как "неразбавленный концентрат" трудно усвоить. Понятие избыточной информации обычно применимо к текстам научно-техническим, официально-деловым, учебным. Прием свертывания художественной информации можно найти в кинорекламе, в книжном обозрении. В научном тексте (как техническом, так и гуманитарном) – это реферирование, написание аннотаций, тезисов. Информация официально-делового текста, например текста закона, свертыванию не подлежит [см.: Валгина 2000, 2003]. Явления избыточности и свернутости отдельных высказываний и дискурса в целом обусловлены асимметричностью языкового знака, сущность которого заключается в том, что количество единиц плана выражения и плана содержания, как правило, не совпадает. На уровне означающих количество единиц обычно меньше, чем на уровне означаемых. Сжатие двух-трех сообщений в одно простое предложение с сохранением объема информации создает условия для продуцирования имплицитных высказываний. Свернутые структуры могут привести к двусмысленности, неопределенности, нечеткости в выражении мысли, поэтому они встречаются в основном в художественных текстах. Наличие смысловых лакун не характерно для научных текстов. К средствам компрессии информации относятся: структуры неполного грамматического состава, эллипсисы, отсутствие повторной номинации, предложения с вторичными предикатами и др. Разумеется, большую роль в повышении информативности дискурса играют экстралингвистические, фоновые знания, контекст.

Речевые акты данной группы могут выступать самостоятельно, не инициировать ответное действие со стороны слушающего. В то же время они могут выступать как ответная реакция на сказанное или как ответ на заданный вопрос. Например: (111) *"Bei Tisch berichtete er: 'Heute hat Herr Behnke wieder drei durchgehauen.' Und wenn gefragt ward, wen? 'Einer war ich' (Mann: 8); 'Дома за столом он сообщил: – Сегодня господин Бенке опять выпорол троих. И на вопрос, кого же, отвечал: – В том числе и меня...' (Манн: 198).* Репрезентативным речевым актам в таком случае зачастую предшествуют общевпросительные высказывания. Переходя к анализу интеррогативных высказываний в следующем разделе, отметим, что наряду с основной функцией – запрос информации – они активно используются в других целях, и, соответственно, выступают как в информационных, так и в аргументативных и других типах дискурсов. Анализу полифункциональности общевпросительных высказываний и будет посвящен следующий раздел.

3.3.2. "ВОПРОС" КАК РЕЧЕВАЯ ТАКТИКА ИНФОРМАЦИОННОГО ДИСКУРСА

Одним из активных средств организации диалогического единства являются вопросительные предложения. Для успешного ведения переговоров недостаточно знать риторику, иметь силу убеждения. Умение аргументировать включает также владение техникой постановки вопросов. Преимущества использования техники вопросов заключаются в следующем: техника вопросов дает партнеру ощущение того, что вы его внимательно слушаете, позволяет изменить направление разговора, помогает объяснить мотивы поступков, дает возможность быстрее узнать контраргументы противника, способствует дипломатической корректировке партнера по собеседованию, создает необходимый базис доверия у партнера, помогает легче оценить собеседника, устраняет агрессию, упрощает парирование несправедливых нападок, дает время сформулировать последующие мысли, активизировать собеседника, не выпуская из рук инициативу беседы. О важности владения техникой вопроса свидетельствует китайская пословица: "Кто спрашивает – глуп пять минут, кто не спрашивает – глуп всю жизнь".

Вопросительное предложение, как и любое другое высказывание, являясь структурной единицей языка, способно представлять различные речевые акты. Стандартная реализация вопросительных предложений осуществляется в интеррогативных высказываниях. В классификации Д. Вундерлиха им соответствует эротетический тип [см.: Wunderlich 1976], Дж. Лич называет их рогативами [см.: Leech 1983]. В системе Г.Г. Почепцова это квеситив [см.: Почепцов 1981а: 217 – 278]. Под тем или иным названием вопросы и запросы можно встретить и в других классификациях, приводить их все здесь не имеет смысла. Важно лишь отметить, что в традиционной классификации предложений вопрос является одним из членов парадигмы предложений по цели высказывания.

Цель интеррогативных высказываний – заполнить информационную лакуну в пресуппозиционных знаниях говорящего. Например: (112) *"Greiner sagte: 'Du, Marnet, heut früh ist was passiert.'" – "Wo? Was?" sagte Franz" (Seghers: 14); "Греинер сказал: 'Слушай-ка, Марнет. А ведь нынче утром что-то стряслось...' – "Где? Что?" – спросил Франц" (Зегерс: 28); (113) *"(Ernst): '...in meiner Familie ist das Schäferhandwerk erblich seit den Tagen von Wiligis'. – "Von was für 'nem Willi?" fragte Sophie" (Seghers: 40); "В моей семье ремесло пастуха передается из рода в род еще со времен Вилигиса". – "Какого Вилли?" – спросила Софи" (Зегерс: 54).**

Условиями успешности для вопросительных ситуаций В.И. Иванова вслед за Дж. Серлем называет следующие: "1) говорящему неизвестен ответ на вопрос; 2) говорящий хочет знать ответ на вопрос; 3) говорящий хочет, чтобы слушающий сообщил ему ответ; 4) говорящий намеревается с помощью вопроса сделать так, чтобы он знал ответ на вопрос, т.е. говорящий преследует цель побудить слушающего к тому, чтобы он сообщил ему ответ на вопрос. Если при употреблении вопросительного предложения условия успешности для вопросительной ситуации не выполнены полностью, то возникает интеррогативная интерпретация предложения" [Иванова 1997: 18–19]. Главной сферой функционирования интеррогативных высказываний являются информационные дискурсы, причем в этих дискурсах заинтересованность в получении информации проявляет адресат. Например: (114) *"Он (Живаго) стал выздоравливать...Жена кормила его белым хлебом с маслом, поила чаем с сахаром, давала ему кофе. Он забыл, что этого не может теперь быть, и радовался вкусной пище, как поэзии в сказке, законным и полагающимся при выздоровлении. Но в первый же раз, что он стал соображать, он спросил жену: – Откуда это у тебя? – Да все твой Граня. – Какой Граня? – Граня Живаго. – Граня Живаго? – Ну да, твой омский брат Евграф. Сводный брат твой. Ты без сознания лежал, он нас все навещал. – В оленьей дохе? – Да, да. Ты сквозь беспмятство, значит, замечал? Он в каком-то доме на лестнице с тобой столкнулся, я знаю, он рассказывал. Он знал, что это ты, и хотел представиться, но ты на него такого страха напустил! Он тебя обожает, тобой зачитывается. Он из-под земли*

такие вещи достает! Рис, изюм, сахар. Он уехал опять к себе. И нас зовут. Он такой чудной, загадочный. По-моему, у него какой-то роман с властями. Он говорит, что на год, на два надо куда-нибудь уехать из больших городов, "на земле посидеть". Я с ним советовалась насчет Крюгеровских мест. Он очень рекомендует. Чтобы можно было огород развести, и чтобы лес был под рукой. А то нельзя же погибать так покорно, по-бараны" (Пастернак: 162).

Возможности использования вопросительных предложений в их основной функции, интеррогативной, описаны достаточно широко [см.: Девкин 1965, Gulyga 1966, Schendels 1979, Helbig 1974, Михайлов 1994 и др.]. Однако, как отмечает О.Д. Белецкая, "для общевопросительных высказываний соответствие структурных параметров параметрам содержательным не является обязательным условием в силу того, что адресант может использовать общевопросительное высказывание для осуществления различных целей. В случае соответствия иллокутивной силы высказывания его структурно-семантическим параметрам происходит совпадение исходной и конечной акторечевой интенции адресанта, что является характеристикой прямого речевого акта и моноакторечевого высказывания" [Белецкая 1999б: 9].

Интересным представляется рассмотрение явления транспозиции, т.е. употребления вопросительного предложения не в соответствии с его основным значением. При условии несоответствия структурно-семантических параметров высказывания реальной иллокутивной силе возникает несовпадение исходной и конечной акторечевых интенций адресанта. Подобные высказывания являются полиакторчевыми и чаще всего выражены косвенными речевыми актами. Из всех случаев нестандартных употреблений вопросительных высказываний в первую очередь следует назвать использование их в директивной функции. Дело в том, что побуждение к действию, в данном случае к речевому акту, "заложено уже в самой природе вопроса как логической категории" [Милосердова 1991: 154], т.е. говорящий побуждает слушающего совершить вербальный акт, сообщить что-то, восполнить его информационную лауну. Сравните: "...мы можем побуждать слушателя сообщить нам то, чего мы не знаем, ответить на наш вопрос, – речь вопросительная, и можем побуждать его сделать то именно, что мы ему приказываем или о чем просим, – речь повелительная" [Пешковский 1956: 348]. "Побудительность в некотором роде заложена в любом истинном вопросе, хотя бы потому, что он побуждает к ответу" [Девкин 1965: 135] (см. также пункт 4 условий успешности коммуникативных ситуаций В.И. Ивановой [Иванова 1997: 18]). Из приведенных высказываний следует, что вопросительное предложение в речевой реализации характеризуется, как правило, интеррогативной и директивной направленностью. При использовании же вопросительного высказывания в чисто директивной функции говорящий не ожидает от слушающего совершения вербального акта, получения ответа, а ждет от него выполнения определенных действий. При этом не реализуется ни одно из условий успешности для вопросительных ситуаций, описанных выше. Например: (115) "*Vielleicht hast du für mich ein paar Mark übrig?*" sagte Georg. "*Ich muss gleich von hier fort, lass die Liesel nichts merken*" (Seghers: 240); "*He найдется ли у тебя несколько марок взаймы?*" – сказал Георг. – "*Я должен сию же минуту уйти отсюда*" (Зегерс: 198); (116) "*Хочешь, продам?*" – сказала Валя о парике. – "*Мне он надоел*" (Щербакова: 10); (117) "*Замолчишь ты или нет?...*" – вспылил вдруг "*красный витязь*", сделав движение, будто хочет выпрыгнуть" (А. Фадеев) (пример В.И. Ивановой); (118) "*Macht mir einer die Tür zu unserem Zimmer auf?*" (H. Fallada) (пример В.Д. Девкина); "*Откроет мне кто-нибудь дверь в нашу комнату?*". На использование вопросительных предложений в директивной функции указывает Е.В. Милосердова. В зависимости от степени удаленности реализуемого в вопросительных предложениях смысла от их буквального значения автор выделяет три группы вопросительных высказываний: 1) косвенные вопросы типа (119) "*Würden Sie es jetzt unterschreiben?*"; "*Не могли бы Вы это подписать сейчас?*"; (120) "*Würden Sie uns wohl einen Handwagen pumpen?*" (K. Mann: 180); "*Не могли бы Вы нам одолжить ручную тележку?*"; 2) "бифункциональные вопросы" типа "*Rauchen Sie?*"; "*Вы курите?*", интерпретируемые как приглашение к действию (примеры на немецком языке Е.В. Милосердовой); 3) имплицитные вопросы, когда требуется определенная расшифровка истинного прагматического смысла высказывания. В качестве примера приводится высказывание из романа Э. Штриттматтера "Тинко": (121) "*Legen eure Hühner nicht?*"; "*Разве ваши куры не несутся?*", с помощью которого говорящий, в данном случае почтальон, побуждает адресата к действию, дать ему яиц [см.: Милосердова 1991: 154 – 176]. В данном случае не совсем удачным представляется номинация третьего типа вопросов как имплицитных. Имплицитным здесь является просьба, требование, которые как раз и эксплицируются с помощью вопроса.

Помимо интеррогативных и директивных вопросительные предложения-высказывания используются в других речевых ситуациях и выражают различные иллокутивные значения, которые могут накладываться на основное значение, и тогда мы говорим о синкретичности коммуникативных интенций говорящего. Так, синкретичными являются, как правило, высказывания, имеющие ярко выраженную репрезентативную, или в иных классификациях декларативную, констативную иллокутивную силу. Помимо утверждения, или отрицания какого-либо факта, они несут эмоциональную нагрузку и выражают различные чувства говорящего. Такие высказывания фигурируют в традиционном синтаксисе как риторические вопросы, дефинируемые как эмоциональные высказывания, транспонируемые от вопросительных предложений [см.: Михайлов 1994: 47]. Нельзя отрицать, что данные высказывания экспрессивно окрашены и встречаются либо в разговорной, либо в поэтической речи. Например, ситуация в ЗАГСе из кинофильма В. Меньшова "Ширли-мырли". Вопрос Иннокентию Шнипперсону: (122) "*Согласны ли Вы взять в жены гражданку А.? – Ну, а зачем же я сюда пришел?*" – Гражданка А.! *Согласны ли Вы взять в мужья гражданина Шнипперсона? – Ну, а зачем же я сюда пришла?*" Иннокентий Шнипперсон, отвечая на вопрос работника ЗАГСа, использует вместо ритуального ответа "да" вопросительное стилистически окрашенное высказывание с репрезентативной функцией, которое за ним повторяет, не зная ритуальных фраз, невеста, американка по происхождению. Использование репрезентативных высказываний в форме вопросительного предложения не в бытовой, а в официальной обстановке, и создает комический эффект.

Одной из особенностей таких высказываний является своеобразное выражение категории аффирмативности-негативности. Вопрос-утверждение характеризуется, как правило, наличием отрицания, вопрос-отрицание не содержит эксплицированных отрицательных операторов, манифестируемых различными лексическими средствами. Об этой особенности в отношении немецкого языка [см.: Helbig 1974: 544]. Аналогичное явление можно наблюдать и в русском языке. Сравните: ситуация из кинофильма Л. Гайдая "Кавказская пленница". Работник ЗАГСа пытается убедить главного героя Шурика выпить за очередной тост. Шурик говорит: (123) "*Я не пью*". На что работник ЗАГСа отвечает: "*А я пью?*" (Л. Гайдай). Предполагается, что слушающий транспонирует вопрос-утверждение в репрезентативное отрицательное высказывание и делает вывод о том, что его собеседник тоже не пьет, но выпить надо. Сравните также: (124) "*Живет Олег сейчас в Москве, в крохотной квартирке с двумя детьми, восемь месяцев в году – в дальних командировках. Шлет к праздникам открытки, – "Скучаю по твоей кухне, по твоему чаю". Но разве приедет? Когда ему?*" (Щербакова: 12), т.е. не приедет, ему некогда.

Нередко также репрезентативные вопросы-утверждения и вопросы-отрицания говорящий адресует самому себе, что придает его речи более убедительный характер. Например: (125) "Ах ты, рожжа поганая, – подумал Артамошка, – это чтоб я – да Христа продал?" (Мосияш: 328); (126) "Разве можем мы перестать любить друг друга?" (Бело: 517). Вопросительное репрезентативное высказывание используется зачастую в диалоге как реактивная реплика и следует за интеррогативным высказыванием, если собеседник возмущен, удивлен, раздражен, недоволен вопросом. Например: (127) "Вы дачу продали?" – "С какой стати?" (Щербакова: 57); (128) "Ты его любила?" – "Пошла бы я за него иначе? Что мне, не за кого было что ли?" (Щербакова: 35); (129) "А что Катя, – спросил Олег, – какого-нибудь парня у нее раньше не было?" – "Откуда?! – со злостью ответила Катя. – У нас их сроду нет" (Щербакова: 156).

Разумеется, использование репрезентативного вопросительного предложения в качестве реактивной реплики на инициирующее интеррогативное высказывание далеко не исчерпывает анализа коммуникативного окружения нестандартных вопросов.

Для нестандартных вопросительных высказываний характерно также осуществление вердиктивной функции, выражающей порицание, неодобрение действий собеседника. Например: (130) "Олег протиснулся в купе. – "Ты, лентяйка, – сказал он. – Не могла заранее выйти в тамбур? Было бы гарантировано такси" (Щербакова: 27); (131) "Трепнешься?" – В дверях стоял Федя, неодобрительно глядя на Валу. – "Аська своя!" – махнула рукой Валя" (Щербакова: 10).

Использование вопросительных высказываний в качестве инициирующей реплики в речи говорящего акцентирует, заостряет внимание слушающего на каком-то факте, событии, ситуации. Например: (132) "Я ведь что у нее спросил? – горячился "тренировочный костюм". – Спросил, любит ли она коллектив, или предпочитает одиночество. А она грубит!" (Щербакова: 21); (133) "Ненормальные, они чем хороши? С ними не соскучишься" (Щербакова: 23).

По форме вопросительных предложений различают закрытые и открытые вопросы. При закрытом вопросе, манифестируемым предложением без вопросительного слова, партнер может ответить собеседнику "да" или "нет". Например: *Состоится ли сегодня лекция профессора Петрова?* Открытый вопрос, или вопросительное предложение с вопросительным словом требует более полного ответа. Например: *По каким причинам интересует вас эта статья?* Самый кратчайший ответ, если партнер вежлив, будет состоять из одного полного предложения. Поэтому в деловых переговорах рекомендуется задавать открытые вопросы. Отвечая на них, партнер-собеседник может, таким образом, дать наиболее детальную справку. Кроме того, говорящий выигрывает, таким образом, время для обдумывания, размышления. Следует заметить, что предложения, содержащие вопросительные слова *почему, по каким причинам* действуют любезнее, предупредительнее. Одновременно собеседнику дается возможность назвать большее количество возможностей и причин.

Богатый выбор вопросительных предложений по их целевой направленности позволяет использовать их в различных ситуациях для успешного ведения деловых переговоров. С помощью **информационных** вопросов говорящий пытается получить некую информацию, расширить, углубить свои знания о коммуниканте, деле и т.п. Информационные вопросы характеризуются краткими и точными формулировками. Как правило, они не должны содержать более 5 – 7 слов. Их обычно не ставят в большом количестве. В противном случае собеседник почувствует себя допрашиваемым и загнанным в угол. Эти вопросы высвечивают фон беседы, кулисы, например: "Как Вы себя чувствуете?", "Какую ежедневную газету Вы читаете?" и т.п.

При постановке **альтернативных** вопросов рекомендуется не давать собеседнику в официальных переговорах выбор между положительной или отрицательной возможностью. Например, в гостинице за завтраком официант не спрашивает: "Хотите ли Вы яйцо?" (положительная возможность: "Одно яйцо", отрицательная возможность: "Нет, не хочу"), а: "Хотите ли Вы яйцо вкрутую или всмятку?" В качестве ответа на этот альтернативный вопрос имеются две положительные возможности: яйцо вкрутую или яйцо всмятку.

С помощью **наводящего** вопроса можно манипулировать собеседником и направлять беседу в определенное русло. Истинное мнение адресата в данном случае мало интересует адресанта. Известные слова-наполнители: *etwa, sicher, doch, auch nicht, вероятно, наверняка, конечно, все-таки, также не* – активно используются здесь в закрытой вопросительной форме. (134) "Sie sind doch auch der Meinung, Herr Kollege, dass wir einen bedeutenden Fortschritt durch dieses Gespräch erzielt haben?"; "Вы, вероятно, также того же мнения, господин коллега, что мы этим разговором достигли значительного успеха?";

В том случае, если говорящий не может прямо запросить ответ, используется **косвенный** вопрос, или **вопрос-ловушка**. Например, начальник отдела кадров при формулировке объявления о вакантном месте забыл указать одно из условий – наличие водительских прав. Для выяснения наличия у соискателя водительских прав он может спросить его между прочим: (135) "Вы нашли хорошее место для парковки?" или: (136) "На каком автомобиле Вы ездите?" (примеры Р. Руледера). С большой вероятностью адресант может сделать вывод из ответа, обладает ли вообще соискатель водительскими правами.

Риторический вопрос уместен особенно в докладах и в торжественной речи. Он в большинстве случаев предполагает, что слушающие знают факты или придерживаются того же мнения, что и говорящий: "Кто из Вас, дамы и господа, не слышал о Фольксвагене?"; "Кто может сегодня опровергнуть эти познания?" Такие вопросы вносят существенный вклад в оживление доклада.

Контрвопрос, или **вопрос-уточнение** выявляет информацию предыдущего характера или осуществляет частичную проверку первого высказывания. Например: "Wie meinen Sie?"; "Что Вы имеете в виду?". Собеседник вынужден уточнить свое высказывание. Только в редчайших случаях ему удается лишь точно повторить вопрос. Адресант имеет возможность тем временем скорректировать ответ.

Провокационный или мотивирующий вопрос побуждает собеседника выйти из себя, "раскрыться". Например: "Что Вы, как специалист, можете сказать о развиваемой мною концепции маркетинга?"

Шоковый вопрос, или вопрос-нападение, может выманить собеседника из ситуации умалчивания, заставить его сделать непреднамеренное высказывание. Однако, следует отметить, что данный вид вопроса нарушает положительный ход беседы, основную предпосылку успешных деловых переговоров. Например: "Вы не хотите или не можете дать мне ясный ответ?"; "Вы действительно убеждены в Вашем мнении?".

Контролирующий или констатирующий вопрос – это в большинстве случаев закрытый вопрос, с помощью которого проверяется заинтересованность слушающего или ищется подтверждение своему мнению. Контролирующий вопрос чаще всего наводящий вопрос. Например: "Вы согласны с моими доводами?"; "Разве Вы не подтверждаете что,..." и т.п.

Вопрос Сократа, или **вопрос по-Сократски** формируется обычно из трех – пяти закрытых вопросов, на которые адресат отвечает "да". Ход предыдущего разговора подсказывает именно те вопросы, на которые говорящий получит явно положительный ответ. Разумеется, они выстраиваются в логическую цепочку. В 80 – 90 % случаев на решающий последний вопрос, на который адресат в обычных условиях ответил бы "нет", он ответит утвердительно "да". Например: (137) а) "Вы хотите достичь большого оборота" – "Да"; б) "Вы заинтересованы в том, чтобы сэкономить расходы?" – "Да"; в) "Вы должны защитить своих сотрудников от несчастных случаев?" – "Да"; г) "Ваши сотрудники повреждали ноги?" – "Да"; д) "Можу я тогда предложить Вашим сотрудникам обувь с гарантией "недафит", ортопедическую обувь?" – "Да" (пример В. Руледера).

Итак, целью информационного дискурса является передача какой-либо информации или содержания. Анализ практического материала показал, что он характеризуется наличием в своем составе большого количества репрезентативных высказываний. Адресат с целью получения нужной ему информации использует интеррогативные высказывания, которые не имеют однозначного соответствия с вопросительными предложениями, т.е. последние не всегда имеют интеррогативное прочтение. Вопросительные предложения могут выполнять директивную, репрезентативную, вердиктивную функции. Такие транспонированные высказывания несут, как правило, в дискурсе определенную эмоциональную нагрузку, выражая удивление, раздраженность, неодобрение и другие чувства говорящего. Они не реализуют ни одно из условий успешности коммуникативного акта для вопросительных ситуаций. Разумеется, проведенное исследование исчерпывает далеко не все случаи функционирования вопросительных предложений в нестандартных употреблениях. Их полный анализ, равно как и изучение коммуникативной среды, в которой они реализуются, существенно дополнило бы новую отрасль языкознания, теорию построения и типологию дискурсов. Целенаправленное использование техники вопросов, соединенное со знанием основ риторики, помогает в определенной мере успешно провести переговоры, повернуть разговор в нужное русло, которое вряд ли может быть изменено собеседником.

Таким образом, информационный дискурс формируется в основном двумя типами иллокутивных высказываний: репрезентативными и интеррогативными. В процентном соотношении доминируют высказывания – утверждения (см. прил. 3). Для информационного дискурса важным является передача какого-либо содержания, информации. Во избежание коммуникативных неудач в научном, общественно-публицистическом тексте значительно реже допускается использование имплицитных высказываний, продуцирование которых достигается путем сжатия двух-трех сообщений в одно простое предложение с сохранением объема информации. Поскольку свернутые структуры могут привести к двусмысленности, неопределенности, нечеткости в выражении мысли, они встречаются в основном в художественных текстах. Для научных текстов не характерно наличие смысловых лагун. К средствам компрессии информации относятся: структуры неполного грамматического состава, эллипсисы, отсутствие повторной номинации, предложения с вторичными предикатами и многие др. Разумеется, большую роль в повышении информативности дискурса играют экстралингвистические, фоновые знания, контекст. Активную роль в организации информационного дискурса играют вопросительные высказывания, но не все, а именно та их часть, которая относится к интеррогативам. Нестандартное использование вопросительных высказываний – в директивной функции, вердиктивной функции, риторических вопросах – характерно, как правило, для других дискурсивных типов. Использование определенных языковых средств в информационном дискурсе представлено в прил. 7.

3.4. ЭКСПРЕССИВНЫЙ ДИСКУРС

Экспрессивным дискурсом мы именуем дискурс, целью которого является: создать представление о предмете общения, дать ему положительную или негативную оценку, сформировать в сознании слушающего адекватные представления о предмете общения. Термины экспрессивность, экспрессия происходят от латинского *expressio* и обозначают выразительность, силу проявления чувств и мыслей; пристойное поведение, оказывающее на окружающих большое впечатление; яркое, мощное раскрытие духовного мира человека [Новый словарь иностранных слов, 2006: 1046].

Экспрессивы выделяются во многих классификациях речевых актов [Searle 1985, Leech 1983, Ballmer 1981]. Вундерлих Д. называет их сатисфактивами [см.: Wunderlich 1976]. Серль Дж. характеризует иллокутивную цель данного класса как выражение психологического состояния, задаваемое условиями искренности относительно положения вещей, определенного в рамках пропозиционального содержания. "Истинность суждения, выраженного экспрессивом, входит в его пресуппозицию" [Серль 1986: 183]. Образцовыми глаголами для экспрессивов Дж. Серль называет такие как *thank*, *благодарить*, *congratulate*, *поздравлять*, *apologize*, *извиняться*, *condole*, *сочувствовать*, *deplere*, *сознать*, *welcome*, *приветствовать*. В нашем понимании названные иллокутивные акты относятся к регулятивам. Экспрессивами мы будем называть в первую очередь акты оценки, пропозициональную основу которых составляет установка говорящего. Акты оценки мы находим в системе иллокутивных актов Б. Фрейзера [Fraser 1975: 190 – 193]. Баллмер Т. и Бреннентуль В., предлагающие классификацию глаголов речевой деятельности английского языка, в группе моделей оценки выделяют такие типизации, как оценка действия, оценка лица, самооценка, оценка вещей, ситуаций и т.п. [см.: Ballmer 1981]. В монографии Е.И. Григорьева акты позитивной оценки воплощены в лаудативе. Они выражают возвеличивание объекта, события или факта, восхищение, выражение гордости, одобрения. Иллокутив негативной оценки события или факта представлен деприциативом. Сюда включаются такие действия как порицание, критика, обвинение, приговор, укор, упрек, разоблачение, неодобрение и т.п. [Григорьев 1997: 41–42, 44].

Оценки, базирующиеся на обобщенном опыте, всегда лежат в основе эмоций, представляющих собой особую форму отношения человека к предметам и действительности. Эмоциональное значение предстает как выражение двух противопоставленных понятий: "хорошо", "плохо". "Выступая в качестве компонента семантической структуры лингвистических единиц, эмоциональное включается в языковое содержание. Язык в своей коммуникативной функции есть средство не только для обмена мыслями, но и для выражения эмоций говорящего" [Михайлов 1994: 40]. Экспрессивный дискурс минимально ориентирован на адресата, экспрессия в большей степени замкнута на самом говорящем. В случае апелляции появляется четко выраженная направленность на адресата, но еще отсутствует взаимодействие. Например: (138) "*Mein Sohn hat gestohlen*", *sagte er ausser Atem, mit dumpfer Stimme, und sah sich das Kind an wie einen verdächtigen Eindringling. "Du betrügst und stiehlst. Du brauchst nur noch einen Menschen totzuschlagen"* (Mann: 6); "*Мой сын украл, – задыхаясь, глухо сказал он и по-*

глядел на собственного ребенка, как на некое подозрительное, неизвестно откуда взявшееся существо. – Ты обманщик и вор. Тебе еще только остается стать убийцей" (Манн: 196). В приведенном примере старший Дидерих возмущен поведением сына. Он констатирует действия сына, упрекает его в неблагоприятном поступке – краже пуговиц, и дает ему оценку. В следующем примере экспрессивный дискурс Дидериха также не встречает ответных речевых действий. (139) "Er stand am Rande des Holländers und sah die Trommel die Lumpen ausschlagen. "Den hast du weg! Untersteht euch noch mal! Infame Bande!" murmelte Diederich, und in seinen blassen Augen glomm es" (Манн: 9); "Дидерих останавливался у края голландера и смотрел, как барабаны крошат тряпье. – Так тебе и надо! Ага! Поговорите у меня тут! Мерзавцы! – бормотал он, и в его бесцветных глазах тлел огонек" (Манн: 199).

В случае возникновения интеракции говорящий и адресат вовлечены во взаимные вербальные действия. В результате возникает то, что Т. Баллмер и В. Бренненштуль называют "вербальной борьбой" [см.: Ballmer 1981]. Для конфликтных диалогов характерна оценка с отрицательной семантикой. Здесь используются отрицательные оценочные слова, коллоквиальные слова (лексемы, являющиеся принадлежностью разговорной речи), междометия, восклицательные предложения, повелительные предложения. Например: (140) "Ах ты илюха, ах ты заорепа, – кричала Тягунова. – Шагу ступить некуда, тут как тут она, юбкой пол метет, глазолупничают! Мало тебе, суке, колпака моего, развевалась на детскую душеньку, распустила хвост, малолетнего ей надо испортить. – А ты, знать, и Васеньке законная? – Я те покажу законную, хайло, зараза! Ты живой от меня не уйдешь, не доводи меня до греха! – Но, но размахалась! Убери руки-то, бешеная! Чего тебе от меня надо? – А надо, чтобы сдохла ты, гнида-шеламура, кошка шелудивая, бесстыжие глаза! – Обо мне какой разговор.

Я, конечно, сука и кошка, дело известное. Ты вот у нас титулованная. Из канавы рожденная, в подворотне венчанная, крысой забрюхатела, эжом разродилась... Караул, караул, люди добрые! Ай убьет меня до смерти лиходейка-пагуба. Ай спасите девушку, заступитесь за сироту..." (Пастернак: 180). В приведенном отрывке сцена ревности между Тягуновой и Огрызковой перерастает в конфликт. Не в силах убедить Огрызкову оставить ее мужа в покое, Тягунова угрожает и оскорбляет ее. Во взаимных обвинениях женщины используют отрицательные оценочные слова, восклицательные и побудительные предложения, междометия. Проклятия выражены придаточными предложениями с союзом *чтобы*, в которых опущена главная часть предложения, так называемыми псевдопридаточными предложениями. Восклицательные предложения являются преимущественно односоставными, могут иметь инвертированный порядок слов, при котором речематический элемент стоит на первом месте. В препозиции стоит зачастую сказуемое. Здесь также могут быть использованы риторические вопросы. Эмоциональные конструкции имеют особый интонационный рисунок. Например: (141) "Meine Handschuhe sind geplatzt, sieh, Mac! Was für ein Künstler! War es nicht wunderbar? ... Ein Genie ist er!" rief Maud und klatschte begeistert" (Kellermann: 15); "Посмотри, Мак, у меня лопнули перчатки! Какой артист! Разве это не чудесно? ... Это гений! – воскликнула Мод, продолжая восторженно хлопать" (Келлерман: 11). В приведенном отрывке Мод, восторгаясь концертом и искусством дирижера, использует восклицательные предложения, риторический вопрос, препозицию сказуемого.

Следует отметить, что экспрессивный дискурс редко выступает в чистом виде. Зачастую он дополняет аргументативный дискурс. Так, отказываясь продолжать работу в туннеле, рабочие в своей речи прибегают к экспрессивным высказываниям, используя оценочную лексику, презентальный конъюнктив, восклицательные предложения: (142) "Mac ist durchschaut!" heulten diese Redner. "Mac ist kein Freund der Arbeiter! Nonsens und Lüge! Mac ist der Henker des Kapitals! Der grösste Henker!, den die Erde je trug! Mac ist ein Wolf im Schafpelz! 180 000 Mann beschäftigt er! 20 000 in seiner höllischen Arbeit niedergebroschene Menschen pulst er jährlich in seinen Hospitälern auf, um sie dann zum Teufel zu jagen – Krüppel, fertig für immer! Mögen sie auf den Straßen verfaulen oder in Asylen verrecken, Mac ist das egal! Ein ungeheures Menschenmaterial hat er in diesen sechs Jahren vernichtet! Schluß! Mac soll sehen, woher er Leute bekommt! Er soll sich Schwarze aus Afrika kommen lassen, Sklaven für seine 'Hölle' – er soll die Sträflinge und Zuchthäuser von den Regierungen kaufen! Seht euch die Reihe von Särgen da drüben an! Zwei Kilometer lang ist die Reihe, Sarg an Sarg! Entscheidet euch!" (Kellermann: 278); "Мы раскусили Мака! – кричали ораторы. – Мак вовсе не друг рабочих! Вздор и ложь! Мак – капиталистический палач! Самый ужасный палач, какого носила земля! Мак – волк в овечьей шкуре! Сто восемьдесят тысяч человек работают у него. Двадцать тысяч свалившихся на его адской работе людей он ежегодно подлечивает в своих госпитолях, чтобы потом послать их ко всем чертям, – они навсегда останутся инвалидами. Пусть они гниют на улицах, пусть подыхают в богадельнях. Маку на это наплевать! Сколько человеческого материала извел он за эти шесть лет! Хватит! Пусть Мак поищет, где ему взять людей. Пусть наберет в Африке черных рабов для своего "ада", пусть он купит у правительства преступников и каторжников. Взгляните на эту вереницу гробов! Гроб за гробом – на два километра! Решайтесь!" (Келлерман: 204). В структуре данного дискурса использованы высказывания утверждения, угрозы, оценки, призывы.

Итак, экспрессивный дискурс редко выступает в самостоятельном виде. Зачастую он сопровождается какой-либо другой вид коммуникации, как правило, аргументативный конфликтный диалог, для которого характерно использование слов с отрицательной семантикой. Экспрессивный дискурс формируется высказываниями восхищения, удивления, робости, возмущения, разочарования, страха, робости, возмущения и др. (см. прил. 5). Структура экспрессивного дискурса характеризуется наличием высказываний утверждающего, оценочного, призывного характера. Среди средств, фигурирующих в экспрессивном дискурсе, следует назвать слова оценочной семантики, восклицательные предложения, междометия, риторические вопросы, инвертированный порядок слов и др. (см. прил. 8).

3.5. СОЦИАЛЬНО-РИТУАЛЬНЫЙ ДИСКУРС

Социально-ритуальный тип дискурса тесно связан с конвенциональным характером коммуникативных актов. Под конвенцией понимаются принятые в данном обществе (регламентируемые данным обществом) формы взаимодействия – в том числе и речевого. Ритуалом именуется последовательность символически значимых действий, закрепленная традицией. Важнейшими признаками социально-ритуального дискурса являются: содержательная рекурсивность, или повторяемость, жесткая формальная фиксация, символическая нагруженность [см.: Карасик 2002]. В основу типологии актов ритуальной коммуникации может быть положен социально-событийный критерий речевого взаимодействия, где в качестве эксплицитного показателя конкретного типа выступает суггестивная направленность вербальных действий на реализацию целевой программы воздействия [Романова 1999: 34]. В соответствии с этим критерием коммуникативные ритуальные акты подраз-

деляются на культовые и социально-институциональные. Следует отметить, что первоначально внимание исследователей речевых действий было направлено на речевые действия, осуществляющиеся в практике юриспруденции; именно здесь речевое поведение наиболее заметно, подвержено влиянию конвенций. Так, Дж. Остин писал: "Имеет смысл напомнить, что многие "акты", входящие в компетенцию юристов, представляют собой или включают в себя, по крайней мере, выполнение каких-нибудь конвенциональных процедур. И, конечно, вы сумеете оценить тот факт, что ученые-юристы в своих трудах постоянно обнаруживают осведомленность о разнообразии неудачных высказываний" [Остин 1986: 36]. Тем не менее, вопрос конвенций принадлежит к разряду вопросов, окончательно не решенных в науке. Все ли коммуникативные акты, в которые мы реально вступаем, имеют конвенциональную природу (т.е. могут быть расписаны как определенный "регламент") или только часть их, в одинаковой ли степени конвенциональны разные типы коммуникативных актов (например, вынесение приговора, с одной стороны, и просьба, – с другой) – эти и другие вопросы постоянно дискутируются в соответствующей среде.

Большинство коммуникативных актов в той или иной степени регламентированы и для говорящих, вероятно, удобнее, когда регламент есть, чем когда регламента нет (сравните речевую модель "Как мне вести себя в этой ситуации?"). Конвенции, регулирующие те или иные акты общения, есть сформулированные опять же Дж. Остиным условия, необходимые для успешного взаимодействия в рамках регламентированных речевых ситуаций [см.: Клюев 1998: 17]. "Огромное количество речевых актов стереотипны и повторяют то, что уже миллионы раз повторялось членами того же языкового коллектива лишь с незначительными модификациями. Это значит, что многие ситуации вызывают у нас тождественные реакции и что языковые формы этих реакций – целые предложения – носят отработанный характер. Их произнесение происходит едва ли не автоматически. В памяти они хранятся, наверно, так же, как отдельное слово, фразеологизмы, т.е. целостные и несобираемые единицы. В обыденной речи в виде готовых образцов воспроизводятся, а не конструируются, не только устоявшиеся единицы номинации, не только штампы отдельных отрезков высказывания, но и целые высказывания. Такие устойчивые стереотипы значительно облегчают общение" [Кубрякова 1986: 101]. Приведем в качестве примера языковые ситуации, в которых коммуникация протекает по установившемуся стандарту: (143) *Zugauskunft Deutsche Bundesbahn*

A: auskunftgebender Beamter; K: Kunde.

1. (*Telefonsignal*)
2. *A: Auskunft Hauptbahnhof X.*
3. *K: Guten Tag! Können Sie mir sagen, wann morgen abend der letzte Zug nach Y von X abfährt.*
4. *A: Moment... achtzehn Uhr neunzehn.*
5. *K: achtzehn Uhr neunzehn.*
6. *A: Der ist zwanzig fünfzehn in Z.*
7. *K: Gut. Vielen Dank! Auf Wiederhören!*
8. *A: Bitte. Wiederhören.*

Справочное бюро немецкого железнодорожного вокзала

A: Служащий, выдающий справку; K: клиент.

1. (*Телефонный звонок*)
2. *A: Справочное бюро главного вокзала X.*
3. *K: Добрый день! Не могли бы Вы мне сказать, когда завтра вечером отъезжает последний поезд в Y из X.*
4. *A: Минуточку... В восемнадцать часов, девятнадцать минут.*
5. *K: В восемнадцать часов, девятнадцать минут.*
6. *A: В двадцать часов, пятнадцать минут он в Z.*
7. *K: Хорошо. Большое спасибо! До свидания!*
8. *A: Пожалуйста. До свидания.*

Коммуниканты пользуются в данном случае формальными разговорными речевыми моделями, или контактивами. Подобные разговорные формулировки являются результатом повторов. Если мы определенные действия выполняем несколько раз, например, печатание на пишущей машинке или включение при вождении автомобиля, то со временем наступает эффект привыкания: нет необходимости следить внимательно за отдельными ступенями действий, действие осуществляется почти автоматически. Мы всегда можем прибегнуть к привычным, испытанным действиям – языкового или неязыкового типа. Таким образом, разговорные формулы значительно облегчают нам жизнь. При этом следует заметить, что подобные речевые клише создаются не одним человеком, они возникают в ходе человеческой практики, претерпевая со временем различные изменения. Как пишет В.Г. Гак, "человек не может самостоятельно и оригинально перерабатывать все встречающиеся в жизни ситуации... Постепенно у всех членов данного языкового коллектива создаются стереотипные установки, которые определяют единообразный способ членить объективную реальность и те черты, которые воспринимающий в первую очередь замечает в предметах и ситуациях и кладет в основу наименования" [Гак 1973: 37].

"Порождение речи – это акты подведения исходных и далее развивающихся и обогащающихся значений под отработанные веками в данной языковой системе языковые единицы из двух универсальных сфер: синтаксиса и словаря" [Кубрякова 1986: 106]. Языковые "клише сплошь да рядом характеризуют речевые акты, притом к ним относятся не только обороты ритуального толка (*Как дела? Что нового? Как поживаете?* и т.п.) и не только "цитатные" материалы. Стереотипные способы членения ситуации и ее описания проникают в обыденную речь гораздо больше, чем мы замечаем. Экономия времени, собственные усилия и даже проявляя лень мысли, мы используем не только в зачинах речи, но, так сказать, и внутри беседы или разговора по телефону знакомые всем штампы и стереотипы. Механизмы аналогии мощно пронизывают всю нашу речевую деятельность, оставляя в ней место для творческого начала лишь в тех проблемных ситуациях, где мы действительно вынуждены установить новые отношения и не довольствоваться принятым членением ситуации и повторенного неоднократно в предыдущих актах коммуникации" [Кубрякова 1986: 131]. Проанализируем пример 143. Актанту А, для которого выдача устной справки о расписании движения поездов относится к ежедневным профессиональным обязанностям, не нужно всякий раз заново обдумывать, как он преподнесет затребованную информацию, как он ее сообщит и какие формулировки он при этом выберет. Для этого разговора у него существует в голове схема действий, которую он не обязательно должен осознавать. Он может предположить, что также звонящий коммуникант знает эту схему действий. Все участники исходят из

того, что в данной ситуации следует действовать по данной схеме, это для них ожидаемая нормальная форма. Поэтому разговор о расписании поездов протекает шаблонно, иначе говоря, заученно. Порядок отдельных речевых вкладов, структура последовательности отдельных речевых шагов заранее заданы центральной схемой действий "запросить/получить справку". Это обуславливает также план языкового выражения. С синтаксической точки зрения предложения в данном диалоге простые.

Вместе с тем, в обыденной речи существует и противоположная тенденция: стремление к оригинальным, нетривиальным способам выражения. "Преодолевая устоявшиеся нормы и традиции, человек отходит от аналогии, создает новые формы и неожиданные сочетания. Реальная речевая деятельность показывает: а) невозможность определить конечную длину отдельного высказывания в дискурсе (ведь к любому из них может быть добавлено еще нечто); б) невозможность задать конечным списком все типы высказываний (как сентенциональные, так и несентенциональные), и не случайно все построения генеративистов разрушались постепенно по мере привлечения к этим исследованиям все больше эмпирических данных. Реальная речевая деятельность представляет собой некий континуум, на одном полюсе которого стереотипная, клишированная и почти автоматически совершаемая речь, для описания которой, возможно, и достаточно небольшого аппарата с небольшим типом конструкций и единиц. Зато на другом полюсе этой деятельности – новаторство, творчество, выходы за установленные барьеры, создание неологизмов и т.д. Адекватная теория речевой деятельности должна поставить вопросы о том, в чем истоки творчества и к каким этапам речевой деятельности они могут относиться, т.е. каково их место в структуре речевой деятельности" [Кубрякова 1986: 112–113]. "Творческое начало (в самой речи) заключено, следовательно, уже у ее истоков в том, что как только сознание пробуждено и направлено на речь, говорящий сталкивается с необходимостью выбора речевых средств; он постоянно на развилке и должен выбрать от нее свою форму, причем число этих развилочек может быть большим или меньшим. В принятии оптимального решения человек и может проявить способность к лингво-креативному мышлению" [Серебренников 1983: 112].

Тем не менее, нельзя не согласиться с тем, что шаблонное протекание беседы имеет преимущества как для говорящего, так и для слушающего. Привычное языковое оформление информации требует меньше затрат на ее декодирование. Слушающий знает, на какой части беседы ему надо сосредоточить свое внимание. Важно заметить, что ритуализация имеет место не только в формальных беседах. Возьмем, например, диалоги о пути, диалоги в магазине и т.п. Существует также множество ситуаций, в которых, например, есть необходимость сигнализировать о сообщении своего мнения: "*Ich finde, dass...*", "*meiner Meinung nach*", "*ich sehe das so:...*", "*ich stehe auf dem Standpunkt...*"; "*Я считаю, что*", "*но моему мнению*", "*я вижу это так: ...*", "*я придерживаюсь той точки зрения, что...*"; проверить понимание: "*Ist das so was klar?*", "*wie bitte?*"; "*Это ясно?*", "*Что Вы сказали?*"; перебить собеседника: "*Wenn ich hier mal kurz unterbrechen darf*", "*Moment...*", "*ja, aber...*"; "*Можли я Вас на минуточку перебить?*", "*Минуточку...*", "*Да, но...*". Повсюду, там, где мы имеем дело с повторяющимися языковыми ситуациями или решаем стандартные задачи, говорящие могут прибегнуть к устоявшимся языковым выражениям. Без этих "языковых заготовок" понимание было бы значительно затруднено; они заботятся о беглости говорения, разгрузке в речи, уверенности в поведении. В данном случае мы имеем дело с метакоммуникативными высказываниями, чему будет посвящен следующий раздел.

В заключение отметим лишь, что знание элементарных норм поведения, этикета, в особенности речевого этикета, и адекватное их применение в разных сферах жизни (в официальной или неофициальной обстановке) значительно облегчит и ускорит формирование коммуникативных навыков. В большей степени это относится к лицам, изучающим иностранные языки. Студентам зачастую трудно выбрать тактику поведения или подобрать адекватную форму на иностранном языке в ситуациях, обусловленных знанием речевого этикета. Их знание поможет обучающимся правильно структурировать ход беседы и без больших проблем высказывать свою реакцию на чужом языке. Это является целью большинства тренировочных упражнений на уроках иностранного языка.

3.5.1. СТРУКТИВЫ В ДИСКУРСЕ

Известное разграничение знаний на энциклопедические и лингвистические в теории искусственного интеллекта в последние годы существенно дополнилось выделением интерактивных знаний, обеспечивающих коммуникативную доминанцию и коммуникативное лидерство. Если энциклопедические знания отражают устройство реального мира и репрезентируют положение дел в различных предметных областях, лингвистические знания содержат информацию о лексических единицах и их значениях, о правилах соотношения языковых единиц с экстралингвистическими объектами, то интерактивные знания представляют собой знания о межличностных речевых и текстовых взаимодействиях, которые включают в себя правила коммуникативного обмена речевыми актами, связанные с принципами кооперации, вежливости, интереса, иронии, и определяющие стратегию речевого поведения (В.В. Богданов). Как отмечалось выше, речевой шаг может сопровождаться произнесением высказываний, служащих поддержанию речевого контакта между собеседниками и ведущих к смене или сохранению речевого хода, организующих и управляющих содержательной стороной разговора, управляющих оформительной стороной разговора. Такие высказывания именуется **метакоммуникативными** сигналами. Еще Анна Вежицкая обратила внимание на тот факт, что высказывания представляют собой, как правило, не столько тексты как таковые, сколько "двухтексты": в них содержатся предложения, составляющие собственно текст, и фрагменты, так или иначе, к предыдущим относящиеся, характеризующие их, что-то о них как о звеньях основного текста, заявляющие [см.: Вежицкая 1978: 405 – 415]. В обиход широко вошли такие термины как "метатекст в тексте", "метаорганизаторы высказывания", "метаоператоры высказывания". Все это компоненты текста или высказывания, означающие связь с предыдущей или последующей информацией, либо желание говорящего или слушающего начать, продолжить, изменить или прервать разговор, например: *начнем с; давай о том, как; дальше речь пойдет о; подытожим сказанное; об этом я расскажу позже; повторяю, что; не будем об этом; прежде всего; Короче говоря; кстати; итак; иначе говоря*. "Метатекстовые нити могут выполнять самые различные функции: они проясняют "семантический узор" текста, соединяют различные его элементы, усиливают, скрепляют" сообщение [Вежицкая 1978: 421], но в целом все они служат тому, чтобы помочь "уловить связи" между отдельными частями целого, "выскрывать мысленную конструкцию целого" [там же: 403].

Рассматривая мета-понятия, необходимо назвать разницу между мета-языком и языком объектов и денотатов. Под объективным языком понимается описательный язык, под мета-языком – тот язык, который используется, чтобы описать объек-

тивный язык [Лайонз 1978: 10]. Метаязык содержит понятия, которые являются обозначениями знаков, с помощью которых идентифицируют элементы объективного языка, и понятия, которые можно использовать для описания отношений между этими элементами. В метаязыке могут быть сформулированы правила определения, формулирования, переформулирования, трансформации и другие правила объективного языка. Метакоммуникативные элементы – это "надуровень" по отношению к предметному содержанию, т.е. "голос" говорящего как комментатора к собственному высказыванию или к высказыванию адресата. Это прагматические инструкции по поводу того, как должно быть распределено внимание адресата при восприятии сообщаемой информации, чтобы она была усвоена оптимальным образом, и своего рода коммуникативные дейктические элементы, указывающие на тему сообщения, организацию высказывания, их структурированность и связность. По мнению М.В. Луканиной, все сообщения и высказывания образно можно представить как части математических формул, заключенных в скобки. А за скобками может быть знак умножения или деления, который изменит весь тон высказывания. Знаки такого рода она и называет метакоммуникацией [Луканина 1999: 41]. В процессе коммуникации происходит корреляция сообщаемой информации с метакоммуникативными элементами, т.е. языка с метаязыком. Еще Р.О. Якобсон, вклад которого в разработку проблемы "метаязыка в языке" считается общепризнанным, придавал особое значение нерасторжимой связи "естественного" метаязыка с процессом коммуникации в условиях повседневного общения [Якобсон 1985: 382]. Гак В.Г. называет фразы, выступающие как реакции на высказывание собеседника, на ситуацию, о которой идет речь, либо на собственную речевую интенцию "речевыми рефлексамии" [Гак 1994: 6 – 10].

Очевидно, что для языка метакоммуникативные элементы далеко не второстепенны, в чем можно убедиться, исследуя их функции, спектр которых весьма широк, а также сферы их употребления, анализ которых показывает, что метаэлементы употребляются во всех типах дискурса. И, несмотря на то, что метакоммуникативные элементы неинформативны в содержательном плане, не вносят ничего нового в содержание общения, они служат вполне определенным целям, принося в высказывание дополнительный смысл, являющийся не менее информативным, чем эксплицитно выраженное содержание высказывания. Метаязык является не только необходимым инструментом, используемым логиками и лингвистами, но он играет важную роль в нашем повседневном языке. Следует, однако, оговориться, что для некоторых областей науки, например, лингвистики, разграничение метаязыка и объективного языка (языка объектов) вряд ли возможно.

Все существующие определения метакоммуникации последнего времени условно подразделяются на две большие группы: лингвистические и нелингвистические. К последним относятся определения, используемые в психологии и медицине. Психологические науки включают сюда, в первую очередь, невербальные средства коммуникации: кинесику и проксемику. Общим названием большинства дефиниций различных мета-понятий в лингвистике является то, что здесь речь идет об элементах или выражениях, которые касаются самого языка и языковых высказываний, не называющих денотат во внеязыковом мире. Соответственно этому "метакоммуникацию" определяют как "коммуникацию о коммуникации" [Куликова 2002: 256], как "саму коммуникацию" [Duden 1983: 833], как ту часть коммуникации, которая "тематически и функционально направлена на саму себя" [см., например: Макаров 1995: 69, 1998: 141]; метакоммуникативное высказывание как единицу, которая используется в процессе метакоммуникации [Жуков 1983: 25]. Это определение представляется слишком общим. По-

видимому, целесообразно выделить среди метакоммуникативных сигналов такие понятия, как **структивный дискурс** и **метавысказывания**. Структивным дискурсом мы называем языковые элементы, которые не служат основной функции дискурса, а уточняют адресату внутреннее членение и организацию продуцируемого текста. Явления, относящиеся к разряду самоорганизации дискурса, Д. Вундерлих называет речеорганизующими речевыми актами (*redeorganisierende Sprechakte*) [Wunderlich 1976: 330 – 334]. Авторской комментарий к собственному сообщению А. Вежбицкой именуется "метатекстом" [Вежбицкая 1978]. Здесь, действительно, метакоммуникация имеет значение "коммуникация о коммуникации". Регулирование же речевого общения с помощью языковых средств называют фатической коммуникацией. Применительно к явлениям такого рода метакоммуникация – это коммуникация, сопутствующая коммуникации [Почепцов 1981б: 52]. Термин "структивны" используется С.А. Сухих для обозначения класса речевых действий, служащих для прерывания, поддержания говорящего, сохранения права, отдачи права говорения, указания, формулирования, уточнения темы говорения [Сухих 2004: 42]. Важнейшим критерием этого определения является функция. Представляется, что в определении различных мета-понятий необходимо также использовать понятие референции, обозначающее соотносительность с предметом высказывания. Используя данные понятия, структурным дискурсом можно называть высказывания с пропозициональным содержанием, в которых референтом является дискурс. С другой стороны, это также более краткие высказывания, такие как коннекторы, которые связывают части дискурса между собой и значение которых базируется на референции текстуальных отношений.

Метакоммуникативные сигналы могут исходить как от говорящего, так и от слушающего. В соответствии с этим контактоорганизующие языковые средства делятся исследователями, как правило, на две большие группы: на инициативные реплики говорящего и на средства речевого контакта, исходящие от слушающего, призванные показать, что адресат принимает речевые сигналы говорящего. При этом те, и другие сигналы могут быть направлены либо на сохранение за говорящим речевого хода, либо на смену речевого хода. Существующие классификации метакоммуникативных высказываний затрагивают также аспекты установления, поддержания и размыкания речевого контакта (О.Г. Почепцов), в числе частных стратегий речевого поведения слушающего: 1) стратегию проявления согласия; 2) стратегию заинтересованности; 3) стратегию верификации; 4) стратегию побуждения говорящего к пролонгированию речевого хода; 5) стратегию повторов и переспросов (Т.Д. Чхетиани). Анализируя типы метакоммуникативных актов, выделенных в работе М. Стабз "Discourse Analysis" (привлечение или поддержание внимания, его демонстрация; контроль "количества сказанного"; проверка или подтверждение понимания; подведение итогов или обобщение; определение, перефразирование; редактирование; коррекция; уточнение темы), М.Л. Макаров называет наиболее значительными метакоммуникативными категориями контакт и канал, где учитывается и характеристика носителей знака: звук или письмо, их физические особенности, технические средства коммуникации [см.: Макаров 1998: 142].

В повседневной коммуникации метакоммуникативные сигналы выполняют очень важные функции, без которых процесс общения был бы очень затруднен. Это и установление логических связей, направляющих процесс общения или повествование, и обеспечение полного понимания сообщаемой информации, и устранение помех при коммуникации и т.д. Девкин В.Д. отмечает, что метакоммуникативные высказывания используются тогда, когда "говорят о способе выражения мысли, о форме изложения, об отношении собеседника к избираемому оформлению речи, о достижении взаимопонимания и о других

verspätete Lieferung von uns an eine Firma in München" (Conlin: 182); "Добрый день, Келлер, фирма "Вулкан Форгингс". **Речь идет о нашей запоздавшей поставке фирме в Мюнхен**"; (146) "Guten Tag, Frau Raue, hier Vitelli von der Firma KB Innenausstattung. **Es handelt sich um ihre Lieferung von 5.000 Fliesen, die wir gerade erhalten haben**" (Conlin: 182); "Добрый день, госпожа Рауе, с Вами говорит Вителли из фирмы КБ внутреннее оборудование. **Речь идет о Вашей поставке 5.000 керамических плиток, которые мы только что получили**"; (147) "Ich möchte anknüpfen an das, was er vorhin gesagt hat"; "Я хотел бы присоединиться к тому, что он только что сказал"; (148) "Was hat denn das mit unserem Thema zu tun?"; "Что это имеет общего с нашей темой?"; (149) "Ich fürchte, wir haben den roten Faden verloren"; "Я опасаясь, что мы отошли от темы разговора"; (150) "Guten Tag, Liebe Hörerinnen und Hörer unseres Magazins "Morgenstunde hat Gold im Munde". **Auch heute haben wir wieder interessante Informationen für Sie. In unserem ersten Beitrag geht es um Faxgeräte und was bei ihrem Gebrauch schief gehen kann**" (Höffgen: 255); "Добрый день, дорогие слушательницы и слушатели нашего журнала "Кто рано встает, тому бог дает". **Также и сегодня у нас есть интересная информация для Вас. В нашем первом сообщении мы будем говорить о факсовых приборах и о том, что при их использовании может быть неправильным**"; (151) "Guten Tag, mein Name ist Behrens. **Ich rufe an wegen einer Rechnung**" (Conlin: 174); "Добрый день, мое имя Беренс. **Я звоню по поводу счета**"; (152) "Ну теперь я хотел бы вернуться к области, которая интересует нас всех"; (153) "Давайте вначале обратимся к вопросу о заражении"; (154) "А теперь об этом фильме"; (155) "Тут мне как раз пришла мысль об анекдоте, который случился со мной"; (156) "Я хотел бы присоединиться к тому, что сказал господин А"; (157) "Привет, – весело прошептала Светлана, проскальзывая в квартиру. – Оля дома? – Нет, она сегодня придет поздно. А что, она тебе нужна? – Хотела посоветоваться. А можно, я с тобой поговорю? Ты знаешь, Павлик, тут такая история... В общем, я как бы в полном отпаде. – Ну проходи, – вяло сказал Павел, хотя в разрешении не было необходимости" (Маринина 2: 119); (158) "Погляди-ка, милый туда... Видишь, какое страшное? – Страшное, няня. – Ну, а что я тебе сейчас расскажу, так это еще страшней" (Лесков 2: 43); (159) "Спорящих перебил Тиверзин. Ему не нравился неуважительный тон Ливерия. Он сказал: – Извините, товарищ докладчик. Я не уверен. Может быть, я неправильно записал один из пунктов инструкции. Я зачту его. Я хотел бы удостовериться: **"Весьма желательно привлечение в комитет старых фронтовиков, бывших во время революции на фронте и состоявших в солдатских организациях. Желательно иметь в составе комитета одного или двух унтер-офицеров и военной техника"**. Товарищ Костоев, это правильно записано? – Правильно. Слово в слово. Правильно. – В таком случае позвольте заметить следующее. Этот пункт о военных специалистах беспокоит меня. Мы, рабочие, участники революции девятьсот пятого года не привыкли верить армейщине ..." (Пастернак: 243); (160) "Боюсь, что в Москву перебрался Джек Потрошитель ... Обер-полицейстер и прокурор почти в один голос переспросили: – Джек-Потрошитель? А Ижицын, осмелев, фыркнул: – Бред! – Какой такой Потрошитель? – прокрипел из-за своей дверки Фрол Григорьевич Ведищев, когда естественным манером образовалась пауза. – Да-да, что еще за Джек такой! – Его сиятельство воззрился на подчиненных с явным неудовольствием. – Все знают, один я не посвящен. И вечно у вас так! – Это, ваше сиятельство, известный английский душегуб, который режет в Лондоне гулящих девок, – пояснил важнейший следователь. – Если позволите, Владимир Андреевич, я расскажу п-подробно. Эраст Петрович достал из кармана блокнот, перелистнул несколько страничек... – Как помнит ваше сиятельство, в минувшем году я провел несколько месяцев в Англии, в связи с известным вам делом о пропавшей переписке Екатерины Великой..." (Акунин 2: 161). В этих примерах говорящий выражает эксплицитно то, что он сейчас скажет по теме X, т.е. эти выражения относятся к типу "я расскажу об X", или называется последующий текст, как, например, анекдот. Это относится и к эллиптическим выражениям, как, например в 154. Наиболее часто такие высказывания употребляются в телефонных разговорах (примеры 145, 146 и 151). Существуют, конечно, другие возможности начать новую тему. Так, в рассказах зачастую случается, что говорящий предварительно кратко формулирует ядро рассказа, применяет так называемый "ключ", отмычку. Сравните пример 159, в котором говорящий кратко предварительно зачитывает инструкцию, о которой он хочет говорить. В подобных случаях эксплицитные структурные элементы могут отсутствовать.

Второй функцией структурных высказываний при тематической организации дискурса является **маркирование тематических отступлений**. Это могут быть длительные экскурсы или маленькие вставки. Согласно максимам П. Грейса вклад должен быть релевантен по отношению к соответствующей ситуации. Отклонение от релевантности требует, как правило, эксплицитной маркировки. Высказывание, нерелевантное по отношению к теме, должно быть маркировано, и то же самое относится к побочным повторам. Маркирование релевантности может рассматриваться как средство когезии, использование которого при длительных экскурсах более необходимо, чем при кратких парентезах. Этот тезис подтверждается тем, что парентезы зачастую имеют характер ремарок, заметок на полях, с помощью которых говорящий осуществляет дополнительные действия, которые тем самым классифицируются как второстепенные, т.е. менее важные, чем основное действие. "Несущее предложение" после таких кратких вставок может быть продолжено, как будто бы оно не прерывалось. Длительные дополнительные речевые действия, как, например, экскурсы, требуют большего коммуникационно-технического пространства, так как после этого референтные пути главного действия должны быть вновь созданы или эксплицитно выражены. Это наблюдение ведет далее к пониманию того, что восстановление референтных опор после экскурсов и подобных отклонений должно быть вновь эксплицитно маркировано как после парентез. Сказанное относится, прежде всего, к письменному дискурсу. Что касается разговорного языка, то парентезе предстоит еще более детальное обследование. Общим вопросом является их включение в структуру дискурса. В разговорном языке принято, что после вставки прерванное высказывание должно быть начато снова, или следует вернуться к его части.

Следует также отметить, что отклонение от темы и введение новой темы часто трудно отделить друг от друга (пример 159). Применяемые здесь языковые средства в основном одинаковые. В устной спонтанной коммуникации говорящий зачастую вообще не знает, вернется ли он к старой теме. Беседа может принять такой ход, что говорящий не будет иметь возможности вернуться к прежней теме. Примеры 161 и 162 демонстрируют маркирование при тематическом отступлении, пример 163 – восстановления темы. (161) "Houdek: "Die Situation in England hat sich durch verschiedene Dinge grundsätzlich für uns anders dargestellt, und deshalb ist diese Firmengründung geplant, und unser Treffen soll dazu dienen, die einzelnen Punkte dazu zu besprechen..." Starkbaum: "...**Ja, darf ich vielleicht an dem Punkt gleich mal auf die letzte Besprechung zu sprechen kommen, also, diese vier Punkte, die wir da vereinbart haben und die vielleicht Frau Tenberg nicht kennt...**" Houdek: "Einverstanden!" (Tenberg: 40); "Гаудек: "Ситуация в Англии из-за различных вещей существенно для нас переменилась, и поэтому запланировано это создание фирмы, и наша встреча должна послужить тому, чтобы обсудить отдельные пункты..." Штаркбаум: "...**Да, могу ли я в данный момент сразу говорить о последнем обсуждении, то есть о тех четырех пунктах, которые**

мы тут согласовали и с которыми, возможно не знакома госпожа Тенберг..." Гаудек: "Согласен!"; (162) "Frau Haber: "Es ist Viertel nach acht. Sie haben noch etwas Zeit. Hier sind die Umsatzzahlen bis gestern". Herr Lang: "Danke. **Übrigens**, hat Herr Spät eine Lösung für die M-CC-1 für Wien?" (Kelz: 77); "Госпожа Габер: "Четверть восьмого. У Вас еще есть время. Здесь цифры оборота до вчерашнего дня". Господин Ланг: "Спасибо. **Между прочим**, нашел ли господин Шрэт решение для машины M-CC-1 для Вены?"; (163) "Кооператор Костоед сидел наверху в гостях у Живаго и со свистом обсасывал заячью лопатку, которой его угощали. Он боялся сквозняков и простуды. – "Как тянет! Откуда это?" – спрашивал он, и все пересаживался, ища защищенного места. Наконец, он уселся так, чтоб на него не дуло, сказал: "Теперь хорошо", доглодал лопатку, облизал пальцы, обтер их носовым платком и, поблагодарив хозяев, заметил: – Это у вас из окна. Необходимо заделать. **Однако вернемся к предмету спора**. Вы неправы, доктор. Жареный заяц – вещь великолепная. Но выводите отсюда, что деревня благоденствует, это, простите, по меньшей мере смело, это скачок весьма рискованный" (Пастернак: 173). Средства для организационного маркирования не ограничиваются синтаксически полнозначными метакоммуникативными предложениями. В приведенных выше примерах отступление выражается или полностью структивными высказываниями (161, 163), или отдельными лексическими элементами (162).

Парентезы могут сами иметь дискурсорганизирующую функцию. Они являются средством для маркирования смены уровня, которым может быть выражено то, что, речь идет не об иллокутивном уровне, а об уровне восстановления текста, это значит, что в таком случае цели говорящего являются не целями иллокутивных действий, а целями действий по созданию структуры текста. Сравните: (164) "Starkbaum: "Ich meine, ich habe Ihnen diese Kunden genannt, weil ich schon da seit Jahren gute Geschäftsverbindungen pflegen kann, und es wäre also für mich gar kein Problem, jetzt für Sie da mit diesen Lebensmittelketten in Verbindung zu treten und da Ihre Produkte anzubieten". Tenberg: "**Das glauben wir Ihnen gerne, Herr Starkbaum, aber jetzt, wo sich die Situation verändert hat und wo wir eine eigene Firma haben, wir müssen auch etwas zu tun haben, wir werden dann diese Liste aufteilen, und wir würden vorschlagen, dass Sie drei von den wichtigen Kunden bekommen...**" (Tenberg: 40); "Штаркбаум: "Я думаю, я назвал Вам этих клиентов, потому что я уже здесь несколько лет имею хорошие деловые отношения, и для меня совершенно не было бы проблемой сейчас для Вас связаться с этой сетью продовольственных магазинов и там предложить Ваши продукты". Тенберг: "**В это мы охотно верим, господин Штаркбаум, но, сейчас, когда ситуация изменилась, и когда мы имеем собственную фирму, мы должны также что-то делать, мы тогда поделим этот лист, и мы бы предложили, чтобы Вы получили трех важных клиентов...**".

К тематической организации речи относится также членение на тематические единицы, т.е. маркирование тематической прогрессии: маркирование смены темы, тематических отступлений и побочных секвенций. Эти маркирования являются показателями цезур или границ единств, одновременно также показателями связей между тематическими единицами. Дальнейшей составной частью тематической организации является внутреннее структурирование речевого вклада. Если говорящий хочет спродуцировать более длительный речевой вклад, который охватывает более чем одно предложение, он вынужден соответственно его организовать, определить последовательность денотативных ситуаций, о которых он хочет сообщить. Ее также можно эксплицировать с помощью структивных дискурсивных элементов. В качестве таковых могут выступать законченные предложения (165, 166, 168, 170) или отдельные наречия (167, 169). Такие структивные высказывания содержат типичные наречия, числительные или другие лексемы, которые эксплицитно показывают ход дискурса, например: *zunächst, erstens, zweitens, zum Schluss, wie folgt, zu etwas übergehen, auf etwas zurückkommen*; *вначале, во-первых, во-вторых, сейчас, в заключение, следственно, переходя к..., возвращаясь к...*; (165) "Guten Morgen, meine Damen und Herren. Herzlich willkommen in unserer Zentrale hier in Hamburg. **Zuerst möchte ich Ihnen kurz etwas über die Firma Otto erzählen... Das war also ein kurzer Überblick über unsere Firma. Möchte jemand eine Frage stellen?**" (Conlin: 168); "Добрый день, дамы и господа! Добро пожаловать в наш центральный офис в Гамбурге. **Вначале я хотел бы кратко рассказать Вам о фирме "Отто"... Итак, это был краткий обзор нашей фирмы. Хотел бы кто-то задать вопросы?**"; (166) "Я, голубчик, неслучайно вас именно в пятницу пожаловать попросил, – задушевно произнес губернатор. – Как раз по пятницам в одиннадцатом часу у меня заведено разные секретно-деликатные дела обсуждать. **Сейчас вот намечено тонкого вопроса коснуться** – где достать денег на завершение росписи Христа" (Акунин 3: 3); (167) "Frau Brett: "So, Herr Becker, hier ist das Tagesprogramm für Ihren Besuch bei uns. **Zuerst sehen Sie einen kurzen Videofilm über unsere Firma, und dann um 11.00 Uhr findet eine Betriebsbesichtigung statt**" (Conlin: 165); "Госпожа Бретт: "Итак, господин Беккер, здесь распорядок дня Вашего визита к нам. **Сначала Вы посмотрите короткий видеофильм о нашей фирме, а потом в 11 часов состоится осмотр предприятия**"; (168) "Прошу прощения, коллеги, двадцать минут просидел в метро, – сообщил Чернилов, ни на кого не глядя и пробираясь к своему месту. – Начнем работу. У нас сегодня в повестке дня четыре вопроса. **Начнем с самого короткого**. Мы должны рекомендовать научного руководителя нашей новой аспирантке" (Маринина 3: 143–144); (169) "Вы плохо выглядите, Анастасия, – заметил Эдуард Петрович Денисов, целуя Насте руку и пододвигая ей стул. – Но я все равно очень рад вас видеть. – И я рада вас видеть. Спасибо, что приехали, да еще так быстро. – Как же я мог не приехать, если вы просите? – удивился Денисов. – Что вам налить? Я помню, вы любите мартини, его сейчас принесут. Может быть, пока сок или воду? – Сок, пожалуйста. Эдуард Петрович, давайте сразу покончим с делами, хорошо? – Как скажете. Только **сначала** сделаем заказ, чтобы не прерываться. Вы будете смотреть меню или мне доверяете? – Доверяю, – улыбнулась Настя. – Насколько я помню, вы хорошо изучили мои кулинарные пристрастия.... (после заказа) – **Теперь** можно и о делах. Так что у вас случилось, Анастасия?" (Маринина 1: 277); (170) "Лара: "Вы видали Стрельникова?!" – живо переспросила она. – "**Я пока вам больше ничего не скажу. Но как знаменательно! Просто какое-то предопределение, что вы должны были встретиться. Я вам после когда-нибудь объясню, вы просто ахнете. Если я вас правильно поняла, он произвел на вас скорее благоприятное, чем невыгодное впечатление?**" (Пастернак: 226).

Как показывают примеры, дискурсорганизирующая функция наиболее свойственна наречиям времени и порядковым числительным (сравните примеры 165, 166, 169, 170). Текстосцепляющая, текстоструктурирующая функция наречий времени особенно четко прослеживается в нарративных текстах. В данном случае закономерно возникает вопрос, можно ли рассматривать наречия времени как структивы. Если в качестве критерия рассматривать дискурсорганизирующую функцию, то названные лексические элементы следует включить в класс структивов. Здесь уместно использовать разграничение метакоммуникативных высказываний на чисто метакоммуникативные, специализирующиеся исключительно на метаязыковой функции, и на полифункциональные высказывания, которые становятся метакоммуникативными "по совместительству" [см.: Девкин 1984: 44]. Разумеется, следует иметь в виду, что дискурсорганизирующие средства в различных типах текстов различны. Так,

секвенцигнаны, или сигналы следствия можно разделить на сигналы открытия текста, сигналы закрытия текста и сигналы развертывания текста. (Сравните *Eröffnungssignale, Schlussignale, Signale für Textenfaltung* Э. Верлиха). Темпоральные секвенцформы типичны для нарративных текстов (*dann... und dann; сначала... потом...*), локальные секвенцформы для описательных текстов, объяснительные секвенцформы (*namely, for example, in other words, nämlich, zum Beispiel, mit anderen Worten, а именно, например, другими словами*) и аддитивные, дополняющие секвенцформы (*similarly, in addition, auf solche Weise, подобным образом, в дополнение к сказанному*) для экспозиторных текстов, т.е. текстов, представляющих собой начало дискурса, создающих предпосылки для дальнейшего изложения событий. Контрастивные секвенцформы (*but, by contrast, in any case, aber, zum Gegensatz, jedenfalls, но, в противоположность, во всяком случае*) характерны для аргументативных дискурсов и нумеративные предложные группы (*to begin with, mit...beginnend, начиная с*) для инструктивных текстов [см.: Werlich 1975]. Это объясняется тем, что в нарративных и дескриптивных текстах сообщается об объектах, ситуациях и событиях, в то время как концепты, их отношения или выводы стоят в центре экспозиторных и аргументативных дискурсов, будущее поведение говорящего или слушающего в инструктивных дискурсах. Следует, таким образом, принять то, что виды дискурсов обуславливают выбор структивных. Структивные дискурсивные элементы в первую очередь применяются в дискурсах и рефератах.

На маркирование границ между частями дискурса уже было указано выше. Сюда относятся интродукции и окончания как больших тематических единиц, так и отдельных высказываний. Высказывания в (165) и (166) – примеры, которые извещают о последующих больших тематических единствах, а подчеркнутая часть высказывания в (171) предлагает пример для эксплицитного окончания (при этом высказывание в целом считается структивом). (171) *Ich spreche jetzt dann davon nicht weiter, aber auf eins möchte ich dann hier eingehen, bevor wir beginnen zu diskutieren; Я не буду об этом больше говорить, но одного я хотела бы здесь коснуться, прежде чем мы перейдем к дискуссии*. Высказывания, которые служат вступлением, интродукцией маркируют не только границы между различными единицами, но и присоединяют зачастую одновременно последующий дискурс и индуцируют тем самым ценность речевого вклада в соответствующий дискурс. Они выражают связь соответствующего вклада с последующей темой. Сравните следующие примеры: (172) "Здесь, на острове, Невзоров в первый раз за свою жизнь заговорил, – и не глупо. Взялись острые мысли, едкие слова. Его слушали, и он получил вкус к разговорам. – **Хотя бы о политике, не будем вола вертеть, господа, – толковал он тому же офицерству. – Революция, пролетариат, власть Советов – одна пошлость. Я при своем таланте могу нажать капитал, а он, комиссар, в Москве сидит, не может...**" (А. Толстой: 111); (173) "Свою землянку Ливерий Аверкиевич делил с доктором. Вторую ночь он занимал его разговорами, не давая ему спать. – **Хотел бы я знать, что теперь подделывает мой достопочтенный родитель, уважаемый фатер – папахен мой. – Господи, до чего не выношу я этого паяснического тона, – про себя вздыхал доктор. – И ведь вылитый отец! – Насколько я заключил из наших прошлых бесед, вы Аверкия Степановича достаточно узнали. И, как мне кажется, – довольно неплохого мнения о нем. А, милостивый государь? – Ливерий Аверкиевич, завтра у нас предвыборная сходка на буйвище. Кроме того, на носу суд над санитарями самогонщиками. У меня с Лайошем по этому поводу еще не готовы материалы. Мы для этой цели с ним завтра соберемся. А я две ночи не спал. Отложим собеседование. Помилосердствуйте. – Нет – все же, возвращаясь к Аверкию Степановичу. Что вы скажете о старикане? – У вас еще совсем молодой отец, Ливерий Аверкиевич. Зачем вы так о нем отзываетесь. А теперь я отвечу вам. Я часто говорил вам, что плохо разбираюсь в отдельных градациях социалистического настроения, и особой разницы между большевиками и другими социалистами не вижу. Отец ваш из разряда людей, которым Россия обязана волнениями и беспорядками последнего времени. Аверкий Степанович тип и характер революционный. Так же как и вы, он представитель русского бродильного начала. – Что это, похвала или порицание? – Я еще раз прошу отложить спор до более удобного времени. Кроме того, обращаю ваше внимание на кокаин, который вы опять нюхаете без меры. Вы его самовольно расхищаете из подведомственных мне запасов. Он нам нужен для других целей, не говоря о том, что это яд, и я отвечаю за ваше здоровье. – Опять вы не были на вчерашних занятиях. У вас атрофия общественной жилки, как у неграмотных баб и у заматерелого косного обывателя. Между тем вы – доктор, начитанный и даже, кажется, сами что-то пишете. Объясните, как это вяжется? – Не знаю, как. Наверное, никак не вяжется, ничего не подделаешь. Я достоин жалости"** (Пастернак: 255–256).

Для предложений, которые используются как связующий элемент, типично, что они содержат дискурсивные дейкитические элементы, с помощью которых осуществляется связь высказывания с комплексными единицами в дискурсе, как, например, в следующих фрагментах диалогов, которые содержат вначале отношение к предыдущему, а потом к последующему. (174) "Петя, – **точас же возвращалась в столовую сестра. – Петя, – говорила она умоляющим голосом, и ее желтое опухшее лицо принимало мученическое выражение: – Там в кастрюле осталось от обеда немного овощного соуса. Можно его для мамы на вечер спрятать? А то мама за обедом опять ничего не могла есть, ее опять мучило от такой пищи...** – Конечно, конечно, можно, – собирал Петр лицо в гримасу беспредельного сострадания к матери и глубокого стыда за себя. – И я не понимаю, Оля, зачем ты меня об этом еще спрашиваешь! Кажется, знаешь, что для мамы-то мы ничего не жалеем! – Как зачем? А если ты потом поднимешь крик на весь дом: "Куда девался соус, который оставался от обеда!" – Я кричу, когда остатки выбрасывают в помойку, а не когда их съедают. – Мы, кажется, ничего никогда не выбрасываем. – Как же. Рассказывай. – **И вообще, Петя, я давно собиралась тебе сказать, что мы должны обратить самое серьезное внимание на питание матери. Я никогда не прошу себе, что мы допустили голодную смерть нашего отца. Это наша вина, это наш грех! И теперь наш долг спасти хотя бы мать. – К чему ты все это говоришь мне, Оля? – нетерпеливо спрашивал Петр. – Разве я что-нибудь возражаю против этого? – Петя, – умоляюще произносила сестра, – будем ежедневно получать для мамы молока! – Но только для нее одной! – резко предупреждал брат, нахмурясь, слышишь? Только для нее! Если увижу, что она раздаст молоко, хотя по капельке, детям или гостям, подниму страшный скандал и покупку молока отменю! Поняла?"** (Никандров: 136–137); (175) "(Живаго Ларе): **Человек рождается жить, а не готовится к жизни. И сама жизнь, явление жизни, дар жизни так захватывающе нешуточны! Так зачем подменять ее ребяческой арлекинадой незрелых выдумок, этими побегами чеховских школьников в Америку? Но довольно. Теперь моя очередь спрашивать. Мы подъезжали к городу в утро вашего переворота. Вы были тогда в большой переделке?"** (Пастернак: 227).

Вернемся к вопросу о том, все ли дискурсорганизирующие средства можно называть структивно-коммуникативными элементами. В качестве сигналов связи особенно часто выступают коннекторы. Для них, как и для темпоральных наречий, характерно следующее: как только они выражают отношения между ситуативными факторами, они могут рассматриваться как структивно-дискурсивные элементы. Важным для отделения структивных элементов от других дискурсорганизирующих

средств представляется разграничение, проведенное Ф. Данешем. Он делит релевантные для текста и его структуры явления на три области: а) когезия текста (в широком смысле); б) темо-рематическая артикуляция; в) коммуникативные функции (типы речевых действий, иллокутивные действия). В области а) он различает три типа отношений: "интерпропозиционные отношения", "композиционные отношения" и "отношения изотопии" (см.: Daneš, 1976). В структурном дискурсе речь идет в первую очередь о композиционных отношениях: специфицирование, обоснование, иллюстрация, дополнения, т.е. отношения, которые далее называются формулирующими действиями. Этот класс выражает отношения между содержательными частями дискурса, они касаются мира дискурса и могут рассматриваться как внутридискурсные. Интерпропозиционные отношения, напротив, соединяют пропозиции и представляют собой, в сущности, слепки общих отношений между вещами и фактами в мире. Речь здесь идет не только о связи двух или более высказываний в одном речевом вкладе, а о присоединении к находящемуся выше, сказанному ранее речевому вкладу того же говорящего или другого участника коммуникации. Введение и указание места расположения выступают здесь одновременно как реализующиеся функции. Более того, подобные выражения вносят свою лепту в осуществление связей. Сравните следующие примеры: (176) "(Лара доктору Живаго): *А теперь, – откровенность за откровенность. Стрельников, о котором вы рассказывали, это муж мой Паша, Павел Павлович Антипов, которого я ездила разыскивать на фронт, и в мнимую смерть которого с такою правотой отказывалась верить*" (Пастернак: 225); (177) "*Darauf hab ich grade vorhin hingewiesen, als ich sagte, dass...*"; "*На это я как раз только что указал, когда я сказал, что...*".

К дискурсорганизирующим функциям относится, наконец, установка релевантности или подчеркивание, выделение: например, определенный объект или событие выдвигается на передний план, в то время как другие события остаются в тени. (178) *Und deshalb möchte ich noch einmal betonen, dass...; И поэтому я хотел бы еще раз подчеркнуть, что...;* (179) *Aber andererseits müsste man berücksichtigen, dass...; Но с другой стороны нужно было бы предусмотреть, что...;* (180) "(Лара доктору Живаго) – Жалко. Своим рассказом вы пробудили во мне сочувствие к нему. А вы изменились. Раньше вы судили о революции не так резко, без раздражения. – **В том-то и дело**, Лариса Федоровна, что всему есть мера. За это время пора было прийти к чему-нибудь" (Пастернак, 223); (181) "(Юрий Андреевич Лайошу) **Однако мы с вами заболтались. Займемся делами. Реорганизация лазарета. Вот что я хотел бы рассмотреть в первую голову**" (Пастернак: 259).

3.5.1.2. РОЛЬ СТРУКТИВОВ В ИНТЕНЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДИСКУРСА

К роли структурного дискурса в интенциональном отношении относится выяснение цели и направленности высказывания, введение или тематизация функциональных единиц, когда обозначается тип текста (например, история, шутка) или функция части текста (обоснование, следствие), а также начало или конец какого-либо диалогического единства. То, что было сказано при тематической организации о вступлениях, относится также и сюда. Структурно-дискурсивные элементы могут выполнять также обе функции, тематическую и интенциональную, как это имеет место в метанарративных высказываниях: они сообщают о начале рассказа и определяют тему рассказа *Ich möchte euch eine Geschichte von X erzählen; Я хотел бы Вам рассказать историю об X;* (182) "*А можно я с тобой поговорю? Ты знаешь, Павлик, тут такая история...*" (Маринина 2: 119); (183) "*Однако вернемся к предмету спора*" (Пастернак: 431); (184) "*Юрий Андреевич не заметил, как сзади подошел к нему Лайош. – Здравствуйте, коллега, – сказал он по-немецки. Они занялись делами. – У нас три пункта. О самогонщиках, о реорганизации лазарета и аптеки, и третий, по моему настоянию, о лечении душевных болезней амбулаторно, в походных условиях*" (Пастернак: 258); (185) "*А я стишок сочинил, – сказал Пашика. – Грека сунул руку в реку, ну а раку хоть бы хны. Грека прыгнул прямо в реку, рака цапнул за штаны*" (Токарева 1: 77); (186) "*У меня есть идея, – вдруг объявил Малих с набитым мясом ртом. – Нам совершенно незачем ждать посылного здесь. Поедем навстречу ему в аэропорт. Вдвоем мы легко отнимем фильмы. И к полуночи вернемся в Париж*" (Чейз 1: 183); (187) "*Houdek: Ja, Herr Starkbaum, bevor ich mich aus dem Gespräch ausklinken werde, ich hab' noch einen Termin, ich bitte um Verständnis, ich möchte Ihnen vorschlagen, wir schicken Ihnen einen Vertragsentwurf zu*" (Tenberg: 42).

Эксплицитное маркирование отдельных речевых действий выступает в данном случае как предсказание, предструктурирование дальнейших действий. Следует принять, что постзакрывающее маркирование имеет дополнительную функцию: наряду с обозначением окончания – функцию экспликации или объяснения. Дискурс, как комплексная функциональная единица, может иметь в качестве эксплицитных окончаний структурные высказывания, что особенно характерно для официальных дискурсов. Например: (188) (*Руководитель дискуссии*) *Wir beenden anscheinend die Diskussion hier; Мы, по-видимому, закончим дискуссию здесь;* (189) "*Interviewer: Das ist interessant. Herzlichen Dank für das Gespräch*" (Conlin: 168); "*Интервьюирующий: Это интересно. Большое спасибо за беседу*"; (190) "*Herr Weber: Vielen Dank für die Einladung, Herr Noske, ich freue mich drauf!*" (Conlin: 168); "*Господин Вебер: Большое спасибо за приглашение, господин Носке, я рад этому*"; (191) "*Herr Becker: Recht herzlichen Dank für den interessanten Rundgang, Frau Brett*" (Conlin: 166); "*Господин Беккер: Сердечное спасибо за интересную экскурсию, госпожа Бретт*"; (192) "(Живаго Стрельникову) – Я знаю все, что вы обо мне думаете. Со своей стороны вы совершенно правы. Но спор, в который вы хотите втянуть меня, я мысленно веду всю жизнь с воображаемым обвинителем и, надо думать, имел время прийти к какому-то заключению. В двух словах этого не скажешь. Позвольте мне удалиться без объяснений, если я действительно свободен, а если нет – распоряжайтесь мною. Оправдываться мне перед вами не в чем" (Пастернак: 194–195). В примере 192 приводятся слова, заключающие беседу между доктором Живаго и командиром Красной Армии Стрельниковым. Живаго квалифицирует состоявшийся разговор как спор и объясняет свою позицию по затронутым вопросам.

Типичными примерами структурных дискурсивных элементов, имеющих интенциональное предназначение, являются предложения или части предложений, которые называют действия, а также существительные или глаголы, называющие виды текстов. Сравните следующие примеры: (193) *Wollen wir diskutieren; Давайте подискутируем;* (194) "*Маланья собралась было идти, но Мишка задержал ее: – Баба Маланья, у меня к тебе просьба... – Ну. – Если тебя спросят...*" (Токарева 2: 175); (195) "*Почему же, позволь спросить, я не выиграю процесса? – поинтересовалась Галина Ивановна, прищуривая глаза и вздергивая брови*" (Маринина 5: 189); (196) "*Теперь, Славка, я скажу тебе еще одну вещь*" (Маринина 5: 94); (197) "*Забудьте на минуту про все ваши дела и послушайте внимательно, что я сейчас вам скажу, а то потом, боюсь, забуду!*" (Никандров: 135); (198) "*Я тебя спрашиваю, будешь ты мне работу поганить, касимовская невеста, Алла мулла косые глаза?*" (Пастернак: 34).

В лингвистической литературе поднимался вопрос об упорядочивании, классификации перформативных вводящих единиц. Так, Е. Тииттула предлагает положить в основу классификации перформативных высказываний и речевых действий, вводящих дискурс, синтаксическую структуру предложений [см.: Tiittula 1993]. Рассматривая следующие примеры: (199) *Ich möchte eine provokatorische Frage stellen. Warum müssen wir so vorgehen?*; Я хотел бы поставить провокационный вопрос. Почему мы должны действовать так? и (200) *Ich möchte fragen, warum wir eigentlich so vorgehen müssen*; Я хотел бы спросить, почему мы, собственно говоря, должны действовать так, Е. Тииттула констатирует, что первый фрагмент дискурса состоит из двух высказываний и двух иллокутивных действий. При этом первое высказывание в нем служит тому, чтобы сообщить об иллокутивном действии, которое осуществляется через второе высказывание. Во втором примере, напротив, имеется иллокутивное действие и высказывание, которое состоит из сложного предложения. Первая часть предложения является составной частью при исполнении соответствующего иллокутивного действия. Таким образом, к метадискурсу Е. Тииттула относит только объявления, имеющие статус действия, но не высказывания, являющиеся составной частью иллокутивного действия [см.: Tiittula 1993: 67]. С другой стороны, как утверждает вышеназванный автор, при определении функции нельзя исходить только из синтаксических критериев. Не существует, как известно, одно-однозначных соответствий между функциональными и структурными единицами. К этому следует добавить, что если иллокутивное действие тематизируется, одновременно тематизируется акт высказывания. Ср.: *Ich sage dir, dass...*; Я говорю, что...; (201) *"Так вот что я вам скажу, Константин Михайлович..."* (Маринина 5: 175), что указывает на то, что речь идет об одном формулирующем действии. Тииттула Е. отличает при этом действия, продуцирующие текст, от иллокутивных действий. Это значит, что языковые действия, такие как, например, просьбы, обещания и вопросы не следует причислять к действиям, продуцирующим текст, т.е. структурам. Вводные слова, однако, могут при этом рассматриваться как действия, продуцирующие текст, или структуры и метадискурс, если отношение к иллокутивному действию выражается высказыванием объявления, пояснения, подчеркивания, выделения и т.п. По этому критерию второе предложение в примере 202 квалифицируется как структурный дискурс. (202) *Warum müssen wir so vorgehen? Das war eine Frage an euch*; Почему мы должны действовать так? **Это был вопрос к Вам.** В примере 200 речь идет в этом смысле о проблематичном случае. Вводные высказывания, которые в данном случае состоят только из речеактового глагола и модального глагола, можно также рассматривать как типичную смягчающую технику. С другой стороны, выражения, которые используются для определения функции высказывания, зачастую мультифункциональны, и выяснение первичной функции высказывания представляет определенные трудности. Так, первое предложение в примере 199 характеризуется наличием абстрактного существительного, референтного последующему. С такими заявлениями говорящий может обеспечить себе право речи.

Рассмотрим еще несколько примеров из корпуса предложений с перформативными глаголами и отглагольными существительными, в которых отчетливо выражена интродуктивная функция. (203) *"Ja, Herr Kästner, ich habe Ihre Bewerbungsunterlagen hier vorliegen und habe nur noch ein paar Fragen. Für uns sind Fremdsprachen besonders wichtig. Wie viele sprechen Sie denn?...Für Sie ist Spracherlernen wohl ein Hobby?... Wo haben Sie eigentlich studiert?"* (Höffgen: 232); *"Да, господин Кэстнер, передо мной лежат Ваши бумаги с заявлением на работу, у меня есть только пара вопросов. Для нас особенно важно знание иностранных языков. На скольких языках Вы говорите?"*; (204) *"Guten Tag, ich sehe, Sie interessieren sich für unser Viscosangebot. Kann ich Ihnen vielleicht einige Informationen dazu geben?"* (Höffgen: 244); *"Добрый день, я вижу, Вы интересуетесь нашим предложением вискозы. Могу ли я Вам дать некоторую информацию?"*; (205) *"Граф приезжает к своему старшему брату и говорит: Так и так, брат, я к тебе с большой моей просьбой: отпусти мне перед вечером твоего Аркашку, чтобы он меня как следует в хорошее положение привел. Я давно не брился, а здеиные цирюльники не умеют"* (Лесков 2: 54); (206) *"Простите, я понимаю, что затрагиваю нечто дорогое, сокровенное. Но если можно, я еще **расспрошу** вас"* (Пастернак: 348). Такие интродукции, которые содержат один речевой глагол или соответствующие существительные, можно рассматривать как структурно-дискурсивные элементы. Это не касается того случая, если они являются существенной составной частью речевого акта, как в примерах 207 и 208. (207) *"Ich möchte meine Standreservierung bestätigen"* (Höffgen: 243); *Я хотел бы подтвердить мое резервирование места*; (208) *Ich verspreche dir zu kommen*; Я обещаю тебе прийти. Наиболее четко функцию интродукции выполняют репрезентативные высказывания. Они являются яркими примерами структурных элементов, где наличие речеактового глагола для выполнения иллокутивного действия необязательно. Это позволяет доминировать интродуктивной функции над перформативной.

Наряду с речеактовыми глаголами, называющими иллокутивную функцию, во вступлении встречается нейтральный глагол, который оставляет открытой, спорной иллокутивную функцию высказывания. Эти высказывания именуют "метакоммуникативными пустыми фразами" [см.: Schwitalla 1976], так как они зачастую фигурируют как идиомы. Швиталла Й. на примере интервью с политиками установил, что в этих пустых фразах речь идет так же, как и в других метакоммуникативных высказываниях, о дефиниции отношения. Часто эти пустые фразы содержат модальные глаголы (*können, müssen, dürfen, могу, должен, должна, разрешите*), которые в сочетании с определенными частицами (*nur, doch, только, все-же*) выражают определенные установки и чувства (как, например, нежелание, критику, нетерпение). Сравните: *Ich muss allerdings sagen, dass...*; *Ich sage, dass...*; *Hierzu könnte ich nur sagen, dass...*; *Ja, dazu möchte ich sagen, dass...*; *Я должен, впрочем, сказать, что...; Я говорю, что...; К этому можно было бы добавить, что...* Эти пустые фразы для некоторых говорящих настолько типичны, что они могут рассматриваться как определенный вид ошибок. Как и многим семантически пустым фразам, этим глаголам свойственно одновременно несколько функций. Например: (209) *"Я хочу сказать, – горевать об этом сейчас не твоя печаль, а людей, любящих тебя, вроде меня. Это я должен рвать на себе волосы и приходить в отчаяние от опоздания, от того, что меня не было уже тогда с тобой, чтобы предотвратить случившееся, если оно правда для тебя горе"* (Пастернак: 300). (210) *"В таком случае **позвольте заметить следующее**. Этот пункт о военных специалистах беспокоит меня. Мы, рабочие, участники революции девятьсот пятого года, не привыкли верить армейщине. Всегда пролезает с ней контрреволюция"* (Пастернак: 243). В приведенных примерах подчеркнутые высказывания интродуцируют последующий текст, выражая при этом определенные чувства. В то же время они уточняют мысль говорящего (209), смягчают резкость высказывания, делая речь более вежливой (210).

При разграничении структуров нельзя исходить из отдельных лексем, если даже определенные лексемы являются индикаторами структурного дискурса. В качестве индикатора отграничения метадискурсивных высказываний предлагается различие между обоснованием собственного высказывания и описанием отношений между фактами действительности, т.е. между внутритекстовыми и внешнетекстовыми отношениями. При этом внешнетекстовые отношения представляют собой

фундамент для внутритекстовых отношений. Та же самая проблема разграничения возникает при рассмотрении высказываний, которые содержат соответствующие глаголы. Например: *Es ist darauf zurückzuführen... / Es liegt daran, dass...; Это зависит от того, что...; Дело в том, что...* Из метадискурсивных элементов Е. Тииттула исключает также глаголы, обозначающие акт декодирования текста, как, например, *hören, erfahren; слышать, узнавать, смотреть, видеть* и т.п. В данном случае мы считаем, что названные глаголы могут выступать в качестве структурных дискурсивных элементов, если они направлены на организацию беседы и используются для привлечения внимания респондентов (примеры 211, 213, 214), а не обозначают действие или процесс, как в примерах 212 и 215. Сравните: (211) "**Слушай**, Патуля, – сказала Лара. – У меня затруднения. Надо помочь мне выбраться из них" (Пастернак: 179); (212) "(Доктор Живаго Ларе) **Слушайте**. На минуту оставьте уютю и **слушайте**. Скоро тут произойдет невообразимая свалка" (Пастернак: 198); (213) "Мы недостаточно бережемся. Надо быть осторожнее. **Слушай**. Ты не спишь?" (Пастернак: 153–154); (214) "**Слушайте**, да ведь это ж красота, боже мой! Не ценили, проглядели жизнь, проворонили какую страну..." (А. Толстой: 85); (215) "Доктор и Самдевятюв сидели на краю теплушки с краю, свесив за порог ноги. Самдевятюв все время что-то объяснял Юрию Андреевичу, показывая вдаль рукой. Временами грохот раскатившейся теплушки заглушал его, так что нельзя было расслышать. Юрий Андреевич переспрашивал. Анфим Ефимович приближал лицо к доктору и, надрываясь от крика, повторял сказанное прямо ему в уши. – Это иллюзия "Гигант" зажгли. Там юнкера засели. Но они раньше сдались. Вообще бой еще не кончился. Видите черные точки на колокольне. Это наши. Чеха снимают. – Ничего **не вижу**. Как это вы все различаете? – А это Хохрики горят, ремесленная окраина. А Колодеево, где находятся торговые ряды, в стороне. Меня почему это интересует. В рядах двор наш. Пожар небольшой. Центр пока не затронут. – Повторите. **Не слышу**. – Я говорю, – центр, центр города. Собор, библиотека. Наша фамилия, Самдевятювы, это переделанное на русский лад Сан Донато. Будто из Демидовых мы. – **Опять ничего не разобрал**" (Пастернак: 198–199). Нельзя, однако, отрицать, что помимо номинации действия подчеркнутые глаголы служат одновременно организации коммуникативного процесса. В некоторых случаях такие дискурседейктические элементы полностью десемантизируются: (216) "Но, **глупышка, видите ли**, надумал играть в железку с накладкой" (А. Толстой: 40); (217) "Вы что это обрились? – мрачно сказал Бурштейн, – Я сразу и не узнал, странно, странно... – Пыль, **знаете, жара, взял, знаете**, и побрился, – пробормотал Семен Иванович" (А. Толстой: 118). Средства, структурирующие дискурс на уровне общего разговора, те же самые, что и на уровне отдельного речевого вклада.

Наконец, следует указать еще на две связанные между собой родственные функции структурно-дискурсивных элементов. Они могут служить средствами **парафразы и корректирующих сигналов**. В обоих случаях речь идет об объявлении, об отклонении от темы и других побочных следствиях. При этом при парафразировании и корректуре не намечается никакой тематической прогрессии. Так, Р. Рат подчеркивает, что при парафразировании соблюдается константность темы–ремы, а при корректуре аннулирование темы–ремы или их частичное аннулирование [Rath 1979: 188]. Данное положение вызывает, однако, возражения. Разные типы парафраз, например, парафразы экспансии (спецификация, уточнение и экспликация), вариации и редукции (резюме и доминация) имеют различные семантические отношения между составляющими их членами, поэтому осуществить тема-рематический анализ здесь довольно сложно.

По наблюдениям Р. Рат, объявления-парафразы делятся на два класса. Первый класс состоит из двучленных парафразовых объявлений. Они содержат момент объявления, говорения, а также момент аспектуализации, который в свою очередь детерминирует оглашение, извещение. Например: *Ich drück mich noch vorsichtiger aus; etwas allgemeiner ausgedrückt; Я выскажусь еще осторожнее; вообще говоря*. Второй класс охватывает одночленные парафразовые извещения, которые содержат только момент говорения. Например: *Oder sagen wir...; или скажем так*. Вторым видом парафразовых извещений Р. Рат называет слово *also*. В русском языке ему соответствует слово *итак*. Например: (218) "Мы зашли в небольшой ресторанчик, где практически не было посетителей, и заказали по двойному виски. – **Итак**, в чем дело? – Мне очень жаль, Мейсон, но редакция не может дальше печатать твои статьи" (Чейз 3: 314); (219) "**Итак**, приятель, пришло время немного побеседовать" (Чейз 3: 326). В диалоге 217 парафраза *итак* обозначает начало диалога между журналистом Мейсоном и редактором Джонсоном, причем тема диалога была согласована заранее. В качестве парафраз-индикаторов могут использоваться выражения, выполняющие помимо парафразирования функцию корректирования. Сравните: *Der grösste Teil, sagen wir, etwa siebzig Prozent...; Большая часть, скажем, 70 процентов...* В современном русском языке эквивалентом данному выражению выступают высказывания *скажем так, как говорится*.

Среди корректирующих сигналов могут быть выделены также два класса. Первый класс охватывает различные сигналы, которые зачастую конституируются подобно парафразовым объявлениям: они содержат момент говорения, который может быть дополнительно детерминирован аспектом корректировки. Например: *Ich würde es fast sagen, ich möchte es noch deutlich sagen; я бы сказал так*. Второй класс содержит незначительное число отдельных слов, которые также могут выступать в комбинации с другими, например, *oder, also, vielleicht, beziehungsweise, или, итак, возможно*. Если корректура маркируется этими словами, она может осуществляться без обрыва конструкции или нарушения синтаксических правил и протекать, таким образом, незаметно, например: (220) "Эта Войтесса, **между нами говоря**, порядочная дрянь. Я ее знаю" (Пастернак: 81).

Под **маркированием продуцируемых форм** понимается функция, которая относится к формам высказывания: они маркируют форму протекания или структуру коммуникативного акта, как, например, *короче говоря, kurz gesagt*. Эти высказывания относятся к группе, которую называют разговорными, комментирующими формулами, конверсационными клише. Однако не все из них имеют дискурструктурирующую функцию. Для комментирования высказывания используются следующие конверсационные формулировки: *im Vertrauen gesagt, streng genommen, auf gut Deutsch gesagt, übertrieben gesagt, offen gesagt, ehrlich gesagt, im Ernst, kurzum, nebenbei gesagt, um es deutlich zu sagen, um es zu wiederholen, откровенно говоря, строго говоря, честно говоря, если серьезно, короче, между прочим, чтобы выразиться более четко, повторяя сказанное* и т.п. (221) "Was sagen Sie dazu? – **Streng genommen** ist dieses Vorgehen zu verurteilen; Что вы на это скажете? – **Строго говоря**, такое поведение следует осудить" [Городникова 1999: 262]; (222) "Революция вырвалась против воли, как слишком долго задержанный вздох. Каждый ожил, переродился, у всех превращения, перевороты. **Можно было бы сказать**: с каждым случилось по две революции, одна своя, личная, а другая общая" (Пастернак: 117).

Общим для этих формулировок является то, что говорящий их употреблением определенным образом комментирует свое высказывание и его место в дискурсе, внутри вербальной интеракции, чтобы гарантировать или предструктурировать интендируемый таким образом речевой шаг. Функция обеспечения понимания признается многими лингвистами как важ-

нейшая [см.: Богин 1993, Маеева 1999, Vieweger 1978: 113]. С помощью конверсационных формул, комментирующих высказывания, говорящий дает указания к пониманию его языковых действий и объясняет их употребление в конкретной коммуникативной ситуации, чтобы тем самым обеспечить предполагаемое понимание.

Дизъюнктивные наречия в структуре предложения передают комментарий говорящего о форме своего высказывания и дефинируют каким-либо образом условия, при которых он говорит, например: *frankly, briefly, generally, literally, putting it bluntly, if I may say so, to be precise*, в русском языке: *если можно так сказать, вообще говоря, если быть точным, вообще, в общем* и т.п. Например: (223) "То, что случилось со мной, какое-то сумасшествие, – начала она. – **В общем...** Вы помните тот день, когда вы пригласили меня на ленч?" (Чейз 3: 285). К простым формам может быть добавлен речеактивный глагол, при этом в качестве подлежащего выступает местоимение первого лица (ср.: *I tell you frankly* или *I say frankly*; *Я говорю Вам откровенно*; *Я говорю искренне*). Например: (224) "**И вообще, Петя, я давно собиралась тебе сказать**, что мы должны обратить самое серьезное внимание на питание матери" (Никандров: 136). Из вышеназванных примеров, согласно Р. Рат, могут быть выделены две семантические группы. К первой группе относятся высказывания, фокусирующие внимание на отношении говорящего к продуцируемой речи (*im Vertrauen gesagt, ehrlich gesagt; откровенно говоря, честно говоря*). Другие высказывания указывают на выбор слов или на то, как говорящий хотел бы расценивать свои слова (*kurz, übertrieben gesagt, короче, преувеличенно говоря; короче говоря, строго говоря, по сути/по существу*). По этой классификации только элементы второй группы можно было бы причислить к структивному дискурсу, поскольку они содержат высказывания о виде и способе формулирования. Функционально такое разграничение не убедительно, поскольку оба типа могут относиться к формулирующим действиям. Обе группы содержат выражения, которые используются, чтобы предотвратить коммуникативные конфликты. Эти конфликты могли бы возникнуть, например, из-за нарушения определенных социальных норм и ожиданий. Оба типа могут рассматриваться как средства обеспечения понимания. Например: (225) "**И затем вот что. Позвольте уж я по-деловому.** Я давно хотел, это моя священная обязанность... С тех пор как Луна... Вот тут небольшая сумма, наградные за ее окончание... Нет, позвольте, позвольте... Нет, прошу вас, не упирайтесь... Нет, извините, пожалуйста. – И, уходя, он заставил ее, несмотря на ее возражения, слезы и даже что-то вроде драки, принять от него банковский счет на десять тысяч" (Пастернак: 81). В приведенном примере Кологривов, предлагая помощь Ларе, использует метакурсивные высказывания, чтобы не обидеть ее. (226) "**Если позволите, Владимир Андреевич, я расскажу п-подробно.** Эраст Петрович достал из кармана блокнот, перелистнул несколько страничек... – Как помнит ваше сиятельство, в minulом году я провел несколько месяцев в Англии, в связи с известным вам делом о пропавшей переписке Екатерины Великой..." (Акунин 2: 161). В последнем примере подчеркнутое высказывание является структивом, поскольку предопределяет размер дискурса.

Некоторые из клише, комментирующие высказывания, используются в технике смягчения или вежливости. Особенно примечательной является ограничительная функция, манифестируемая высказываниями с союзом *aber*, русским *но*. Такие высказывания как *don't take this badly, but, this is probably a dumb question, but; не поймите меня превратно, возможно, это глупый вопрос, но...* используются для контроля отношения слушающего, чтобы ограничить число возможных реакций, особенно негативных, таких как критика или возражение. Следует отметить, что в отличие от метакоммуникативных такие высказывания не обязательно относятся к форме выражения. Поэтому некоторые лингвисты не рассматривают в качестве структивного дискурса оценку речи, или высказывания, которые имеют хединговую, т.е. ограничительную функцию, но одновременно не работают на структуру дискурса, т.е. не являются структивами. Исключаются, таким образом, из структивного дискурса такие смягчающие выражения, как *so genannt, так называемый, sozusagen, так сказать* и предложения *man könnte sagen, можно было бы сказать*, а также *sagen wir mal* в хединговой функции или как дополнение.

В заключение раздела о структивно-дискурсивных и конверсационных формулах, комментирующих высказывания, следует констатировать, что эти группы частично пересекаются. Так, в примерах 227 и 228 одни и те же высказывания осуществляют оценку речи и структурируют дискурс. (227) "**Давайте я вам все расскажу об этом деле, – предложил я, – а потом вы увидите, куда вы попали. – Попала? Я улыбнулся. – Да, боюсь, что попали. – Я закурил новую сигарету. – Я расскажу вам так, будто вы ничего не знаете. Это поможет вам многое понять, если вы в самом деле ничего не знаете**" (Чейз 3: 290); (228) *Ich kann mich gewissermassen stichwörtlich darauf fassen; Я могу в определенной мере коснуться этого в общих чертах*. В примере 227 подчеркнутое предложение является началом рассказа об истории фирмы Маккензен, т.е. структурирует дискурс, а также содержит характеристику изложения данного сообщения.

3.5.1.3. РОЛЬ СТРУКТИВОВ В ЧЛЕНЕНИИ ДИСКУРСА И РЕЧЕВЫХ ВКЛАДОВ

Структивно-дискурсивные элементы могут осуществлять организацию диалога на всех его этапах – инициировании, окончании диалога. Такие высказывания относятся также к общему ходу дискурса, т.е. к макроструктуре, иными словами, уточняют как глобальное, так и локальное членение дискурса. Эксплицитное отношение к глобальному членению открыто выступает, в первую очередь, в официальных и тематических ситуациях, как, например, в дискуссиях и рефератах, что, по-видимому, связано также с длиной тематических дуг и речевых вкладов. Типично для этого вида структивов является то, что они встречаются в начале дискурса и то, что при этом ход дискурса или его тема заявляются руководителем дискуссий. (229) "*So, Frau Krüger, jetzt kommen wir endlich dazu, mal in Ruhe über die Buchherstellung in unserem Verlag zu sprechen*" (Höffgen: 257); "*Так, госпожа Крюгер, сейчас мы, наконец, подошли к тому, чтобы спокойно поговорить об изготовлении книг в нашем издательстве*"; (230) "*Wir sind hier in Nürnberg, bei dem Zeitarbeitsunternehmen B. Timmermann, und sprechen mit Frau Ruprecht, der Geschäftsführerin des Unternehmens. Frau Ruprecht, was ist das eigentlich, ein Zeitarbeitsunternehmen?*" (Höffgen: 259); "*Мы здесь в Нюрнберге, на предприятии временной работы и разговариваем с фрау Рупрехт, генеральным директором предприятия. Госпожа Рупрехт, что это такое, предприятие временной работы?*". На локальном уровне структивный элемент может быть тематическим отрывком, речевым вкладом, высказыванием, т.е. зачастую небольшим отрывком, таким как парафразы и корректуры. При локальном членении имеются, таким образом, различия в отношении объема части структурируемого дискурса. Понятиям "локальный" и "глобальный" может быть, кроме того, приписан относительный характер, так как встречаются пограничные случаи. Большая часть примеров является структивными элементами локального характера. Локальные интродукции речевых вкладов вводят последующее функциональное единство или маркируют тематические отступления и второстепенные секвенции. Например: (231) "*Moderator: Herr Emmeluth, Sie bekommen von VW jetzt keine Son-*

derzahlung mehr. Ist das für Sie ein großes Problem? – Herr Emmeluth: Na ja, schön ist es nicht. Wir haben früher die Zahlung dazu benutzt, unsere Heizölrechnung für das ganze Jahr zu bezahlen. Das können wir jetzt nicht mehr. Aber ich mache das jetzt monatlich. Dann tut es nicht so weh. **Und übrigens: Wir haben so viel gespart, dass wir dieses Jahr sogar in Urlaub fliegen können**" (Höffgen: 234). – "Модератор: Господин Эммелут, Вы не получаете сейчас от фирмы Фольксваген особую выплату. Это для Вас большая проблема? – Господин Эммелут: Ну да, хорошего тут нет. Мы раньше использовали особую выплату, чтобы оплатить наше отопление за весь год. Это мы теперь не можем. Но я это делаю ежемесячно. Тогда это не так болезненно. **А впрочем: мы так много сэкономили, что мы в этом году даже можем полететь в отпуск**". Таким образом, посредством структивов достигается оформление рисунка и направления коммуникации, т.е. общей схемы движения речевых актов.

При организации мены ролей и членения речевых вкладов структивно-дискурсивные элементы выступают в следующих функциях: 1) они эксплицируют диалогический ход беседы, осуществляют дистрибуцию права говорения; 2) маркируют границы речевых вкладов, т.е. введение и окончание; 3) уточняют внутреннее членение речевых вкладов. В первой названной функции структивные элементы характеризуют активы руководителя беседы, как в следующих примерах. (232) "Das war also ein kurzer Überblick über unsere Firma. Möchte jemand eine Frage stellen?" (Conlin: 168); "Итак, это был краткий обзор нашей фирмы. Хотел бы кто-нибудь задать вопрос?"; (233) "Um noch mal auf die Anfänge zurückzukommen: 1964, das ist wirklich schon sehr lange her. Warum wurde damals ein Zeitarbeitsunternehmen gegründet?" (Höffgen: 260). – "Чтобы еще раз вернуться к истокам: 1964, это, действительно, уже очень давно. Почему в то время было основано предприятие временной работы?". Границы речевых вкладов маркируются как вербальными, так и авербальными сигналами. Сигналы открытия, начала наиболее привычны, чем сигналы окончания, богатство их форм намного значительнее. Типичны семантически пустые лексемы, как, например, *na*, *ну*, *ja*, *da*. Минимальные сигналы членения вряд ли можно рассматривать как структивный дискурс, если они маркируют только цезуры и фигурируют как "держатели места" и не содержат никакой эксплицитной информации о дискурсе.

Наряду с сигналами членения выступают также расширенные интродукции. Они ограничиваются предположительно формальными ситуациями и связаны зачастую с другими функциями: с взятием речевого шага или с сообщением о речевом намерении и одновременно также с коннекцией. Более того, они могут служить тому, чтобы перекрыть речевые лакуны. Следующие примеры призваны продемонстрировать эти функции. (234) "Kann ich Ihnen vielleicht einige Informationen zu diesen Druckern geben?" (Conlin, 181); "Могу ли я Вам дать некоторую информацию об этих нажимных кнопках?"; (235) "Ja, darf ich vielleicht an dem Punkt gleich mal auf die letzte Besprechung zu sprechen kommen, also, diese vier Punkte, die wir da vereinbart haben und die vielleicht Frau Tanberg nicht kennt..." (Tenberg: 40); "Могу ли я в настоящий момент говорить о последнем обсуждении? Итак, эти четыре пункта, которые мы тут согласовали и о которых, вероятно, не знает фрау Тенберг..."; (236) "Darf ich dazu mal etwas sagen; Mozu я по этому поводу кое-что скажам?"; (237) "Entschuldigung, dass ich unterbreche...; –Извините, что я Вас перебиваю; (238) "Wenn ich noch mal schnell das Wort ergreifen darf; Если я еще раз могу взять слово; (239) "Tenberg: Und wir würden dann die restlichen Firmen betreuen, selber... – Starkbaum: Also, wenn ich gerade noch mal was sagen darf – also gerade zu Sainsbury haben wir ja ganz hervorragende Kontakte" (Tenberg: 41); "Тенберг: А оставшиеся фирмы мы тогда курировали бы, сами... – Штаркбаум: **Итак, если я еще раз могу сказать – итак, как раз с Сэнсбери у нас замечательные контакты**"; (240) "Вдруг Стрельников заговорил о революции. – Все это не для вас. Вам это не понять. Вы росли по-другому.... **Однако перед тем как продолжать, считаю долгом сказать вам вот что.** Дело в следующем. Вам надо уходить отсюда, не откладывая, если только жизнь дорога вам... Я у вас недолго пробуду, только переночую, а утром уйду. **Итак, с вашего позволения, я продолжаю**" (Пастернак: 346); (241) "Отчего Христина Орлецова, а не Дудорова? – Мы ведь еще не были женаты. Летом сорок первого года мы дали друг другу слово пожениться в конце войны.... – Прости, **что я навел тебя на разговор о ней.** Для тебя это должно быть тяжело. – Не в этом дело. **Но мы заболтались.** Я не хочу мешать тебе. Раздевайся, лезь в воду и займись своим делом" (Пастернак: 379). Наряду с минимальными сигналами членения и эксплицитными интродукциями имеется ряд синтагм, которые первично имеют другую функцию, чем членение дискурса. Они с трудом подвергаются классификации. Сюда относятся: *Weisst du was*; *Знаешь что, weisst du, знаешь, pass mal auf, hör mal, послушай*. Все являются одновременно контактоустанавливающими сигналами. Одновременно они сообщают о том, что последующее высказывание представляет собой мнение говорящего: *Ich meine, meiner Meinung nach, ich bin der Meinung dass, ich glaube, ich glaube dass, я думаю, я считаю, я придерживаюсь того мнения что, я полагаю* и т.п. Например: (242) "Starkbaum: **Ich meine, ich habe Ihnen diese Kunden genannt**" (Tenberg: 41); "Штаркбаум: **Я полагаю, я назвал Вам этих клиентов**". Последние особенно типичны для аргументативных речевых вкладов. Следует также отметить, что они активно выполняют интродуктивную функцию. Интродуктивная функция высказывания *Ich meine, dass...; Я думаю, что* пересекается с функцией установки говорящего. Оно служит технике смягчения: высказывание формулируется не как утверждение с претензией на истину, а как собственное мнение говорящего. Следует также отметить, что это клише употребляется настолько часто, что его первичное значение частично десемантизировалось. Таким образом, это и подобные ему выражения служат зачастую в качестве интродукции и не означают непременно, что последующие высказывания продуцируются лишь как мнение говорящего. По этим соображениям можно считать интродукцию *Ich meine, dass...; Я думаю, что* структивным дискурсом, несмотря на то, что речь идет о пограничном случае и полифункциональность высказываний в соответствующих контекстах создает трудности в членении дискурса.

Эксплицитные окончания речевых вкладов встречаются реже, в повседневной жизни они едва заметны. Также мало в нашем корпусе примеров семантически пустых – десемантизированных сигналов окончания. Заканчивающие пустые фразы встречаются часто после длительных пауз: они функционируют как дополнительный знак того, что говорящий закончил свой речевой вклад и хочет передать роль говорящего. Примерами эксплицитных окончаний могут служить следующие: *und sonst wohl nichts weiteres; und so; das wäre alles; это, пожалуй, все; вот так*.

Итак, структивные элементы дают возможность коммуникантам уточнить свои ролевые позиции, точно выразить свои интенции и правильно ориентироваться в динамике каждого речевого акта.

Между диалогоорганизующим, тематическим и интенциональным аспектами организации дискурса прослеживается явная связь. Если говорящий хочет сохранить право речи на многие высказывания, сделать длительный речевой вклад, он должен вначале сигнализировать об этом. Это значит, что при тематическом и интенциональном структурировании речевого

вклада организуется распределение ролей говорящего и слушающего, что обуславливает накладку различных организационных форм. Для обеспечения права говорения могут также служить структурно-дискурсивные элементы, которые уточняют внутреннее членение речевого вклада, как, например: *erstens... zweitens; во-первых, во-вторых; Ich spreche zuerst zum Punkt... dann...; und das andere...; Я скажу вначале по пункту... потом... а другое...;* (243) "Starkbaum: Also, als **erstens** glaube ich, hatten wir uns darauf geeinigt, dass ich die Kunden Sainsbury, Tesco, Asda, Safeway, Waitrose, Dee Corporation und Budgens für Sie in England betreue. Dann der **zweite** Punkt, das war, dass ich Warenrechnungen für Sie gegen Provision ausstelle" (Tenberg: 40); "Штаркбаум: Итак, **во-первых**, думаю я, мы пришли к единому мнению, что я курирую клиентов Сэнсбери, Теско, Асда, Сейффей, Вайтрозе, Де Корпорейтин и Будгенс для Вас в Англии. Потом, **второй пункт**, это то, что я выставляю счета за товары для Вас против комиссионных".

3.5.1.4. РОЛЬ СТРУКТИВОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ РЕФЛЕКСИИ

В особый раздел следует отнести сигналы о приеме информации или краткие комментарии. Эти выражения служат цели сигнализировать партнеру, что его речевым вкладом внимательно следуют, в то же время, использование отдельных метакоммуникативных высказываний дает возможность говорящему создавать себе время для обдумывания или для размышления. Сравните: (244) "Herr Lang: Ja, Frau Maiwald, wie kommt es, dass Herr Baumann so plötzlich kündigt? Ist der Grund das Gehalt oder das Betriebsklima? – Frau Maiwald: Nein, er hat ganz persönliche Gründe. Er ist ein Autonarr und will unbedingt schnelle Autos konstruieren. Ausserdem wohnt seine jetzige Lebensgefährtin in München. Deshalb geht er zu einer Münchener Firma. – Herr Lang: **Ach so! Das ist verständlich. Was schlagen Sie vor?**" (Kelz: 100); "Господин Ланг: Да, фрау Майвальд, как это случилось, что господин Бауман так вдруг увольняется? Является ли причиной зарплата или производственный климат? – Фрау Майвальд: Нет, у него личные причины. Он увлекается автомобилями и хочет непременно конструировать автомобили с большими скоростями. Кроме того, его спутница жизни живет в Мюнхене. Поэтому он уходит в Мюнхенскую фирму. – Господин Ланг: **Ах, так! Это понятно. Что Вы предлагаете?**"; (245) "Frau Brett: Und ist es Ihr erster Besuch hier, Herr Becker? – Herr Becker: Nein, letztes Jahr war ich zwei Wochen hier im Urlaub. – Frau Brett: **Aha. ... Und woher kommen Sie in Deutschland?** – Herr Becker: Aus Regensburg in Bayern. Ich wohne und arbeite aber seit vielen Jahren in Hamburg. – Frau Brett: **Ach so! Ich war auch einmal in Hamburg**" (Conlin: 165); "Госпожа Бретт: Это Ваш первый визит к нам, господин Беккер? – Господин Беккер: Нет, в прошлом году я был две недели здесь в отпуске. – Госпожа Бретт: **Ага. ...А откуда вы родом в Германии?** – Господин Беккер: Из Регенсбурга в Баварии. Но я живу и работаю уже несколько лет в Гамбурге. – Госпожа Бретт: **Ах, так! Я тоже была однажды в Гамбурге**"; (246) "Rezeption: Die Zimmer zum Preis von 225 Mark sind im Neubau, sie sind etwas grösser, mit einem grossen Schreibtisch und Minibar. Die zu 168 Mark sind etwas kleiner, aber auch mit Minibar. – Frau Lindt: **Aha, ich verstehe. Ist das mit Frühstück?**" (Conlin: 177); "Администрация гостиницы: Комнаты по цене 225 марок в новом здании. Они немного побольше, с большим письменным столом и минибаром. Комнаты по 168 марок немного поменьше, но также с минибаром. – Фрау Линдт: **Ага, я понимаю. Это с завтраком?**"; (247) "Herr Pfeil: Du weisst doch: hier bei der Kirche rechts, die Sonnenstrasse links, die Milchgasse hier rechts, da ist deine Schule. – Matti: **Ja, ja, ich weiss**" (Häussermann: 190); "Господин Пфайл: Ты же знаешь, здесь у церкви справа, на Солнечную улицу налево, справа Молочный переулок, тут твоя школа. – Матти: **Да, да, я знаю**"; (248) "Вы угадали, – сказал Вадим. – У меня несчастье. Пропала собака. – **А... Это я понимаю**, – серьезно посочувствовал Нисневич" (Токарева 3: 130); (249) "Репортер повернулся и уставился на девушку. – Это Люсиль Балло. Славная крошка, правда? Сейчас она работает в одной мелкой французской фирме, но через год – в чем я нисколько не сомневаюсь – будет на вершине славы. Она очень талантлива и к тому же недурна собой. – **Понятно**, – кивнул Джой" (Чейз 2: 363). В приведенных примерах метакоммуникативные сигналы исходят от слушающего и свидетельствуют о том, что говорящего внимательно слушают и понимают. Говорящий в свою очередь может также интересоваться, понимает ли его слушающий. Например: (250) "Журавлев! – строго окликнул его Громов. – Вы почему опять летаете на критической высоте? – Я больше не буду, – сразу же сдался летчик. – Буду, не буду... Вот что, Журавлев! Здесь у нас не детский сад. В следующий раз лишитесь первого талона. **Ясно?** – **Ясно**. Разрешите идти?" (Токарева 2: 141); (251) "Тебя что-то беспокоит, дорогой? – участливо спросил он (Флойд Дилени). Софи молча смотрела перед собой на дорогу. – Что с тобой? – Дилени уже повысил голос. – **Ты слышала, что я тебе сказал?**" (Чейз 2: 405); (252) "Правильно, – согласилась Нора, – "Голубое солнце" стоит в лесу, его ели загораживают, вот ты и не увидел ничего. **Кумекашь?**" (Донцова: 271). В роли метакоммуникативных сигналов, указывающих на размышление адресата, активно выступают междометия. Например: (253) "A: Und glaube ja nicht, dass die Arbeit als Hilfsarbeiter mehr Spass macht als die Schule: jeden Morgen um 6 Uhr aufstehen, acht Stunden lang immer das Gleiche tun, keine Abwecklung, tun müssen, was der Chef sagt. Nee, da sitz' ich lieber meine vier Stunden am Tag in der Schule ab. – B: **Нм**, wie man es nimmt" (Eichheim: 108); "A: И не думай, что работа вспомогательным рабочим доставит больше удовольствия, чем школа: каждое утро вставать в шесть часов, целых восемь часов делать одно и то же, никакого разнообразия, делать то, что говорит шеф. Нет, Я лучше посижу свои четыре часа в школе. – B: **Гм**, как на это посмотреть"; (254) "M: Ein guter Kunde, die Firma Hannesmann, hat eben angerufen. Sie brauchen eine Ladung Kies, und zwar 25 Tonnen. Sie bitten um ein Preisangebot. – R: **Нм**, 25 Tonnen, das ist genau eine Lkw-Ladung..." (Höffgen: 249); "M: Хороший клиент, фирма Ханнесманн, только что звонил. Им нужно одну загрузку щебня, а именно 25 тонн. Они спрашивают о расценках. – R: **Гм**, 25 тонн, это как раз на один грузовик..."; (255) "Herr Wenz: Was machen Sie gern? – Frau Richter: **Мм...** Geschäftsreisen für den Chef zu organisieren macht mir Spass" (Conlin: 172); "Господин Венц: Что Вы делаете охотно? – Госпожа Рихтер: **Мм...** Организовать командировки для шефа доставляет мне удовольствие"; (256) "Правильно, – согласилась Нора, – "Голубое солнце" стоит в лесу, его ели загораживают, вот ты и не увидел ничего. **Кумекашь?** – **Ну...** не очень, пока не улавливаю суть ваших размышлений" (Донцова: 271). В некоторых случаях партнер может сигнализировать о понимании говорящего авербально, жестами, кивком головы и др.

Таким образом, структурным дискурсом называют языковые элементы, которые служат тому, чтобы уточнять организацию дискурса. Они относятся к дискурсу, вплетены в него; они могут рассматриваться как функторы, которые делают соответствующий дискурс аргументом. Специфические функции структурно-дискурсивных элементов могут быть кратко описаны так: в отношении тематической организации они маркируют тематическую прогрессию (смену тем и введение тем, отклонения и тематическую связь), а также служат для маркирования релевантности и подчеркивания тематически важных частей дискурса. На уровне интенционального членения они маркируют границы между функциональными единицами и

указывают функцию последующего (реже заключающего) единства. В диалогических дискурсах они маркируют границы речевых вкладов, эксплицируют дистрибуцию ролей говорящих и тем самым диалогический ход дискурса и уточняют внутреннее членение речевого вклада. Наконец, структурно-дискурсивные элементы могут уточнять структуру дискурса, эксплицируя продуцируемую форму, форму протекания или структуру дискурса. Они могут иметь структурирующую функцию в отношении макроструктуры (глобального уровня), а также микроструктуры (локального уровня). Эти элементы вносят вклад в когезию дискурса и могут рассматриваться как ориентирующие опоры для адресата.

Выводы по главе III

В главе III были подвержены анализу выделенные дискурсивные типы с точки зрения функционирующих в них речеактовых высказываний. Предварительно рассмотрены существующие модели коммуникации с целью их обнаружения в аргументативном, информационном, экспрессивном и социально-ритуальном дискурсах. Если взять за основу простую модель коммуникации и абстрагироваться от усложняющих ее факторов, то можно выделить три основные фазы: начало коммуникации, или поле, предшествующее непосредственному общению, диалогическое ядро речевого взаимодействия и окончание разговора, или посткоммуникативное поле. Существуют определенные речевые действия, позволяющие начать и завершить коммуникацию. Это высказывания приветствия, знакомства, контактоустанавливающие высказывания, высказывания, выражающие готовность к коммуникации, высказывания для привлечения внимания, высказывания благодарения, прощания и др. Их активно репрезентируют косвенные сатисфактивные речевые акты, вокативы, высказывания с перформативными глаголами. Феномены, характеризующие аутентичные диалоги, представлены в схеме 6. Диалогическое ядро интеракции характеризуется большой вариативностью. Диалоги могут быть описаны как формы реализации однофазовых и многофазовых образцов. Однофазовые диалоги усложняются за счет фаз расширения, добавления, редуцирования.

В бытовых и бытийных диалогах можно выделить четыре основные макроинтенции: человек говорит, чтобы убедить кого-либо в чем-либо, информировать кого-либо о чем-либо, или запросить информацию, выразить свои эмоции по поводу того или иного события. При этом соблюдаются определенные правила конвенции социально-ритуального характера. Названные интенции опосредуются аргументативным, информационным, экспрессивным, социально-ритуальным дискурсами. Как показывает исследованный материал, большая часть диалогов носит аргументативный характер (см. прил. 1).

Аргументация в лингвистическом понимании – это речевой акт, состоящий из ряда высказываний, призванных изменить, трансформировать, модифицировать "картину мира" адресата. Различают интерактивную и коммуникативную аргументацию. Коммуникативный аргумент монологичен, интерактивный аргумент диалогичен. Наиболее распространенными формами аргументации являются доказательство, внушение, убеждение. Убеждение как одна из наиболее полных форм интерактивной аргументации имеет определенную логическую структуру. Здесь доминируют репрезентативы, за ними непременно следуют директивные высказывания. Директивные высказывания могут предшествовать репрезентативным, в таком случае диалог имеет перевернутую структуру. Дискурсы такого плана содержат предложения, советы, просьбы, предупреждения, реде угрозы.

"Предложение" и "совет" относятся к стадии действий планирование, а именно принятие решений. Они различаются пропозициональной структурой и фокусом альтернативных действий. Если в основе диалога лежит интеракция "предложение", фокус альтернативных действий адресата довольно узок. И, наоборот, если в основе диалога лежит интеракция "совет", фокус действий адресата широк. Он затрудняется выбрать какое-либо из них. Высказывания предложения сопровождаются модальными словами, вопросами, побудительными высказываниями, содержащими частицу *ли*, сослагательными и конъюнктивными формами глагола. Высказывания совета манифестируются придаточными условными и причинными предложениями, конъюнктивными формами глагола, сослагательным наклонением, перформативным глаголом *советовать*. При помощи регулятивных речевых побуждений "предупреждение" и "угроза" говорящий стремится принудить слушающего модифицировать текущий процесс действий, приостановить или изменить его. Назначение пропозиции высказываний предупреждения заключается в том, чтобы дать информацию о денотативной ситуации, на основании которой будет предпринят иллокутивный акт. На поверхностном уровне здесь используются придаточные условные предложения, высказывания с глаголами в будущем времени, перформативные глаголы. В отличие от предупреждения в структуре угрозы говорящий не пассивный наблюдатель, а лицо, способное осуществить наказание за негативно оцениваемое действие адресата. Здесь также активно используются придаточные условные предложения, союзные и бессоюзные, повелительные предложения, синтаксические высказывания. С помощью побуждений говорящий инициирует действия другого адресата. Побудительные акты в значительной степени связаны с конкретной ситуацией, вплетены в конкретные кооперативные процессы. Их репрезентируют предложения с глаголами в повелительном наклонении, перформативные глаголы, высказывания с глаголами в неопределенной форме.

Информационный или нарративный, повествовательный тип дискурса характеризуется передачей новых данных, принятых, понятых и оцененных реципиентом. Новые данные трансформируются в сведения, а затем в знания. Основным способом передачи информации являются репрезентативные высказывания. Речевые акты данной группы выступают, как правило, самостоятельно. Но поскольку коммуникативное взаимодействие представляет собой двусторонний процесс, то репрезентативные речевые акты могут выступать как ответная реакция на сказанное или как ответ на заданный вопрос. Поэтому вторым активным средством организации информационного дискурса являются интеррогативные высказывания. Интеррогатив манифестируется вопросительными предложениями, способными реализоваться в других речевых актах. Нестандартная реализация вопросительных предложений осуществляется в директивной, репрезентативной, вердиктивной и некоторых других функциях.

Экспрессивный дискурс редко выступает в чистом виде. Как правило, он сопровождается какой-либо другой вид дискурса, чаще аргументативный. Различают две шкалы высказываний в экспрессивном дискурсе: положительную и отрицательную. Отрицательный экспрессивный дискурс репрезентируется в основном в конфликтном диалоге. Экспрессивный дискурс формируется с помощью оценочных слов, восклицательных высказываний, особого порядка слов, фонетических средств и др., представленных в прил. 8.

Одним из активных способов формирования социально-ритуального типа дискурса являются конверсационные речевые модели, образовавшиеся в результате повторов определенных речевых действий. Социально-ритуальным речевым действи-

ям близки структивы и метакоммуникативные высказывания, поскольку они также служат организации межличностных речевых и текстовых взаимодействий. Структивно-дискурсивные элементы позволяют осуществить тематическую организацию как отдельных речевых вкладов, так и тематическую организацию дискурса в целом, маркируют тематические отступления, вводят и тематизируют интенциональные единицы, выступают в качестве парафраз и корректирующих сигналов, маркируют продуцируемые формы, уточняют глобальное и локальное членение дискурса. При организации мены ролей и членения речевых вкладов они эксплицируют диалогический ход беседы, отмечают границы речевых вкладов, уточняют их внутреннее членение. Как показывает эмпирический материал, разграничение структивного дискурса проблематично. Большинство проблем разграничения вытекает из того, что структивно-дискурсивные элементы не могут организовать дискретный класс языковых средств. Структивный дискурс можно рассматривать скорее как феномен большинства связующих средств, который соответственно этому показывает также переходные поля и пограничные случаи в различных направлениях. Область и феномены метауровня, среди прочего, метакоммуникация и метаязык. К метакоммуникации может быть отнесена, например, также часть речевых комментариев, которая не имеет структурирующую функцию для протекающего речевого вклада и поэтому не может рассматриваться как структивный дискурс (сюда относятся комментарии к высказываниям собеседника). В качестве комментариев могут рассматриваться такие выражения, с помощью которых говорящий комментирует свой собственный выбор слов. Такие элементы могут ослабить выражение или модифицировать его. Выражения, не имеющие структурирующую функцию, не рассматриваются как структивный дискурс. В организации социально-ритуального дискурса структивы используются наряду с контактивами, при этом процентное соотношение показывает лидерство структивных высказываний (см. прил. 4). Языковые средства, используемые в социально-ритуальном дискурсе, представлены в прил. 8.

Знание социально-ритуальных и метакоммуникативных речевых действий и умение ими пользоваться представляет собой одну из важных сторон интеракции и формирует коммуникативную компетенцию говорящего и слушающего, ибо помимо энциклопедических и языковых знаний коммуниканты должны владеть интерактивными знаниями. В противном случае речевое взаимодействие будет затруднено и может приводить к неудачам. Разумеется, немаловажную роль в организации общения имеют личностные, психологические, этнические и ментальные факторы. Их исследование не является целью данной работы. Однако нельзя не отметить их влияние на продуцирование и рефлексии отдельных дискурсивных структурных типов, что и будет предпринято в следующей главе.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ, ЭТНИЧЕСКИЕ И МЕНТАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ В ДИСКУРСЕ

4.1. ДИСКУРСИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ

Язык существует прежде всего в сознании – коллективном и индивидуальном, что обуславливает его социальную сущность. "В понимании мира «как он есть» всегда мощно вторгалась оценка, точно так же, как в познавательные процессы всегда включались эмоции, а, следовательно, происходящее на уровне сознания формирование ментальных репрезентаций и концептуальных структур всегда происходило под влиянием *субъективных* факторов" [Кубрякова 1997: 292]. "Коллектив как этнос или нация и индивидуум являются крайними точками на условной шкале языкового сознания. Носителем языкового сознания является языковая личность, т.е. человек, существующий в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения" [Карасик 2004: 7]. Под языковой личностью понимается "совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)" [Караулов 1987: 3]. "Язык в своем функционировании дает индивиду возможность проявить себя в качестве личности, ведущей себя в диалогическом взаимодействии пассивно или выступающей коммуникативным лидером, выразить особенности своего темперамента, показать приверженность к авторитарному или либеральному стилю речевого общения" [Сусов 2000: 136]. Иными словами, организация разговора в немалой степени зависит от дискурсивных способностей личности, реализующихся на формально-семиотическом уровне. Дискурсивные способности первого уровня включают в себя основные действия и операции семиотической деятельности. Дискурсивные способности второго уровня отвечают за адекватное отображение в дискурсе фрагментов реального или мыслимого/воображаемого мира. Дискурсивные способности третьего уровня ориентированы на уместность использования вербализованных актов в социальном взаимодействии людей. Вполне очевидно, что каждый из уровней по-своему репрезентирует языковую личность, но "при ее характеристике в качестве целостного субъекта дискурса они находятся в отношении дополнительности" [см.: Пушкин 1990: 53].

За основу типологии языковых личностей можно взять языковое сознание и речевое поведение, т.е. охарактеризовать личность с позиций лингвистической концептологии и теории дискурса. Здесь выделяются типы носителей базовой и маргинальной культур для соответствующего общества по принципу оппозиции "свой–чужой", типы модельных личностей, т.е. типичных представителей определенной этносоциальной группы [Карасик 2004: 10], типы языковых личностей по объективным статусным признакам – возраст, пол, уровень образования, стиль жизни и т.д. Типология языковых личностей в работах П.В. Зернецкого основывается на учете использования ими определенных способов речевой деятельности. Предлагается четырехмерная модель пространства речевой деятельности, координаторами которой являются сигматика, семантика, прагматика и синтактика. По мнению автора, эта модель позволяет видеть в коммуникативной силе дискурса единство аргументирующей, мотивирующей, прагматической и аккумулярирующей силы [Зернецкий 1990: 60]. В соответствии с этим в речедеятельностной классификации языковых личностей П.В. Зернецкий называет их элементарными типами: аргументирующий, мотивирующий, прагматический, аккумулярирующий. Возможные сочетания используемых речевоздействующих сил дают классификацию комбинированных типов языковых личностей. В данной теории не совсем понятна обусловленность терминологии. Возникает вопрос, почему аргументирующий тип базируется на семантическом уровне, а, например, не на прагматическом. Ключанов И.Е. трактует языковую личность как субъект, способный осуществить речевую деятельность, оперируя интегральными смысловыми образованиями. Под интегральными смысловыми образованиями понимаются целостные структуры сознания, смысловые единицы, отображающие различную действительность – объективную, субъективную и языковую [Ключанов 1990: 69 – 73].

По словам Т.Г. Винокур, "устная речь предполагает больший личностно-психологический вклад – и это является социальной нормой поведения человека в обществе, – чем письменная, хотя бы потому, что в конечном (стилистическом) этапе вербального отбора она отдает себя во власть таких возможностей экспрессии, которые могут быть прямо связаны с физиологией говорящего человека, а не с производимой им речью" [Винокур 1993: 133]. Названный фактор позволяет различать дискурс авторитарной личности [Пушкин 1990], дискурс ироничной личности [Варзонин 1990]. Ряд исследований направлен на выявление знаков, характеризующих определенный тип личности, т.е. построение речевого портрета [Крысин 2001, Тупицына 2000, Лябина 2007 и др.].

Детальная разработка типов языковых личностей в коммуникативном процессе с позиции психолингвистики осуществлена С.А. Сухих, который предложил экспонентный, субстанциональный и интенциональный уровни измерения языковой личности. Он выделил: жалостно-зависимый, помогающий, беззаветный, агрессивно-обесценивающий, определяюще-контролирующий, дистанцирующий, самодоказывающий, драматизирующий коммуникативные стили [Сухих 1998, 2004].

Исследование поведения различных типов личностей в аргументативном, информационном, социально-ритуальном дискурсе не является целью данного исследования. Отметим лишь зависимость языкового выражения прагматических речевых высказываний от типов производящей их личности. Так, Петр из повести Н. Никандрова "Диктатор Петр", являясь по своей сути деспотичной личностью, что и подчеркнуто в названии, изъясняется в основном директивами приказного характера, либо оценивающими словами негативного характера. Например: (257) *"Опять проворонили! – кричал он на семью, созвав всех специально для этого в столовую, – опять недоглядели! Почему дали заплесневеть этому кусочку хлеба! Почему своевременно не положили его в духовку, чтобы засушить на сухари! Может, в трудную минуту он кому-нибудь из нас жизнь бы спас! Зачем же тогда печку топить, дрова переводить, если у вас пустая духовка стоит! И почему я всегда найду, что в духовку поставить, чтобы жар даром не пропал, а вы никогда даже не подумайте об этом! О чем вы думаете? В-вороны!!! – Мать Петра, старушка Марфа Игнатьевна, его сестра, вдова Ольга и ее дети, Вася, десяти лет и Нюня, восьми, думая, что выговор уже кончен, косились потупленными глазами в сторону двери. – Стойте, стойте, не расходитесь! – останавливал их Петр, подняв руку, как оратор на митинге. – Забудьте на минуту про все ваши дела и выслушайте внимательно, что я сейчас вам скажу, а то потом, боюсь, забуду! Да слушайте хорошенько, потому что это очень важно вам*

знать! Когда покупаете что-нибудь на базаре, не зевайте по сторонам, а смотрите на гири, которые торговцы кладут вам на весы, чтобы вместо трех фунтов не положили два, вместо двух один! Поняли? Таких, как вы, там обвешивают! Таких, как вы, там ждут! Таким там рады! **Р-разини!!!**" (Никандров: 135–136). Рассказ В. Распутина "Деньги для Марии" проникнут директивами другого плана: просьбами, зачастую имплицитными, что обусловлено фреймовой ситуацией и характером мужа Марии Кузьмы. Так, например, зайдя к бригадиру Василию, Кузьма так и не решился попросить у него денег. На следующий день Василий сам постучался в дом Кузьмы и Марии. (258) "Чего в избу не заходишь?" – спросил Кузьма. – "Нехорошо получилось, – не отвечая, сказал Василий. – Ты пришел, а поговорить не поговорили. Зачем приходил-то?" – "Сам знаешь зачем". – "Догадываюсь". – "Ну вот. Что еще говорить? Я же знаю, денег у тебя нету", – со слабой надеждой сказал Кузьма. – "Нету. У бабы где-то лежат двадцать рублей, и все" (Распутин: 57).

"Координация межличностной речевой деятельности – процесс не простой. Она обусловлена многими факторами – социальными, психологическими, биологическими и, наконец, интралингвистическими. Все эти внешние и внутренние факторы, так же как и другие реалии человеческого мира, подчинены нормам культуры, носителем которых может быть только личность как представитель данного конкретного этнокультурного социума" [Сафаров 1990: 105]. Перейдем к рассмотрению этноспецифических особенностей дискурсов в следующем разделе.

4.2. ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСИВНЫХ ТИПОВ

Немаловажную роль в организации дискурса играет знание культурологических особенностей той страны, на языке которого строится дискурс. Слово "культура" происходит из латинского языка [Дворецкий 1986: 158, 213]. Семный анализ латинского существительного *cultura* позволяет раскрыть его значение как: производное от глагола *colo*, который имеет значения: 1) "обрабатывать, возделывать"; 2) "разводить, выращивать"; 3) "обитать, жить, населять"; 4) "иметь попечение, заботиться, окружать вниманием", "охранять (или осыпать благодеяниями) землю и человеческий род" (о богах); 5) "усердно заниматься, деятельно осуществлять, насаждать или изучать" (*artes et studia* "искусства и учебные занятия"; *justitiam* "справедливость"; *innocentiam* "непорочную жизнь"); 6) "украшать"; 7) *культ*. "почитать, чтить"; 8) "почитать, уважать, оказывать внимание"; 9) (*с кем-л.*) "обходиться, обращаться, поступать". Исходным было, таким образом, отношение к земле, ее обработке. То же развитие семантики мы наблюдаем и в содержании существительного *cultura*: 1) "возделывание, обрабатывание, уход"; 2) "земледелие, сельское хозяйство"; 3) "воспитание, образование, развитие"; 4) "поклонение, почитание". Основательно проанализировав существующие энциклопедические толкования феномена "культура", А.А. Сусов дает следующее определение данного понятия: "Под культурой понимаются либо совокупность достижений человека в материальной и духовной сферах, либо определенный уровень этих достижений, либо специфический способ человеческой деятельности, позволяющий добиться этого уровня" [Сусов 2001]. "Культура возникает вместе с людьми и вместе с ними претерпевает исторические изменения. Культура общества выявляет свою двойственную природу. С одной стороны, она – окаменевшие накопленные формы деятельности, закрепленные в предметах, с другой стороны – мысленные формы деятельности, закрепленные в сознании людей" [Жеребцова 2000: 318]. В основе порождения феноменов культуры лежит коммуникативная потребность. Это объясняется тем, что любой феномен культуры является достоянием сознания людей и влияет на их мысли и поступки. "Культура диалогична по своей природе, и это проявляется с наибольшей яркостью в двух моментах: во-первых, в ее незавершенном, открытом характере, а, во-вторых, в ее "пограничности", поскольку она не имеет "своей" территории, культурный акт существует только в диалоге, на границе "инакосмысла", "отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, вырождается и умирает" [Бахтин 1995: 25].

Материальные и духовные составляющие культуры одного общества, как правило, не совпадают с элементами культур других народов. Человек и культура неразделимы. Каждый человек принадлежит к определенной, исторически обусловленной культуре. Язык обеспечивает индивиду возможность идентифицировать себя в качестве представителя определенной этноса и определенной этнографической группы в рамках этого этноса. Культура является главным детерминантом речевого поведения личности. Ее лингвистическая коммуникативная компетенция определяется именно этим аспектом. Как совершенно справедливо отмечает Е.В. Милосердова, "вся система прагматических ценностей и норм усваивается носителем родного языка, что называется "с молоком матери", в процессе постоянного речевого общения, освоения норм и условностей, принятых в данном обществе, усваивается, можно сказать, на уровне подсознания или неосознанных реакций, но чаще всего благодаря всей атмосфере, царящей в обществе, благодаря постоянным наблюдениям за поведением окружающих, за тем, "что такое хорошо и что такое плохо" [Милосердова 1998: 46]. Инстинктивное, бессознательное усвоение прагматических сторон языка, по мнению того же автора, является причиной отсутствия сведений о них в учебниках. Примерами различий функционирования языковых форм в пособии Е.В. Милосердовой называются система обращений в русском и немецком языках, языковая специфика неинформативных речевых актов, эмоциональных речевых актов: удивления, негодования, упрека, восхищения, порицания и т.д. [Милосердова 1998].

Одним из составляющих объектов культуры является язык. Дискурс, как языковая единица представляет собой результат речевого взаимодействия двух, трех и более людей. Одной из своих сторон он обращен к ментальным факторам участников коммуникации: этнографическим, психологическим и социокультурным правилам и стратегиям, которые сопряжены с коммуникативным поведением. Под коммуникативным поведением понимают реализуемые в коммуникации правила и традиции общения той или иной лингвокультурной общности. Коммуникативное поведение, как правило, имеет ярко выраженную национальную окраску. Характер и специфика дискурсивной деятельности личности обусловлены набором морально-этнических установок, которые могут быть как универсальными, общечеловеческими, так и специфически национальными, что находит неперемное отражение в языке. Социальное взаимодействие коммуникантов и их речевое поведение регулируется очень часто специфичными для данной культуры этикетными нормами. Так, например, принцип почитательности имеет общечеловеческую ценность, но его реализация в разных "семиотических группах" имеет свою национальную специфику. Поэтому в речевой деятельности представителей разных лингвокультур вежливые отношения маркируются по-разному. Так, в таджикской и узбекской этикетных нормах не допускается употребления "ты-обращения" по отношению к лицам, имеющим высокий социальный "вес". В некоторых других языках оппозиция социального "ты-Вы-отношения" не материализуется, например, в курдском [см.: Сафаров 1990: 103–104]. По мнению того же автора, зеркальное отражение социокультурных

норм поведения в дискурсивной деятельности особенно четко проявляется в употреблении оценочно-экспрессивных высказываний, вокативов и аппеллятивов.

Культура, как определенная форма человеческих отношений, выражается в предметах, поступках, словах. Межкультурная коммуникация является процессом непосредственного взаимодействия культур, которое реализуется в рамках разнотипной информации: прагматической, семантической, синтаксической. В результате общения происходит обмен не только информацией, но и элементами культуры, отражающими национальное коммуникативное поведение народа. "Влияние национальной специфики менталитета той или иной лингвокультурной общности на процессы и результаты межэтнического общения нельзя ни преувеличивать, ни преуменьшать. Необходима теоретическая и практическая разработка этой проблемы с целью выявления тех компонентов коммуникации, в которых влияние национальной специфики менталитета наиболее заметно и результативно" [Стернин 1998: 93].

Проблема взаимоотношения языка и культуры, нашедшая свое отражение в таких дисциплинах, как социолингвистика, этнолингвистика, контрастивная и интерязыковая прагматика, дискутируется в следующих аспектах: 1. Изучение языковых соответствий, выявление национально-культурной специфики на лексико-семантическом уровне "как наиболее быстро реагирующему на потребности означивания тех концептов, которые становятся релевантными для того или иного общества" [Милосердова 2001б: 98]. (С.Г. Воркачев, А. Вежбицкая, В.В. Воробьев, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, Т.Н. Снитко 1999, З.Х. Бижева, Н.А. Красавский, Т.В. Евсюкова и др.). Особо выделяется национально-культурная специфика фразеологических образований, как сфера, в которой наиболее прозрачно отражаются характерологические черты мировидения (В.Н. Телия). 2. Анализ специфических для каждой культуры аспектов грамматики, фиксирующих в грамматических категориях наиболее глубокие законы познания конкретным языком окружающего мира. 3. Изучение наличия различий структуры текстов, дискурсов в родном и иностранном языках, и если это имеет место, то являются ли различия структурных особенностей языковых образований результатом специфики национального мышления, менталитета, или традиции составления текстов, дискурсов (Л.И. Гришаева, Г.Г. Слышкин). 4. Изучение социокультурной вариативности, культурных аспектов прагматического анализа речевых норм различных языков (Л.И. Гришаева, С.С. Беркнер, М.А. Егорова, Л.В. Цурикова, Н. Kotthoff и др.). 5. Изучение этнокультурных особенностей в лингвострановедческом аспекте (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров). 6. Изучение этнокультурных особенностей в теории межкультурной коммуникации (В.В. Кабакчи, С.Г. Тер-Минасова и др.). 7. Немаловажным вопросом при обучении иностранному языку является также цель обучения: научить пользоваться языковым инвентарем чужого языка, и строить текст, дискурс по подобию текстов родного языка, или стремиться к более сложной задаче, научить мыслить и строить текст так, как это делают носители изучаемого языка. При этом отмечаются два направления в освещении связи языка и культуры: от единицы языка к единице культуры и от единицы культуры к единице языка [Слышкин 2000б: 8].

Позволим себе высказать некоторые замечания по поводу обозначенных проблем. В грамматических формах и лексике языка находят отражение сознание людей и их поведение, которые в свою очередь определяются внешними условиями жизни, материальной действительностью. В языке, как своеобразной материальной форме, закрепляется и реализуется отображенная в сознании человека "картина мира". Картина мира, складывающаяся в мышлении носителя языка, требует адекватного выражения языковыми средствами. Познание когнитивных этнических факторов может оказать неоценимую помощь в решении некоторых лингвистических задач. Так, например, спорным моментом на современном этапе является разграничение экзистенциальных и посессивных высказываний, что обусловлено, с одной стороны, – сложностью определений понятий бытия и обладания, с другой стороны, – фактическим языковым материалом. Так, русские предложения, репрезентирующие состояние наличия, имеют сходную структуру с пространственно-экзистенциальными конструкциями (сравните: *У меня есть книга*), что и дает право трактовать их как бытийные [см.: Арутюнова 1976, 1983]. При этом Н.Д. Арутюнова отмечает, что "в германских языках микромир человека изображается по "имущественному" принципу владения, принадлежности: в мире нечто существует (есть), а человек нечто имеет" [Арутюнова 1976: 257]. Сравните нем.: *Ich habe ein Buch*; англ.: *I have a book*. Соответственно можно было бы понимать под существованием расположение предмета в определенном пространственно-временном континууме, а под обладанием – нахождение предметов в системе координат личности, в определенном "личностном пространстве" [см.: Розова 1997: 40]. Однако, как показывает практический материал, посессивными конструкциями может быть представлено в германских языках и состояние наличия предмета или его части в сфере другого неодушевленного предмета. Например: *Der Stuhl hat eine Lehne und vier Beine*; *Стул имеет спинку и четыре ножки*. Вероятно, система критериев разграничения экзистенциальных и посессивных отношений опосредуется этническими ментальными процессами.

В германских языках фокусируется момент обладания предметом, что, возможно, связано с более ранним формированием института собственности у германских племен, обусловившим появление и закрепление в языке конструкций *Ich habe etwas*; *Я что-то имею*. В русском языке акцентируется момент существования предмета в каком-либо пространстве, будь то внешний мир, или микромир человека [см. Григорьева 1998б]. Впрочем, этот же языковой феномен может быть обусловлен также стремлением германских народов к упорядоченности в номинациях предметов и ситуаций. Ведь бытийное, или экзистенциальное высказывание заложено изначально в глубинной структуре любого высказывания вообще. Ибо, если мы о чем-то говорим, что-то утверждаем, значит, оно существует, исключая, разумеется, фантастические явления. Посессивное предложение можно рассматривать в таком случае как производное от бытийного. Например, трансформируя вышеприведенное высказывание можно сказать, что, если я имею книгу, значит она существует: *Ich habe ein Buch = Es gibt ein Buch*; *Ich habe es*; *У меня есть книга = Существует книга. Я ее имею*.

Наиболее сложной и в настоящее время еще не получившей свое решение проблемой является перевод устной разговорной речи, что обусловлено отсутствием учебной и научной литературы по типологии коммуникативного поведения. Достаточно хорошо изучены особенности внутренней организации языковой системы, что позволяет более или менее адекватно осуществлять переводы текстов монологического характера, в основе которых лежат описательные и событийные фреймвые ситуации. "Неправильность" живого разговорного языка затрудняет выявление закономерностей его структурного оформления. В связи этим М.Д. Городникова и Д.О. Добровольский в созданном ими немецко-русском словаре речевого общения предлагают запоминать лексические единицы, употребляемые в той или иной прототипической ситуации, блоками. При этом авторы ссылаются на известное сравнение Людвиг Витгенштейна природы естественного языка с архитектурой города, где прямые, однообразные проспекты с монотонными новостройками на современных окраинах напоминают упорядоченность грамматиче-

ской, лексической, морфологической структуры языка, а центр города со сложными, лабиринтообразными проходами, запутанные кривые улочки и переулки – живой разговорный язык. Разумеется, иностранцу значительно легче ориентироваться в употреблении "правильных" моделей языка, нежели чем в лабиринте "нерегулярных" структур, характерных для межличностного общения [см.: Городникова 1999: 8 – 12].

В названном словаре впервые речевые клише, выражающие определенные интенции говорящего, сопровождаются не большим описанием авербальных действий, в основном мимики и жестов, типичных для данной лингвокультурной общности в названных ситуациях. По всей видимости, "переводить" следует не только кинесические действия, но и проксемику, и коммуникативное поведение, имеющее знаковый характер. Наиболее изучены и неплохо представлены в учебниках по иностранным языкам речевые обороты, задействованные в так называемых топиковых ситуациях: "На почте", "На вокзале", "В магазине", "В аэропорту", "В гостинице" и т.п. Значительно сложнее сориентироваться в таких фреймовых ситуациях, как: информировать о чем-либо, договориться, убедить, запретить, похвастаться, предупредить, успокоить, возразить и т.п. При этом следует иметь в виду, что, если интенции и речевые акты универсальны, то их речевое воплощение национально специфично. Представляется, что наиболее оптимальный путь создания типологии прагматической сферы языков – выяснение концептуальных структур и концептов при понимании исходного текста и продуцировании текста-перевода – путь, основанный на методах концептуального моделирования, элементах компонентного анализа, методах семемного и контрастивного анализа (см., например, опыт концептуального моделирования понятий нравственное/безнравственное в деятельности человека Т.А. Фесенко) [Фесенко 1999а, 1999б]. При этом перевод рассматривается как один из видов речемыслительной деятельности.

Компонентный анализ разговорного языка позволяет установить в некоторых случаях отсутствие соответствия ментальной реальности автора и переводчика и еще раз доказывает насущнейшую необходимость изучения универсальных и идиоэтнических черт прагматических компонентов языков. Так, например, в разделе "Прощание" словарь М.Д. Городниковой и Д.О. Добровольского приводит в качестве подчеркнуто вежливой формы выражение *Lebe / leben Sie wohl!* как эквивалент русского *Прощай! Прощайте! Всего доброго!* Семемный и концептуальный анализ приведенных высказываний позволяет выявить неидентичность их употребления в отдельных фреймовых ситуациях. Наличие семы "жизнь" в немецком варианте не позволяет использовать данное клише в ситуациях прощания с умершим субъектом, что и доказывает, например, неуместность его употребления в переводе заголовка в повести Чингиза Айтматова "Прощай, Гульсары!" – "Leb wohl, Gulsary!", где речь идет об умирающем иноходце и прощании с ним хозяина, героя повести.

Значительную трудность представляет перевод междометий, поскольку их семантика наиболее подвержена варьированию в зависимости от интенциональной установки и эмоционального состояния говорящего. Так, например, в ситуации заверения в повести Ч. Айтматова "Прощай, Гульсары!" используется междометие *Ey-богу*, которое передается на немецкий язык Лео Хорнунгом как *Glaub mir*. Русское междометие помимо призыва верить говорящему содержит также сему клятвы богом, отсутствующую в варианте перевода. Сравните также перевод эмоциональных высказываний недовольства, гнева. Когда иноходец остановился, замотался из стороны в сторону, Танабай подошел к коню и тихо выругался: *Эх, будь ты неладен*. В немецком варианте мы находим: *Bei dir stimmt's wohl nicht!*, что переводится, согласно словарю В.Д. Девкина, как *Ты что, не в своем уме?* Немецкое высказывание выражает большую силу гнева и требование изменить ситуацию, когда как русское идиоматическое выражение репрезентирует скорее состояние смиренности с ситуацией.

Что касается организации текстов, дискурсов, то отмечаются не только различия в структуре их построения, например, аргументативных текстов в немецком, русском и английском языках (W. Klein), но и наличие различных текстовых и дискурсивных типов в разных языках. Так, например, в китайском языке нет различия между текстом-сообщением (Bericht) и текстом-рассказом (Erzählung) [см.: Lehker, 1997]. Контрастивные исследования, начинавшиеся на микролингвистическом уровне, привели к возникновению контрастивной риторики. В опубликованной в 1966 году работе "Cultural thought patterns in intercultural education" Р. Каплан отмечает, что национальность студентов, изучающих английский язык, можно установить по структуре продуцируемых ими текстов. В результате проведенных анализов Р. Каплан выделяет 5 типичных способов построения текстов в зависимости от языковых групп: 1) английская, 2) семитская, 3) восточная, 4) романская и 5) русская [Kaplan 1966, 1972]. К первой группе относится не только британский, но и австралийский, индийский и американский английский языки. Ко второй группе – арабские и еврейский тексты, к восточной – китайский и корейский. Представителями романской группы являются французы и говорящие на испанском языке. Эти пять структурных типов представлены графически (схема 10). В их основу положен баланс между мыслями и их языковым выражением.

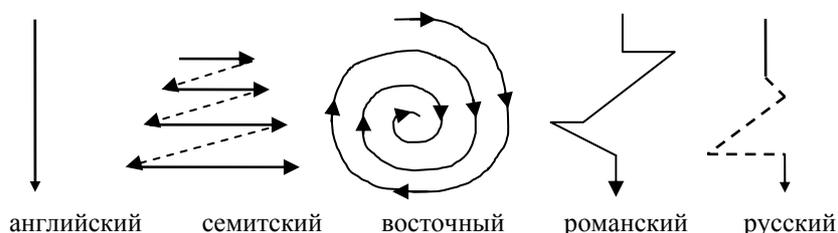

Схема 10. Национальные структурные типы текстов

В дальнейших исследованиях указывается также на то, что жители Запада, как правило, говорят от своего "я" и пытаются сформулировать свои собственные мысли и мнения прямо, открыто. Китайцы же выражают свои мысли обычно косвенно, имплицитно, ставя риторические вопросы, приводя в пример анекдоты, аналогии, пословицы или цитаты известных авторов.

Разумеется, данная теория не лишена недостатков и методических просчетов, тем не менее, она породила бурную дискуссию, существует ли взаимосвязь между мышлением и структурой языка, обусловлена ли разница в построении иноязычных текстов особенностями национального мышления или этническими особенностями построения текстов, и нужно ли при обучении правильному коммуницированию на иностранном языке обучать мыслить и говорить по подобию носителей языка. Данная проблема не получила своего однозначного решения. Сторонники обучения мышлению на иностранном языке обвиняются при этом в "культурном империализме". Однако необходимость знания особенностей и норм языкового поведения очевидна, незнание разговорных норм изучаемого языка может ввести в заблуждение, привести к неправильной интер-

претации коммуникативных действий, к коммуникативным провалам. Так, например, приветствие у жителей бывшей Восточной Германии сопровождалось как правило, пожатием руки. В Западной Германии приветствие не сопровождалось подобными кинетическими действиями, их отсутствие при приветствии могло получить неоднозначную интерпретацию. Знание особенностей и коннотативных тонкостей моральных, правовых, этических, эстетических и других норм данного конкретного общества является одним из наиболее важных условий осуществления речевой деятельности и достижения успешности выполняемых речевых действий.

Таким образом, закономерности употребления вербальных и невербальных форм коммуникативного поведения в конкретных речевых ситуациях носят идиотнический характер. Их изучение и составление типологического словаря коммуникативного общения возможно на основе тщательного концептуального анализа базовых компонентов языковых единиц, представляющих специфику "концептуальной картины мира" представителей национального социума.

4.3. МЕНТАЛЬНОСТЬ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ДИСКУРСИВНОЙ РЕФЛЕКСИИ

С обозначенной выше проблемой исследования культурологических особенностей дискурсов тесно связана одна из важнейших задач лингвистики XXI века – обучение готовности к пониманию, что недостижимо, как отмечает Г.И. Богин, без обучения рефлексии. "Нормативное обучение начинается с научения дискурсивной рефлексии в виде интерпретации, но это делается для того, чтобы человек мог рефлексировать и понимать без дискурсивности" [Богин 1997б: 351–352]. Техники понимания получили современное толкование в связи с разработкой проблем герменевтики. Герменевтика – наука понимать и интерпретировать художественные тексты – имеет многовековую историю, связанную с Древней Грецией и именем Аристотеля. Современное направление герменевтики, связанное с пониманием и толкованием письменных источников, исходя из интенции их авторов, появилось сравнительно недавно. Одним из первых опытов системного описания всего известного корпуса герменевтических техник в отечественной лингвистике стала статья Г.И. Богина "Система техник понимания текста" [Богин 1997а]. Изучению инвентаря техник и того, что требует от понимающего субъекта использование определенной техники, посвящена монография М.Н. Макеевой "Риторическая программа художественного текста как условие использования рациональных герменевтических техник в диалоге "текст–учитель" [Макеева 1999]. В последние годы проблемы рефлексии нашли достаточно широкое место в исследованиях отечественных и зарубежных языковедов [см., например: сборники "Понимание как усмотрение и построение смыслов": 1996, Васильев 1998, Колодина 2000 и др.]. Устанавливаемая в рефлексии связь между извлекаемым прошлым опытом и той ситуацией, которая представлена в тексте как предмет для освоения, должна включать этнические, социальные, психологические и другие моменты, что особенно актуально при интерпретации иноязычных текстов.

Понимание ментальности – один из важнейших аспектов в герменевтических рефлексивных схемах. Язык – это тот феномен, в котором отображено бесконечное разнообразие условий, в которых добывались человеком знания о мире, природные условия существования народа, его общественный уклад, исторические судьбы, жизненная практика и пр. Результатом активного освоения человеком окружающего мира является когнитивное наполнение мыслительных категорий в процессе номинации объектов и явлений материальных условий существования индивидуумов. Как отмечают многие языковеды, "мышление людей, говорящих на разных языках, в своих главных очертаниях остается сходным или одинаковым" [Храпченко 1983: 231], "логика человеческого мышления, объективно отражающего внешний мир, едина для всех людей, на каком бы языке они не говорили" [Мечковская 1983: 118–119]. Однако умение выделить существенные свойства какого-либо предмета, которые проявляются, прежде всего, в практической деятельности человека, обозначает закрепление в рефлектирующем сознании не индивидуального образа этого предмета, а лишь его важнейших или существенных на данном этапе познания свойств.

Для адекватного интерпретирования иноязычных текстов необходимо учитывать две основные функции языка – номинативную и коммуникативную. В процессе номинации в концептуальной системе языка находят отражение национальные значения отдельных слов и выражений, этимологические особенности слов, национальные особенности комбинаций значений и языковых единиц, складывающихся в конечном итоге в единую семантическую картину мира. Анализ отображательных качеств языка в целях характеристики национальной картины мира целесообразнее осуществлять не на сопоставлении отдельных его единиц, а на большом языковом фрагменте, тексте или дискурсе, содержащем оптимальное количество признаков, позволяющих отобразить и описать то или иное явление в его реальном существовании. Для изучения ментальных мыслительных процессов наиболее важным представляется анализ коммуникативных языковых структур, фиксирующих особенности объективно существующих форм человеческого общения, таких прагматических действий, как просьба, приказ, запрет, утверждение, формы общения, речевой этикет и пр. Сравните пример А. Сиротинина, известного русского филолога начала века: "Выросший под ярко-голубым небом Аттики с тонкими и изящными линиями ее красивого пейзажа, веселый и жизнерадостный грек, для которого жизнь была прежде всего наслаждением, прощаясь, недаром говорил "*χατρε*" "*радуйся*"; трезвый и практичный римлянин, сочинивший пословицу "*mens sana in corpore sano*" "*здоровая душа в здоровом теле*", говорил "*будь здоров*"; славянин, чьи взоры были направлены к высшей цели, к высшим идеалам божественной правды..., раставаясь, просит прощения – "*прощай*" (*прости*) – и как ярко уже в одном этом различном выборе слов, употребляемых при одном и том же случае, сказалась разница в мирозерцании различных народов" [Сиротинин 1910: 6–7; цит. по: Колшанский 1990: 74].

При интендировании текстов, отмеченных иноязычной культурой, номинативные процессы играют важную роль при первом и втором уровнях понимания, т.е. семантизирующем и когнитивном понимании, третий тип понимания – распределенное понимание – тесно связан с коммуникативной, прагматической целеустановкой, которую преследовал создатель текста [о трех уровнях понимания см.: Богин 1997б: 357]. Формирование существующих в языке стереотипов специальных речевых средств приветствия, прощания, выражения вежливости и критики, правил поведения в конкретных ситуациях осуществлялось в ходе формирования этнических концептуальных систем и усваивалось носителями естественного языка в результате социального и конвенционального общения. Концептуальная система каждого этноса, т.е. система его представлений о мире, формируется наиболее активно на начальной ступени познания мира и своего развития. Одновременно с этим формируется вербальная и невербальная система информации и сообщения. Развитие и образование мыслительных и речевых структур не

происходит изолированно. Концепты кодируются языковыми единицами, вбирающими в себя и отражающими специфику национальной "картины мира". Этот факт явился стимулом к тому, что отдельными лингвистами вносятся предложения о построении моделей, отражающих современный менталитет той или иной языковой этно-культурной общности на основе исследования факторов содержания концептуальных систем их носителей [см.: Фесенко 1990а: 112 – 116]. Поскольку ментальные процессы и языковая структура отдельной лингвокультурной общности тесно взаимосвязаны и взаимозависимы, представляется возможным вести исследования в двух направлениях: 1) от изучения менталитета нации к фактам его отображения в языке – *менталингвогенез*; 2) от языковых структур к опосредованным ими ментальным процессам – *лингвоменто-тогенез*. Так, строгость и упорядоченность семейного и бытового уклада, пунктуальность, обязательное выполнение своего долга, намеченных планов, задач, обещаний лиц немецкой национальности нашло отражение в грамматическом строе языка: фиксированном порядке слов, четком разграничении словообразовательных и грамматических морфем по сравнению с русским языком, константностью основы при изменении слова по различным категориям, т.е. незначительном количестве явлений чередования гласных и согласных при склонении именных форм и спряжении глагольных.

Приведем еще один пример. Во многих странах "тяжелым" днем называют пятницу, вероятно потому, что люди устают работать. У русских "тяжелым" днем считается понедельник, что обусловлено, по всей вероятности, нежеланием переходить от отдыха к трудовой деятельности.

Следует, однако, отметить, что существование "национальной картины мира" оспаривается многими лингвистами. "Единый мир должен был бы означать и единое его "воспроизведение", – национальная же картина мира разрушает, по существу, этот единый мир, так как каждый народ может видеть этот мир только через призму своего языка (разные миры). Но этот феномен не зарегистрирован в истории человечества, доказательством чему является логическое взаимопонимание народов и единая человеческая практика освоения единого мира" [Колшанский 1990: 76]. В то же время, отрицая существование "национальной картины мира", Г.В. Колшанский наряду с несоответствием значений (семантическим несовпадением) отдельных единиц и категорий языковых систем указывает на "несоответствия, связанные не с отсутствием языковых единиц, а с этнокультурными особенностями, установившимися в том или ином социуме" [там же: 81]. Их изучение важно и необходимо в целях достижения адекватности взаимопонимания в процессе коммуникации.

"В герменевтической реконструкции необходима точка и система отсчета ... Обычно таковыми являются данная субъекту реконструкции культура и общественная позиция, его жизненный мир" [Соколенко 1995: 3]. Среди категорий, характеризующих тексты как объекты культуры, необходимо отметить истинность/ложность, содержащейся в них информации. "Как для усмотрения лжи, так и для усмотрения истины нужны специальные сложные процедуры. Ни истину, ни ложь нельзя считать очевидными. Знание этих специфических процедур было прерогативой власти", отмечает В.М. Соколенко, анализирующий тексты культуры советской действительности 1920 – 1970 годов [Соколенко 1995: 10]. В качестве примера искажения западной действительности в советской культуре этого периода В.М. Соколенко приводит пример фильмов "Вратарь" И. Тимошенко, где зарубежная команда "Черных буйволов" играет в невозможных в футболе неких шлемах с рогами, и "Цирк" Г. Александра, где американская труппа работает под руководством "рокового злодея", обладающего свойством бесследного исчезновения. Не менее любопытным представляется факт искажения русской действительности в американской современной литературе. Так, например, Натали, главная героиня романа Джастин Скотт "Женщина без мужчины", в ходе поездки в Россию и из рассказов отца, русского по происхождению, выносит следующее представление о русских и их менталитете: это, с одной стороны, – "обжоры, пьяницы и хапуги" (*Скотт: 231*), отличающиеся "медвежьим гостеприимством" (*Скотт: 258*), дискриминирующие права евреев, людей кавказской национальности и прибалтийцев, с другой стороны, это – терпеливые люди, покорно выстаивающие в длинных очередях, проповедующие непротivление злу насилием, о чем свидетельствует описание очереди за итальянской обувью в ГУМе, "русской торговой клоаки." К людям, простоявшим в очереди невероятно длинных размеров, хвост которой кончался возле "знаменитого здания на Лубянке", несколько раз выходил администратор, объявивший вначале, что обуви очень мало, что она будет выдаваться по паспортам, и что "лицам еврейской национальности советуют покинуть очередь", затем такой же дискриминации подверглись граждане Прибалтийских республик, не прописанные в Москве, граждане Среднеазиатских республик и выходцы с Кавказа. В конце концов, в очереди остались лишь старики-ветераны, позавидовавшие евреям, поскольку обувь в продажу так и не поступила (*см.: Скотт: 7–8*). Для того чтобы установить истинность или ложность отдельных информационных отрезков, по мнению некоторых языковедов, необходимо задействовать рефлексивную функцию коммуникативной действительности, вовне идущий луч рефлексии, обращенный на опыт действия с денотатами и содержаниями [см.: Богин 1997а, Макеева 1999].

Разумеется, процедура установления истины или лжи сложна и не всегда решается однозначно. Традиционно данные проблемы считались центральными в логическом использовании языка [Фанян 2000]. Однако при аргументации на естественных языках понятие "истинности" в логическом понимании часто не "работает", логические критерии определения истинности не действуют. Более того, иногда понятия "истинно/ложно" даже считаются нерелевантными для лингвистики, поскольку в языках нет формальных, категориальных маркеров этих понятий за исключением нескольких слов с лексическим значением истины-лжи [см.: Зарецкая 1997]. Следует отметить, что усмотрение истинности/ложности высказывания – лишь одна из сторон анализа рефлексии дискурса. Подобный анализ внесет немаловажный вклад в изучение познавательных актов пространственного, временного и оценочного ориентирования субъекта – человека как представителя определенного этнического сообщества.

Выводы по главе IV

В главе IV была поставлена задача показать зависимость структурной и языковой организации дискурса от ряда экстралингвистических факторов, а именно от психологических свойств личности, ее ментальности, принадлежности к тому или иному этносу, социо-культурному типу. Продемонстрирована зависимость языкового выражения прагматических речеактовых высказываний от типа продуцирующей их личности. Этнические особенности дискурсивных типов проявляются не только в отсутствии одно-однозначных соответствий языковых репрезентаций некоторых реалий внешнего мира, но и в структурном оформлении различных текстовых и дискурсивных типов в разных языках. Наиболее сложной и в настоящее время не получившей своего однозначного решения проблемой представляется перевод диалогической речи, что обусловлено "неправильностью" живого разговорного языка. В главе IV приводятся примеры неадекватных вариантов перевода отдельных языковых элементов русского и немецкого языков и доказывается необходимость изучения универсальных и идиоэтнических особенностей

языковых компонентов и возможностей их прагматического использования. Изучение идеотнических закономерностей употребления вербальных и авербальных форм коммуникативного поведения в конкретных речевых ситуациях представляется одним из перспективных направлений современного языкознания. Понимание ментальности является также одним из важных аспектов в герменевтических рефлексивных схемах. При интендировании текстов, отмеченных иноязычной культурой, важную роль играет не только понимание номинативных процессов, т.е. семантизирующее и когнитивное понимание, но и распреде-чивающее понимание, связанное с коммуникативной, прагматической целеустановкой, которую преследовал создатель дискурса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе предпринята попытка построения теоретической модели коммуникации, в которой сочетаются коммуникаторо-центрический и текстоцентрический подходы, а также установления области иллокутивных переменных моделей коммуникации, где происходит процесс опосредования единиц природы сознания в дискретные единицы языкового воплощения. Многомерность феномена "дискурс" обусловила необходимость "вертикального" подхода к его исследованию, включения вопросов семантического, прагматического, социологического, этнического порядка. Последовательный анализ коммуникативной ситуации, структуры дискурса, семантических и прагматических аспектов взаимодействия позволил дать дискурсу достаточно адекватную характеристику. Главными, подлежащими рассмотрению вопросами, явились выделение дискурсивных типов с точки зрения направленности коммуникативных действий в разговоре, структурная организация дискурса, речеактовая наполняемость аргументативного, информационного, экспрессивного, социально-ритуального дискурсов.

Названные цели потребовали решения таких задач, как: уточнение направленности и тематики исследований лингвистических единиц, объектом изучения которых является речевое общение: дискурса, конверсационного анализа, диалога; изучение специфических характеристик дискурса как языковой единицы; определение подходов к классификации дискурсивных типов; анализ основных моделей коммуникации; выделение переменных величин, релевантных для прагмалингвистического моделирования; изучение выделенных интенциональных дискурсивных типов с точки зрения их наполняемости речеактовыми высказываниями; исследование вариативности способов опосредования выделенных функциональных единиц.

Поставленные задачи исследования продиктовали использование соответствующих методов, которые находятся в рамках деятельностного понимания коммуникации. Наличие человеческого фактора в языке обусловило сочетание когнитивной ориентации анализа с коммуникативной. При анализе дискурсивных типов применялся метод описания пресуппозиционных и языковых фактов, метод классификации, метод моделирования, лингвистического описания, контекстуального и дискурсивного анализа. В работе использовались также: интерпретативный анализ, гипотетико-дедуктивный метод при моделировании вербального поведения коммуникантов в зависимости от установки, понятийное моделирование, функциональный анализ в таких его разновидностях, как контекстуальный и интенциональный анализы, описательный и контекстуальный методы, эксперимент и наблюдение.

Научная новизна исследования заключается в том, что теория дискурса как новая дисциплина находится в стадии формирования. Определение понятия дискурса, его составляющие, универсальные и идеоэтнические черты, типология, тематическое развитие, сопоставительное дискурсоведение и многие другие вопросы не получили своего более или менее однозначного решения. Автор работы предлагает свое видение некоторых аспектов названной дисциплины. Научная новизна работы обусловлена также междисциплинарностью подхода к моделированию коммуникативных процессов, попыткой использовать достижения теории речевых актов в теоретическом и практическом анализе дискурсивных типов. Учтена роль говорящего, как активной языковой личности в выборе использования той или иной языковой единицы при построении дискурса и в интерпретации обозначаемой ситуации. При изучении всей совокупности языковых особенностей дискурса отмечается существенность "человеческого фактора", субъектов, адресатов с их фондами знаний, социальной и ментальной сферами, культурным контекстом социума.

Теоретически значимым, с нашей точки зрения, явилось расширение и уточнение понятий дискурса, конверсационного анализа, диалога, концептуальное переосмысление дискурса как лингвистической единицы общения, имеющей признак знаковости и обладающей рядом универсальных черт: целостностью, связностью, хронотопностью, информативностью, интерсубъективностью, интенциональностью, модальностью, авторитетностью, континуальностью. Теоретическая значимость работы состоит также в комплексной характеристике дискурсивных интенциональных типов, в разработке их речеактовых составляющих и возможностей их языкового оформления. Особое внимание уделено изучению структурных компонентов дискурса, их функциональных характеристик.

Поскольку "теория дискурса" относительно молодая научная дисциплина, общепринятого определения объекта ее исследования не существует. В настоящей работе термин "дискурс" используется непосредственно в лингвистическом значении и определяется как лингвистическая единица общения, отражающая в себе дифференциальное многообразие картины мира, включающей: а) типизированные ситуации социального взаимодействия; б) участников социального взаимодействия; в) социальные нормы и конвенции; г) культурологические представления и формы. Речевое общение является предметом исследования также таких дисциплин, как конверсационный анализ и анализ диалога. Общим для конверсационного анализа и анализа диалогического дискурса является выбор в качестве объекта исследования естественных аутентичных диалогов. Однако наряду с некоторыми совпадениями в теории дискурсивного и конверсационного анализа имеются существенные различия. В то время как конверсационный анализ ставит в качестве своей задачи идентифицировать формальные, рекуррентные правила, технологии организации беседы и механизмы коммуникации, анализ дискурса исследует стратегию и интенцию говорящих и соответствующее им продуцирование отдельных дискурсивных типов, учитывая и пытаясь объяснить психологические и личностные явления языковых феноменов. Изучение диалога базируется на аналитически дедуктивном методе. Если для использования дискурса важно включение коммуникации в социальный контекст, то для диалога обязательно наличие такого признака как обмен речевыми высказываниями, интерактивный характер, последовательное сцепление речевых актов.

Дискурс как лингвистическая единица общения имеет признак знаковости как совокупности определенных свойств материального и идеального. Прагматическими составляющими, опосредующими процесс общения, являются интенциональный фактор как доминирующий у говорящего, фактор восприятия, или интерпретация у слушающего. Главные универсальные черты дискурса – целостность и связность. Хронотопность дискурса воплощена в репрезентации и восприятии пространственных и темпоральных отношений и осуществляется в основном через глаголы и наречия. Информативность дискурса связана с передачей и получением информации. Диалогический дискурс характеризуется интерсубъективностью и интенциональностью. Дискурсу как языковому знаку высшего порядка присущи также модальность и авторитетность.

Членение дискурса может осуществляться по тематическому и функциональному принципу. В качестве тематической структуры в работе рассматривается подготовка, введение, разработка и окончание обсуждения темы в беседе. Функцио-

нальная организация дискурса основывается на интерактивных речевых действиях и речеорганизующих действиях. Мена коммуникативных ролей и структурирование речевых вкладов представляют третий организационный аспект. В качестве основы описания аутентичных диалогов предлагается простая модель коммуникации, состоящая из поля, предшествующего коммуникации, диалогического ядра и посткоммуникационного поля. Предкоммуникационное поле представлено различными речевыми ситуациями, такими, как ситуации приветствия, знакомства, вежливости, которые репрезентируются на поверхностном уровне, главным образом, косвенными сатисфактивными речевыми актами. В заключительном акте коммуникации высказывается, как правило, благодарность собеседнику, поздравление его с разумным решением. В случае не окончательного завершения диалога высказывания в посткоммуникативной фазе, выполняя коннектирующую функцию, указывают на подключение к следующей фазе переговоров. Большие возможности вариативности заложены в оформлении диалогического ядра интеракции. Наблюдаемые в аутентичных диалогах структурные варианты представлены как вариации лежащих в их основе фазовых структур. Теория фазовых структур позволяет построить обучение речевому взаимодействию в рамках определенного жанра на основе "циклической прогрессии", т.е. нарастании сложности по спиралевидной модели: с каждым витком спирали обучающийся приобретает навык дополнительных речевых действий.

В работе отмечается наличие в современной литературе достаточно большого количества классификаций дискурсивных типов и типов коммуникаций, разработка которых определяется лежащими в их основе целями и возможностями изучения феномена "дискурс" с различных сторон. С точки зрения организации функциональной стороны дискурса представляется целесообразным выделить аргументативный, информационный, экспрессивный и социально-ритуальный дискурсы. Наибольшим разнообразием в плане представленных в них речеактовых высказываний и наибольшей частотностью функционирования характеризуется аргументативный дискурс. Среди форм осуществления воздействия самой распространенной является убеждение. Оно включает в себя такие логические действия, как объяснение, доказательство, подкрепление гипотезы, выводение следствия, внушение. К организующим их иллокутивным дискурсивным актам относятся утверждение, совет, предложение, просьба, приказ, угроза, различные виды побуждений. В работе анализируются пропозициональные структуры названных речевых стратегий аргументативного дискурса и способы их манифестаций на поверхностном уровне. Как показал анализ эмпирического материала, основные речевые стратегии информационного дискурса представлены репрезентативными (или декларативными) высказываниями. Заполнить информационную лакуну в пресуппозиционных знаниях говорящего помогают интеррогативные высказывания, характеризующиеся полифункциональностью. Экспрессивный дискурс формируется высказываниями эмоционального плана. Социально-ритуальная коммуникация тесно связана с конвенциональным характером коммуникативных актов. В ее организации активная роль отводится структурно-дискурсивным высказываниям, функциями которых являются тематическая организация как дискурса в целом, так и отдельных речевых вкладов, маркирование тематических отступлений, тематической прогрессии, введение и тематизация интенциональных единиц, маркирование продуцируемых форм, уточнение глобального и локального членения дискурса, организация мены ролей и членения речевых вкладов. Результаты анализа структур выделенных дискурсивных типов и их языкового наполнения представлены в приложениях 1 – 9.

Практическая ценность работы заключается в возможности использования результатов исследования в курсах общего языкознания, стилистики, спецкурсах по теории дискурса и деловому общению, а также в практике преподавания немецкого и русского языков как иностранных и при создании пособий для бизнесменов-практиков. Перспективным представляется изучение структурных особенностей и речеактовой и языковой репрезентации профессиональных дискурсов, например, юридического, в том числе дискурса допроса, дискурса судебного заседания, включая изучение особенностей речи адвоката, речи судьи и т.п. Мало изученными в этом плане, по-видимому, являются педагогический, терапевтический, суггестивный и другие типы дискурса. Сопоставительное изучение структурных и языковых явлений названных дискурсивных типов, несомненно, внесет существенный вклад в теорию и практику межкультурного речевого взаимодействия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони, В.Г. Теоретическая грамматика немецкого языка. Строй современного немецкого языка / В.Г. Адмони. – М. : Просвещение, 1986. – 334 с.
2. Алексеев, А.П. Аргументация. Познание. Общение / А.П. Алексеев. – М. : Изд-во МГУ, 1991. – 150 с.
3. Аксенова, И.Н. Диалог. Основные свойства и критерии членения : учеб. пособие / И.Н. Аксенова, Т.А. Жалагина. – Тверь, 1991. – 58 с.
4. Алпатов, В.М. История лингвистических учений : учеб. пособие / В.М. Алпатов. – М. : Язык рус. культуры, 1999. – 368 с.
5. Алимуратов, О.А. Глобальный смысл: природа, специфика порождения и интерпретации на уровне текста / О.А. Алимуратов // Номинация и дискурс : материалы докл. междунар. науч. конф. – Минск, 2006. – С. 3 – 5.
6. Андреев, В.И. Деловая риторика: практический курс делового общения и ораторского мастерства / В.И. Андреев. – М. : Народное образование, 1995. – 206 с.
7. Анисимова, Е.Е. Онимы в современном ресторанном дискурсе / Е.Е. Анисимова // Номинация и дискурс : материалы докл. междунар. науч. конф. ; Минск. гос. лингв. ун-т. – Минск, 2006. – С. 6–7.
8. Анисимова, Т.В. Типология жанров деловой речи (риторический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Т.В. Анисимова; Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 2000. – 46 с.
9. Аникушина, М.В. Особенности дискурсивного анализа религиозного текста / М.В. Аникушина // Альманах современной науки и образования. Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии. – Тамбов, 2007. – Ч. 1. – С. 19 – 21.
10. Апресян, Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики / Ю.Д. Апресян. – М. : Просвещение, 1966. – 112 с.
11. Апресян, Ю.Д. Перформативы в грамматике и словаре / Ю.Д. Апресян // Изв. Акад. наук СССР. Сер. лит. и яз. – 1986. – Т. 45. – № 3. – С. 208 – 223.
12. Апресян, Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян // Избранные труды. – М. : Языки русской культуры. Изд. фирма "Восточная литература". РАН, 1995. – Т. 2. – 767 с.
13. Аристов, С.А. Невербальные компоненты коммуникации / С.А. Аристов // Тверской лингвистический меридиан : сб. науч. тр. / Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1998. – Вып. 1. – С. 23 – 30.
14. Аристов, С.А. Коммуникативно-когнитивная лингвистика и разговорный дискурс / С.А. Аристов, И.П. Сусов // Лингвистический вестник : сб. науч. тр. – Ижевск, 1999а. – Вып. 1. – С. 5 – 10.
15. Аристов, С.А. Turn-taking und seine Beziehungsdependenz / С.А. Аристов // Тверской лингвистический меридиан : сб. науч. тр. ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1999б. – Вып. 3. – С. 10 – 19.
16. Аристов, С.А. Ситуированная модель мены коммуникативных ролей / С.А. Аристов // Тверской лингвистический меридиан : сб. науч. тр. ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2000. – Вып. 4. – Режим доступа: <http://www.tol.tversu.ru/Meridian4.htm>.
17. Аристотель. Риторика; пер. с древнегреч. О. Цыбенко // Аристотель. – М. : Лабиринт, 2000. – 221 с.
18. Артемьева, Ю.В. Диалог на экране телевизора и прагматическая лингвистика / Ю.В. Артемьева // Тверской лингвистический меридиан : сб. науч. тр. ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1999. – Вып. 3. – С. 20 – 27.
19. Артемьева, Ю.В. Акты референции в телевизионном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. / Ю.В. Артемьева ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2000. – 16 с.
20. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 383 с.
21. Арутюнова, Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н.Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований : сб. науч. тр. – М. : Наука, 1980. – С. 156 – 249.
22. Арутюнова, Н.Д. Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова // Изв. Акад. наук СССР. Сер. лит. и яз. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356 – 367.
23. Арутюнова, Н.Д., Русское предложение. Бытийный тип / Н.Д. Арутюнова, Е.Н. Ширяев – М. : Русский язык, 1983. – 198 с.
24. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. (Оценка. Событие. Факт) / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 338 с.
25. Арутюнова, Н.Д. Метафора / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 296.
26. Арутюнова, Н.Д. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис / Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина и [др]. – М. : Наука, 1992. – 281 с.
27. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М., 1998. – С. 136–137.
28. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка : автореф. ... дис. д-ра филол. наук : 10.02.19 / А.П. Бабушкин. – Воронеж : ВГУ, 1998. – 23 с.
29. Бадмаев, Б.Ц. Психология обучения речевому мастерству / Б.Ц. Бадмаев, А.А. Мальшев. – М. : Наука, 1991. – 215 с.
30. Баева, Г.В. Семантико-прагматические особенности вербальных и невербальных знаков в рекламном дискурсе : автореф. ... дис. канд. филол. наук : 19.02.04 / Г.В. Баева ; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2000. – 24 с.
31. Баранов, А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А.Н. Баранов ; Ин-т русск. яз. Акад. наук СССР. – М., 1990. – 48 с.
32. Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику / А.Н. Баранов. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
33. Бахтин, М.М. Человек в мире слова / М.М. Бахтин. – М. : Наука, 1995. – 140 с.
34. Белецкая, О.Д. Подход к диалогу в разговорном анализе / О.Д. Белецкая // Тверской лингвистический меридиан ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1999а. – Вып. 2. – С. 32 – 37.

35. Белецкая, О.Д. Когнитивно-коммуникативная интерпретация вопросно-ответных единств : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О.Д. Белецкая ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1999б. – 19 с.
36. Белова, Е.Н. Структура и семантика аргументативного дискурса: (На материале слушаний ком. и подком. Конгресса США) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е.Н. Белова ; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – СПб., 1995. – 18 с.
37. Беляева, Е.И. Ситуативная вариативность реквестивов / Е.И. Беляева, М.А. Егорова // Проблемы вариативности в германских языках : тез. докл. – М., 1988. – С. 58 – 60.
38. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.
39. Бобырева, Е.В. Системообразующие и системоприобретенные признаки религиозного дискурса / Е.В. Бобырева // Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии : межвуз. сб. науч. ст. – Тамбов, 2006. – Вып. 1. – С. 53–54.
40. Богданов, В.В. Функции вербальных и невербальных компонентов в речевом общении / В.В. Богданов // Языковое общение: единицы и регулятивы ; Калинин. гос. ун-т. – Калинин, 1987. – С. 18 – 25.
41. Богданов, В.В. Классификация речевых актов / В.В. Богданов // Личностные аспекты языкового общения ; Калинин. гос. ун-т. – Калинин, 1989. – С. 25 – 37.
42. Богданов, В.В. Коммуникативная компетенция и коммуникативное лидерство / В.В. Богданов // Язык, дискурс и личность ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1990а. – С. 26 – 31.
43. Богданов, В.В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты / В.В. Богданов. – Л. : Изд-во Ленин. гос. ун-та, 1990б. – 88 с.
44. Богданов, В.В. Текст и текстовое общение / В.В. Богданов. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1993. – 68 с.
45. Богин, Г.И. Субстанциальная сторона понимания текста / Г.И. Богин. – Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 1993. – 137 с.
46. Богин, Г.И. Система техник понимания текста / Г.И. Богин. – Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 1997а. – 85 с.
47. Богин, Г.И. Герменевтические проблемы обучения // Г.И. Богин // Вестник Тамбовского государственного технического университета. – 1997б. – № 3. – С. 351 – 361.
48. Бодуэн де Куртене, И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртене. – М. : АН СССР, 1963. – Т. 1 – 383 с.
49. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2000. – 172 с.
50. Болдырева, А.А. Категория авторитетности в научном дискурсе / А.А. Болдырева, В.Б. Кашкин // Язык, коммуникация и социальная среда : сб. науч. тр. ; ВГТУ. – Воронеж, 2001. – Режим доступа: <http://tpl1999.narod.ru/webLSF2001/BoldKach.htm>.
51. Болдырева, А.А. Особенности выражения авторского "я" в научном дискурсе (на материале английских и русских письменных текстов) / А.А. Болдырева, В.Б. Кашкин // Язык, коммуникация и социальная среда : сб. науч. тр. ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2002. – Вып. 2. – С. 99 – 108.
52. Бондаренко, В.Н. Об адекватности перевода модальных значений с немецкого языка на русский и наоборот / В.Н. Бондаренко // Иностранные языки в школе. – 1981. – № 6. – С. 13 – 17.
53. Бондарко, А.В. Функциональная грамматика / А.В. Бондарко. – Л. : Наука, 1984. – 136 с.
54. Борботько, В.Г. Элементы теории дискурса : учеб. пособие / В.Г. Борботько. – Грозный : Изд-во Чечено-Ингуш. гос. ун-та, 1981. – 113 с.
55. Бочарникова, Е.А. Интертекстуальность в научном дискурсе: к истории вопроса / Е.А. Бочарникова // Альманах современной науки и образования. Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии. – Тамбов, 2007. – Ч. 1. – С. 50–51.
56. Брутян, Г.А. Очерк теории аргументации / А.Г. Брутян. – Ереван : Изд-во АН Армении, 1992. – 299 с.
57. Бушев, А.Б. Терапевтические метафоры: текст и интерпретация / А.Б. Бушев, М.Г. Агкацева // Тверской лингвистический меридиан ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1999. – Вып. 3. – С. 25 – 38.
58. Валгина, Н.С. Синтаксис современного русского языка / Н.С. Валгина. – М. : Агар, 2000. – 416 с.
59. Валгина, Н.С. Теория текста : учеб. пособие / Н.С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 280 с.
60. Варзонин, Ю.Н. Личностные характеристики иронического говорящего / Ю.Н. Варзонин // Язык, дискурс и личность ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1990. – С. 79 – 85.
61. Варзонин, Ю.Н. Теоретические основы риторики / Ю.Н. Варзонин. – Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 1998. – 120 с.
62. Варнавальская, О.О. Особенности языка философского научного текста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О.О. Варнавальская. – Ростов н/Д, 2005. – 159 с.
63. Васильев, Л.Г. Понимание гуманитарного научного текста: основы аргументативного подхода / Л.Г. Васильев // Семантика слова и текста : психолингвистические исследования ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1998. – С. 146 – 149.
64. Васильев, Л.Г. Прагматика аргумента: коммуникативный подход / Л.Г. Васильев, Н.А. Ощепкова // Тверской лингвистический меридиан ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1999. – Вып. 3. – С. 43 – 50.
65. Вежбицкая, А. Метатекст в тексте / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – Вып. 8: Лингвистика текста. – С. 402 – 421.
66. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики : сб. ст. / А. Вежбицка. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.
67. Вейзе, А.А. Реферирование текста / А.А. Вейзе. – Минск : Изд-во Белорусск. гос. ун-та, 1978. – 126 с.
68. Винер, Н. Информация, язык и общество / Н. Винер // Кибернетика. – М., 1983. – С. 236 – 248.
69. Винокур, Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур. – М. : Наука, 1993. – 171 с.
70. Владова, Е.В. Однокорневые разноструктурные синонимы как средство связи между компонентами текста / Е.В. Владова // Лингвистика текста и обучение иностранным языкам. – Киев, 1978. – С. 102 – 108.
71. Волгин, Б.Н. Деловое совещание / Б.Н. Волгин. – М. : Моск. рабочий, 1981. – 159 с.
72. Волошинов, В.Н. Марксизм и философия языка / В.Н. Волошинов. – Л. : Прибой, 1930. – 157 с.
73. Выготский, Л.С. Мышление и речь: Психологические исследования / Л.С. Выготский. – М. : Лабиринт, 1996. – 415 с.

74. Гак, В.Г. Высказывание и ситуация / В.Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. – М. : Наука, 1973. – С. 349 – 373.
75. Гак, В.Г. О семантической организации текста / В.Г. Гак // Лингвистика текста : матер. науч. конф. ; МГПИИЯ им. М. Тореза. – М., 1974. – Ч. 1. – С. 61 – 66.
76. Гак, В.Г. О семантической организации повествовательного текста / В.Г. Гак // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. – М., 1976а. – Вып. 103. – С. 5 – 14.
77. Гак, В.Г. Номинализация сказуемого и устранение субъекта / В.Г. Гак // Синтаксис и стилистика. – М., 1976б. – С. 85 – 102.
78. Гак, В.Г. К типологии лингвистических номинаций / В.Г. Гак // Языковая номинация: Общие вопросы. – М., 1977. – С. 230 – 293.
79. Гак, В.Г. Сопоставительные исследования и переводческий анализ / В.Г. Гак // Тетради переводчика. – М., 1979. – С. 11 – 21.
80. Гак, В.Г. Речевые рефлексы с речевыми словами / В.Г. Гак // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М., 1994.
81. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 139 с.
82. Гиндин, С.И. Связный текст и элементы типологии / С.И. Гиндин // Сб. науч. тр. Ин-та рус. языка Акад. наук СССР. – М., 1971. – Вып. 24.
83. Гиндин, С.И. Внутренняя организация текста : дис. ... канд. филол. наук / С.И. Гиндин. – М., 1972. – 390 с.
84. Горлина, А.С. Работающие тесты для идентификации фокуса контраста в высказывании / А.С. Горлина // Тверской лингвистический меридиан. – Тверь, 2000. – Вып. 4. – Режим доступа: <http://www.tol.tversu.ru/Meridian4.htm>.
85. Грайс, Г.П. Логика и речевое общение / Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. 16. – С. 217 – 237.
86. Григорьев, Е.И. Основы фонопрагматики немецкого языка : монография / Е.И. Григорьев. – Днепропетровск : Навчальна кн., 1997. – 169 с.
87. Григорьева, В.С. Textoобразующие функции бытийных предложений в современном немецком языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В.С. Григорьева. – Калинин, 1980. – 158 с.
88. Григорьева, В.С. Проблемы теории и интерпретации текста / В.С. Григорьева, Г.В. Расторгуева, И.Ю. Мостовская. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. пед. ин-та, 1987. – 120 с.
89. Григорьева, В.С. Анализ дискурса. К постановке вопроса / В.С. Григорьева // Актуальные проблемы лингводидактики : сб. тез. и докл. ; ТВВАИУ. – Тамбов, 1998а. – С. 99–100.
90. Григорьева, В.С. Этнические аспекты категоризации бытия и обладания в немецком и русском языках / В.С. Григорьева // Общие проблемы строения и организации языковых категорий : материалы науч. конф. ; Ин-т языкознания Рос. акад. наук. – М., 1998б. – С. 66–67.
91. Гришаева, Л.И. Дискурс, дискурсивное событие и текст / Л.И. Гришаева // Номинация и дискурс : материалы докл. междунар. науч. конф. ; Минск. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2006. – С. 11 – 13.
92. Губаева, Т.В. Словесность в юриспруденции : учебник / Т.В. Губаева. – Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 1995. – 304 с.
93. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию ; пер. с нем. / В. фон Гумбольдт ; общ. ред. Г.В. Рамишвили. – М. : ОАО ИГ "Прогресс", 2000. – 400 с.
94. Гусева, О.А. Риторико-аргументативные характеристики политического дискурса: На материале президентских обращений к нации : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О.А. Гусева. – Калуга, 2006. – 228 с.
95. Давыденкова, О.А. Актуализация системных лексических связей как фактор реализации прагматического задания в английских предложениях рекламно-инструктивного характера / О.А. Давыденкова // Связи языковых единиц в системе и реализации : межвуз. сб. науч. тр. ; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 1998. – С. 74 – 79.
96. Данилова, Н.К. "Знаки субъекта" в дискурсе / Н.К. Данилова. – Самара : Самар. ун-т, 2001. – 228 с.
97. Девкин, В.Д. Особенности немецкой разговорной речи / В.Д. Девкин. – М. : Междунар. отношения, 1965. – 318 с.
98. Девкин, В.Д. Немецкая разговорная речь: синтаксис и лексика / В.Д. Девкин. – М. : Междунар. отношения, 1979. – 256 с.
99. Девкин, В.Д. Типология метакоммуникативных высказываний разговорной речи / В.Д. Девкин // Коммуникативные единицы языка : тез. докл. всесоюз. науч. конф. ; МГПИИЯ им. М. Тореза. – М., 1984. – С. 42 – 45.
100. Дейк, Т.А. ван. Вопросы прагматики текста / Т.А. ван Дейк // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – Вып. 8. Лингвистика текста. – С. 259 – 336.
101. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
102. Декленко, Е.В. Лингвокультурологический аспект патриотического дискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е.В. Декленко. – Челябинск, 2004. – 211 с.
103. Демьянков, В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста / В.З. Демьянков // Методы анализа текста : тетради новых терминов, 39. – М. : ВЦП, 1982. – Вып. 2. – 90 с.
104. Добрушина, Н.Р. Исследования средств выражения обратной связи в американской лингвистике / Н.Р. Добрушина // Вопросы языкознания. – 2000. – № 1. – С. 135 – 140.
105. Долинин, К.А. Стилистика французского языка / К.А. Долинин. – Л. : Просвещение, 1978. – 344 с.
106. Дридзе, Т.М. Социальная коммуникация в управлении обратной связью / Т.М. Дридзе // Международная жизнь. – 1998. – № 10.
107. Егорова, М.А. Социокультурная вариативность способов обращения с просьбой: опыт экспериментального исследования / М.А. Егорова // Коммуникативные прагматические компоненты в лингвистическом исследовании : сб. науч. тр. ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 1995. – С. 26 – 33.
108. Еемеерен, Ф.Х. ван. Речевые акты в аргументативных дискуссиях / Ф.Х. ван Еемеерен, Р. Гроотендорст. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994. – 237 с.

109. Жалагина, Т.А. Коммуникативный фокус в диалогическом событии / Т.А. Жалагина // Языковое общение: Единицы и регулятивы ; Калинин. гос. ун-т. – Калинин, 1987. – С. 107 – 115.
110. Жалагина, Т.А. Динамизм развития коммуникативного фокуса / Т.А. Жалагина // Язык, дискурс и личность ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1990. – С. 99 – 105.
111. Жеребцова, Ж.И. Дискурс как проявление взаимодействия культур / Ж.И. Жеребцова // V научная конференция ТГТУ : краткие тез. докл. ; Тамб. гос. техн. ун-т. – Тамбов, 2000. – С. 318–319.
112. Зарецкая, Е.Н. Логика речи для менеджера / Е.Н. Зарецкая. – М. : Финпресс, 1997. – 352 с.
113. Земская, Е.А. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев. – М. : Наука, 1981. – 276 с.
114. Зернецкий, П.В. Четырехмерное пространство речевой деятельности / П.В. Зернецкий // Язык, дискурс, личность ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1990. – С. 60 – 68.
115. Иванова, В.И. Коммуникативная семантика предложения-высказывания / В.И. Иванова // Язык и дискурс. Когнитивные и коммуникативные аспекты : сб. науч. работ ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1997. – С. 16 – 22.
116. Ивакина, Н.Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов) : учеб. пособие / Н.Н. Ивакина. – М. : Юрист, 1999. – 384 с.
117. Ивин, А.А. Теория аргументации : учеб. пособие / А.А. Ивин. – М. : Гардарики, 2000. – 416 с.
118. Казыдуб, Н.Н. Триадиическое осмысление категориального пространства дискурса / Н.Н. Казыдуб // Лингвистические парадигмы и лингводидактика : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. / БГУЭП. – Иркутск, 2006. – С. 242 – 245.
119. Калашаова, А.Ш. Политический дискурс: Аспекты социального воздействия : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А.Ш. Калашаова. – Краснодар, 2006. – 130 с.
120. Карасик, В.И. Характеристики педагогического дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики : сб. науч. тр. – Волгоград, 1999а. – С. 3 – 18.
121. Карасик, В.И. Религиозный дискурс / В.И. Карасик // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики : сб. науч. тр. – Волгоград, 1999б. – С. 5 – 19.
122. Карасик, В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. – Волгоград, 2000а. – С. 5 – 20.
123. Карасик, В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса / В.И. Карасик // Этнокультурная специфика речевой деятельности : сб. обзоров ; ИНИОН РАН. – М., 2000б. – С. 37 – 64.
124. Карасик, В.И. Ритуальный дискурс / В.И. Карасик // Жанры речи. – Саратов, 2002. – Вып. 3. – Режим доступа: http://www.vspu.ru/~axiology/vik/vikart_12.htm.
125. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
126. Каратанова, О.А. Лингвистически релевантные нарушения педагогического дискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О.А. Каратанова. – Волгоград, 2003. – 181 с.
127. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 262 с.
128. Карташкова, Ф.И. Функционирование в тексте слов неполной номинации : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ф.И. Карташкова. – Л., 1979. – 21 с.
129. Кашкин, В.Б. Введение в теорию коммуникации : учеб. пособие / В.Б. Кашкин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2000. – 175 с.
130. Кашкин, В.Б. Сопоставительные исследования дискурса / В.Б. Кашкин // Концептуальное пространство языка ; Тамб. гос. ун-т. – Тамбов, 2005. – С. 337 – 353.
131. Кибрик, А.А. Когнитивные исследования по дискурсу / А.А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С. 126 – 137.
132. Кириллов, В.И. Логика : учебник / В.И. Кириллов, А.А. Старченко. – М. : Юристъ. – 1995. – 256 с.
133. Киселева, В.В. Варьирование вербальных реакций в аргументативном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / В.В. Киселева ; Удмуртский гос. ун-т. – Ижевск, 2006. – 19 с.
134. Клюев, Е.В. Речевая коммуникация : учеб. пособие / Е.В. Клюев. – М. : ПРИОР, 1998. – 224 с.
135. Клюев, Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция) : учеб. пособие / Е.В. Клюев. – М. : Приор, 1999. – 272 с.
136. Кобозева, И.М. "Теория речевых актов" как один из вариантов теории речевой деятельности / И.М. Кобозева // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов. – С. 7 – 21.
137. Колодина, Н.И. Смыслопостроение в структурном понимании при рецепции художественного текста / Н.И. Колодина. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2000. – 145 с.
138. Колшанский, Г.В. Паралингвистика / Г.В. Колшанский. – М. : Наука, 1974. – 81с.
139. Колшанский, Г.В. Коммуникативная функция и структура языка / Г.В. Колшанский. – М. : Наука, 1984. – 234 с.
140. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский. – М. : Наука, 1990. – 108 с.
141. Комина, Н.А. Коммуникативно-прагматический аспект английской диалогической речи : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н.А. Комина. – Калинин, 1984.
142. Комина, Н.А. Прагматическая структура констатиного блока реплик в диалоге / Н.А. Комина // Языковое общение и его единицы ; Калинин. гос. ун-т. – Калинин, 1986. – С. 60 – 65.
143. Комина, Н.А. Анализ дискурса в интеракциональной социолингвистике / Н.А. Комина // Лингвистический вестник. – 1999. – Вып. 1. Режим доступа: http://www.teneta.ru/rus/ke/komina_na_analiz_diskursa.htm.
144. Комина, Н.А. Организационный дискурс в учебной ситуации: Семантический и прагматический аспекты : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Н.А. Комина. – Тверь, 2004. – 317 с.
145. Кошанский, Н.Ф. Риторические труды / Н.Ф. Кошанский, В.И. Аннушкин // История русской риторики. Хрестоматия : учеб. пособие. – М., 1998. – С. 294 – 313.
146. Кошеварова, Ю.А. Коммуникативно-прагматический анализ аргументативного дискурса (на материале художественных произведений английских и американских писателей XX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ю.А. Кошеварова ; Башкирский гос. ун-т. – Уфа, 2006. – 19 с.

147. Кравченко, А.В. Естественнонаучные аспекты семиозиса / А.В. Кравченко // Вопросы языкознания. – 2000. – № 1. – С. 3 – 9.
148. Кривоносов, А.Т. Язык. Логика. Мышление. Умозаключение в естественном языке / А.Т. Кривоносов. – М.-Нью-Йорк : Валанг, 1996. – 682 с.
149. Крысин, Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета / Л.П. Крысин // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1. – С. 90 – 107.
150. Крюкова, Н.Ф. Средства метафоризации и понимания текста : монография / Н.Ф. Крюкова. – Калинин : Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1999. – 128 с.
151. Кубрякова, Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е.С. Кубрякова. – М. : Наука, 1986. – 156 с.
152. Кубрякова, Е.С. Концепт / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац [и др.] // Краткий словарь лингвистических терминов ; Моск. гос. ун-т. – М., 1996. – С. 90 – 93.
153. Кубрякова, Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. – М. : Институт языкознания РАН, 1997. – 327 с.
154. Куликова, И. Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии) / И. Куликова, Д. Салмина. – СПб. : Сага, 2002.
155. Курбатов, В.И. Стратегия делового успеха : учеб. пособие / В.И. Курбатов. – Ростов н/Д : Феникс, 1995. – 416 с.
156. Кучинский, Г.М. Психологический анализ содержания диалога при совместном решении мыслительной задачи / Г.М. Кучинский // Психологические исследования общения. – М., 1985. – С. 252 – 264.
157. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз. – М. : Прогресс, 1978. – 544 с.
158. Лейкина, М.М. Структура текстов судебных решений : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / М.М. Лейкина. – Орел, 2003. – 189 с.
159. Лейчик, В.М. Культура речи в рекламной газете / В.М. Лейчик // Slavica Quinquiescencia VI. Linguistica. Translatologia. – Pecs, 2000. – С. 149 – 154.
160. Леонтьев, А.А. Слово в речевой деятельности / А.А. Леонтьев. – М. : Наука, 1965. – 246 с.
161. Леонтьев, А.А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации / А.А. Леонтьев // Синтаксис текста. – М., 1979. – С. 18 – 36.
162. Луканина, М.В. Метакоммуникация: новое или старое / М.В. Луканина // Речевая коммуникация: секреты успеха : тез. междунар. конф. ; Моск. гос. ун-т. – М., 1999. – С. 40–41.
163. Лябина, О.Г. Лексико-стилистическая репрезентация субъективности индивида (на материале текстов выступлений современных политических деятелей) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О.Г. Лябина. – Тамбов, 2007. – 195 с.
164. Макаров, М.Л. Анализ дискурса в малой группе : учеб. пособие / М.Л. Макаров. – Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 1995. – 62 с.
165. Макаров, М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе / М.Л. Макаров. – Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 1998. – 200 с.
166. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 277 с.
167. Макарова, М.М. Средства связи самостоятельных предложений в научно-технической речи современного немецкого языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.М. Макарова. – М., 1960. – 22 с.
168. Макеева, М.Н. Риторическая программа художественного текста как условие использования рациональных герменевтических техник в диалоге "текст – читатель" / М.Н. Макеева. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 1999. – 134 с.
169. Мечковская, Н.Б. Язык и общество / Н.Б. Мечковская // Общее языкознание ; под ред. А.Е. Супруна. – Минск, 1983. – С. 23 – 86.
170. Милосердова, Е.В. Семантика и прагматика модальности / Е.В. Милосердова. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1991. – 196 с.
171. Милосердова, Е.В. Некоторые вопросы сравнительной типологии немецкого и русского языков : учеб. пособие / Е.В. Милосердова. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. ун-та им. Г.Р. Державина, 1998. – 57 с.
172. Милосердова, Е.В. Прагматика речевого общения : учеб. пособие / Е.В. Милосердова. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. ун-та им. Г.Р. Державина, 2001а. – 122 с.
173. Милосердова, Е.В. О трудностях перевода социокультурного компонента высказывания / Е.В. Милосердова // Перевод: язык и культура : материалы междунар. науч. конф. ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2001б. – Вып. 4. – С. 98–99.
174. Миронова, Н.Н. Дискурс-анализ оценочной семантики / Н.Н. Миронова. – М. : Тезаурус, 1997. – 158 с.
175. Михайлов, Л.М. Грамматика немецкой диалогической речи : учеб. пособие / Л.М. Михайлов. – М. : Высш. шк., 1986. – 110 с.
176. Михайлов, Л.М. Коммуникативная грамматика немецкого языка : учебник / Л.М. Михайлов. – М. : Высш. шк., 1994. – 256 с.
177. Михайлов, В.В. Средства реализации образности в институциональном политическом дискурсе: На материале немецкого и русского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / В.В. Михайлов. – Тамбов, 2006. – 220 с.
178. Михайлова, Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе: На материале статей : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е.В. Михайлова. – Волгоград, 1999. – 205 с.
179. Моррис, Ч.У. Значение и означивание / Ч.У. Моррис // Семантика. – М., 1984. – С. 118 – 132.
180. Москальская, О.И. Грамматика текста (пособие по грамматике немецкого языка для ин-тов и фак. иностр. яз.) : учеб. пособие / О.И. Москальская. – М. : Высш. шк., 1981. – 183 с.
181. Николаева, В.Д. Структурно-семантические и прагматические особенности трехчленных диалогических единств в английском языке : дис. ... канд. филол. наук / В.Д. Николаева. – Киев, 1987.
182. Николаева, Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста / Т.М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистика текста ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Т.М. Николаевой. – М., 1978. – Вып. VIII. – С. 467 – 472.
183. Овчинникова, И.Г. Значимость речевой ошибки в рекламном дискурсе / И.Г. Овчинникова // Номинация и дискурс : материалы докл. междунар. науч. конф. ; Минск. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2006. – С. 41 – 44.

184. Овчинникова, Н.В. Коммуникативно-прагматическая специфика судебного дискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н.В. Овчинникова. – Тула, 2006. – 154 с.
185. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 17. – С. 22 – 129.
186. Ощепкова, Н.А. Классификация аргументативных ошибок: прагма-диалектический подход / Н.А. Ощепкова ; Калужск. гос. пед. ун-т им. К.Э. Циолковского, 2000. – Режим доступа: <http://www.Dialog-21.Ru/Archive/2000>.
187. Ощепкова, Н.А. Стратегии и тактики в аргументативном дискурсе: прагмалингвистический анализ убедительности рассуждения: На материале предвыборных дебатов на пост президента США : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н.А. Ощепкова. – Калуга, 2004. – 199 с.
188. Павиленис, Р.И. Понимание речи и философии языка / Р.И. Павиленис // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. XVII. – С. 380 – 388.
189. Павлов, В.М. О лингвистическом подходе к исследованию структуры текста / В.М. Павлов // Материалы V Всесоюз. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1975. – Ч. 1.
190. Падучева, Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е.В. Падучева. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
191. Панкратова, О.А. Лингвосомиотические характеристики спортивного дискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О.А. Панкратова. – Волгоград, 2005. – 223 с.
192. Петров, В.В. Вступительная статья / В.В. Петров, Ю.Н. Караулов // Дейк Г.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация ; пер. с англ. – М., 1989. – С. 5 – 11.
193. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М. : Учпедгиз, 1956. – 511 с.
194. Пиевская, И.М. Системные отношения религиозного дискурса: На материале английского и русского переводов "Книги Псалмов" : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И.М. Пиевская. – Воронеж, 2006. – 171 с.
195. Пиз, А. Язык телодвижений / А. Пиз. – Н. Новгород : Ай Кью, 1992. – 262 с.
196. Понимание как усмотрение и построение смыслов : сб. науч. тр. В 2 ч. – Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 1996. – 167 с.
197. Попова, Л.Е. Юридический дискурс как объект интерпретаций: семантический и прагматический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Л.Е. Попова. – Краснодар, 2005. – 20 с.
198. Поспелов, Н.С. Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры / Н.С. Поспелов // Докл. и сообщ. ин-та рус. яз. Акад. наук СССР. – М., 1946. – Вып. 2. – С. 43 – 68.
199. Почепцов, Г.Г. Прагматика текста / Г.Г. Почепцов // Коммуникативно-прагматические и семантические функции речевых единств ; Калинин. гос. ун-т. – Калинин, 1980. – С. 5 – 10.
200. Почепцов, Г.Г. Прагматика предложения / И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов // Теоретическая грамматика современного английского языка. – М., 1981а. – С. 164 – 281.
201. Почепцов, Г.Г. Фатическая метакоммуникация / Г.Г. Почепцов // Семантика и прагматика синтаксических единств ; Калинин. гос. ун-т. – Калинин, 1981б. – С. 52 – 59.
202. Почепцов, Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук.: Ваклер, 2001. – 656 с.
203. Путрова, М.Д. Просодическая дифференциация непринужденного и официально-делового стилей английской диалогической речи (на материале повествовательных диалогических единств) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / М.Д. Путрова. – Минск, 1981. – 18 с.
204. Пушкин, А.А. Способ организации дискурса в типологии языковых личностей / А.А. Пушкин // Язык, дискурс и личность ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1990. – С. 50 – 60.
205. Рождественский, Ю.В. Теория риторики / Ю.В. Рождественский. – М. : Добросвет, 1997. – 600 с.
206. Розова, К.М. Семантическое моделирование бытийных предложений : учеб. пособие по общелингвист. дисциплинам / К.М. Розова. – Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 1997. – 84 с.
207. Романов, А.А. Семантико-содержательный аспект перформатива / А.А. Романов // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики ; Калинин. гос. ун-т. – Калинин, 1981. – С. 105 – 113.
208. Романов, А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения / А.А. Романов. – М. : ИЯ АН СССР, 1988. – 182 с.
209. Романов, А.А. Управленческая коммуникация / А.А. Романов. – Тверь : АО Тверьэнерго, 1996. – 240 с.
210. Романов, А.А. Тайны рекламы / А.А. Романов, И.Ю. Черепанова, А.А. Ходырев. – Тверь : ТГСХА, 1997. – 290 с.
211. Романов, А.А. Регулятивная деятельность участников диалога / А.А. Романов // Язык, культура и социум в гуманитарной парадигме : сб. науч. тр. ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1999а. – С. 3 – 7.
212. Романов, А.А. Суггестивный дискурс в библиотерапии / А.А. Романов, И.Ю. Черепанова. – М. : Лилия ЛТД, 1999б. – 128 с.
213. Романов, А.А. Имя собственное в политике: язык власти и власть языка / А.А. Романов, Е.Г. Романова, Н.Ю. Воеводкин. – М. : Лилия ЛТД, 2000. – 112 с.
214. Романов, А.А. Лингвистическая мозаика: избранное / А.А. Романов. – М. : ИЯ РАН, 2006. – 436 с.
215. Романова, Е.Г. Функционально-семантические свойства перформативных единиц в ритуальной коммуникации : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е.Г. Романова. – Тверь, 1997. – 174 с.
216. Романова, Е.Г. Игровое пространство актов ритуальной коммуникации / Е.Г. Романова // Человек играющий: язык, личность, социум : межвуз. сб. науч. тр. ; Ин-т языкознания РАН; Твер. ин-т экономики и менеджмента. – М.-Тверь, 1999. – С. 31 – 39.
217. Рузавин, Г.И. Методологические проблемы аргументации / Г.И. Рузавин. – М. : Изд-во ин-та философии РАН, 1997. – 202 с.
218. Рыжова, Л.П. Коммуникативная активность личности в сфере производственного управления / Л.П. Рыжова // Личностные аспекты языкового общения : межвуз. сб. науч. тр. ; Калинин. гос. ун-т. – Калинин, 1989. – С. 54 – 62.
219. Рябцева, Н.К. Ментальные перформативы в научном дискурсе / Н.К. Рябцева // Вопросы языкознания. – 1992. – № 4. – С. 12 – 28.

220. Савосина, Л.М. Синтаксическая парадигма предложения и ее соотношенность с актуализационной парадигмой / Л.М. Савосина // Русский язык за рубежом. – 1998. – № 3. – С. 68 – 75.
221. Сафаров, Ш. Этнокультурные компоненты дискурсивной деятельности / Ш. Сафаров // Язык, дискурс и личность: Когнитивные и коммуникативные аспекты : сб. науч. работ ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1990. – С. 105 – 111.
222. Семенов, О.И. Информация / О.И. Семенов // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – М., 1998. – С. 896.
223. Сергеев, В.И. Когнитивные методы в социальных исследованиях / В.И. Сергеев // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. – С. 3 – 20.
224. Серебренников, Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка / Б.А. Серебренников. – М. : Наука, 1983. – 319 с.
225. Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов. – С. 170 – 194.
226. Серль, Дж. Что такое речевой акт? / Дж. Серль // Зарубежная лингвистика ; под ред. В.А. Звегинцева, Б.А. Успенского, Б.Ю. Городецкого. – М., 1999а. – Ч. 2. – С. 210 – 229.
227. Серль, Дж. Классификация иллокутивных актов / Дж. Серль // Зарубежная лингвистика ; под ред. В.А. Звегинцева, Б.А. Успенского, Б.Ю. Городецкого. – М., 1999б. – Ч. 2. – С. 229 – 254.
228. Сильман, Т.И. Проблемы синтаксической стилистики: на материале немецкой прозы / Т.И. Сильман. – Л. : Просвещение, 1967. – 182 с.
229. Сиротинина, О.Б. Общая характеристика лексики разговорной речи / О.Б. Сиротинина // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: Лексика. – Саратов, 1983. – С. 6 – 10.
230. Скороходько, Э.Ф. Лингвистические основы автоматизации информативного потока : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э.Ф. Скороходько. – Киев, 1972. – 20 с.
231. Слышкин, Г.Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) / Г.Г. Слышкин // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. – Волгоград, 2000а. – С. 38 – 45.
232. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М. : Academia, 2000б. – 128 с.
233. Смирницкий, А.И. Лексикология английского языка / А.И. Смирницкий. – М. : Учпедгиз, 1956. – 250 с.
234. Соколенко, В.М. "Здесь и сейчас" как герменевтическая проблема / В.М. Соколенко // Понимание менталитета и текста ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1995. – С. 3 – 15.
235. Сонин, А.Г. Когнитивная лингвистика: становление парадигмы / А.Г. Сонин. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 222 с.
236. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца XX века : сб. ст. ; под ред. Ю.С. Степанова. – М., 1995. – С. 33 – 73.
237. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М. : Шк. "Язык рус. культуры", 1997. – 824 с.
238. Стернин, И.А. Коммуникативное поведение как предмет описания / И.А. Стернин // Тверской лингвистический меридиан : сб. науч. тр. ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1998. – С. 93 – 98.
239. Стернин, И.А. Концепт и языковая семантика / И.А. Стернин // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект : сб. науч. тр. ; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 1999. – С. 69 – 75.
240. Стрелкова, О.А. Особенности современного женского политического дискурса: На примере речевых портретов женщин-политиков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О.А. Стрелкова. – Курск, 2006. – 183 с.
241. Сусов, А.А. Теория межкультурной коммуникации vs. контрастивная этносоциоллингвистика / А.А. Сусов // Лингвистический вестник. – 2001. – Вып. 3. – С. 3 – 12.
242. Сусов, И.П. Семантика и прагматика предложения : учеб. пособие / И.П. Сусов. – Калинин : Изд-во КГУ, 1980. – 51 с.
243. Сусов, И.П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы / И.П. Сусов // Прагматика и семантика синтаксических единиц ; Калинин. гос. ун-т. – Калинин, 1984. – С. 3 – 12.
244. Сусов, И.П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система / И.П. Сусов // Языковое общение: Процессы и единицы : межвуз. сб. науч. тр. ; Калинин. гос. ун-т. – Калинин, 1988. – С. 7 – 13.
245. Сусов, И.П. Семиотика и лингвистическая прагматика / И.П. Сусов // Язык, дискурс и личность : межвуз. сб. науч. тр. ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1990. – С. 125 – 133.
246. Сусов, И.П. Грамматика говорящего / И.П. Сусов // Актуальные проблемы коммуникативной грамматики ; Тульск. гос. пед. ун-т. – Тула, 2000. – С. 130 – 138.
247. Сусов, И.П. История языкознания / И.П. Сусов. – М. : АСТ: Восток–Запад, 2006. – 295 с.
248. Сусов, И.П. Введение в языкознание : учебник для студентов лингвистических и филологических специальностей / И.П. Сусов. – М. : АСТ: Восток–Запад, 2007. – 379 с.
249. Сухих, С.А. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса / С.А. Сухих, В.В. Зеленская. – Краснодар : Изд-во Кубанск. гос. ун-та, 1998а. – 276 с.
250. Сухих, С.А. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / С.А. Сухих. – Краснодар, 1998б. – 276 с.
251. Сухих, С.А. Личность в коммуникативном процессе / С.А. Сухих. – Краснодар : Изд-во Южного института менеджмента, 2004. – 143 с.
252. Сушинский, И.И. Коммуникативно-прагматическая категория акцентирования и ее роль в вербальной коммуникации / И.И. Сушинский // Вопросы языкознания. – 1987. – № 6. – С. 110 – 120.
253. Троянов, В.И. Личностные стратегии обоснования в дискурсе / В.И. Троянов // Личностные аспекты языкового общения : сб. науч. тр. ; Калинин. гос. ун-т. – Калинин, 1989. – С. 37 – 45.
254. Троянов, В.И. Научный спор с установкой одного из коммуникантов на конфликт / В.И. Троянов // Язык, дискурс и личность : сб. науч. тр. ; Калинин. гос. ун-т. – Калинин, 1990. – С. 93 – 98.

255. Тупицына, И.Н. Лексико-семантические особенности речевого образа предпринимателя в устном деловом диалоге : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И.Н. Тупицына. – Ульяновск, 2000. – 164 с.
256. Усачева, Н.И. О некоторых способах связи в диалоге немецкой драмы / Н.И. Усачева // Вопросы романо-германского языкознания: Семантика и синтаксис : сб. науч. тр. – Саратов, 1986.
257. Факторович, А.Д. О реализации системных лексических отношений в межрепликовых связях (на материале диалогического интервью) / А.Д. Факторович, Т.Х. Каде // Диалог глазами лингвиста : сб. науч. тр. – Краснодар, 1994.
258. Фанян, Н.Ю. Аргументация как лингвопрагматическая структура : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Н.Ю. Фанян ; Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 2000. – 49 с.
259. Фесенко, Т.А. Концептуальные системы в контексте проблем менталитета / Т.А. Фесенко // Филология и культура : Материалы II-й Междунар. конф. ; Институт языкознания РАН; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 1999а. – Ч. III. – С. 112 – 116.
260. Фесенко, Т.А. Этноментальный мир человека: опыт концептуального моделирования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Т.А. Фесенко ; Сектор психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания РАН. – М., 1999б. – 52 с.
261. Фигуровский, И.А. Синтаксис целого текста и ученические письменные работы / И.А. Фигуровский. – М. : Учпедгиз, 1961. – 171 с.
262. Формановская, Н.И. Соотношение интенционального и пропорционального компонентов в высказывании / Н.И. Формановская // Русский язык за рубежом. – 2000а. – № 3. – С. 42 – 47.
263. Формановская, Н.И. Размышления о единицах общения / Н.И. Формановская // Русский язык за рубежом. – 2000б. – № 1. – С. 56 – 63.
264. Франк, Д. Семь грехов прагматики: Тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике / Д. Франк // Зарубежная лингвистика ; под ред. В.А. Звегинцева, Б.А. Успенского, Б.Ю. Городецкого. – М., 1999. – Ч. 2. – С. 254 – 264.
265. Фридман, Л.Г. Грамматические проблемы лингвистики текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л.Г. Фридман. – Л., 1979. – 52 с.
266. Хан-Пира, Эр. О творческом характере авторских ремарок Ф.М. Достоевского / Эр. Хан-Пира // Русская речь. – 1999. – № 1. – С. 18 – 21.
267. Харитончик, З.А. Очерки о языке. Теория номинации. Лексическая семантика. Словообразование : избр. тр. / З.А. Харитончик. – Минск : МГЛУ, 2004. – 367 с.
268. Храпченко, М.Б. Язык художественной литературы / М.Б. Храпченко // Новый мир. – 1983. – № 9. – С. 235 – 248.
269. Цурикова, Л.В. Межкультурное взаимодействие с позиций когнитивно-дискурсивного подхода / Л.В. Цурикова // Вопросы когнитивной лингвистики ; Тамб. гос. ун-т. им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2006. – № 1. – С. 5 – 15.
270. Чалбышева, А.В. Прагмалингвистический аспект речевых жанров научного стиля: На материале немецких и русских текстов подъязыка физики : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А.В. Чалбышева. – Ростов н/Д, 2006. – 163 с.
271. Чахоян, Л.П. Личность адресанта в высказываниях о самом себе / Л.П. Чахоян, О.Е. Дедикова // Язык, дискурс и личность ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1990. – С. 73 – 79.
272. Чернявская, В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований / В.Е. Чернявская // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса : сб. науч. тр. / С.-Петербург. гос. ун-т экономики и финансов. – СПб., 2001. – С. 11 – 22.
273. Чернявская, В.Е. Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости / В.Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики ; Тамб. гос. ун-т. – Тамбов, 2004. – № 1. – С. 106 – 111.
274. Чикваишвили, К.С. Структура семантической организации текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук / К.С. Чикваишвили – М., 1980. – 24 с.
275. Чхетиани, Т.Д. Лингвистические аспекты фатической метакоммуникации (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Т.Д. Чхетиани. – Киев, 1987. – 24 с.
276. Шапиро, Р.Я. Коррелятивные номинативные единицы в предложении : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р.Я. Шапиро. – Калинин, 1979. – 24 с.
277. Шахнарович, А.М. Семантический компонент языковой способности / А.М. Шахнарович // Психолингвистические проблемы семантики : сб. науч. тр. – М., 1983. – С. 181 – 279.
278. Шахнарович, А.М. Психологический анализ семантики и прагматики: На материале онтогенеза речи / А.М. Шахнарович, Н.М. Юрьева. – М. : Наука, 1990. – 168 с.
279. Шахнарович, А.М. Проблемы психолингвистики / А.М. Шахнарович, Н.М. Юрьева. – М. : Ин-т нац. проблем образования МО РФ, 1993. – 127 с.
280. Швед, В.И. Текстобразующие потенции словообразовательных единиц / В.И. Швед // Лингвистика текста и обучение иностранным языкам. – Киев, 1978. – С. 109 – 113.
281. Шевченко, Е.В. Коммуникативные особенности английских и русских юридических речевых актов, речевых стратегий и тактик: На материале языка художественных и публицистических произведений : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е.В. Шевченко. – Краснодар, 2003. – 171 с.
282. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / Е.И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 431 с.
283. Шмелева, Т.В. Субъективные аспекты русского высказывания : дис. ... д-ра филол. наук / Т.В. Шмелева. – М., 1995.
284. Шмелева, Т.В. Модель речевого жанра / Т.В. Шмелева // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов, 1997. – С. 88 – 98.
285. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Л. : Наука, Ленинградское отд-ние, 1974. – 428 с.
286. Энциклопедия Кругосвет, Четверг, 21 февраля 2002 г. – Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru>.
287. Якобсон, Р.О. Речевая коммуникация: язык в отношении к другим системам коммуникации / Р.О. Якобсон // Избранные работы : сб. науч. тр. – М., 1985. – С. 306 – 330.

288. Якобсон, Р.О. Избранные работы : сб. науч. тр. / Р.О. Якобсон. – М., 1985. – 382 с.
289. Якубинский, Л.П. О диалогической речи / Л.П. Якубинский // Язык и его функционирование : избр. работы. – М. : Наука, 1986. – С. 17 – 58.
290. Agricola, E. Textstruktur, Textanalyse, Informationskern / E. Agricola // *Linguistische Studien*. – Leipzig, 1979. – 109 S.
291. Antons, G. Textmusterwissen: Beschreibungsprobleme am Beispiel von Grußworten / G. Antons // Engelkampff K., Lorenz B., Sandig (Hrsg.): Wissenspräsentation und Wissensaustausch: Interdisziplinäres Kolloquium der Niederländischen Tage in Saarbrücken, April, 1986. – Saarbrücken, 1988. – S. 157 – 188.
292. Aristow, S.A. Turn-taking und seine Beziehungsdependenz / S.A. Aristow // Тверской лингвистический меридиан : сб. науч. тр. ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1999. – Вып. 3. – С. 9 – 17.
293. Arrive, M. Pour une theorie des textes polyisopiques / M. Arrive // *Languages*. – 1973. – № 31.
294. Austin, J.L. How to Do Things with Words / J.L. Austin. – Oxford : Oxford University Press, 1962. – 167 p.
295. Auwera, van der. On the Meaning of Basic Speech Acts / van der Auwera // *Journal of Pragmatics*. – 1980. – N 4. – P. 253 – 264.
296. Bach, R. Linguistic Communication and Speech Acts / R. Bach, H.R.M. Harnisch. – Cambridge : MA, 1980. – 327 p.
297. Ballmer, Th. Speech Act Classification / Th. Ballmer, W. Brennenstuhl. – Berlin; New York : Springer, 1981. – 274 p.
298. Bellert, I. On the logico-semantic structures of utterances / I. Bellert. – Wrocław : Ossolenium, 1972. – 108 p.
299. Böttcher, W. Gesprächsanalyse und Unterrichtsforschung: Beiträge der linguistischen Gesprächsanalyse zur Erkundung des unterrichtlichen Sprechwechsels / W. Böttcher // *Das Wort. Germanistisches Jahrbuch: DAAD*. – Bonn, 1997. – S. 19 – 47.
300. Braunmüller, K. Referenz und Pronominalisierung: Zu den Deiktika und Proformen des Deutschen / K. Braunmüller. – Tübingen : Niemeyer, 1977. – 212 S.
301. Brockriede, W. Where is argument? / W. Brockriede // *Journal of the American Forensic Association*. – 1975. – Vol. 11, N 4. – P. 179 – 182.
302. Bublitz, W. Ein Gesprächsthema 'zur Sprache bringen' / W. Bublitz // *Dialoganalyse: Referate der 2. Arbeitstagung*. Bochum, 1988. – Tübingen, 1989. – Bd. 2. – S. 175 – 190.
303. Burgoon, J. Interpersonal Expectations, Expectancy Violations, and Emotional Communication / J. Burgoon // *Journal of Language and Social Psychology*. – 1993. – N 12. – 1/2.
304. Daneš, F. Zur semantischen und thematischen Struktur des Kommunikats / F. Daneš // *Probleme der Textgrammatik* / Hrsg. Von F. Daneš und D. Viehweger. – *Studia grammatica*. – Berlin, 1976. – N 11. – S. 29 – 40.
305. Deutsch, M. Konfliktregelung: Konstruktive und destruktive Prozesse / M. Deutsch. – München etc., 1976.
306. Dijk, T.A. van. Studies in the Pragmatics of Discourse / T.A. van Dijk. – The Hague : Mouton, 1981. – 331 p.
307. Dijk, T.A. van. Strategie of Discourse Comprehension / T.A. van Dijk, W. Kintsch. – New York etc. : Academic Press, 1983. – 418 p.
308. Dressler, W. Einführung in die Textlinguistik / W. Dressler. – Tübingen : Niemeyer, 1973. – N 2. – 136 S.
309. Eemeren, F. van. Speech acts in argumentative discussions / F. van Eemeren, R. Grootendorst. – Dordrecht : Foris Publications, 1983. – 239 p.
310. Eemeren, F. van. Argumentation, Communication and Fallacies: A Pragma-Dialectical Perspective / F. van Eemeren, R. Grootendorst. – Hillsdale : Lawrence Erlbaum Associates, 1992. – 236 p.
311. Ehlich, K. Halbinterpretative Arbeitstranskriptionen (HIAT) / K. Ehlich, J. Rehbein // *Linguistische Berichte*. – 1976. – Vol. 45. – S. 21 – 41.
312. Ehlich, K. Erweiterte halbinterpretative Arbeitstranskriptionen (HIAT 2): Intonation / K. Ehlich, J. Rehbein // *Linguistische Berichte*. – 1979. – Vol. 59. – S. 51 – 75.
313. Ehninger, D. Decision by Debate / D. Ehninger, W. Brockriede. – New York etc., 1973.
314. Eifländer, M. Themeninitiierung und Themenprogression in Alltagsgesprächen / M. Eifländer // *Dialoganalyse : Referate der 2. Arbeitstagung*. Bochum, 1988. – Tübingen, 1989. – Bd. 2. – S. 191 – 206.
315. Figge, U.I. Syntagmatik, Distribution und Text / U.I. Figge // *Beiträge zur Textlinguistik* ; Hrsg. von W.D. Stempel. – München, 1971. – Bd. 1. – S. 161 – 181.
316. Flowers, M. Adversary arguments and the logic of personal attacks / M. Flowers, R. Guire, L. Bimbaum // *Strategies for Natural Language Processing* ; W. Lehnert, M. Ringle. – Hillsdale etc., 1982.
317. Frangois, F. Conditites linguistiques chez le jeune enfant / F. Frangois, C. Hudelot, E. Sabeau-Jouernet. – Paris, 1984.
318. Franke, W. Elementare Dialogstrukturen: Darstellung, Analyse, Diskussion / W. Franke. – Tübingen : Niemeyer, 1990. – 183 S.
319. Fraser, B. Hedged Performatives / B. Fraser // *Syntax and Semantics*. – New York etc., 1975. – Vol. 3: Speech Acts. – P. 187 – 210.
320. Freeman, J. Dialectics and the macrostructure of arguments / J. Freeman. – Berlin, 1991.
321. Geißner, H. Sprechwissenschaft: Theorie der mündlichen Kommunikation / H. Geißner. – Königsten, 1981. – 235 S.
322. Goffman, E. Behavior in Public Places: Notes on the Sozial Organization of Gatherings / E. Goffman. – New York, 1963.
323. Greimas, A.J. Semantique structurale: Recherch de methode / A.J. Greimas. – Paris : Ldbr. La rousse, 1966. – 262 p.
324. Greimas, A.J. Strukturele Semantik: Methodologische Untersuchungen / A.J. Greimas. – Braunschweig : Vieweg, 1971. – 241 S.
325. Grice, H.P. Logic and Conversation / H.P. Grice // *Syntax and Semantics*. – New York etc., 1975. – Vol. 3: Speech Acts. – P. 41 – 58.
326. Grice, H.P. Logik und Gesprächsanalyse / H.P. Grice // *Sprechakttheorie. Ein Reader*. Wiesbaden / Paul Kussmaul. – Athenation, 1980.
327. Gruber, H. Streitgespräche: Zur Pragmatik einer Diskursform / H. Gruber. – Opladen, 1996.
328. Gülich, E. Linguistische Textmodelle: Grundlagen und Möglichkeiten / E. Gülich, W. Raible. – München : Fink Verlag, 1977. – 353 S.

329. Gulyga, E.W. Syntax der deutschen Gegenwartssprache: Praktischer Kurs / E.W. Gulyga, M.D. Nathanson. – M., 1966. – 226 s.
330. Habermas, J. Erläuterungen zum Begriff des kommunikativen Handelns / J. Habermas // Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns, 3. Aufl, Frankfurt a. – M. : Suhrkamp, 1989. – S. 571 – 606.
331. Harris, Z. Discourse analysis / Z. Harris // Language. – 1952. – Vol. 28. – № 1.
332. Helbig, G. Deutsche Grammatik: Ein Handbuch für den Ausländerunterricht / G. Helbig, J. Buscha. – Leipzig : Verlag Enzyklopädie, 1974. – 2: unveränderte Auflage. – 629 s.
333. Henne, H. Einführung in die Gesprächsanalyse / H. Henne, H. Rehbock // 4., durchg. und erw. Aufl. – Berlin; New York : de Gruyter GmbH & Co. KG, 2001. – 336 s.
334. Hoffmanova, J. Zwischen Dialog und Monolog / J. Hoffmanova // Dialoganalyse : Referate der Arbeitstagung. – Tübingen : Niemeyer, 1993. – Bd. 5. – S. 35 – 40.
335. Hooper, R. Conversation analysis methods / R. Hooper, S. Koch, J. Mandelbaum // Contemporary issues in language and discourse processes. – New York : Hillsdale, 1986.
336. Hundsnurscher, F. Konversationsanalyse vs. Dialoggrammatik / F. Hundsnurscher // Rupp H.G. Roloff (Hrsg.): Akten des 6. Internationalen Germanisten-Kongresses. – Basel, 1980. – Bd. 2. – S. 89 – 95.
337. Hundsnurscher, F. Future Perspectives of Dialogue Analysis / F. Hundsnurscher, E. Weigand (eds.). – Tübingen, 1995.
338. Isenberg, H. Überlegungen zur Texttheorie / H. Isenberg // Kallmeyer W., etc. Lektürekolleg zur Textlinguistik. – Frankfurt am Main, 1974. – S. 47 – 145.
339. Johnson, R.H. Logic naturalized: Recovering a tradition / R.H. Johnson // Argumentation: Proceedings of the conference on argumentation, 1986 ; ed. by Eemeren et al. – Dordrecht etc., 1987. – Vol. 1. – P. 47 – 55.
340. Kallmeyer, W. Lektürekolleg zur Textlinguistik / W. Kallmeyer, etc. – Frankfurt am Main : Athenäum, 1974. – Bd. 1. – 288 s.
341. Kallmeyer, W. Konversationsanalyse / W. Kallmeyer, F. Schütze // Studium Linguistik, 1976. – N 1. – S. 1 – 26.
- 342.
342. Kaplan, K.B. Cultural thought patterns in intercultural education / K.B. Kaplan // Language Learning. – 1966. – N 16. – P. 1 – 20.
343. Kaplan, K.B. Cultural thought patterns in intercultural education / K.B. Kaplan // Reading on English as a second language. – Cambridge, 1972. – P. 245 – 262.
344. Klammer, T.P. Foundations for a Theory of Dialogue / T.P. Klammer // Poetics. – 1973. – № 9. – P. 27 – 64.
345. Klykanov, I.E. Language personality and integral sense formations / I.E. Klykanov // Язык, дискурс и личность ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1990. – С. 69 – 73.
346. Langleben, M. On the Structure of Dialogue / M. Langleben // Papiere zur Textlinguistik. – Hamburg, 1983. – Bd. 45.
347. Leech, G.N. Principles of Pragmatics / G.N. Leech. – London, New York : Longman, 1983. – 250 p.
348. Lehker, M. Texte im chinesischnen: Was lernen chinesische Schüler über das Schreiben von Texten? Aufsatzunterricht / M. Lehker. – Berlin : Julius Groos Verlag, 1997. – 564 S.
349. Lewis, D. Convention. A philosophical study / D. Lewis. – Cambridge etc., 1969.
350. Lötscher, A. Text und Thema / A. Lötscher. – Tübingen, 1987.
351. Malinowski, B. The Problem of Meaning in primitive languages / B. Malinowski, I. Supplement // C.K. Ogden, I.A. Richards. The meaning of meaning. 10th ed. Imp. – London etc., 1969.
352. Maturana, H. Der Baum der Erkenntnis. Die biologischen Wurzeln des menschlichen Erkenntnis // H. Maturana, F. Varela. – Berlin : Scherz Vg., 1987.
353. Mc. Luhan, M. Essential Mc Luhan / M. Mc. Luhan. – New York : Basic Books, 1995.
354. Möschler, J. Argumentation et Conversation: Elements pour une analyse pragmatique du discours / J. Möschler. – Paris, 1985.
355. Nöth, W. Handbuch der Semiotik / W. Nöth. – Stuttgart : Metzler, 1985. – 560 S.
356. Opitz, K. Haben Monolog und Dialog eine gemeinsame Grenze? / K. Opitz // Dialoganalyse. Referate der Arbeitstagung. – Tübingen, 1993. – Bd. 4. – S. 109 – 116.
357. Owen, M. Apologies and Remedial Interchanges: a Study of Language Use in Social Interaction / M. Owen. – Berlin etc., 1983.
358. Plett, H. Textwissenschaft und Textanalyse: Semiotik, Linguistik, Rhetorik / H. Plett. – Heidelberg : Quelle und Meyer, 1975. – 354 S.
359. Rath, R. Kommunikationspraxis. Analysen zur Textbildung und Textgliederung im gesprochenen Deutsch / R. Rath. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1979.
360. Rehbein, J. Komplexes Handeln: Elemente zur Handlungstheorie der Sprache / J. Rehbein. – 1. Aufl. – Stuttgart : Metzler, 1977. – 377 S.
361. Sacks, H. Simpliest Systematics for the Organization of Turn-taking for Conversation / H. Sacks, E.A. Schegloff, G.A. Jefferson // Language. – 1974. – Vol. 50. – N 4. – P. 696 – 735.
362. Schank, G. Gesprochene Sprache: Eine Einführung in Forschungssätze und Analysemethoden / G. Schank, G. Schöntal. – Tübingen, 1976.
363. Schank, G. Untersuchungen zum Ablauf natürlicher Dialoge / G. Schank. – München : Fischer, 1984. – 325 S.
364. Schegloff, E.A. Opening up Closings / E.A. Schegloff, H. Sacks // Turner R. (ed.): Ethnomethodology : selected readings. – Harmondsworth, 1974. – P. 233 – 264.
365. Schegloff, E.A. On some Questions and Ambiguities in Conversation / E.A. Schegloff // Current Trends on Textlinguistics ; ed. by W.U. Dressler. – Berlin-New York : de Gruyter, 1978. – P. 81 – 102.
366. Schendels, E.I. Deutsche Grammatik: Morphologie, Syntax, Text: Практическая грамматика немецкого языка : учебник / E.I. Schendels. – M. : Высш. шк., 1979. – 397 с.

367. Schiffrin, D. Turn-initial variation: structure and function in conversation / D. Schiffrin // Sankoff D. Diversity and Diachrony. – Amsterdam etc., 1986.
368. Schwitalla, J. Dialogsteuerung: Vorschläge zur Untersuchung / J. Schwitalla // F.J. Berens, K.H. Jäger, G. Schank, J. Schwitalla: Projekt Dialogstrukturen. Ein Arbeitsbericht. Mit einer Einleitung von H. Steger. – München, 1976. – S. 73 – 104.
369. Searle, J.R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language / J.R. Searle. – London : Cambridge University Press, 1969. – 204 p.
370. Searle, J.R. Foundations of Illocutionary Logic / J.R. Searle, D. Vanderveken. – Cambridge : University Press, 1985. – 227 p.
371. Sgall, P. Prague Functionalism and Topic vs Focus / P. Sgall. – Functionalism in Linguistics. – Amsterdam, Philadelphia, 1987. – P. 169 – 189.
372. Shannon, C. The Mathematical Theory of Communication / C. Shannon // The Bell System Technical Journal. – 1948. – Vol. 27. – N 3.
373. Stiles, W. Classification of Intersubjective Illocutionary Acts / W. Stiles. – Language in Society. – 1981. – Vol. 10. – P. 227 – 249.
374. Stubbs, M. Discourse Analysis: The Soziolinguistic Analysis of Natural Language / M. Stubbs. – Oxford : Blackwell, 1983. – 272 p.
375. Tanaka, Shin. Wir waren *auch* dabei.– Wir waren *nur* dabei?: *auch* als Topikpartikel / Shin Tanaka. – Sprachwissenschaft. – Bd. 25. – Heft 1. – 2000. S. 1 – 19.
376. Taylor, J.R. "Subjective" and "objective" readings of possessor nominals / J.R. Taylor // Cognitive Linguistics, 1994. – Vol. 5. – P. 201 – 242.
377. Techtmeier, B. Normen (Regeln) interaktionalen Handelns – ein wichtiges Erkenntnisziel der Kommunikationsforschung / B. Techtmeier // Sprache und Pragmatik. – Lunder Symposium, 1986. – S. 41 – 46.
378. Tiittula, L. Metadiskurs: Explizite Strukturierungsmittel im mündlichen Diskurs / L. Tiittula. – Hamburg : Buske, 1993. – 301 S.
379. Toward the Twenty-First Century: The Future of Speech Communication / ed. By Julia T. Wood and Richard B. Gregg. – New Jersey, 1995.
380. Treguboviš, T.P. Zur Typologie von Texten: Analyse der logisch-semantischen Textstruktur am Beispiel von Texten aus DDR-Zeitungen / T.P. Treguboviš // Wissenschaftliche Zeitschrift. Pädagogische Hochschule. – Karl Liebknecht, 1978. – Jahrgang 22. – H. 5. – S. 591–592.
381. Trojanow, V.I. Argumentation von Überzeugungen / V.I. Trojanow // Язык, дискурс и личность ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1990. – С. 16 – 25.
382. Verschueren, J. Speech Act Classification: A Study of the Lexical Analysis of English Speech Activity Verbs / J. Verschueren // Language. – 1983. – Vol. 59. N 1. – P. 166 – 175.
383. Viehweger, D. Struktur und Funktion nominativer Ketten im Text / D.Viehweger // Kontexte der Grammatiktheorie (Studia grammatica; 12). – Berlin, 1978. – S. 149 – 168.
384. Walton, D. A pragmatic theory of fallacy / D. Walton. – Amsterdam etc., 1995.
385. Walton, D. Argument Structure. A pragmatic Theory / D. Walton. – Toronto ; Buffalo: University of Toronto Press, 1996. – 178 p.
386. Werlich, E. Typologie der Texte: Entwurf eines textlinguistischen Modells zur Grundlegung einer Textgrammatik / E. Werlich. – Heidelberg : Quelle und Meyer, 1975. – 140 S.
387. Werner, F. Gesprächsarbeit und Themenkontrolle / F. Werner // Linguistische Berichte. – 1981.– N 71. – S. 26 – 46.
388. Wierzbicka, A. English Speech Act Verbs: A Semantic Dictionary / A. Wierzbicka. – Sydney : Academic Press, 1987. – 397 p.
389. Willard, Ch. Epistemological functions of argument studies: A constructivist interactionist view / Ch. Willard // Argumentation as a way of knowing ; ed. by D.Thomas. – Falls Church, 1980. – P. 9 – 29.
390. Wunderlich, D. Studien zur Sprechakttheorie / D. Wunderlich. – Frankfurt a. – M., 1976. – 417 S.
391. Wunderlich, D. Wie analysiert man Gespräche? Beispiel Wegauskünfte / D. Wunderlich. – Linguistische Berichte. – 1981a. –
392. Wunderlich, D. Ein Sequenzmuster für Ratschläge / D. Wunderlich // Metzger D. (Hrsg.): Dialogmuster und Dialogprozesse. – Hamburg, ich // Metzger D. (Hrsg.): Dialogmuster und Dialogprozesse 1981b. – S. 1 – 30.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ

-
1. Баранов, А.Н. Немецко-русский словарь лингвистических терминов (с английскими эквивалентами) : в 2 т. / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – М. : Помовский и партнеры, 1993. – Т. 1. – 320 с.; Т. 2. – 320 с.
 2. Баранов, А.Н. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – М. : Помовский и партнеры, 1996. – Т. 1. – 656 с.
 3. Большой англо-русский словарь. – 2-е изд., испр. и доп. / авт.-сост. Н.В. Адамчик. – Минск : Современный литератор, 1999. – 1168 с.
 4. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Больш. Рос. Энцикл., 1998. – 685 с.
 5. Городникова, М.Д. Немецко-русский словарь речевого общения / М.Д. Городникова, Д.О. Добровольский. – 2-е изд. – М. : Русский язык, 1999. – 331 с.
 6. Дворецкий, И.Х. Латинско-русский словарь / И.Х. Дворецкий. – 3-е изд., испр. – М. : Русский язык, 1986. – 1096 с.
 7. Кондаков, Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Наука, 1975. – 720 с.

8. Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е.С. Кубряковой. – М. : Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.
9. Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
10. ЛСД – Логический словарь. – М. : ДЕФОРТ, 1994.
11. Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. – М. : Изд-во В.М. Скакун, 1998. – 896 с.
12. Новый словарь иностранных слов / под ред. В.В. Адамчика. – Минск : Современная литература, 2006. – 1088 с.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М. : Советская энциклопедия, 1964. – 900 с.
14. Философский энциклопедический словарь. – М. : ИНФРА М, 1999. – 576 с.
15. Энциклопедия Кругосвет, Четверг, 21 февр. 2002 г. – Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru>.
16. Duden. Deutsches Universalwörterbuch / Duden. – Mannheim; Wien; Zürich : Bibliographisches Institut, 1983. – 1504 s.
17. Lewandowski, T. Linguistisches Wörterbuch / T. Lewandowski. – Heidelberg : Quelle und Meyer, 1973. – 362 S.

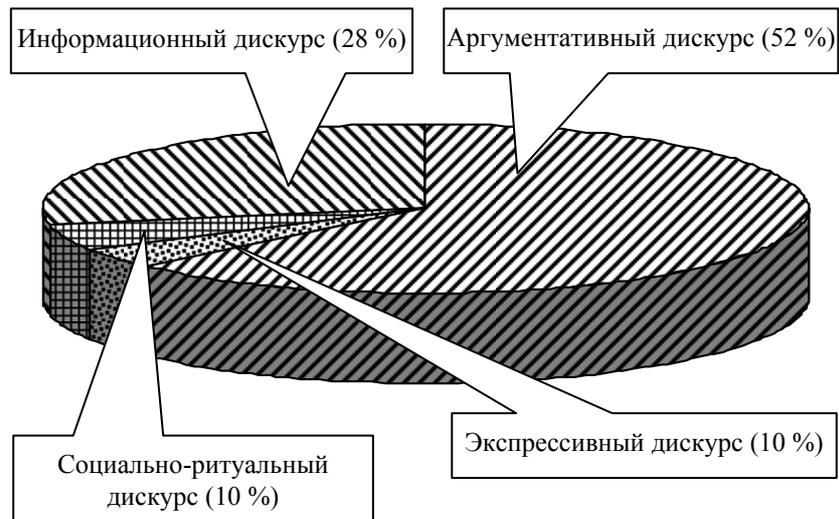
СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Айтматов, Ч. Прощай, Гульсары. Повести / Ч. Айтматов. – М. : Сов. писатель, 1967. – 382 с.
2. Акунин, Б. (1) Азазель / Б. Акунин. – М. : Захаров, 2000. – 237 с.
3. Акунин, Б. (2) Декоратор / Б. Акунин. – М. : Захаров, 2003. – 235 с.
4. Акунин, Б. (3) Смерть Ахиллеса / Б. Акунин. – М. : Захаров, 2003. – 320 с.
5. Бело, А. Две женщины / А. Бело. – Курск, 1995. – 235 с.
6. Бехер, Иоганнес Р. Прощание / Иоганнес Р. Бехер // Избранное. – М., 1970. – С. 263 – 608.
7. Булгаков, М. Мастер и Маргарита / М. Булгаков. – Воронеж : Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1987. – 543 с.
8. Горький, М. Фома Гордеев / М. Горький. – Вологда : Вологодск. отделение Северо-западного книжного изд-ва, 1972. – 240 с.
9. Донцова, Д. Али-Баба и сорок разбойниц / Д. Донцова. – М. : ЭКСМО. – 380 с.
10. Достоевский, Ф.М. Бесы / Ф.М. Достоевский. – М. : Худож. лит., 1990. – 672 с.
11. Зегерс, А. Седьмой крест / А. Зегерс. – М. : Худож. лит., 1975. – 510 с.
12. Келлерманн, Б. Туннель / Б. Келлерманн. – М. : Правда, 1981. – 336 с.
13. Лесков, Н.С. Леди Макбет Мценского уезда / Н.С. Лесков. – М. : ЭКСМО-ПРЕСС, 1999. – С. 163 – 206.
14. Лесков, Н.С. Тупейный художник / Н.С. Лесков. – М. : ЭКСМО-ПРЕСС, 1999. – С. 570 – 592.
15. Манн, Х. Верноподданный / Х. Манн // Избранное. – М., 1971. – С. 195 – 576.
16. Маринина, А.Б. (1) За все надо платить / А.Б. Маринина. – М. : ЗАО Изд-во ЭКСМО, 1997. – 416 с.
17. Маринина, А.Б. (2) Когда боги смеются / А.Б. Маринина. – М. : ЭКСМО-ПРЕСС, 2000. – 448 с.
18. Маринина, А.Б. (3) Не мешайте палачу / А.Б. Маринина. – М. : ЗАО Изд-во ЭКСМО, 1997. – 448 с.
19. Маринина, А.Б. (4) Посмертный образ / А.Б. Маринина. – М. : ЗАО Изд-во ЭКСМО, 1997. – 432 с.
20. Маринина, А.Б. (5) Светлый лик смерти / А.Б. Маринина. – М. : ЗАО Изд-во ЭКСМО, 1997. – 400 с.
21. Маринина, А.Б. (6) Седьмая жертва / А.Б. Маринина. – М. : ЗАО Изд-во ЭКСМО, 1999. – 482 с.
22. Маринина, А.Б. (7) Смерть и немного любви / А.Б. Маринина. – М. : ЗАО Изд-во ЭКСМО, 1997. – 292 с.
23. Маринина, А.Б. (8) Смерть ради смерти / А.Б. Маринина. – М. : ЗАО Изд-во ЭКСМО, 1997. – 416 с.
24. Маринина, А.Б. (9) Чужая маска / А.Б. Маринина. – М. : ЗАО Изд-во ЭКСМО, 1997. – 400 с.
25. Маринина, А.Б. (10) Я умер вчера / А.Б. Маринина. – М. : ЗАО Изд-во ЭКСМО, 1998. – 464 с.
26. Мосияш, С.П. Великий государь Федор Алексеевич. Романовы / С.П. Мосияш. – М. : АРМАДА, 1995. – 568 с.
27. Наживин, И. Распутин / И. Наживин. – М. : АРМАДА, 1996. – 490 с.
28. Никандров, Н. Диктатор Петр / Н. Никандров. – М., 1990.
29. Пастернак, Б. Доктор Живаго / Б. Пастернак. – М. : Книжная палата, 1989. – 431 с.
30. Распутин, В. Деньги для Марии / В. Распутин // Живи и помни. – М. : Голос, 1993. – С. 3 – 108.
31. Салтыков-Щедрин, М.Е. Господа Головлевы / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М. : Худож. лит., 1984. – 366 с.
32. Скотт, Д. Женщина без мужчины / Д. Скотт. – М. : ЭКСМО, 1995. – 416 с.
33. Токарева, В. (1) Ехал грека / В. Токарева. Лиловый костюм. – М. : ООО Изд.-во АСТ, 2002. – С. 41 – 86.
34. Токарева, В. (2) Неромантичный человек / В. Токарева. Лиловый костюм. – М. : ООО Изд.-во АСТ, 2002. – С. 133 – 183.
35. Токарева, В. (3) Старая собака / В. Токарева. Лиловый костюм. – М. : ООО Изд.-во АСТ, 2002. – С. 86 – 133.
36. Толстой, А. Похождения Невзорова, или Ибикус / А. Толстой. Русская сатирическая повесть. – М. : Сов. Рос. 1989. – С. 21 – 134.
37. Толстой, Л.Н. Война и мир / Л.Н. Толстой. – М. : ЭКСМО-ПРЕСС, 1998. – Т. 1. – 735 с.
38. Чейз, Д.Х. (1) Запах золота / Д.Х. Чейз. – М. : ЭКСМО, 2001. – С. 5 – 196.
39. Чейз, Д.Х. (2) Дело о задушенной "звездочке" / Д.Х. Чейз. Запах золота. – М. : ЭКСМО, 2001. – С. 359 – 519.
40. Чейз, Д.Х. (3) Билет в газовую камеру / Д.Х. Чейз. Запах золота. – М. : ЭКСМО, 2001. – С. 197 – 358.
41. Чуковский, К. (1) Бармалей / К. Чуковский. – М. : ООО Астрель, 2005. – С. 47 – 60.
42. Чуковский, К. (2) Мойдодыр / К. Чуковский. – М. : ООО Астрель, 2005. – С. 30 – 46.
43. Щербакова, Г. Романтики и реалисты / Г. Щербакова. Провинциалы в Москве. – М. : Локид, 1997. – 428 с.
44. Aitmatow, T. Leb wohl, Gulsary! / T. Aitmatow. – Roman-Zeitung. – Heft 239 (5/ 1969). – 94 S.
45. Becher, Johannes R. Abschied / Johannes R. Becher. – Leipzig : Verlag Philipp Reclam jun., 1971. – 424 S.
46. Conlin, C. Unternehmen Deutsch: Lehrbuch / C. Conlin. – München : Klett, 1995. – 216 S.

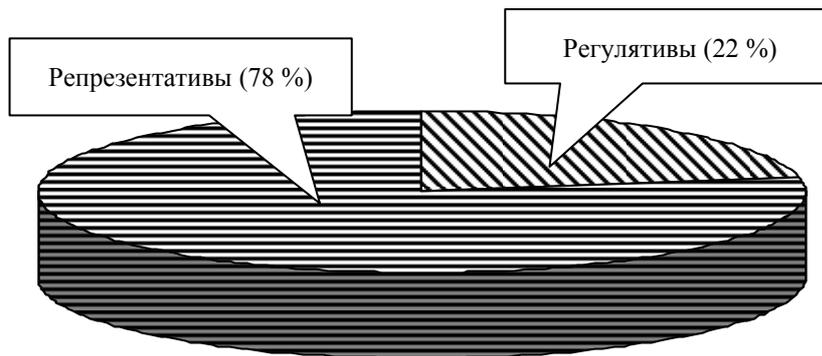
47. Eichheim, H. Mit Erfolg zum Zertifikat: Testheft / H. Eichheim, G. Storch. – München : Klett, 1999. – 140 S.
48. Häussermann, U. Sprachkurs Deutsch / U. Häussermann, G. Dietrich, H. Günther, D. Kaminski. – Bd. 1. – M. : Mapr, 1997. – 295 S.
49. Höffgen, A. Deutsch für den Beruf / A. Höffgen. – Ismaning : Verlag für Deutsch, 1996. – 264 S.
50. Hoffmann, E.T. Der Sandmann / E.T. Hoffmann. Märchen und Erzählungen. – Berlin und Weimar : Aufbau-Verlag, 1986. – S. 131 – 166.
51. Kellermann, B. Der Tunnel / B. Kellermann. – Berlin : Verlag Volk und Welt, 1972. – 456 S.
52. Kelz, H. Deutsch im Beruf: Lehrbuch 1. Wirtschaft / H. Kelz, G. Neuf. – Rheinbreitbach : Verlag Dürr & Kessler, 1993. – 142 S.
53. Mann, H. Der Untertan / H. Mann. – Leipzig : Verlag Philipp Reclam jun., 1968. – 441 S.
54. Seghers, A. Das siebte Kreuz / A. Seghers. – Leipzig : Verlag Philipp Reclam, 1971. – 422 S.
55. Tenberg, H. / Gründung einer Tochterfirma in Grossbritannien: Videofilm und Arbeitsbuch [Videofilm] / H. Tenberg, W. Starkbaum. – München : Goethe-Institut, 1991.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ БЫТОВОГО ДИСКУРСА

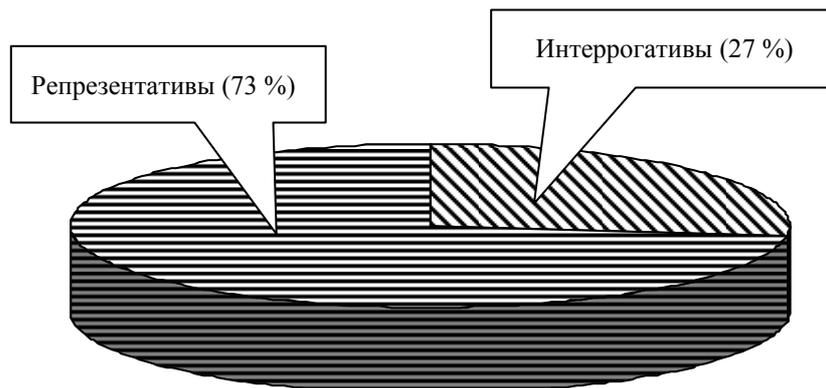

2. ИЛЛОКУТИВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ АРГУМЕНТАТИВНОГО ДИСКУРСА

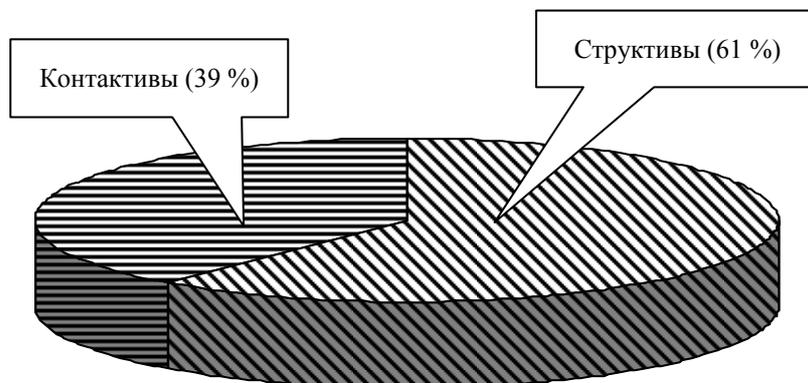
Репрезентативы	Регулятивы
<ul style="list-style-type: none">• Высказывания о положении вещей• Высказывания мнения, убеждения	<ul style="list-style-type: none">• Высказывания предложения• Высказывания совета• Высказывания предупреждения• Высказывания просьбы• Высказывания требования• Высказывания угрозы

3. ИЛЛОКУТИВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ДИСКУРСА

Репрезентативы	Интеррогативы
<ul style="list-style-type: none"> • Высказывания информационного характера • Высказывания мнения 	<ul style="list-style-type: none"> • Высказывания запроса информации

4. ИЛЛОКУТИВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ СОЦИАЛЬНО-РИТУАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Контактивы	Структивы
<ul style="list-style-type: none"> • Высказывания приветствия • Высказывания прощания • Формулы знакомства • Высказывания извинения • Высказывания благодарности • Высказывания соболезнования 	<ul style="list-style-type: none"> • Речевые действия – указания на темы • Речевые действия – уточнение темы • Речевые действия – отклонения от темы • Речевые действия – поддержание говорящего • Речевые действия – прерывание говорящего • Речевые действия – сохранение права говорения • Речевые действия – передачи права говорения

5. ИЛЛОКУТИВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЭКСПРЕССИВНОГО ДИСКУРСА

Экспрессивы
<ul style="list-style-type: none"> • Высказывания восхищения • Высказывания удивления • Высказывания робости • Высказывания возмущения • Высказывания разочарования • Высказывания страха • Высказывания отвращения • Высказывания раздражения

6. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ АРГУМЕНТАЦИИ В ДИСКУРСЕ

Языковые средства	Иллокутивные составляющие						
	Репрезен-тативы	Регулятивы					
		Предложение	Совет	Просьба	Требование	Предупреждение	Угроза
Перформативные глаголы	+	+	+	+	+	+	
Модальные глаголы	+	+	+		+	+	
Модальные слова со значением предположения		+					
Модальные слова со значением уверенности	+						
Модальные частицы	+						
Глаголы <i>wissen, kennen, sehen, знать, видеть</i>	+						
Глаголы с семантикой разрешения				+			
Существительные с семантикой обобщающего характера	+						
Структивы, обозначающие последовательность аргументации	+						
"Мы – инклюзивное"	+						
Неопределенно-личные местоимения: <i>man, mancher, niemand, jeder, alle, всякий, каждый, никто, все</i>	+						
Междометия							+
Глаголы в повелительном наклонении				+			+

Языковые средства	Иллокутивные составляющие					
	Репрезен-тативы	Регулятивы				
		Предложение	Совет	Просьба	Требование	Предупреждение
Сослагательное наклонение в русском языке, Konjunktiv в немецком языке		+	+			
Противительные союзы: <i>aber, doch, no</i>	+					
Придаточные условные предложения			+			+
Повтор слова, комбинации слов	+					
Утвердительные высказывания	+	+				
Вопросительные предложения с частицей <i>ли</i> (в русском языке)		+	+			
Вопросительные предложения с союзами <i>oder, или</i>	+	+				
Вопрос – побуждение			+	+		
Вопрос – разрешение				+		
Утвердительные предложения с глаголом в будущем времени						+
Побудительные предложения				+	+	
Риторические вопросы	+					+
Полувопросы	+					
Prophetisches Futur	+					
Речевые клише, выражающие мнение говорящего	+		+			+
Сентенции, цитаты	+			+	+	+

7. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ДИСКУРСА

Языковые средства	Иллокутивные составляющие	
	Репрезентативы	Интеррогативы
Утвердительные предложения полного грамматического состава	+	
Структуры неполного грамматического состава	+	
Эллипсисы	+	
Отсутствие повторной номинации	+	
Предложения с вторичными предикатами	+	
Перформативные глаголы		+
Ссылка на чужое мнение, цитирование	+	
Модальные слова, модальные частицы		+
Союзы <i>oder, или</i>		+
Вопрос – утверждение	+	+
Информационный вопрос		+
Альтернативный вопрос		+
Наводящий вопрос		+
Косвенный вопрос		+

8. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ЭКСПРЕССИВНОГО ДИСКУРСА

Языковые средства	Иллокутивные составляющие	
	Экспрессивы	
	положительная оценка	негативная оценка
Оценочная лексика	+	+
Междометия	+	+
Восклицательные предложения	+	+
Риторические вопросы	+	+
Инвертированный порядок слов, при котором речематический элемент находится на первом месте	+	+
Побудительные высказывания		+

**9. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ
СОЦИАЛЬНО-РИТУАЛЬНОГО ДИСКУРСА**

Языковые средства	Иллокутивные составляющие			
	Контактивы	Структивы		
		Тематическая функция	Интенциональная функция	Корректирующие сигналы
Речевые клише – контактные формулы приветствия и прощания	+			
Обращения	+			
Парентезы		+	+	+
Перформативы		+	+	+
Лексические элементы (существительные, глаголы, наречия), обозначающие ход дискурса		+		
Наречия времени		+		
Дизъюнктивные наречия		+		
Порядковые числительные		+		
Модальные глаголы			+	+
Модальные частицы				+
Личные местоимения				+
Междометия				+